

Д $\frac{21}{24}$
№ 4/8

Курс
всеобщей
истории

Том IV
Выпуск 9

II. Французская имперія (1804—1814).

§ 745. Императорство. Направленными противъ него заговорами Бонапартъ воспользовался для осуществленія своего давно замышленнаго плана учредить наследственную монархію. Происки слѣпыхъ приверженцевъ его помогли ему достигнуть того, что трибунатъ предложилъ предоставить первому консулу наследственный императорскій санъ съ правомъ произвести по своему усмотрѣнію соответственную перемѣну въ государственномъ устройствѣ, что предложеніе это было утверждено сенатомъ и потомъ (18 мая) одобрено всею націею, заявившею свою волю именною подписью. Умы были еще объаты боязненною тревогой, возбужденной такъ недавно кровавыми казнями, когда Наполеонъ I провозглашенъ былъ императоромъ и къ концу гола торжественно помазанъ папою въ храмъ Парижской Богоматери (Notre Dame). Но корону возложилъ онъ самъ на себя и потомъ на преклонившую предъ нимъ колѣна супругу свою Жозефину. Блистательное празднество коронаціи казалось заключеніемъ всѣхъ революціонныхъ бурь; теперь стало постепенно возвращаться все прежнее, для уничтоженія чего не пощадили многихъ тысячъ человѣческихъ жизней. Новый императоръ окружилъ свой тронъ блестящимъ придворнымъ штатомъ, среди котораго ожили прежніе титулы, ордена и чины, только въ другой формѣ. Самъ онъ оставался, правда, при своей воинской простотѣ, но члены его дома были возведены въ принцы и принцессы съ богатыми надѣлами (дотациями); его генералы, вышедшіе почти всѣ изъ средняго класса и изъ рядовыхъ солдатъ, сдѣлались маршалами; преданные слуги и дѣятельные соучастники его плановъ были привязаны къ новому императорскому трону въ качествѣ высокихъ коронныхъ сановниковъ или сенаторовъ съ большими окладами. Учрежденіе новаго помѣстнаго дворянства съ старыми титулами князей, герцо-

говъ, графовъ, бароновъ завершило собою новое великолѣпное зданіе блестящаго императорскаго двора. Возвратившіеся роялисты и республиканцы тѣнились на перебой, къ этому двору, который вскорѣ превзошелъ пышностью не только прежній версальскій, но и всѣ дворы современныхъ государей. Царедворцы, льстецы и наушники, щедро надѣляемые жалованьемъ, явились въ избыткѣ, и народъ среди торжествъ и роскошной обстановки вскорѣ опять забылъ объ утратѣ свободы. Только Карно и Лафайеттъ не преклонились передъ новымъ владычествомъ; зато не получили они ни титуловъ, ни чиновъ. Республиканскія учрежденія мало по малу упали. Снова введенъ былъ старый календарь. Новому дворянству разрѣшены майораты (1806), бѣлое и черное духовенство опять начали вступаться въ воспитаніе, за книжной печатью учрежденъ былъ строгій надзоръ, личная свобода подверглась нарушеніямъ, политическая дѣятельность народа и выборное право гражданъ стѣснялись все болѣе и болѣе. Всякое противорѣчіе казалось невыносимо властителю; ему необходимо было одноличное господство, и онъ разумѣется не могъ желать, чтобы представительныя палаты распорядились средствами власти. Поэтому уже въ 1802 г. онъ убавилъ число трибуновъ до 50, потомъ запретилъ всеобщія совѣщанія и наконецъ совершенно упразднилъ трибунатъ (1807). Съ тѣхъ поръ рѣчь могла быть только о повиновеніи, и Франція очутилась подъ такимъ деспотизмомъ, какого не видала и при прежнихъ короляхъ. Но деспотъ былъ великій человѣкъ, сохранившій многое изъ пріобрѣтенной революціи; поэтому и склонялись передъ нимъ охотнѣй. Возросшій въ идеяхъ и событіяхъ французскаго переворота, чистый отъ всѣхъ его злодѣйствъ, одаренный достаточной силою ума, чтобъ сознать и то, что въ немъ было истиннаго, и то, въ чемъ онъ заблуждался, Наполеонъ сталъ спасителемъ Франціи во времена внутренняго и вѣшняго разстройства и былъ повидимому призванъ къ тому, чтобы собрать великую жатву цѣлаго столѣтія, сдѣлаться благодѣтелемъ Европы и основателемъ новаго порядка въ будущемъ. Равенство всѣхъ передъ закономъ, одинаковое участіе въ несеніи податей и право собственности крестьянъ на землю дѣлали гнетъ новой власти своснѣе для Франціи. Конечно, законъ о конскрипціи (общей обязанности нести военную службу) обходился дорого при кровопролитныхъ войнахъ, а прямые и косвенные налоги (droits réunis) падали тяжелымъ бременемъ, но не смотря на то, народонаселеніе возрастало въ числѣ и преуспѣвало въ благосостояніи, потому что у простолюдина

была собственность и чувство личной свободы поощряло его къ дѣятельному труду. Притѣснительная континентальная система, которую Наполеонъ старался запретить весь европейскій материкъ для англійской торговли, чтобы разорить ее окончательно, была безспорно великимъ зломъ для свободныхъ сношеній и вызвала, въ видѣ необходимаго противодіянія, безнравственную контрабанду въ обширѣйшихъ размѣрахъ, — однакожь внутри могущественной имперіи торговля процвѣтала безпрепятственно и деньги постоянно были въ изобиліи. Мануфактурная промышленность (при помощи успѣховъ точныхъ наукъ) двигалась впередъ исполинскими шагами, мирныя искусства развились неслыханнымъ образомъ, техническія училища готовили ремесленниковъ, которые при общемъ благостояніи жили хорошо и обогащались. Практическія науки находили себѣ покровительство и поощреніе и достигли замѣчательной высоты; поэзія и драматическое искусство были, въ свою очередь, также ободраемы. Величественныя дороги, какова напримѣръ проложенная черезъ Альпы, каналы, мосты и разнаго рода заведенія служатъ и до сихъ поръ краснорѣчивыми памятниками неутомимой дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка. Парижъ украсился пышными чертогами, величественными мостами и неподобными улицами; въ Луврѣ соединено было все, что искусство когда-либо создало великаго и изящнаго; столица Франціи блистала никогда не виданнымъ великолѣпіемъ. Всякое иго облегчалось для французскаго народа тою славою, какую изливалъ на него императоръ; этотъ народъ готовъ былъ забыть, что среди шума побѣдъ и звука военныхъ трубъ, совершенно замеръ голосъ свободы, что высокопарный тонъ бюллетеней (официальныхъ вѣстей изъ арміи) и торжественныя рѣчи въ сенатѣ и законодательномъ корпусѣ были совершеннымъ искаженіемъ правды и прямоты. Питомцы и наслѣдники демократіи старались перешеголять другъ друга въ изліяніи лести и воскуреніи оиміамовъ; не довольно имъ было «великаго» Наполеона, придумали еще Наполеона «святаго» и въ чествованіи его соединили мысль о возстановленіи религіи и днѣ рожденія императора.

I. Третья коалиціонная война.

§ 746. Новая коалиція. Между тѣмъ какъ Англичане воспользовались возобновленіемъ войны съ Франціей, чтобы нечаянно захватить голландскія и французскія суда, Бонапартъ

двинулъ свои войска подъ начальствомъ Мортъе къ Везеру (май 1803), чтобы занять принадлежавшее Англіискому королю курфюршество Ганноверъ. И народъ, и вооруженная сила готовы были положить жизнь и добро на защиту отечества, но себялюбивое дворянство верховной коллегіи (Geheimerathscollegium) съ одной стороны, а трусливое чиновничество съ другой предпочли честному бою, который, положимъ, обошелся бы и не безъ потерь, постыдную капитуляцію, предоставившую Французамъ весь край вплоть до Эльбы. Въ силу позорнаго Зулингенскаго договора (3 іюня 1803), храбрая армія подъ начальствомъ Вальмодена вынуждена была нехотя сперва отступить за Эльбу въ Лауэнбургскіе предѣлы, а потомъ подвергнуться распущенію, предписанному слабодушнымъ правительствомъ (5 іюля). Оружіе, военные запасы и отличныя лошади достались въ руки Французамъ, которые заняли теперь край своими войсками, обременили его тяжкимъ постоемъ и истощали военными контрибуціями и разными требованіями въ натурѣ. Къ половинѣ іюня ганноверской арміи уже не существовало, и бѣдный народъ былъ беззащитно преданъ на волю чужеземнаго деспотизма и полицейскаго владычества. Многіе мужественные, благородные и любившіе отчизну люди убѣжали въ Англію, вступили тамъ въ ряды «нѣмецкаго легіона» и доказали свойственную имъ храбрость въ разныхъ битвахъ далеко отъ родины. Такимъ образомъ эти стойкія войска успѣли въ борьбѣ съ самовластіемъ Наполеона стереть съ своей чести пятно, наложенное на нее не ими самими, а неспособнымъ правительствомъ.

Разсчитано, что 26-тимѣсячное французское занятіе обошлось краю въ 26 милліон. талеровъ, тогда какъ ежегодные доходы Ганновера отнюдь не превышали тогда 5 милліоновъ. Положеніе его было такое жалкое, что сосѣди, Ганзейскіе города, и даже курфюрстъ Гессенскій, собрали подъ видомъ ссуды около 2 милліоновъ талеровъ ему въ помощь; но эта сумма покрыла только малую часть потребности. Трудно сказать, какого еще больше гнета должно было ожидать отъ Французовъ, даже еслибъ воспротивиться имъ силою и подвергнуться въ качествѣ побѣжденнаго всей строгости военныхъ законовъ.

Грозное положеніе, принятое Наполеономъ въ Ганноверѣ относительно всего сѣвера, вѣстѣ съ произвольными распоряженіями его

въ Италіи, содѣйствовали къ совершенному расторженію союза между Французскимъ и Россійскимъ императоромъ, охладѣвшаго уже со времени убійства герцога Ангіэнскаго. Съ другой стороны англійскій министръ Питтъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что ни Англіи, ни Европѣ никогда не видать покоя, пока во Франціи господствуютъ революціонныя идеи, подрывающія всякое историческое право и всякій политическій порядокъ и поддерживаются самовластнымъ, воинственнымъ и всегда готовымъ къ бою государемъ: поэтому, когда Питтъ вторично отвергнулъ миръ, предложенный Наполеономъ по учрежденіи имперіи, и завязалъ съ Россіей переговоры насчетъ новой коалиціи, онъ уже нашелъ себѣ благосклонный пріемъ. Императоръ Александръ озабочивался возрастающимъ могуществомъ Наполеона въ Италіи (созванная въ Парижъ консульта провозгласила его Италійскимъ королемъ, и въ Миланѣ онъ торжественно вѣнчался желѣзною короной Ломбардовъ, 17 марта 1805), въ Германіи (гдѣ на переговоры о вознагражденіяхъ не были допущены русскіе дипломаты, а изъясненія покорности и льстивыя слова, которыми осыпали Наполеона владѣтельные князья и народъ при торжественномъ проѣздѣ его, по учрежденіи имперіи, чрезъ рейнскіе города, въ Ахенъ, Кельнъ и Майнцъ, ясно обнаружили возрастающій вѣсъ новаго властителя и его преобладающее положеніе въ томъ краѣ), въ Испаніи (которая обязалась новымъ договоромъ доставлять Франціи военныя суда и давать ей ежегодно денежное вспоможеніе) и наконецъ въ Голландіи (гдѣ благородный Схиммельпеннинкъ невольно долженъ былъ содѣйствовать установленію монархическаго устройства § 747. 2); къ тому же Александра раздражали и непріятности, которыя Наполеонъ, сгоряча, дѣлалъ иногда русскому послу въ Парижѣ; все это побудило его заключить съ Англіей союзъ для огражденія Европы отъ властолюбія и алчности Наполеона и для отѣсненія Франціи въ черту ея прежнихъ границъ. Векоръ къ союзу приступила Австрія, а спустя нѣсколько недѣль и Швеція; на сторону его склонился также Неаполь, побужденный къ тому появленіемъ англо-русскаго флота у кампанскихъ береговъ (апр. 1805). Англія субсидіями расплачивалась за тѣ выгоды, которыхъ надѣялась отъ новаго союза. Пруссія напротивъ осталась нейтральною, не смотря на успія той воинственной партіи, во главѣ которой стояли, украшенная всѣми царственными и гражданскими доблестями, королева Луиза и храбрый, веселонравный принцъ Лудвигъ-Фердинандъ; старанія ихъ расшевелить общій патріотизмъ и побу-

дять миролюбиваго, нерѣшительнаго короля къ участию въ коалиціи, не увѣнчались успѣхомъ. При этомъ, однакожь, Пруссія приняла двусмысленное, угрожающее положеніе, которое оскорбило французскаго владыку, не причинивъ ему ни мало вреда. Между королемъ и министерствомъ стоялъ кабинетъ, въ которомъ господствовали преданные Французамъ и не знавшіе любви къ отечеству совѣтники Гаугвицъ, Ломбардъ, да еще надутый и ограниченный Бейме; эти люди пользовались довѣріемъ короля и имѣли самое пагубное вліяніе. Записка Барона Штейна, тогдашняго министра таможенныхъ, торговыхъ и банковыхъ дѣлъ, въ которой онъ изложилъ всѣ недостатки организаціи кабинета и представилъ необходимость общей министерской конференціи, въ надеждѣ побудить короля къ увольненію его совѣтниковъ и перемѣнѣ его политической системы, осталась покаместъ безъ всякаго послѣдствія.

Принцъ Лудвигъ. «Принцъ Лудвигъ Фердинандъ, двоюродный братъ короля, говоритъ Гейсеръ, былъ отъ самой природы надѣленъ тѣми дарами, которыя дѣлали его рыцарственнымъ героемъ и передовымъ бойцомъ этого суроваго, желѣзнаго времени. Талантливый, полный мужества, отваги и вмѣстѣ бодрой веселости, мастеръ во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ, гениальный, остроумный, краснорѣчивый, щедро осыпанный и способностями художника и преимуществами свѣтскаго человѣка, притомъ свободно глядя на современное политическое положеніе и нисколько не стѣняясь слѣпымъ суевѣріемъ въ превосходство старины, этотъ принцъ, находившійся въ полномъ цвѣтѣ юношескихъ силъ, казался болѣе всякаго другаго предназначеннымъ совмѣстить въ своей личности геройскій духъ старыхъ Пруссаконъ съ гениальными свойствами эпохи великаго Фридриха. Къ сожалѣнію ему недоставало только старопрусской строгости и дисциплины. Не то, чтобъ такая богатая натура могла легко погибнуть въ вихрѣ наслажденій, среди которыхъ онъ искалъ забыться, — въ игрѣ, необузданномъ весельѣ, любовныхъ приключеніяхъ и легкомысленномъ обществѣ: его врожденное благородство никогда не измѣняло себя въ рѣшительныя минуты; но все же тутъ дробилась и расточалась по мелочи такая сила, которая несла въ себѣ самое высокое призваніе.»

Италія. Здѣсь не только Италійская республика обращена была въ королевство и въ качествѣ императорскаго намѣстника назначенъ вещекоролемъ пасынокъ Наполеона Евгений Богарне, но и самыя предѣлы новаго владѣнія расширены присоединеніемъ Пармы (которую другія державы хотѣли отдать Сардинскому королю въ вознагра-

раженіе за потерю Пьемонта). Республику Лукку, которой республиканизмъ сошелъ подъ конецъ на самый тѣсный кругъ аристократіи, Наполеонъ отдалъ, въ видѣ наследственнаго княжества, вмѣстѣ съ Пиембино и нѣкоторыми смежными мѣстами, своей сестрѣ Элизѣ, прославленной покровительницѣ ученыхъ и поэтовъ-романтиковъ, бывшей въ замужствѣ за Корсиканцемъ Баччюкки (1805); впоследствии, когда къ Франціи присоединена была и Этрурія (Тоскана), оба супруга получили въ управленіе этотъ край (1800). Элиза и ея мужъ оставили по себѣ добрую память въ Луккѣ: они были дѣятельны и желали истинно добра своимъ подвластнымъ. Тамъ былъ введенъ Наполеоновъ кодексъ; благотворительныя учрежденія и тюрьмы, воспитательныя заведенія для высшихъ сословій, равно какъ и первоначальныя школы для народа, а также сельскія общины, земледѣліе и промыслы пользовались одинаково попеченіемъ правительства и подвергались, въ случаѣ нужды, разумнымъ преобразованіямъ. Особое вниманіе обращено было на устройство сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній; тогда соеюлась и очаровательная отдѣлка Лимской долины при Луккескихъ минеральныхъ водахъ; самый городъ обязанъ этому времени и правительству бездною улучшеній. Элиза мужественно отстаивала интересы того края передъ притязаніями французскихъ властей и деспотическими мѣрами своего царственнаго брата. — Римскій князь Боргезе, второй супругъ прекрасной, легкомысленной Паулины Бонапарте (вдовы Леклерка), также получилъ во владѣніе значительныя участки земли; а Генуя была вынуждена просить о присоединеніи къ Франціи Лигурійской республики. Пьемонтъ остался за имперіей, не смотря на настоянія императора Россійскаго, чтобы этотъ край былъ возвращенъ прежнему его владѣльцу.

§ 747. Аустерлицъ. Вниманіе всей Европы было обращено на западный берегъ Франціи, гдѣ Наполеонъ съ сугубой дѣятельностью снаряжалъ суда разныхъ величинъ и собиралъ въ Булони громадный лагерь, чтобы, какъ полагали, предпринять высадку на англійскій берегъ; а онъ въ совершенной тайнѣ готовился между тѣмъ къ достопамятному походу 1805 г. Никогда полководческій талантъ и военный гений Наполеона не выступали съ такимъ блескомъ, какъ именно въ планѣ этого похода, начертанномъ съ дивною зоркостью ума и вѣрностью взгляда и выполненномъ равно быстро и успѣшно. Обезпечивъ себѣ помощь со стороны большей ча-

части южно-германскихъ государей, Наполеонъ съ семью корпусами, составленными изъ закаленныхъ въ бою войскъ и подъ начальствомъ самыхъ опытныхъ генераловъ, Нея, Ланна, Мармона, Сульта, Мюрата и друг., перешелъ за Рейнь, чтобы противустать здѣсь Австрійцамъ, вступившимъ въ Баварію и занявшимъ Мюнхенъ. Бернадотъ, для соединенія съ Баварцами, двинулся, не уваживъ прусскаго нейтралитета, чрезъ бранденбургское маркграфство Анспахъ къ Дунаю и тѣмъ самымъ дотога оскорбилъ колебавшагося до сихъ поръ Фридриха Вильгельма III, который сблизался то съ Французами то съ личнымъ своимъ другомъ, императоромъ Россійскимъ, что вынудилъ его примкнуть совсѣмъ не во-время къ коалиціи. Наполеонъ между тѣмъ вступилъ въ Швабію. Курфюрсты Баденскій, Вюртембергскій и Баварскій приумножили своими войсками силы и безъ того уже могущественнаго врага, столько же надеясь отъ его благосклонности, сколько и опасаясь его гнѣва. То же сдѣлали герцоги Гессенскій, Нассаускій и друг. Уже въ октябрѣ Французы овладѣли обоими берегами Дуная, перейдя эту рѣку у Донауверта (6—11 окт. 1805) и побѣдивъ Австрійцевъ при Вертингенѣ, Гюнцбургѣ и Альбекѣ. Они заняли Аугсбургъ и Мюнхенъ, между тѣмъ какъ австрійскій главнокомандующій Макъ по какому-то изумительному ослѣпленію оставался съ своей арміей въ крѣпости Ульмѣ, допуская непріятели распространяться вокругъ. Оттого и дошло до невѣроятныхъ послѣдствій. Послѣ удачнаго боя, выдержаннаго Неемъ подъ Эльхингеномъ (14 окт.), Макъ былъ совершенно запертъ въ Ульмѣ и отрѣзанъ отъ главной арміи. Растерявшись и отчаявшись въ спасеніи, неспособный полководецъ, окруженный малодушнымъ дворянствомъ (толпою маменькиныхъ сынковъ), вступилъ съ побѣдителемъ въ переговоры, окончившіеся постыдною Ульмскою капитуляціей (20 окт.). Въ силу этого безчестнаго договора 23,000 Австрійцевъ, въ томъ числѣ 18 генераловъ, сдались военнопленными. Храбрые прежде воины со стыдомъ должны были дефилировать передъ Наполеономъ, сложить предъ побѣдителемъ оружіе и 40 знаменъ и выдать ему 60 пушекъ со всѣмъ приборомъ. Слишкомъ поздно убѣдились въ Вѣнѣ, что Маку не по силамъ высокое его положеніе; его отдали подъ

военный судъ и лишили всѣхъ званій, чиновъ и преимуществъ по службѣ. При подобныхъ, конечно довольно рѣдкихъ, слупаяхъ оказываются пагубныя послѣдствія того, когда правительство въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній сряду поощряетъ одну механическую дѣятельность, одну практику, зубреніе наизусть и прозаизмъ эгоистическаго разсчета, преслѣдуя, напротивъ, всякую поэзію всякую силу характера, всякую особенность и геніальность. Въ Вѣнѣ давно уже привыкли устранять всѣ самостоятельныя личности и благоволили къ однѣмъ только посредственностямъ, съ которыми можно дѣлать что хочешь.

Наполеонова радость по поводу неслыханной военной удачи была однакожъ умалена одержанною въ это время Англичанами морскою побѣдою при Трафальгарѣ (21 окт. 1805); слѣдствіемъ ея была утрата всего французскаго флота, котораго снаряженіе стоило громаднхъ суммъ. Лѣтъ тридцать послѣ этого вовсе не существовало у Французовъ морскихъ силъ; тотъ самый флотъ, который предназначался для завоеванія Англии, плавалъ теперь въ развалинахъ у андалузскихъ береговъ, и господство Британцевъ на морѣ не имѣло себѣ соперника въ старомъ свѣтѣ. Не безъ примѣси горя было однакожъ и торжество Англичанъ: въ битвѣ палъ увѣнчанный славою морскаго героя адмиралъ Нельсонъ. Величайшее дѣйствіе произвелъ послѣдній его приказъ: «Англія ждетъ отъ насъ, что каждый исполнитъ свою обязанность». Ульмская катастрофа рѣшила и судьбу итальянской кампаніи. Не смотря на храбрость, съ какою эргерцогъ Карлъ возстановилъ честь австрійскаго оружія противъ Массены при Кальдіэро (30 окт.), цесарскія войска должны были отступить за Изондо и предоставить верхнюю Италію врагу.

Король Пруссскій Фридрихъ Вильгельмъ III, огорченный безпощаднымъ нарушеніемъ его нейтралитета и подстрекаемый патріотическою военною партіей, дозволилъ Русскимъ и Шведамъ переходъ чрезъ свои владѣнія въ Ганноверъ, возобновилъ союзъ вѣчной дружбы съ императоромъ Александромъ, клятвою въ почной часъ надъ гробомъ Фридриха Великаго въ Потсдамской гарнизонной церкви (3 ноября), и потомъ отправилъ Гаугвица къ Наполеону съ грознымъ требованіемъ принять за основанія мира прежніе договоры въ Германіи, Италиі, Голландіи и Швейцаріи. Французы между тѣмъ, среди

кровавыхъ битвъ съ Австрійцами и храбрыми русскими войсками подъ начальствомъ Кутузова и Багратиона, приближались вдоль Дуная къ сердцу австрійскихъ владѣній. Корпусъ австрійскаго генерала Мерфельдта былъ разбитъ и самъ онъ съ небольшимъ отрядомъ вынужденъ поспѣшно отступить въ Венгрію (8 ноября); зато Мортгё сильно потерпѣлъ отъ Кутузова при Дюрренштейнѣ. Кровавый бой при Дюрренштейнѣ и Штейнѣ (11 ноября) доказалъ Французамъ, что они имѣютъ въ лицѣ Русскихъ храбрыхъ, воинственныхъ и осторожныхъ противниковъ; съ другой стороны величайшею самоувѣренностью наполнили ихъ легкость, съ какою Мюратъ овладѣлъ Вѣной (13 ноября), подслужничество малодушныхъ австрійскихъ чиновниковъ, которые старались по возможности уладить путь хищному врагу, и совершенное безголовье князя Ауэрсперга, который поддался дерзкой хитрости французскихъ предводителей, поддѣвшихъ его на слухи о мирныхъ переговорахъ, и ничего не видя предоставилъ имъ безъ обороны и во всей цѣлости укрѣпленный мостъ черезъ Дунай. Нерѣшительность и вялость императора Франца и разногласіе Австрійцевъ съ Русскими облегчили побѣду Французамъ, которые, забравъ несмѣтную добычу, среди постоянныхъ схватокъ преслѣдовали русско-австрійскія силы въ Моравію. Здѣсь, въ годовщину коронаціи Наполеона (2 дек. 1805), дошло до убійственнаго сраженія трехъ императоровъ подъ Аустерлицемъ¹, и восходящее зимнее солнце озарило одну изъ блистательнѣйшихъ побѣдъ французскаго властителя.

Русскіе, потерявъ большую часть артиллеріи и людей, всего около 30,000 человекъ, быстро отступили за рѣку Мархъ, чтобы подкрѣпиться новыми силами. вмѣсто того, чтобы выждать этихъ подкрѣпленій и по соединеніи съ ними и съ готовыми наконецъ къ бою Пруссаками снова напасть на врага, императоръ Францъ, уступая совѣтамъ князя Іоанна Лихтенштейна, рѣшился уничтоженно посѣтить Наполеона во французскомъ лагерѣ и согласился на перемиріе (4 дек.), обязавшее Русскихъ возвратиться въ свои предѣлы и отдававшее Австрію

¹ Всѣ три императора принимали въ этомъ сраженіи личное участіе.

на произволъ побѣдителя. Этого оскорбительнаго для него дня Австрійскій монархъ никогда не могъ простить Наполеону.

Затѣмъ, чтобы скорѣе сбыть съ рукъ непріятельскія войска, тяжело обременявшія страну контрибуціями, поборами и всякимъ гнетомъ, австрійское правительство поспѣшило заключить Пресбургскій миръ (26 дек.), не смотря на то, что онъ отрывалъ отъ имперіи всю верхнюю Австрію, Тиролю, Венеціанскую область, предоставлялъ короны Неаполя и Голландіи членамъ Бонапартова дома, а Нѣмецкую имперію вель къ совершенному разложенію и ставилъ подъ безусловное вліяніе французскаго властителя, съ которымъ дворы Баденскій, Вюртембергскій и Баварскій соединились притомъ родственными связями.

Гаугвицъ, отправленный въ главную квартиру Наполеона съ весьма смѣлыми предложеніями о посредничествѣ, и, послѣ долго замедленнаго и слишкомъ неторопливаго путешествія, давшій Французскому императору еще задержать себя хитро разсчитанными вѣжливостями до тѣхъ поръ, пока былъ нанесенъ рѣшительный ударъ подъ Аустерлицемъ, не отважился послѣ того изъяснить свои предложенія, которыя еще болѣе раздражили бы гнѣвъ и безъ того уже негодовавшаго на Пруссію побѣдителя; этого мало: отчасти напуганный угрозами, отчасти увлеченный любезностью Наполеона, Гаугвицъ, безъ согласія своего двора, склонился на подпись невыгоднаго Шёнбрунскаго договора (15 дек.), по которому Пруссія вступала съ Франціей въ оборонительный и наступательный союзъ, предоставляла ей часть герцогства Клеве на правомъ берегу Рейна вмѣстѣ съ крѣпостью Везелемъ и княжествомъ Нѣшательскимъ, а Баваріи—маркграфство Анспахъ во Франконіи, сама же получала за это Ганноверъ съ обязательствомъ не допускать Англичанъ въ порты Нѣмецкаго моря. Король тщетно противился обмѣну, который грозилъ рассорить его съ Англійей; отделенный отъ Австріи скорымъ заключеніемъ Пресбургскаго мира, онъ невольно долженъ былъ покориться рѣшенію побѣдителя. Два года передъ тѣмъ король Англійскій напрасно вызывалъ Пруссаковъ занять Ганноверъ прежде чѣмъ овладѣли имъ направленные туда французскія войска; вѣрные своей нейтральной политикѣ, они не пошли на это въ то время, теперь же должны были исполнить приказаніе Наполеона, и исполнили не въ добрый часъ. Впрочемъ и тутъ старались они удержаться на нейтральной почвѣ и искали себѣ выхода въ полумѣрахъ.

При овладѣніи Ганноверомъ графъ Шуленбургъ Кенертъ объявилъ, что Пруссія принимаетъ этотъ край въ свою охрану и управление только до заключенія всеобщаго мира. Такой образъ дѣйствій снова раздражилъ Наполеона, видѣвшаго въ этомъ стремленіе получить Ганноверъ въ видѣ награды отъ коалиціи, а не отъ него, да не задобрить и Англіи съ Ганноверомъ, которые рѣшительно протестовали противъ этого занятія и вскорѣ потомъ нанесли смертельную рану прусской торговлѣ захватомъ на морѣ прусскихъ судовъ.

1. Германія. По Пресбургскому миру Баварія и Вюртембергъ приобрѣли королевскій титулъ и верховныя права, не переставая принадлежать къ Германскому союзу (Confédération); новый Баварскій король Максъ Іосифъ, добродушный, расположенный къ народу, хотя въ то же время сластолюбивый и наклонный къ пышности государь, за преданность свою Франціи награжденъ былъ австрійскимъ Тиролемъ съ Бриксеномъ, Триденгомъ и друг. мѣст., Прусскимъ Анспахомъ и имперскимъ городомъ Аугсбургомъ; зато герцогство Бергъ уступлено было Французамъ. Блистательное брачное торжество между Евгениемъ Богарнѣ, усыновленнымъ пасынкомъ Наполеона, и дочерью короля Баварскаго завершило тѣсный союзъ обоихъ дворовъ. Чтобы пособить финансовой нуждѣ, король и его французски-настроенный министръ Монжеля, умный, просвѣщенный человекъ, родомъ изъ Савойи, упразднили множество монастырей. Расширеніе государства новыми приобретеньями дало и поводъ и средства устранить прежніе земскіе чины, отмѣнить по уравнительной французской системѣ дворянскія преимущества, разныя изъятія отъ податей и влобще все то, что лежало тяжкимъ бременемъ на подвластномъ помѣщику селянинѣ, и слѣдуя централистическому примѣру Наполеона однимъ почеркомъ пера порѣшить съ пестрымъ разнообразіемъ старыхъ порядковъ. Совѣтъ новая организція правительства, сліяніе различныхъ герцогствъ въ одно цѣлое, поправленіе финансовъ, возстановленіе кредита, введеніе новой податной и таможенной системы, преобразование военной части, улучшеніе народнаго образованія, правосудія и полиціи, ограниченіе помѣщичьей власти, облегченіе участи крестьянъ, смягченіе цензурныхъ постановленій, стѣсненіе вліяній духовенства, введеніе вѣротерпимости, — все это было совершенно въ возможно кратчайшее время: и тогда, какъ при Іосифѣ II, новыя устройства и учрежденія тѣснились другъ за другомъ пестрой чередою. Смѣшна была выдумка, которую сначала льстили народному тщеславію, утверждая будто пожалованный

Наполеономъ королевскій титулъ не что иное какъ «возстановленіе исконнаго древне-баварскаго королевства». Новый король Вюртембергскій, Фридрихъ I, получившій австрійскія владѣнія въ Швабіи съ пятью дунайскими городами и другими участками, воспользовался своимъ верховнымъ правомъ для упраздненія обладавшихъ большими преимуществами старинныхъ земскихъ чиновъ, для установленія высшаго и низшаго дворянства и служебной аристократіи, которымъ онъ всячески давалъ чувствовать свое самовластіе, и вообще для деспотическаго угнетенія своихъ подданныхъ. Нѣсколько времени спустя благородная принцесса Вюртембергская, Катерина, была выдана за легкомысленнаго брата Наполеонова, Иеронима, который по приказанію императора напередъ развелся съ своею простаго званія женой. Впрочемъ надобно сказать, что король Вюртембергскій, какъ умный и рѣшительный человекъ, одинъ изъ всѣхъ государей германскихъ умѣлъ поддерживать свое достоинство передъ Наполеономъ и его маршалами. Онъ былъ однакожъ въ явной враждѣ съ своимъ сыномъ, кронпринцемъ Вильгельмомъ, душою преданнымъ нѣмецкимъ интересамъ. — Баденъ, возведенный вскорѣ потомъ въ великое герцогство, расширившееся присоединеніемъ къ нему австрійскаго Брейсгау, города Констанца и другихъ участковъ. Подъ скипетромъ стараго, достойнаго Карла Фридриха, великое герцогство необыкновенно расцвѣло. Гейдельбергскому университету возвращенъ былъ прежній блескъ, утраченный имъ въ теченіе 18 вѣка; французскій кодексъ вытѣснилъ собою разнообразныя территоріальныя права; ремесла, фабричная промышленность и земледѣліе были дѣятельно поощряемы. Внуку его Карлу соединился бракомъ съ дочеренной Наполеономъ Стефаніей Богарнѣ, племянницей императрицы Жозефины. Оттянутыя у Пруссіи Клевскія земли съ Везелемъ, вмѣстѣ съ уступленнымъ отъ Баваріи герцогствомъ Бергомъ, были обращены въ великое герцогство и отданы зятю Наполеона Іоакиму Мюрату, а по возведеніи его на Неаполитанскій престолъ, частію отошли къ Франціи, частію предоставлены малолѣтнему сыну Людовика Бонапарта. 25 марта 1806 г. пышный вожь императорской конницы, Мюратъ, совершилъ блистательный въездъ въ Дюссельдорфъ. Въ то же время и другой родственникъ французскаго владыки получилъ всѣми неправдами долю въ имперіи: имперскій архиканцлеръ Дальбергъ назначилъ себя коадьюторомъ и преемникомъ дядю Наполеонова, кардинала Феша, — поступокъ, на который съ негодованіемъ отозвался даже имперскій

сеймъ въ Регенсбургѣ. Швейцарскій Нёшатель (съ Валанженомъ), котораго граждане еще въ 1707 г. избрали себѣ въ князья короля Прусскаго, какъ наследника Оранскаго дома (и этотъ выборъ утвержденъ былъ Утрехтскимъ миромъ, § 636) — Нёшатель пожалованъ маршалу Бертьё. За отошедшее къ Австріи Зальцбургское архіепископство, братъ Австрійскаго императора, бывший великій герцогъ Тосканскій, получилъ княжество Вюрцбургъ.

2. Голландія. Голландія, до тѣхъ поръ отлично управляемая своимъ пенсіонаріемъ Схиммельпеннинкомъ, проеками и угрозами Наполеона доведена была до того, что испросила себѣ въ король Наполеонида. Французскій императоръ назначилъ для этого брата своего Людовика Бонапарте, въ супружествѣ съ Гортензіей Богарнѣ. Схиммельпенникъ, тщетно старавшійся помѣшать превращенію Голландіи въ наследственную конституціонную монархію, вышелъ въ отставку. Здѣсь вообще плохо соблюдалось узаконеніе, чтобы государственныя должности поручать только природнымъ Голландцамъ. Въ іюнь 1806 Людовикъ вступилъ въ свое новое королевство.

3. Италія. Здѣсь всего яснѣе обнаружилось стремленіе Наполеона основать, подобно Карлу Великому, міровую державу и поставить всѣ европейскія государства въ зависимость отъ Франціи, раздать короны въ видѣ наследственныхъ лѣновъ своимъ роднымъ и подчинить устроенное на французскій манеръ государственное управленіе и судопроизводство завѣдыванію Французовъ или единомысленныхъ имъ туземцевъ. Не только отнятая у Австріи Венеціанская область присоединена была къ королевству Италійскому и отдана въ руки вице-короля Евгенія и его совѣтниковъ Французовъ, но и владѣнія сестеръ Наполеона Элизы и Паулины были увеличены (первая получила Массу и Каррару). Вскорѣ потомъ возведенная въ Этрусское королевство Тоскана присоединена къ Французской имперіи и раздѣлена на три департамента. Марія Луиза Испанская, опекуныша сына своего, Карла Людовика, теперь опять лишилась Тосканы (ноябрь 1807), отданной ей прежде въ вознагражденіе за отнятую Парму (§ 740). Въмѣсто полубѣщаннаго ей новаго королевства въ Португаліи (§ 754), ее заточили въ монастырь. Спустя два года сестра Наполеона, Элиза Баччіокки, дотолѣ герцогиня Лукская, назначена правительницею въ Тоскану, а дѣйствительно была тамъ только намѣстницею императора. — Неаполитанское королевство пожаловано было Іосифу Бонапарте подъ верховною властью императора. Ко-

ролева Королина, будучи не въ силахъ подавить свое негодованіе на Французовъ и ихъ властителя, при возобновленіи войны вызвала, въ противность заключенному съ Наполеономъ договору, высадку со стороны русско-англійскаго флота и радостно приняла высаженныхъ войскъ. Тогда, на другой день по заключеніи Пресбургскаго мира (27 дек. 1805), Наполеонъ подписалъ въ Шёнбрунѣ декретъ, заключавшій въ себѣ пресловутую фразу: «Династія Бурбоновъ въ Неаполѣ перестала царствовать». Напрасно королева старалась отвратить утрату своей короны сперва уничиженнымъ посольствомъ къ Наполеону, потомъ, когда посольство не было принято, — возбужденіемъ къ бунту ладзаронъ и Калабрійцевъ. Съ приближеніемъ Французовъ подъ начальствомъ Іосифа и Массены, дворъ бѣжалъ со всеми своими сокровищами и друзьями въ Сицилію (15 февр. 1806). Среди кровавыхъ схватокъ съ мятежными толпами черни, которыя снова угрожали жизни и собственности достаточныхъ людей, Іосифъ овладѣлъ неаполитанскою короной, но черезъ два года долженъ былъ уступить ее своему зятю Мюрату, когда верховнымъ произволеніемъ императора былъ призванъ на еспанскій престолъ. Новые законы, новыя административныя формы, упраздненіе множества монастырей, разныя перенятія у Французовъ учрежденія и способы податнаго сбора, наступали вездѣ, гдѣ водворялось господство членовъ Бонапартовской фамиліи; не кроткимъ правленіемъ, писалъ Наполеонъ своему брату, можетъ онъ снискать любовь своихъ италійскихъ подданныхъ, а взять только тѣмъ, если наведетъ на нихъ «благотворный страхъ». Въ то же время начался разладъ и съ папою Піемъ VII, который не хотѣлъ ни запереть англійскимъ судамъ своихъ гаваней, ни отречься отъ лѣнно-верховныхъ правъ на Неаполѣ; этотъ разладъ черезъ два года кончился взятіемъ папы въ плѣнъ и препровожденіемъ его во Францію. Вначалѣ Наполеонъ удовольствовался захватомъ нѣсколькихъ крѣпостей Церковной Области и пожалованіемъ спорныхъ между Римомъ и Неаполемъ владѣній, Беневента и Понтекорво, Таллеярану и Бернадоту, въ видѣ имперскихъ лѣновъ съ герцогскимъ титуломъ.

4. Учрежденіе новой лѣнной знати. Французскіе маршалы. Въ уступленномъ Австрію участкѣ Венеціанскихъ владѣній учреждено было извѣстное число лѣновъ Французской имперіи съ значительными доходами и роздано съ герцогскимъ титуломъ маршаламъ и сановникамъ этой державы, которые всѣ вышли изъ среднихъ и низшихъ слоевъ общества. Такъ герцогство Далмація пожаловано было

Сульту, Тревизо — Мортъё, Ровиго — Саварй, Кадоре — Шампанй, Истрия — Бессьеру, Фриуль — Дюроку, Беллуно — Виктору, Конельяно — Монсею, Фельтре — Кларку, Бассано — Марё, Виченца — Коленкуру, Падуа — Арриги: къ числу этихъ великихъ леновъ нѣсколько позже присоединились еще другія. какъ наприм. Риволи (пожалованное Массенъ. впоследствии герцогу Эслингенскому), Монтебелло (Ланну), Рагуза (Мармону), Реджіо (Удино), Тарентъ (Макдональдъ), Кастильонъ (Ожеро), Вальми (Келлерману), Парма (Камбасересу), Пиаченца (Plaisance, Лебрёну), Отранто (Фушё); Ней сначала возведенъ въ герцоги Эльхингенскіе, потомъ въ князья Московскіе (de la Moscova), Даву — въ герцоги Ауэрштедскіе, Лефевръ — въ Данцигскіе, Мутонъ — въ князья Лобаускіе и т. д. — Отмѣненное постановленіемъ конвента отъ 21 февр. 1793 г. маршальское достоинство было возстановлено Наполеономъ въ силу сенатскаго постановленія отъ 28 флореала XII года республики (въ іюнѣ 1804) и произведено 14 маршаловъ: 1. Бертъё, князь Нёшательскій и Ваграмскій, сынъ сторожа военнаго министерства, инженеръ-географъ въ 1766, военный министръ въ 1799, начальникъ главнаго штаба (major-général) и вице-коннетабль, умеръ въ Бамбергѣ 1 іюня 1815, 62 лѣтъ. 2. Мюратъ, великій герцогъ Клевскій и Бергскій, сынъ харчевника въ Ла Бастидѣ, близъ Кагора, солдатъ 1787, король Неаполитанскій 1808, намѣстникъ императора 1812 (по отъѣздѣ Наполеона изъ Россіи), разстрѣлянъ въ Пидзо, въ Калабріи, 13 окт. 1815. 3. Монсей, герцогъ Конельяно, волонтеръ 1768, первый генерал-инспекторъ жандармеріи, губернаторъ Дома Инвалидовъ, ум. въ Парижѣ 20 апр. 1842. 4. Графъ Журданъ, сынъ лиможскаго типографщика, солдатъ 1778, губернаторъ Дома Инвалидовъ, ум. 23 ноября 1833, 71 года. 5. Массена, герцогъ Риволи, князь Эслингенъ, сынъ ницскаго виноторговца, солдатъ 1775 съ прозвищемъ баловень Побѣды (l'enfant chéri de la Victoire), ум. въ Парижѣ 4 апр. 1817, 59 лѣтъ. 6. Ожеро, герцогъ Кастильоне, сынъ парижскаго зеленщика, солдатъ 1774, ум. въ Ла Гуссё 12 іюня 1816, 59 лѣтъ. 7. Бернадотъ, князь Понте Корво, сынъ адвоката въ По, солдатъ 1780, король Шведскій 1818, ум. въ Стокгольмѣ въ янв. 1844. 8. Сультъ, герцогъ Далматскій, род. 1769, сынъ крестьянина изъ Сентъ-Аманда, близъ Кастра, солдатъ 1785, главнокомандующій Булонскимъ лагеремъ 1804, генералъ — маршалъ 26 дек. 1847, ум. въ іюль 1851, 82 лѣтъ. 9. Графъ Брюнъ, типографщикъ вначалѣ революціи, вступилъ

въ армію 1792, бригадный генералъ въ Итали 1797, убитъ въ Авиньонѣ 2 авг. 1815, 52 лѣтъ. 10. Ланнъ, герцогъ Монтебелло, прозванный Роландомъ французской арміи, le Roland de l'armée, сынъ красильщика изъ Лектура, подпоручикъ 1792, смертельно раненъ подъ Эслингеномъ 22 мая 1809, ум. (31 мая) 40 лѣтъ. 11. Мортъё, герцогъ Тревизо, изъ простаго званія, началъ военное поприще національнымъ гвардейцемъ, капитанъ 1791, убитъ въ Парижѣ 28 іюля 1835 (адскою машиною Фіэски). 12. Ней, герцогъ Эльхингенъ, князь Московскій, прозванный изъ храбрыхъ храбрымъ, le brave des braves, сынъ бочара въ Сарлуи, солдатъ 1788, генералъ 1796, разстрѣлянъ въ Парижѣ 7 дек. 1815, 46 лѣтъ. 13. Даву, герцогъ Ауэрштедтскій, князь Экмюльскій, питомецъ военной школы 1785, ум. въ Парижѣ 1 іюня 1823, 53 лѣтъ. 14. Бессьеръ, герцогъ Истрийскій, солдатъ 1792, главнокомандующій императорскою гвардіей, палъ въ Люценской битвѣ 1 мая 1813. Въ силу того же декрета удостоены маршальскаго званія четыре сенатора, имѣвшие главное военачальство: 1. Келлерманъ, герцогъ Вальми, сынъ страбургскаго гражданина, кадетъ 1752, ум. въ Парижѣ 23 сент. 1820, 85 лѣтъ. 2. Лефевръ, герцогъ Данцигскій, солдатъ французской гвардіи 1773, ум. въ Парижѣ 14 сент. 1820, 65 лѣтъ. 3. Маркизъ де-Периньонъ, подпоручикъ 1782, ум. въ Парижѣ 25 дек. 1818, 54 лѣтъ. 4. Серрюрье, поручикъ 1755, ум. 19 дек. 1819, 77 лѣтъ. — Вотъ остальные маршальства временъ имперіи: 1. Викторъ Перренъ, герцогъ Беллуно, сначала сидѣлецъ въ Труа, солдатъ 1781, маршалъ послѣ битвы подъ Фридландомъ 13 іюля 1807, ум. въ Парижѣ 1 марта 1841. 2. Удино, герцогъ Реджіо, прозванный новымъ Баярдомъ, купеческій сынъ изъ Баръ-ле-Дюка, солдатъ 1782, губернаторъ Дома Инвалидовъ, ум. 13 сент. 1847. 3. Мармонъ, герцогъ Рагузскій, артиллеріи подпоручикъ 1790, ум. въ Гамбургѣ 12 марта 1852, 72 лѣтъ. 4. Макдональдъ, герцогъ Тарентскій, солдатъ 1784, ум. въ Курселлѣ, близъ Жіэна, 25 сент. 1840. Последніе трое пожалованы въ маршалы 12 іюля 1809 послѣ Ваграмскаго сраженія. 5. Сюшё, герцогъ Альбуферскій, солдатъ 1792, маршалъ 8 іюля 1811, ум. 3 янв. 1826 въ Сентъ-Жозефъ, близъ Марсели, 54 лѣтъ. 6. Маркизъ де-Гувіонъ Сентъ-Сиръ, парижскій волонтеръ 1792, маршалъ 27 авг. 1812 (послѣ битвы подъ Полоцкомъ), ум. 17 марта 1830 въ Іерѣ, 66 лѣтъ. 7. Князь Понятовскій, волонтеръ 1792, маршалъ 16 окт. 1813, ум. 19 окт., 51 года. — Во время реставраціи

произведено 9 маршаловъ, въ томъ числѣ четверо декретомъ Людовика XVIII отъ 3 июля 1816: 1. Герцогъ де-Куаньи, мушкетеръ 1752, ум. въ званіи губернатора Инвалидовъ 18 мая 1821, 84 лѣтъ. 2. Маркизъ де-Бёрнонвиль, волонтеръ 1774, ум. 23 апр. 1821, 69 лѣтъ. 3. Кларкъ, герцогъ Фельтрскій, кадетъ 1781, военный министръ съ 1807 по 1814, ум. 28 окт. 1818, 53 лѣтъ. 4. Графъ Виомениль, поручикъ 1747, ум. 5 марта 1827, 93 лѣтъ. 5. Маркизъ Лористонъ, воспитанникъ артиллерійской школы 1784, маршалъ 6 июня 1823, ум. 11 июня 1828, 60 лѣтъ. 6. Графъ Мелиторъ, капитанъ 1791, маршалъ 9 окт. 1823, ум. 28 июля 1849. 7. Князь Гогенлоэ—Барнштейнъ, маршалъ 8 марта 1827 (за взятіе Санъ-Себастьяна въ 1823), ум. 31 мая 1828, 64 лѣтъ. 8. Маркизъ де-Мезонъ, капитанъ федератовъ 1792, главнокомандующій въ Морей, ум. 12 февр. 1840. 9. Графъ де-Бурмонъ, главнокомандующій противъ Алжира, прапорщикъ французской гвардіи 1788, маршалъ 14 июля 1830, ум. въ замкѣ Бурмонъ, въ Анжу, въ окт. 1846.—Юльская династія произвела 10 маршаловъ: 1. Графъ Жераръ, волонтеръ 1791, маршалъ 17 авг. 1830, ум. 18 апр. 1852, 78 лѣтъ. 2. Графъ Клозель, подпоручикъ 1791, маршалъ 30 июля 1831, ум. 1842, 69 лѣтъ. 3. Мутонь, графъ Лобау, солдатъ 1792, маршалъ 1831, ум. 27 ноября 1838. 4. Маркизъ де-Груши, питомецъ артиллерійской школы 1780, маршалъ 19 ноября 1831 (собственно произведенъ уже 7 апр. 1815), ум. въ Сентъ-Этьенъ 29 мая 1847. 5. Графъ Валё, маршалъ 11 ноября 1837 (за взятіе Константины), ум. 15 авг. 1846. 6. Графъ Себастьянъ Порта, маршалъ 21 окт. 1840, ум. 22 июля 1851, 76 лѣтъ. 7. Графъ Друэ д'Эрдонъ, волонтеръ 1791, маршалъ 9 авг. 1843, ум. 25 янв. 1844. 8. Бюжо, маркизъ де ла Пиконнери, герцогъ Ислійскій, рядовой великовъ-гренадеръ императорской гвардіи 1804, маршалъ 31 июля 1843, ум. 10 июня 1849. 9. Графъ Рейль, гренадеръ 1791, маршалъ 17 сент. 1847, ум. 1851.—Маршалы республиканскаго правленія: 1. Иеронимъ Бонапартъ, мичманъ 9 ноября 1799, дивизионный генералъ 14 марта 1807, маршалъ 1 янв. 1850, ум. 1860, 76 лѣтъ. 2. Эксельмансъ, волонтеръ 1791, дивизионный генералъ 1812, великій канцлеръ почетнаго Легіона 1849, маршалъ 1851, ум. 23 июля 1852, 77 лѣтъ.

§ 748. Рейнскій союзъ. Возведеніемъ курфюрстовъ Баварскаго и Вюртембергскаго въ верховное королевское достоинство политической составъ Нѣмецкой имперіи былъ уже растор-

гнуть. Это привело Наполеона къ мысли, учрежденіемъ Рейнскаго союза, совершенно устранить югъ и западъ Германіи изъ-подъ австрійскаго вліянія и окончательно приковать ихъ къ себѣ. При своекорыстии большей части нѣмецкихъ государей и при господствовавшемъ страхѣ передъ мощнымъ повелителемъ, имѣвшимъ военное счастье всегда на своей сторонѣ, хитрому Таллейрану и курфюрсту—архиканцлеру Карлу Теодору фонъ-Дальбергу было нетрудно, видами на поземельное расширеніе и на приращеніе силъ, побудить нѣсколькихъ князей и имперскихъ чиновъ къ разрыву съ Нѣмецкою имперіей и къ соединенію съ Франціей. 12 июля 1806 г. подписанъ въ Парижѣ основной договоръ, по которому Наполеонъ, какъ покровитель Рейнскаго союза, призналъ за каждымъ изъ его членовъ (Баваріей, Вюртембергомъ, Баденомъ, Дармштадомъ, Клеве-Бергомъ, Нассау, Гогенцоллерномъ, Лихтенштейномъ и мног. друг.) полныя державныя права вразсужденіи податей, конскрипціи, законодательства и верховнаго суда надъ ихъ поданными, обязавъ ихъ только держать наготовѣ для него извѣстное число войска (до 63,000 человекъ). Возведенный въ санъ князя—примаса и надѣленный городомъ Франкфуртомъ курфюрстъ—архиканцлеръ Дальбергъ былъ избранъ въ намѣстники Наполеона по Рейнскому союзу. Это былъ просвѣщенный покровитель искусствъ и наукъ, но человекъ, преданный космополитскимъ идеямъ той эпохи и покорный велѣніямъ Французскаго императора до безхарактерности и совершеннаго забвенія чувствъ патриотизма. Сила членовъ союза значительно приумножилась расширеніемъ ихъ владѣній и сверхъ того еще тѣмъ, что многіе изъ мелкихъ имперскихъ чиновъ, доселѣ непосредственно завистлившіе отъ имперіи, были теперь подчинены верховной власти тѣхъ крупнѣйшихъ державцевъ (медіатизированы), чьи земли обнимали собой маленькія области первыхъ. Императоръ Францъ II, еще прежде заявившій свое недовѣріе къ прочности имперіи перенесеніемъ императорскаго достоинства на наследственныя свои земли (14 авг. 1804), отрекся теперь отъ сана Нѣмецкаго императора, назвалъ Францемъ I, императоромъ Австрійскимъ, и исключилъ всѣ свои области изъ состава Нѣмецкой

имперіи (6 авг. 1806). Такимъ образомъ окончательно разложилась священно-римская имперія германской націи; при внутреннемъ разладѣ и немоощномъ многовластіи она давно уже превратилась въ одну тѣнь. Теперь сильнѣйшіе ея члены стали васаллами чужеземнаго деспота. Имперскіе законы были отмѣнены вмѣстѣ съ сеймомъ и имперскими судилищами; подданные Рейнскаго союза, до изготовленія новыхъ законовъ, вступили въ переходный періодъ полнаго безправія. Чувство стыда извлекало стонъ не изъ одной нѣмецкой груди: такъ Э. М. Арндтъ далъ волю этому чувству въ своемъ «Духъ времени»¹; но лишь немногіе дерзали высказывать его съ тѣхъ поръ, какъ благородный нюрнбергскій книгопродавецъ Пальмъ сталъ по волѣ деспота жертвою позорнаго юридическаго убійства въ Браунау, единственно за то, что не хотѣлъ выдать автора напечатанной имъ книжки: «Германія въ глубочайшемъ своемъ униженіи».

Въ Рейнскій союзъ вошли еще владѣнія нѣкоторыхъ имперскихъ членовъ, медиатизированныхъ впоследствии: таковы Сальмъ, Изенбургъ, Арембергъ и владѣнія Дальбергова племянника, князя фонъ-деръ Лейенъ. Едва прослышали о «медиатизаціи», какъ все бросилось въ Парижъ такъ же усердно, какъ въ 1802 и 1803 гг. по случаю «секуляризаціи», все нишало, подкупало и интриговало изо всѣхъ силъ. Германскія земли и племена опять продавались съ аукціона; кто платилъ наличными, тотъ пока и былъ обезпеченъ въ своемъ существованіи, а высокіе сановники Французской имперіи нажили себѣ при этомъ милліоны. Взятками и дипломатическими подарками играли, по выраженію одного Француза, какъ на биржѣ. Такимъ образомъ однимъ актомъ революціонной силы чуждаго завоевателя и извѣстнаго числа равныхъ другимъ имперскихъ чиновъ сократился цѣлый рядъ державныхъ фамилій, которымъ не удалось послужить годными орудіями Бонапартовой политикѣ, или спасти свое существованіе деньгами, сильнымъ покровительствомъ, семейными связями. — Къ числу медиатизированныхъ князей принадлежали: Фюрстенбергъ, Шварценбергъ, Турнъ и Таксисъ, Лёвенштейнъ, Эттингенъ,

¹ Этимъ либеральнымъ сочиненіемъ горячій патриотъ навлекъ себѣ такую немилость Наполеона, что долженъ былъ два года (1807—1809) провести въ Стокгольмѣ, да и послѣ только украдкою жилъ въ Германіи, скрываясь подъ псевдонимомъ Альманна.

Гогенлоэ, Лейнингенъ, Нассау-Оранскій, Видъ-Рункель, Меттернихъ, Фуггеръ, Бентгеймъ, Сольмсъ, Сайнъ-Витгенштейнъ и друг.; далѣе графы: Кафель, Эрбахъ, Штольбергъ, Изенбургъ, Штернбергъ, Плеттенбергъ, Вартенбергъ, Вальдботъ-Бассенгеймъ и друг. Медиатизированные господа сохранили за собой свое отчинное и частное владѣніе, право низшаго и средняго суда, право охоты, рыбной ловли и патроната, право десятинной подати, лѣнныхъ сборовъ и т. д.

2. Прусская война (1806).

§ 749. а) Поводы. Если шаткое поведеніе Пруссіи во время Австрійской войны и нерѣшительность миролюбиваго, но сбиваемаго съ толку короля наполнили глубокимъ негодованіемъ Французскаго императора, зато уничиженная податливость, съ какою безсовѣтнѣй, чуждый патриотизма Гаугвицъ и другіе министры подчинялись всѣмъ произвольнымъ распоряженіямъ Наполеона, терпѣливо переносили всѣ обиды и въ угоду сильному жертвовали честью своей страны, естественно породила въ немъ мысль, что съ Пруссіей можно откинуть въ сторону всякую вѣжливость и пощаду, что король ея ненадеженъ какъ другъ и безвреденъ какъ непріятель. Въ этомъ предположеніи Наполеонъ трактовалъ прусскихъ государственныхъ людей насмѣшливо и надменно и выказывалъ имъ при всякомъ случаѣ свой гнѣвъ и неуваженіе. Онъ какъ бы нарочно велъ къ тому, чтобы стѣсненной державѣ Фридриха Великаго не осталось инаго выбора, — или молча испить до дна чашу униженія, или вступитъ въ отчаянную, безнадежную борьбу. Многократныя обиды, умышленно наносимыя Наполеономъ прусскому правительству, особливо послѣ того, какъ своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ при занятіи Ганновера, оно не выдержало на его глаза «послѣдняго испытанія», которому онъ подвергъ его въ Шёнбрунскомъ трактатѣ, убѣдили наконецъ Пруссію, что онъ непремѣнно хочетъ войны и что невозможно долѣе поддерживать миръ безъ явнаго нарушенія своей чести. Не уволили ль въ Берлинъ на безсрочное время канцлера Гарденберга (15 февр. 1806), за то что онъ повидимому былъ не безуслонно преданъ французскому союзу, навязанному Парижскимъ договоромъ, и какъ Ганноверецъ, болѣе склонялся къ Англіи? не поставили ль на его мѣсто Гаугвица? не вступили ль въ открытую вражду съ Англіей и Швеціей? а между тѣмъ все-таки не пріобрѣли

ни довѣрія, ни благосклонности французскаго владыки. Двѣ причины еще болѣе усилили существовавшій уже разладъ и довели негодование Пруссіи до формальнаго разрыва. Во-первыхъ, еще до заключенія Рейнскаго союза, Пруссія намѣревалась вступить въ «тѣснѣйшую связь» съ Саксоніей и Гессенъ-Касселемъ для огражденія своего собственного существованія и независимости. Наполеонъ какъ будто бы самъ пошелъ навстрѣчу этому замыслу, возбудивъ въ Берлинѣ планъ сѣверно-германскаго союза, или, какъ выражались еще заманчивѣе Французы, планъ «сѣверно-германской имперіи»; но это онъ сдѣлалъ только для того, чтобы заранѣе устранить всякое противорѣчіе Рейнскому союзу. Въ сѣверный союзъ, кромѣ Саксоніи съ Гессенъ-Касселемъ, должны были войти всѣ неучаствующіе еще въ Рейнскомъ союзѣ имперскіе чины сѣвера, какъ то: Мекленбургъ, Ольденбургъ, Ганзейскіе города, Голштинія и друг. Но лишь только составился Рейнскій союзъ, какъ французская дипломатія принялась всячески мѣшать союзнымъ стремленіямъ Пруссіи, которыя и безъ того уже встрѣчали себѣ неодолимые преграды въ своекорыстїи и разногласїи отдѣльныхъ державъ. Такое двуязычіе должно было тѣмъ болѣе оскорбить Пруссію, что при образованіи Рейнскаго союза ей ни о чемъ не сообщали, притомъ медиатизировали родственный ей домъ Туринъ и Таксисъ и наконецъ прикрѣпили къ Франціи дружественную и сосѣднюю Пруссію Голландію. Во-вторыхъ, берлинскій кабинетъ узналъ, что при возобновленіи мирныхъ переговоровъ съ англійскимъ министерствомъ Наполеонъ сулилъ ему возвращеніе уступленнаго Пруссіи Ганновера, не снесшись объ этомъ съ Прусскимъ правительствомъ. (— Уничтоженіе французскаго флота при Трафальгарѣ, § 747, снова убѣдило императора, что не смотря на всѣ сухопутныя побѣды ему не одолѣть моревластительной Англїи, и смерть Питта (23 янв. 1806), открывшая путь въ министерство либеральному Фоксу, этому другу революціонныхъ идей, пробудила въ Бонапартѣ надежду на заключеніе мира. Но прежде чѣмъ переговоры достигли своей цѣли, скончался Фоксъ (13 сент.), и перевѣсъ взяла опять воинственная партія.—) Опыты такого рода, въ соединеніи съ многократными нарушеніями границъ (такъ великій герцогъ Бергскій завладѣлъ Везелемъ и аббатствами Эльтенъ, Эссенъ и Верденъ) и явнымъ стремленіемъ болѣе и болѣе разобщить Пруссію съ другими державами, привели наконецъ правительство ея къ убѣжденію, что ей должно опасаться отъ Франціи всего. Она заявила диплома-

тическимъ путемъ свое неудовольствіе, поставила армію на военную ногу и прервала всѣ сношенія съ Франціей, когда послѣдняя презрительно и съ неприличными выходками отвергла такъ называемый ультиматумъ (окончательный запросъ), въ которомъ Пруссія требовала очень сухо немедленнаго очищенія южной Германіи Французами, безпрепятственнаго допуску сѣверно-германскаго союза и порѣшенія всѣхъ прочихъ спорныхъ вопросовъ. Тревожное недовольство, обнаружившееся въ большей части Германіи по поводу возрастающаго преобладанія чужеземцевъ, пожалуй, укрѣпляло Пруссію въ надеждѣ, что ей предназначено быть спасительницей отечества, но не настала еще пора, когда можно было обратиться къ самому народу; тогда еще считывали на одну надменную солдатчину, которая совершила великіе подвиги въ Семилѣтнюю войну, но которой немощь и плохое устройство при измѣнившихся теперь отношеніяхъ давно уже были ясны для всѣхъ мыслящихъ людей; тогда все еще обнадеживались хвастовствомъ отжившаго самоувѣреннаго дворянства, которое упорно жмурило глаза, чтобы не видѣть новаго духа времени. Разочарованіе короля и вѣлудушной его супруги было поистинѣ ужасно. Но бѣдственныя испытанія не остались безплодными. Они стали зародышемъ лучшей эпохи, который среди хаотическаго разложенія старья, началъ возникать въ душахъ всѣхъ лучшихъ современниковъ.

§ 750. б) Йена. Между тѣмъ какъ въ Берлинѣ ожидали еще послѣдняго отвѣта изъ Франціи и, въ обманчивой надеждѣ на мирныя вѣсти, медлительно готовились къ войнѣ, французскія силы подъ начальствомъ Наполеона и его опытныхъ въ бою маршаловъ стояли уже въ сердцѣ Тюрингена и Саксоніи, которой курфюрстъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, рѣшился примкнуть къ Пруссіи. Безтактный манифестъ Гаугвица, представлявшій длинный реестръ грѣховъ французскаго народа и изображавшій переполненную мѣру собственныхъ униженій, чтобы оправдать предпринятую войну, крайне раздражилъ мстительность Наполеона, какъ видно было изъ языка его прокламацій и бюллетеней, уснащенныхъ враждебными и неблагородными выходками противъ королевы и сторонниковъ войны. Первая же схватка при Зальфельдѣ (10 окт. 1806), въ которой погибъ храбрый, геніальный принцъ Лудвигъ Фердинандъ, выпала не въ пользу Пруссаковъ; но страшное и роковое пораженіе претерпѣло ихъ войско подъ началь-

ствомъ стараго герцога Брауншвейгскаго въ великой двойственной битвѣ подь Йеною и Ауэрштедтомъ (14 окт.). Она рѣшила участь всѣхъ странъ между Рейномъ и Эльбою. — Тогда прежняя самонадѣянность вдругъ перешла въ малодушіе, и умами разногласныхъ вождей овладѣло полное отсутствіе какого-нибудь плана и совершенное незнаніе, что дѣлать и что начать. Обозы, орудія, пѣхотинцы и конники, все двигалось куда глаза глядятъ въ страшной суматохѣ, многіе разсыпались въ одиночку по селамъ и домамъ для утоленія жажды и голода, толпы задерживали другъ друга и перекрещивались на дорогахъ, непроходимые пути и наступавшая темень увеличивали беспорядокъ до крайности. Такъ какъ для отступленія не было принято ровно ни какихъ предварительныхъ мѣръ, то войско разбилось на многіе отряды, которые поодиночкѣ становились добычей быстро настигавшаго врага. 17 октября герцогъ Евгений Вюртембергскій потерпѣлъ при Галле такое пораженіе, которое совершенно разсѣяло бывшую подь его начальствомъ резервную армію; старый князь Гогенлоэ, послѣ храбраго боя отступившій съ главною силой окольными путями на Магдебургъ, не могъ при господствующемъ смятеніи держаться въ этомъ городѣ и продолжалъ идти къ Штеттину, но обманутый ложными выдумками враговъ и сбитый съ толку малодушными совѣтами Массенбаха, былъ вынужденъ съ 12,000 человекъ положить подь Пренцловомъ оружіе (28 окт.) и отдать свои утомленные и голодающія войска въ плѣнъ. Крѣпости, которыя всѣ почти находились подь начальствомъ тѣлесно и духовно хилыхъ стариковъ, сдавались такъ поспѣшно, что многіхъ камендатовъ подозрѣвали въ измѣнѣ; иначе не лзя было понять этого совершеннаго отсутствія мужества и самоуверенности. Съ ужасающей неожиданностью внезапно открылись послѣдствія такого управленія, которое хотя и сильно двинуло впередъ свободу мысли и благоустроенное государственное хозяйство, но въ стремленіи развить производительность и обезпечить торговыя выгоды дало слишкомъ много пищи своекорыстію и взлелѣяло страсть къ наживѣ. Народное богатство и большой государственный доходъ стали въ глазахъ правителей на первомъ планѣ; поэтому и люди всѣхъ сосло-

вій заботились только о томъ, чтобъ наживать, копить и наслаждаться, забывая, что всѣ вещественныя блага должны безусловно подчиняться чувствамъ народной чести и независимости, если народъ хочетъ отстоять свое существованіе. Почти ни одно вѣдомство, почти ни одинъ подданный даже и не подумали о сопротивленіи¹. Единственными свѣтлыми точками въ этой туманной картинѣ являются Йорковъ переходъ за Эльбу, мужественное поведеніе принца Августа и особенно Блюхеровъ походъ чрезъ Мекленбургъ и его отчаянная борьба въ Любекѣ. Черезъ тринадцать дней послѣ битвы подь Йеной Наполеонъ вступилъ въ Берлинъ (27 окт. 1806) и овладѣлъ большими запасами пороха и оружія, которыхъ вывозу помѣшалъ комендантъ князь Гацфельдъ, увѣщевая всѣхъ къ «спокойствію, какъ первой обязанности гражданина и единственному истинно-высокому интересу». Подобно тому какъ одинъ великій доблестный подвигъ, дѣйствуя далѣе и далѣе, поражаетъ еще величайшія дѣла и превращаетъ людей въ настоящихъ героевъ, такъ и съ совершеніемъ одного постыднаго шага неразрывно связаны его послѣдствія: онъ обреченъ постоянно порождать только низкое и слабое; онъ дѣйствуетъ пагубно, какъ тонкій ядъ, отъ котораго и мужчины превращаются въ слабыхъ женщинъ.

Уже два дня послѣ Йенскаго сраженія въ руки непріятеля достался Эрфуртъ съ гарнизономъ изъ 10,000 человекъ и множествомъ припасовъ; сдачею поспѣшили старый фельдмаршалъ Мёллендорфъ и родственникъ королевскому дому принцъ Оранскій; 24 и 25 октября сданы безъ всякой обороны Шпандау и Потсдамъ. Немного дней спустя, при первомъ появленіи горсти французскихъ конниковъ, сдались на уговорѣ крѣпости Штеттинъ и Кюстринъ, отлично снабженные гарнизономъ и военными припасами, а 10 ноября Клейстъ и Вартенслебеть, во главѣ 19 генераловъ, сдали крѣпость Магдебургъ, оплотъ всего королевства, съ гарнизономъ въ 24,000 человекъ, съ 7,000

¹ Здѣсь невольно приходитъ на умъ та совсѣмъ противоположная, истинно высокая картина, какую представляло наше отечество, Россія, въ достопамятномъ 1812 году. Не смотря на нашу французскую полубразованность, Французы нашли у насъ только одно сопротивленіе: ни гдѣ ни какой податливости, ни малѣйшей сдѣлки, и патріотическую ревность нашего народа приходилось чаще сдерживать, чѣмъ возбуждать.

лошадей, 600 орудіями и обильнымъ запасомъ военныхъ снарядовъ и продовольствія. Не лучше шло дѣло и въ Ганноверѣ, гдѣ Французовъ встрѣтили какъ «избавителей», въ надеждѣ, что при заключеніи мира этотъ край будетъ возвращенъ Англии и такимъ образомъ сохранить свою прежнюю «самобытность». Въ Гамельнѣ десяти тысячный гарнизонъ сдался осадному отряду въ 6,000; 26 ноября хорошо вооруженная крѣпость Ніэнбургъ занята была по договору Французами. Одинъ Блюхеръ спасъ прусскую честь въ кровавыхъ схваткахъ въ Любекѣ и окрестностяхъ, но не могъ ни помѣшать взятію приступомъ этого дурно укрѣпленнаго города, ни остановить вызванныхъ тѣмъ ужасовъ со стороны упоеннаго побѣдой войска; въ заключеніе, не имѣя болѣе ни хлѣба, ни военныхъ снарядовъ, онъ вынужденъ былъ сдаться у Травемюнде со всею своимъ отрядомъ, убывшимъ до 8,000 человекъ. «Все тѣ, говоритъ Гейсеръ, кто еще не отчаялся въ будущемъ, утѣшались и возвышались духомъ, глядя на подвиги такого вождя, который каждому неблагоприятному положенію противопоставлялъ съ юношескимъ мужествомъ новыя средства обороны, который упорно боролся съ злосчастною судьбой и сложилъ оружіе только при послѣдней, крайней необходимости. да и то съ негодованіемъ и не въ ущербъ своей чести». — Такъ же благородно выдержала свою роль померанская крѣпость Кольбергъ, гдѣ храбрый и рѣшительный комендантъ майоръ Гвейзенау, человекъ истинно гениальнаго ума, творческой дѣятельности и высокаго образованія, съ помощью отважнаго, предприимчиваго и рыцарственнаго драгунскаго поручика Фердинанда фонъ-Шилля и добраго гражданина Ісахима Неттельбека, энергическаго моряка, съ душою патріота и непоколебимымъ характеромъ, умѣлъ отстранить всякое малодушіе и до тѣхъ поръ защищалъ городъ отъ превосходящаго числомъ непріятельскаго войска, пока перемиріе не положило конца атакамъ и не избавило городъ отъ необходимости или сдаться, или вытерпѣть все бѣдствіе приступа. Нигдѣ мужество и самопожертвованіе гражданъ не обнаружилось съ такимъ блескомъ, какъ въ Кольбергѣ. Благодаря рѣшительности стараго коменданта Курбьера крѣпость Грауденцъ также не сдалась вплоть до заключенія мира. — Французскіе писатели превозносятъ до небесъ великодушіе Наполеона къ княгинѣ Гацфельдъ, супругѣ берлинскаго губернатора, которая на колѣняхъ просила императора помиловать ея супруга, арестованнаго за одно предательское письмо; но все это болѣе похоже на комедію, потому что пре-

ступное письмо, которое Наполеонъ тутъ же и вручилъ княгинѣ, не заключало въ себѣ ровно ничего, что могло бы навлечь смертный приговоръ перedy военнымъ судилищемъ.

Изъ Берлина отдалъ Наполеонъ такія повелѣнія, которыя должны были поставить съверъ Германіи еще въ большую зависимость, нежели югъ. Союзный дотолъ съ Пруссіей курфюрстъ Гессенскій при самомъ открытіи войны отнялъ у нея свое храброе и готовое къ бою войско и соблюдалъ нейтралитетъ, равно пагубный для него и для его союзниковъ; теперь онъ вынужденъ былъ предоставить врагу и свою армію и свою землю, а самъ искать безопасности за границей (въ Прагѣ), между тѣмъ какъ его позорно нажитыя сокровища были спрятаны во Франкфуртѣ, въ Ротшильдovýchъ подвалахъ. Тяжело раненый и лишившійся глазъ герцогъ Брауншвейгскій велѣлъ отвезти себя въ датскія владѣнія, когда Наполеонъ съ неблагоприятной строгостью выгналъ злополучнаго предводителя прусской арміи изъ его столицы, куда тотъ былъ принесенъ на носилкахъ съ іенскаго побоища, и принудилъ старика искать мирной могилы на чужбинѣ. Мекленбургъ и Ольденбургъ были заняты, Іеверъ и Остфризландъ присоединены къ Голландіи, Ганзейскіе города, а также и Лейпцигъ, сильно потерпѣли отъ выема всехъ английскихъ товаровъ и отъ тяжкихъ военныхъ контрибуцій; наконецъ отовсюду вывезены были сокровища искусства и науки, равно какъ и трофеи прежнихъ побѣдъ. Побѣдитель обошелся милостиво только съ курфюрстомъ Саксонскимъ, хотя его войска бились вмѣстѣ съ Пруссаками подъ Іеною. Онъ освободилъ военнопленныхъ Саксонцевъ и даровалъ курфюрсту благоприятный миръ; вслѣдъ за тѣмъ этотъ государь, украшенный королевскимъ титуломъ, приступилъ, подобно остальнымъ Саксонскимъ герцогамъ, къ Рейнскому союзу (11, 15 дек. 1806). Съ тѣхъ поръ, на бѣду себѣ и своему народу, Фридрихъ Августъ чувствовалъ себя привязаннымъ къ Наполеону узами благодарности. Карлъ Августъ Саксенъ-Веймарскій, въ званіи прусскаго генерала, дрался мужественно и стойко подъ Іеною и при отступленіи отсюда, и этимъ навлекъ себѣ неудовольствіе Наполеона; но достоинство и твердость, съ какими герцогиня противустала побѣдителю, про-

извели на него впечатлѣніе, и вслѣдствіе того онъ объявилъ, что если герцогъ покинетъ прусскую армію и отзоветъ свои войска, ему дано будетъ прощеніе и верховныя права за нимъ сохранятся. — Король Прусскій бѣжалъ сначала въ Грауденцъ, а потомъ въ Кёнигсбергъ, откуда самыми лестными предложеніями и даже изъявленіемъ готовности приступить къ Рейнскому союзу старался вымолить у побѣдителя прекращеніе военныхъ дѣйствій и миръ; но требованія Наполеона росли вмѣстѣ съ его удачей; Фридрихъ Вильгельмъ поневолѣ принужденъ былъ продолжать войну съ раздраженнымъ противникомъ, котораго презорство и строптивость не щадили даже и королевы, этой новой «Елены» для Пруссіи.

§ 751. в) Эйлау. Фридландъ. Тильзитъ. Въ своемъ стѣсненномъ положеніи Прусскій король прибѣгнувъ къ другу своему, императору Александру, который, негодуя за то, что Наполеонъ, въ качествѣ союзника Порты, старался мѣшать видамъ Россіи на Молдавію и Валахію, тотчасъ двинулъ въ Восточную Пруссію двѣ русскія арміи, подъ начальствомъ Беннигсена, Буксгевдена и друг., чтобы удержать Французовъ отъ перехода за Вислу. Тогда Наполеонъ издалъ, подписанное Домбровскимъ и друг., воззваніе къ Полякамъ, въ которомъ приглашалъ этотъ народъ выступить на бой за свободу и независимость. Для внушенія большаго довѣрія, подложно употребили при этомъ имя благороднаго Косцюшки.

Одушевленные мыслью снова воскресить древнюю польскую державу, многіе Поляки примкнули къ Французскому императору, который обѣщалъ имъ освобожденіе и месть противникамъ. Охотно приносили они величайшія жертвы и подкрѣпляли ряды французскихъ войскъ храбрыми дружинами. Они забыли, что проливаютъ кровь за властителя, у котораго не было сочувствія къ чуждымъ народностямъ и который то дерзотничиво разрывалъ, то своенравно соединялъ края и племена Италіи, Германіи и Нидерландовъ. 2 янв. 1807 г. Наполеонъ вступилъ въ Варшаву среди народнаго ликованія; но слишкомъ скоро догадались Поляки, что имъ слѣдуетъ побавить своихъ надеждъ, что чуждый побѣдитель, котораго солдаты кормились и одѣвались на ихъ счетъ и для котораго выходили на бой лучшіе ихъ воины, болѣе думалъ объ удовлетвореніи своего честолюбія и жажды власти, чѣмъ о возстановленіи

ихъ независимости. Ихъ имѣніями обогащали онъ свою воинственную знать, а между тѣмъ и самое имя Польши не было возстановлено.

На берегахъ Вислы дошло до убійственныхъ сраженій (дек. 1806 и янв. 1807); подъ Пултускомъ и Морунгенномъ пролиты рѣки крови. Но главный ударъ разразился въ битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау (8 февр.), гдѣ воинское мужество Французовъ и Русскихъ и стойкая храбрость Пруссаковъ подъ начальствомъ отважнаго Лестока породили такую страшную борьбу, которая по числу убитыхъ равняется съ кровопролитнѣйшими событіями всемірной исторіи. Около 60,000 мертвыхъ и раненыхъ покрывали обширное поле битвы; обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, съ обѣихъ сторонъ напряженіе и истощеніе силъ были таковы, что война прервалась сама собою на четыре мѣсяца. Въ теченіе этого времени начаты были новые переговоры, но сколько ни желалъ Прусскій король, жившій съ своимъ семействомъ въ Мемель, окончанія войны, чтобы избавить свой народъ отъ страшнаго французскаго гнета и отъ тягостнаго пребыванія русскихъ войскъ, но онъ былъ вѣренъ и честенъ до того, что не могъ отдѣлиться отъ Россіи и Англіи (съ которою въ началѣ этого года онъ заключилъ мирный трактатъ, отказавшись отъ Ганновера). Съ другой стороны онъ питалъ надежду, при удачномъ оборотѣ войны добиться болѣе благопріятныхъ условій отъ Французскаго императора, которому, не смотря на всѣ его вымогательства, очень трудно было содержать вдали такую многочисленную армію, особенно когда при господствовавшемъ теперь и въ Австріи воинственномъ духѣ, состоявшийся между Пруссіей и Россіей и одобренный Англіей и Швеціей, Бартенштейнскій договоръ (26 апр. 1807) открывалъ виды на общеевропейскую коалицію противъ строптивости Французовъ, и когда, не смотря на присвоиваемую ими себѣ рѣшительную побѣду, и въ столицѣ ихъ и въ арміи обнаруживалось совсѣмъ не радостное настроеніе. Но потомъ, когда и въ Силезіи, при всемъ мужествѣ и патріотической преданности населенія, ненаходчивость губернатора и трусость камендантовъ предала въ руки непріятеля крѣпости по Одеру, Глогау, Бригъ, Швейдницъ и Бреславль, когда и сильно тѣснимый Данцигъ, лишенный всякой помощи извнѣ, не могъ

быть отстоянъ храбрымъ комендантомъ Калькрёйттомъ и сданъ наконецъ (24 мая) маршалу Лёфевру (пожалованному за это въ «Данцигскіе герцоги»), когда императоръ Россійскій, уступая совѣтамъ мирной партіи, сталъ повидимому желать сближенія съ Наполеономъ, тогда и король потерялъ всякую надежду на благополучный исходъ. Въ то время еще такъ мало освоились съ мыслью о народной войнѣ, что сами прусскіе чиновники подавляли гибельныя для Французовъ движенія силезскаго простонародья. Теперь, когда возобновилась война, и Французы послѣ кроваваго, но нерѣшительнаго боя при Гейльсбергѣ, (10 іюня) въ годовщину Маренгской битвы одержали подѣ Фридрихомъ (14 іюня) блистательную побѣду надъ Русскими, предводимыми Беннигсеномъ, заняли Кёнигсбергъ и стали угрожать самой русской границѣ, тогда союзные монархи признали необходимымъ, послѣ личнаго свиданія съ Наполеономъ въ пловучемъ павильонѣ на рѣкѣ Неманѣ, согласиться на условія Тильзитскаго мира, сколько ни были они для нихъ тягостны (7—9 іюля). Императоръ Александръ, склоняемый къ миру совѣтами брата своего Константина, главнокомандующаго Беннигсена и мног. друг., и уступая лестнымъ внушеніямъ, на которыя не покупился Наполеонъ въ одной задушевной съ нимъ бесѣдѣ съ глазу на глазъ, пожертвовалъ этимъ видамъ невыгодную для себя связь съ Пруссіей и даже согласился присоединить къ своимъ владѣніямъ отдѣленный отъ прусской Польши пограничный округъ Бѣлостокъ. По условіямъ Тильзитскаго мира, при заключеніи котораго прусскій агентъ Калькрёйтъ дѣйствовалъ съ безпримѣрнымъ легкомысліемъ и необдуманностью, Фридрихъ Вильгельмъ утратилъ большую половину своихъ владѣній: онъ долженъ былъ согласиться на уступку всѣхъ земель между Рейномъ и Эльбою, на учрежденіе герцогства Варшавскаго, подѣ верховной властью Саксонскаго короля, на возведеніе Данцига съ округомъ въ республику и на уплату неслыханной суммы полтора ста милліоновъ въ вознагражденіе за военныя издержки. Даже личныя мольбы королевы Луизы, также вызванной тогда въ Тильзитъ, не могли смягчить требованій безпощаднаго побѣдителя. Уступленные Пруссіей области, вмѣстѣ съ Гессенскимъ курфюршествомъ, Брауншвейгомъ и южнымъ

Ганноверомъ, Наполеонъ соединилъ въ новое Вестфальское королевство, съ столицею Касселемъ, и посадилъ тамъ своего меньшаго брата Геронима (Жерома) съ обязанностью содержать въ Магдебургѣ двѣнадцатитысячный гарнизонъ, отдавать императору половину дохода съ государственныхъ имуществъ и, въ качествѣ члена Рейнскаго союза, поставлять вооруженный контингентъ для всѣхъ будущихъ его войнъ.

Годы испытаній для Германіи. Чужевластіе тяжко угнетало вѣрныхъ Нѣмцевъ; но этимъ игомъ подготовлено новое время, имъ пробужденъ былъ новый духъ. Выгоды, оставшіяся за Французами отъ ихъ кровопролитнаго переворота, перешли и на Вестфалію.—равенство въ уплатѣ податей, отмена личныхъ привилегій, устраненіе поземельныхъ тягостей, представительное правленіе, свобода промышленности и равноправность всѣхъ гражданъ. Эти преимущества пробудили чувство самоуваженія въ среднемъ классѣ и привели его къ сознанію, что въ судьбахъ новой эпохи предназначена ему главная роль. Новый духъ распространился и на всѣ другія области Рейнскаго союза (къ которому приступили между тѣмъ еще курфюрстъ Вюрцбургскій, князья Шварцбургъ, Ангальтъ, Вальдекъ, и герцоги Мекленбургскій и Ольденбургскій); нѣмецкіе войны, дѣятельно участвуя въ дальнихъ побѣдахъ императора, снова приобрѣли свое прежнее мужество и увѣренность въ своей силѣ. Конечно, вмѣстѣ съ этимъ добромъ, пришло на Нѣмцевъ и много худа, особенно на королевство Вестфалію. Расточительные придворные расходы вѣтрянаго и сластолюбиваго, хотя впрочемъ и добродушнаго, короля Геронима, тяжело обременяли этотъ край налогами и государственными долгами; его легкомысленная свита, составленная изъ проходивцевъ и искателей счастья всѣхъ націй, вредно дѣйствовала на общественные нравы и вытѣснила изъ столицы семейную добродѣтель и степенную жизнь; чуждые министры и чиновники, за исключеніемъ дѣятельнаго Симеона—люди большею частію безъ таланта, познаній и заслугъ, правили государствомъ въ видахъ своей собственной выгоды и пользы своего повелителя, сорили государственными доходами и мѣшали вліянію нѣмецкихъ министровъ Бюлова (племянника Гарденберга), Мальхуса и Іоанна Мюллера.—Жестокъ былъ бичъ, которымъ раздраженный побѣдитель каралъ Пруссію, но бѣдствіе, навлеченное ей злополучною войной и не менѣе злополучнымъ

миромъ, стало особенно для Пруссіи источникомъ многихъ, благотворныхъ учреждений. Французскіе, на счетъ края содержимые гарнизоны оставались въ прусскихъ крѣпостяхъ до полного взноса суммы, опредѣленной въ вознагражденіе, уплаты всѣхъ контрибуцій и разныхъ сборовъ и взысканій, которые по официальнымъ расчетамъ превышали 245 милліоновъ талеровъ или 906 милліоновъ франковъ и собирались безчеловѣчнымъ оберъ-интендантомъ Дарю; по Тильзитскому миру королю предоставленъ былъ «сизъ милости» надѣлъ въ 2877 квадрат. миль съ невступно 5 милліонами жителей, тогда какъ прежнія его владѣнія составляли 5570 квадрат. миль съ 9,743,000 жителей, да и этотъ скудный остатокъ стѣснялся еще военными дорогами и разными насильственными толкованіями условій договора. Но подъ лозою оскорбленій строитиваго побѣдителя, и здѣсь пробудился новый духъ, новое чувство самоувѣренности. Бейме и склонные къ Франціи министры, которыхъ совѣты внушали нерѣшительному отъ природы королю его шаткую политику, были наконецъ удалены, и во главѣ правительства поставлены люди съ твердымъ характеромъ и патріотическимъ образомъ мыслей. Цастровъ, державшій военную часть въ прежнемъ состояніи, такъ какъ она была въ Семилѣтнюю войну, утратилъ довѣріе короля и свое пагубное вліяніе. Ганноверецъ Шарнгорстъ (1756—1813), который, среди гнета обстоятельствъ и всякихъ лишеній, возвысился изъ крестьянскихъ дѣтей своимъ талантомъ, мужествомъ и умомъ, и съ высшими доблестями воинна, отвагой, осторожностью и рѣшимостью, соединялъ дѣтскую простоту радушнаго, доброжелательнаго, чуждаго всякой нечистой страсти чловѣка, — Шарнгорстъ, заодно съ Гнейзенау, Грольманомъ, Бойеномъ и Клаузевицемъ, совершенно пересоздалъ прусское воеустройство; мѣсто вербовки наемниковъ заступила поголовная воинская повинность и тайная сила ландвера (земскаго ополченія); чувство чести въ простомъ солдатѣ было пробуждено открытіемъ ему доступа къ офицерскимъ мѣстамъ и устраненіемъ позорныхъ наказаній. Ратное образованіе цѣлаго народа и облагороженіе военной службы возведеніемъ ея въ общую обязанность безъ замѣны одного лица другимъ, быстрое и дѣльное обученіе массы нижнихъ чиновъ, нравственное и научное возвышеніе офицеровъ, равенство правъ и обязанностей для всѣхъ, какого бы кто ни былъ происхожденія, свободный путь заслугъ восходить отъ солдатскаго званія до высшихъ начальническихъ мѣстъ, въ мирное время — по мѣрѣ знаній и образованія, въ военное — по мѣрѣ храбрости и смѣлки, утвержденіе дисциплины

на чувствѣ чести и любви къ отечеству, съ устраненіемъ постыдныхъ наказаній палками и гонкою сквозь строй, простота и легкость упражненій и движеній какъ въ одиночку, такъ и массами, и возможное ограниченіе духомертвящей и подавляющей мелочности въ службѣ, — все это подъ руководствомъ энергическихъ, умныхъ, непоколебимыхъ начальниковъ, — вотъ основныя мысли образованія новаго прусскаго войска, какъ оно вышло изъ головы Шарнгорста подобно новой Палладѣ, вооруженной вмѣстѣ и ратными доспѣхами и мудростью. Веледушный патріотъ баронъ фонъ-Штейнъ (1757—1831), съ помощью Шёна и другихъ людей такого же характера, велъ народъ и среднее сословіе къ сознанію его правъ и льготъ, настоявъ на томъ, чтобъ пріобрѣтеніе земельной собственности было освобождено отъ всякихъ стѣсненій, чтобы крѣпостное право и феодальныя различія сословій были устранены, чтобъ была допущена раздѣльность лѣнныхъ имѣній и введено городовое положеніе, онованное на свободѣ и общинномъ духѣ, вмѣстѣ съ правомъ представительства по областямъ (9 окт. 1807). Это былъ первый рѣшительный шагъ къ тому, чтобы создать свободное крестьянство и на мѣсто кастообразнаго раздѣленія сословій поставить равныхъ передъ закономъ гражданъ, каковы бы впрочемъ ни были ихъ занятія. Дѣятельность Штейна была великимъ благодѣяніемъ для всей прусской земли: ею не только смягчены тяжкія бѣдствія настоящаго, но и улучшено будущее положеніе народа. Среднему сословію и поселянамъ разрѣшено было владѣть землей, дворянамъ — заниматься промыслами и торговлею, ни мало себя не роняя; тягости, лежавшія исключительно на низшихъ классахъ, были отмѣнены, какъ громко ни роптали всѣ тѣ, кто извлекалъ выгоду изъ стараго порядка. Прекратилась обязанность поселянъ давать, за ничтожную плату, лошадей всѣмъ лицамъ, ѣдущимъ по королевскимъ дѣламъ; монопольныя права мельницъ, винокурень и пивоварень были упразднены или сильно ограничены и притомъ опредѣлены лучше прежняго. Отношенія владѣльцевъ дворянскихъ (рыцарскихъ) имѣній къ крестьянамъ приведены въ законный порядокъ и послѣднимъ дана возможность выкупать многія тяжкія повинности и поборы. Цехи и гильдіи были упразднены и промышленности предоставлена свобода; должность общинныхъ совѣтниковъ и самый ихъ выборъ устроены на новый ладъ, и наконецъ отобранны въ казну (säcularisirt) многія монастырскія имущества, прѣбства и капитулы, которыхъ доходы не были нужны для содержанія школъ и церквей. Новымъ городовымъ положеніемъ (Communalordnung) города по числу жителей раздѣлены были на

большіе, средніе и малые. Въ главѣ каждаго города стоялъ магистратъ и рядомъ съ нимъ избранная отъ гражданъ дума городскихъ депутатовъ. Съ тѣхъ поръ водворилось единое для всѣхъ прусскихъ горожанъ право, въ которомъ не лзя было отказать никому, кто водворялся въ городѣ на жительство и не запятналъ себя ни какимъ проступкомъ (доказаннымъ по суду). Большая часть городскихъ общественныхъ должностей были почетными и безъ жалованья; каждый гражданинъ имѣлъ не только право, но и обязанность занимать ихъ. Главный бургомистръ (городской голова) назначался изъ трехъ предложенныхъ городомъ кандидатовъ отъ правительства. — Подати распределены были равномерно, тягости войны облегчены бережливостью, убавкою жалованья, пенсій и вообще хорошимъ государственнымъ хозяйствомъ, и обращено вниманіе на введеніе народнаго представительства, съ приглашеніемъ, въ случаѣ нужды, совѣщательныхъ и научно-техническихъ депутацій, для передачи королю желаній и потребностей прусскаго народа, «такъ какъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ нельзя было помышлять объ учрежденіи новыхъ земскихъ чиновъ». Эти новые чины или, точнѣе соотвѣтственное духу времени представительное устройство съ либеральнымъ и справедливымъ закономъ о выборахъ и съ предоставленнымъ чинамъ правомъ дѣятельно участвовать въ законодательствѣ и установленіи податей, наблюдать за хозяйственнымъ управленіемъ государства и входить въ случаѣ нужды съ жалобами и прошеніями, — это должно было завершить собою великое дѣло организаціи, предпринятое Штейномъ. Но послѣдняя часть плана и позже не была приведена въ исполненіе: сначала препятствовали тому обстоятельства и вынужденное бѣгство Штейна, потомъ — реакціонныя вліянія. Да и изъ остальныхъ его предположеній нѣкоторыя не осуществились вовсе, другія были ослаблены и искажены. Но не смотря на то эти учрежденія стали зерномъ, изъ котораго развилось все, чѣмъ съ тѣхъ поръ внутреннее управленіе Пруссіи во многомъ отличалось отъ другихъ правительствъ. — Своими преобразованіями Штейнъ нажилъ себѣ въ кругу старой прусской аристократіи много враговъ¹; заодно съ французской партіей, они старались происками и всегдашнимъ заподозрѣваніемъ его дѣйствій добиться удаленія этого министра. На пагубу ему воспользовались перехваченнымъ письмомъ Штейна къ князю Витгенштейну, гдѣ между прочимъ говорилось о

¹ Хотя по своему рожденію, привычкамъ и воспитанію онъ и самъ не былъ чуждъ даже нѣкоторыхъ предразсудковъ аристократизма.

томъ, что должно поддерживать духъ недовольства въ Вестфальскомъ королевствѣ и побуждать Пруссію на союзъ съ Австріей. Штейна представили королю средоточіемъ великаго заговора и такимъ образомъ добились его увольненія. Едва оно состоялось (явн. 1809), какъ Наполеонъ объявилъ Штейна (le pommé Stein) внѣ законовъ и велѣлъ конфисковать его имѣнія, находившіяся въ предѣлахъ Рейнскаго союза. Къ прискорбію всѣхъ истинныхъ патріотовъ, баронъ поспѣшно выѣхалъ изъ Пруссіи и бѣжалъ сначала въ Богемію, а потомъ въ Россію, заявивъ напередъ свои либеральныя политическія правила въ Запискѣ, которую въ послѣдствіи прозвали «Штейновымъ завѣщаніемъ». Между тѣмъ преемникъ его, государственный канцлеръ Гарденбергъ, дѣйствовалъ по мѣрѣ силъ въ духѣ Штейна и старался объ умаленіи средневѣковыхъ сословныхъ правъ и неудобствъ ограниченія прусской территоріи. Подъ покровительствомъ ловкаго, умнаго канцлера основанъ въ 1809 г. Гумбольдтомъ, Альтенштейномъ, Нибуромъ, Шлейермахеромъ и друг. берлинскій университетъ, много содѣйствовавшій пробужденію свободаго, патріотическаго образа мыслей. Къ той же цѣли и къ оживленію чувства народнаго чести въ Германіи стремились, съ одной стороны, философъ Фихте въ своихъ «Рѣчахъ къ германской націи», гдѣ онъ между прочимъ взывалъ къ воспитанію въ своенародномъ духѣ и видѣлъ въ собственной силѣ каждаго единственное спасеніе отъ скорбныхъ обстоятельствъ той эпохи, — съ другой стороны — такъ-называемый союзъ доблести (Tugendbund), основанный Барделебенемъ, фонъ-Москвой, Леманомъ и друг. и соединившій въ себѣ или по крайней мѣрѣ расположившій въ свою пользу многихъ благородныхъ людей края и нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ, которые впоследствии снискали себѣ почетное имя въ Германіи, хотя впрочемъ непосредственное вліяніе этого союза на ближайшій ходъ дѣлъ вовсе не было такъ значительно, какъ долго полагали. Недовѣріе французской полиціи, а также преувѣличенія и неосторожности самого союза, повели еще въ концѣ 1809 г. къ официальному его закрытію. Такимъ образомъ начала истиннаго порядка, свободы и національности береглись въ глубокой тайнѣ до тѣхъ поръ, пока настала заря освобожденія.

Турція. По Тильзитскому миру дружественной съ Наполеономъ и враждовавшей съ Англичанами и Русскими Портъ были возвращены Дунайскія земли (Молдавія и Валахія). Султанъ Селимъ III (1789—1807), руководимый французскимъ посломъ Себастиани, старался

сблизить Турцію съ христіанскимъ просвѣщеніемъ и предпринялъ многія реформы, ненавистныя ревнителямъ ислама. Введеніемъ европейскаго воеустройства старался онъ ослабить и вытѣснить буйныхъ янычаръ; но попытка эта скоро обратилась ему въ пагубу. Опираясь на муфти и улемовъ, янычары произвели возстаніе и принудили султана пожертвовать ихъ мести своими совѣтниками. Трепеща отъ страха, бездѣтный султанъ уступилъ власть своему племяннику Мустафѣ (IV), который отмѣною всѣхъ нововведеній немедленно усмирилъ мятежь (1807). Но и господство Мустафы было непродолжительно. Противъ него возмутился рушукскій паша Байрактаръ, сторонникъ Селима и его преобразованій; онъ проникнулъ въ столицу и взялъ приступомъ сераль (іюль 1808). Но его намѣреніе возвратить власть прежнему султану повело къ убіенію послѣдняго Мустафой. Байрактаръ отмстилъ за это злодѣйство умерщвленіемъ всѣхъ совѣтниковъ Мустафы и низложеніемъ султана. Повелителемъ правовѣрныхъ сталъ братъ его, Махмудъ II (1808—1839), и Байрактаръ, въ санѣ великаго визиря, возстановилъ опять всѣ учрежденія Селима, но тѣмъ вызвалъ новое возстаніе янычаръ, которое погубило его и его войско, несмотря на отчаянное ихъ сопротивленіе.—По умерщвленіи прежняго султана Мустафы (ноябрь) Махмудъ согласился на возвращеніе къ старотурецкому порядку, и тѣмъ единственно спасъ свой тронъ. Тѣсная связь Наполеона съ императоромъ Александромъ послѣ Эрфуртскаго свиданія побудила Порту вступить въ союзъ съ Англіей. Вскорѣ потомъ началась кровопролитная трехлѣтняя война между Россією и Турціей за обладаніе Дунайскими землями, которая, при посредничествѣ Англіи, окончилась миромъ въ Бухарестѣ только уже тогда, когда Наполеонъ вооружилъ противъ Россіи всю Европу (май 1812). По этому миру Прутъ признанъ былъ между обѣими державами пограничною рѣкой.

§ 752. г) Франція. Россія. Англія. Со времени Тильзитскаго мира свобода и независимость Европы могли подвергнуться опасности съ трехъ сторонъ, со стороны Франціи, Россіи и Англіи. Къ счастью Англія не дала себя опутать сѣтями Наполеона; Россія же пошла съ нимъ теперь заодно и старалась раздвинуть свои предѣлы къ югу, на счетъ Турціи, а къ сѣверо-западу на счетъ Шведовъ, въ то время какъ Наполеонъ расширялся на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ другихъ частяхъ материка. Англія такъ же деспотически повелѣвала на морѣ, какъ Наполеонъ на сушѣ; и она уважала только

тѣ права, которыя поддерживались силой самозащиты. Послѣ свиданія Наполеона съ императоромъ Александромъ на Эрфуртскомъ съѣздѣ (27 сент. 1808), гдѣ развернулся весь блескъ европейскаго великолѣпія и куда явилось четыре короля и 34 владѣтельныхъ князя Германіи, чтобы преклониться передъ сильнымъ и приумножить собой его кортежъ, Европа находилась въ опасности подпасть господству того или другаго императора. Тайный договоръ (18 окт. 1808) соединилъ обоихъ государей ко взаимной помощи и къ обоюдному признанію власти другъ друга въ тогдашнихъ предѣлахъ, со включеніемъ и начатыхъ уже завоеваній.—Опираясь на дружбу Россіи, Наполеонъ устремилъ всю свою ярость противъ неодолимаго острова. Знаменитый декретъ о блокадѣ отъ 21 ноября 1806 года, воспрещавшій всякое сношеніе съ Англіей и повелѣвавшій отбирать всѣ англійскіе товары, былъ началомъ той тяжелой и притѣснительной континентальной системы¹, которой британское министерство, руководимое Портлендомъ, Каннингомъ, Кастельрè и друг., противопоставило приказъ захватывать каждый нейтральный корабль, который выйдетъ изъ портовъ Франціи или ея союзниковъ.

§ 753. Скандинавскія событія. Король Густавъ IV, до тѣхъ поръ воевавшій противъ Французовъ въ союзѣ съ Пруссією и Россією, не захотѣлъ приступить къ Тильзитскому миру, но продолжалъ борьбу одинъ при помощи англійскихъ субсидій. Сначала видѣли въ этомъ твердость характера и величіе души, но вскорѣ безпредѣльное своеправіе короля и совершенное непониманіе имъ своего положенія показали ясно разстройство его умственныхъ способностей. Онъ отказывалъ въ императорскомъ титулѣ «генералу Бонапарту», достигшему власти во Франціи, а силой одного меча; увлекаясь восторженными религіозными мечтами, онъ считалъ себя призваннымъ возстановить на тронъ Бурбоновъ и низвергнуть апокалипсическаго звѣря — Наполеона. Не-

¹ Гнетъ этой произвольной мѣры былъ однакожъ не бесполезенъ въ томъ отношеніи, что вынуждалъ къ самостоятельности промышленныя силы Европейскаго материка. Сравни § 794.

ненависть свою къ послѣднему онъ простеръ такъ далеко, что глубоко оскорбилъ Пруссію и Россію, возвративъ имъ ихъ орденъ и удаливъ ихъ посланниковъ, за то что онъ заключили миръ съ «хищникомъ престола». Такимъ безразсуднымъ поведеніемъ навлекъ онъ великое несчастіе своему народу, да и самъ утратилъ свой престолъ. Французы завоевали Штральзундъ и островъ Рюгенъ и отняли у Шведовъ послѣднія владѣнія ихъ въ Германіи (февр. 1807), между тѣмъ какъ русскія войска вступили въ Финляндію (ноябрь) и безъ труда овладѣли этою выгодно лежащею страной. — Опасаясь, чтобъ Французы не стали твердою ногой у Балтійскаго моря и не преградили имъ всякаго сообщенія съ тамошнимъ побережьемъ, заперевъ Зундскій проходъ, Англичане предложили Даніи соединиться съ ними и отдать имъ на сохраненіе свой довольно значительный флотъ. Король съ негодованіемъ отвергъ такую неслыханную опеку. Тогда явилась въ Зундъ сильная англійская эскадра, (2—5 сент. 1807) бомбардировала Копенгагенъ, превратила городъ въ развалины и увела съ собой въ видъ добычи всю морскую силу Датчанъ (18 линейныхъ кораблей, 15 фрегатовъ и множество мелкихъ судовъ). Это нарушеніе международнаго права возмутило Датскаго короля до глубины души; онъ тѣсно соединился съ Франціей, объявилъ войну Англичанамъ и союзнику ихъ, королю Шведскому, и, на бѣду себѣ и своему народу, не отказался отъ ненависти къ своевольнымъ островитянамъ даже и тогда, когда благоразумная политика требовала бы отступить отъ Франціи и примкнуть къ союзникамъ, выставившимъ противъ нея всѣ свои силы. Впрочемъ и другія державы были дотога оскорблены противнымъ народному праву поступкомъ Англичанъ съ Даніей, что весь материкъ заперъ ихъ судамъ доступъ въ свои порты. Британцы вознаградили себя за это отнятіемъ у Датчанъ всѣхъ колоній. — Теперь одинъ только Густавъ Шведскій держался еще Англій, но при этомъ поступалъ такъ странно и двусмысленно, что и сама Англія предоставила его на волю судьбы. Русскіе уже приближались къ его столицѣ, Датчане и присланный имъ отъ Наполеона въ помощь испанскій корпусъ подъ начальствомъ ла-Романы угрожали предѣламъ Швеціи; ратное устрой-

ство края, благодаря небрежности и неумѣнью Густава, было въ самомъ жалкомъ состояніи; тяжкихъ податей, налагаемыхъ безъ согласія земскихъ чиновъ, собрать было невозможно, а король между тѣмъ все-таки упорно отвергалъ всякой миръ. Тогда въ столицѣ и въ арміи составился заговоръ, вслѣдствіе котораго Густавъ IV былъ насильственно схваченъ въ своемъ замкѣ (13 марта 1809) и по подписаніи имъ отреченія отъ престола препровожденъ въ одинъ старый замокъ, лежавшій на острову. Поспѣшно собранный сеймъ, опираясь на свое прежнее избирательное право, объявилъ Густава IV и все его потомство лишеннымъ престола, провозгласилъ королемъ дядю его Карла (XIII), герцога Зюдерманландскаго, и ограничилъ монархическую конституцію, усиливъ власть чиновъ и государственнаго совѣта. За этимъ переворотомъ тотчасъ же послѣдовалъ миръ съ Россіей, Даніей и Франціей.

Русскимъ Швеція уступила Финляндію до рѣки Торнео и Аландскіе острова, а отъ Франціи получила обратно Померанскія владѣнія съ условіемъ отказаться отъ союза съ Англіей и приступить къ континентальной системѣ. Необходимый при бездѣтной старости короля выборъ наследника сначала палъ на одного изъ принцевъ Голштинскихъ, а когда тотъ внезапно умеръ, на маршала Бернадота (князя Понте-Корво), который пріобрѣлъ себѣ многихъ друзей между шведскими офицерами своимъ челолюбивымъ и пріятливымъ обращеніемъ съ Шведами въ прусскую войну при отступленіи ихъ изъ Лауэнбурга. Бернадотъ, съ не совсѣмъ охотнаго согласія Наполеона, объявленъ былъ наследнымъ принцемъ въ Швеціи (21 авг. 1810) и, по принятіи имъ господствующаго лютеранскаго исповѣданія, усыновленъ Карломъ XIII.

Надежда Шведовъ сблизиться этимъ выборомъ съ Наполеономъ оказалась тщетною. Требованіе властителя Европы прервать сношенія съ Англіей, на что не соглашался кронпринцъ Карлъ Іоаннъ, вскорѣ повело къ неудовольствію и непріязни. Наполеонъ снова занялъ Померанію, но этимъ дотога раздражилъ своего бывшаго соратника, Бернадота, что тотъ при самомъ началѣ русской войны заключилъ съ императоромъ Александромъ союзъ въ Або и еще болѣе сблизился съ Англичанами. Поддержкою съ ихъ стороны этотъ умный якобинецъ, изъ Гаскони, утвердилъ на головѣ своей корону Швеціи и сверхъ того обез-

печилъ себѣ обладаніе Норвегіей. Сверженіе Наполеона не коснулось Шведскаго королевства. По смерти Карла XIII (1818) Бернадотъ безпрепятственно наследовалъ ему подъ именемъ Карла XIII Гоанна, и когда онъ сложилъ на покой свою утомленную голову, на тронъ вступилъ благородный сынъ его Оскаръ (1844), который чувствовалъ власть свою дотога упроченной, что не побоялся отмѣнить постановленіе, запрещающее семейству Вазъ пребываніе въ шведскихъ предѣлахъ. — По окончаніи новой конституціи, низложенному королю Густаву IV разрѣшено было отправиться въ Германію съ обезпеченіемъ ему значительнаго дохода. Съ тѣхъ поръ онъ велъ непосѣдную жизнь подъ именемъ полковника Густавсона и умеръ только въ 1837 г. въ Санктъ-Галленѣ, разставшись по неудовольствіямъ съ своей семьей и добровольно терпя нужду; это былъ твердый царственный характеръ, которому недоставало только ясности въ мысли и благоразумія. Сынъ его, принцъ Ваза, состоитъ на службѣ въ австрійской арміи. Скоропостижную смерть избраннаго прежде въ наследники престола, Голштинскаго принца Христіана Августа († 18 мая 1810), приписали отравленію, въ которомъ вину графа Ферзена (иногда участвовашаго въ неудачномъ бѣгствѣ Людовика XVI) и сестру его графиню Пиперъ. Поэтому при погребеніи произошелъ народный мятежъ, въ которомъ Ферзенъ былъ безчеловѣчно убитъ, а дворецъ сестры его разоренъ до основанія.

3. Событія на Пиренейскомъ полуостровѣ.

§ 754. Португалія. Послѣ того, какъ упраздненіемъ трибуната и стѣсненіемъ печатной гласности Наполеонъ утвердилъ въ своемъ государствѣ безусловную монархію, онъ приступилъ къ исполненію давно задуманнаго плана соединить южныя и западныя края Европы въ одну всемірную державу подъ рукою Франціи. Для этого старался онъ присвоить себѣ Пиренейскій полуостровъ и покорить своей власти независимыя еще италійскія владѣнія. Онъ началъ тѣмъ, что заявилъ португальскому правительству требованіе отречься отъ союза съ Англіей и запереть британскимъ судамъ свои порты. Отказъ тамошняго двора повиноваться этому повелѣнію, подалъ Французскому императору желанный поводъ, въ согласіи со всемогущимъ испанскимъ министромъ Годои,

быстро двинуть черезъ испанскіе предѣлы въ Португалію отрядъ подъ предводительствомъ Жюно. Робкій лиссабонскій дворъ не выждалъ прибытія Французовъ, а бѣжалъ на англійскихъ корабляхъ со всеми своими сокровищами въ Бразилію (27 ноября 1807), послѣ чего Жюно, возведенный въ герцога д'Абрантесъ, съ небольшою арміей изъ новобранцевъ, овладѣлъ столицей (30 ноября) и цѣлою страной, обложилъ ее тяжкими военными поборами и наконецъ, именемъ своего государя, объявилъ, что «Браганскій домъ пересталъ царствовать» (1 февр. 1808).

Въ силу раздѣльнаго договора, заключеннаго княземъ Мира въ Фонтенеблѣ (27 окт. 1807), испанскому временщику предоставялась въ видѣ независимаго княжества южная часть края (Альгарвія), малолѣтній король Карлъ-Людовикъ Этрусскій долженъ былъ получить съверъ въ вознагражденіе за уступаемую имъ Французскому императору область свою въ Италіи (§ 747. 3.), а средняя часть Португаліи—находиться до времени въ распоряженіи Наполеона.

§ 755. Козни въ Байонѣ. Фонтенеблоскимъ договоромъ недостойный Годои совершенно предалъ свое отечество въ руки Наполеона. Этотъ временщикъ, безъ всякихъ доблестей, заслугъ и дарованій, однимъ расположеніемъ къ нему порочной королевы, при безпредѣльной слабости короля Карла IV, достигъ неограниченной власти въ гражданскомъ и военномъ управленіи и сталъ настоящимъ регентомъ Испаніи. Въ то время какъ испанскія войска шли подъ знаменемъ французскаго владыки и проливали за его завоевательные планы кровь свою въ Португаліи и въ Даніи, сто тысячъ Французовъ заняли мало-по-малу востокъ и западъ испанской державы. Князь Мира, озобоченный воинскими приготвленіями, которыхъ онъ не ожидалъ въ такомъ размѣрѣ, и трепеща передъ ненавистью взволнованнаго народа, на сторонѣ котораго былъ враждебный фавориту наследный принцъ Фердинандъ, рѣшился убѣжать съ дворомъ въ Севилью, а оттуда въ Америку. Но прежде чѣмъ осуществился этотъ планъ, въ Арангуэсѣ и Мадридѣ возникли бурныя народныя движенія (18 марта 1808), при чемъ дворецъ ненавистнаго князя Мира былъ разграбленъ и разоренъ, да и ему лично нанесли многія оскорбленія и угрожали смертью. Напуганный опасностью, какой подвергалась дорогая жизнь его любимца, слабый Карлъ IV старался укротить народную ярость тѣмъ, что отрекся отъ

престола въ пользу старшаго сына своего, Фердинанда, который, будучи врагомъ Годои, былъ столько же любимъ націей, какъ смертельно ненавистенъ своимъ родителямъ. Съ восторгомъ привѣтствовалъ народъ новаго властителя; но совершившееся въ то же время занятіе Мадрида французскимъ главнокомандующимъ въ Испаніи Мюратомъ, наполнило радостныя сердца тревожнымъ ожиданіемъ. Тщетны были надежды Фердинанда заинтересовать въ свою пользу Наполеона просьбами одобрить вступленіе его на престолъ и осчастливить его рукою одной изъ своихъ родственницъ; Наполеонъ уже рѣшился обратить Испанію въ лѣнную державу своего дома и потому гораздо болѣе былъ бы радъ отъѣзду двора въ Америку, нежели этой любой народу переменѣ правителя. Карлъ IV и Годои въ своей стороны обращались къ нему съ жалобами на Фердинанда и такимъ образомъ ставили его судьбою между сыномъ и отцомъ; Наполеонъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы поймать всю королевскую семью въ сѣти своей двуличной и коварной политики. Не высказывая своихъ видовъ и намѣреній, онъ пригласилъ для личныхъ переговоровъ въ Байонну и старую королевскую чету съ княземъ Мира, и Фердинанда. Напрасно друзья послѣдняго предостерегали его отъ этой поѣздки; напрасно и самъ народъ, чуя грядущую бѣду, старался помѣшать принцу въ его путешествіи и выпрягъ лошадей изъ его кареты, — слабодушный Фердинандъ не дерзнулъ противиться могучему властителю. Онъ поѣхалъ въ Байонну, гдѣ уже засталъ своихъ родителей и князя Мира. Здѣсь, обольщенный посулами Наполеона, Годои уговорилъ слабоумнаго Карла IV взять обратно свое отреченіе, но только для того, чтобы снова отказаться отъ пріобрѣтенной короны за себя и свое потомство въ пользу Наполеона и его фамиліи, а своего ненавистнаго сына лишить наслѣдства. Безхарактерный Фердинандъ, неспособный ни къ какой энергической рѣшимости, угрозами и происками Наполеона былъ доведенъ до признанія этого дипломатическаго насильства. Пользуясь ежегодной пенсіей, жилъ онъ съ тѣхъ поръ во Франціи и не заботился о великой борьбѣ, которую народъ его велъ за свободу и національность. Наполеонъ принялъ мѣры, чтобъ собраніе испанскихъ именитыхъ людей (конституціонная хунта) признала брата его Иосифа королемъ Испаніи (6 іюня), окружилъ его умно-избраннымъ министерствомъ и старался примирить націю съ новымъ порядкомъ либеральною конституціей, примыкавшею къ уставамъ древнихъ кортесовъ, и отличнымъ судоустройствомъ; но еще до окончанія дипломатической продѣлки байонской, въ Мадридѣ вспыхнуло страшное

возстаніе (2 мая), причемъ около 1200 французскихъ солдатъ изъ Мюратовой арміи пали жертвою народной мести: оно ясно доказывало, что народъ поддается чужевластію совѣтъ не такъ легко, какъ слабодушная династія. Карлъ IV умеръ безславный и всеми забытый въ Римѣ, куда онъ удалился съ княземъ Мира и съ своей семьей.

§ 756. Испанская война. Еще прежде чѣмъ Іосифъ Бонапартъ, уступивъ королевство Неаполь шурина своему Мюрату, торжественно вступилъ съ французскою арміей въ Мадридъ, испанскій народъ, предводимый частью дворянъ и многочисленнаго духовенства, произвелъ повсемѣстное возстаніе; учрежденныя въ важнѣйшихъ городахъ хунты и кровавыя мятежи противъ Французовъ ознаменовали его ненависть къ новому порядку. Съ изумленіемъ смотрѣла Европа на необычайное явленіе народной войны, распространившейся изъ Испаніи въ Португалію и неодолимой даже для храбрыхъ полчищъ Наполеона.

Во всехъ концахъ края образовались подъ начальствомъ смѣлыхъ предводителей вооруженныя дружины суровыхъ поселянъ, которыя пользуясь дебрями и горными высотами своей родины сильно нападали на французскіе отряды; города запирали имъ свои ворота, и геройство, съ какимъ Саратога подъ начальствомъ Палафоха, Гирона подъ начальствомъ Альвареса, Гостальричъ, Мурвіэдро (древній Сагунтъ), Валенсія и многія другія мѣста отражали приступы Французовъ, напоминало собой Нуманцію и Сагунтъ. Англичане, обрадовавшись, что французскій повелитель нажилъ себѣ новаго могущественнаго врага, оказывали Испанцамъ и Португальцамъ энергическую помощь и начали потомъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, опираясь на туземцевъ, первую на сушѣ успѣшную войну противъ своего непріятеля. Между тѣмъ какъ образованная часть народа была болѣе предана новому порядку, надѣлявшему ее свободою государственною жизнью и политическими правами, нежели абсолютизму прежняго времени, и тѣмъ самымъ навлекла себѣ гоненіе и прозвище «Іосифовцевъ» (Josephinos), большая масса народа оставалась недоступною плодамъ революціи, и изувѣрное духовенство, съ ужасомъ смотрѣвшее на святотатцевъ-сосѣдей, поддерживало въ ней непримиримую ненависть ко всему французскому. Поэтому между Испанцами, возставшими за свою вѣру, народность и независимость, и ихъ закаленными въ бояхъ врагами, разгорѣлась страшная, исполненная ужасовъ борьба, которая была тѣмъ

пагубнѣ для Французовъ, что противники рѣдко выступали передъ ними въ открытомъ полѣ, а постоянно вели малую партизанскую войну (герилья) и нападали на отдѣльные отряды въ неудобныхъ для нихъ мѣстностяхъ. Сколько ни старался Иосифъ благоразумнымъ, умѣреннымъ и либеральнымъ управленіемъ привлечь Испанцевъ на сторону новаго государственнаго устройства, хунты, имѣвшія свое средоточіе въ севильской центральной хунтѣ, пріобрѣли, не смотря на свои раздоры, болѣе власти и уваженія въ народѣ, особенно, когда Французскій императоръ, пренебрегая королевскимъ достоинствомъ и честью своего брата, началъ произвольно распоряжаться въ Испаніи и такимъ образомъ хотѣлъ поставить этотъ край въ полную зависимость отъ Франціи. Хотя Наполеоновы войска и поддерживали королевское правительство въ Мадридѣ, однако революціонное правительство хунтъ, дѣйствовавшее именемъ Фердинанда, почерпало свою силу въ народномъ духѣ и въ сочувствіи другихъ странъ, которыя и словомъ и дѣломъ ободряли ихъ свергнуть иго французскаго деспотизма. Не смотря на то, при внутреннемъ разногласіи и наслѣдственной ненависти различныхъ областей и хунтъ между собою, Наполеонъ конечно все-таки одержалъ бы верхъ, еслибъ ненасытное властолюбіе не вовлекло его въ то же время въ другія войны и еслибъ англійскія арміи не пришли на помощь инсургентамъ. Впрочемъ безначаліе, водворившееся во время борьбы на всемъ полуостровѣ, было скорѣе выгодно чѣмъ вредно для Испанцевъ, ибо при отсутствіи всякой централизаціи, повелѣвающей всѣмъ столицы и объединяющаго страну правительства, надобно было завоевывать порознь каждый городъ, каждый уголокъ, что длило войну до безконечности. Спротивленіе росло вмѣстѣ съ пораженіями.

Большія ополченія разомъ противустали Французамъ во всѣхъ областяхъ, послѣ того какъ захватъ французскаго флота въ Кадиксѣ послужилъ сигналомъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Бессьеръ одержалъ при Мединѣ дель-Ріо-Секко блистательную побѣду надъ непривычными ополченцами (14 іюля 1808); казалось, что и возстаніе испанскаго народа поведетъ только къ новымъ побѣдамъ воинственнаго императора, — какъ вдругъ раздалась вѣсть о капитуляціи генерала Дюпона подъ Байленомъ (въ Андалузій, 22 іюля), въ силу которой 20,000 Французовъ сдались въ плѣнъ и болѣею частію погибли самымъ бѣдственнымъ образомъ. Этотъ ударъ наполнилъ весь испанскій народъ энтузіазмомъ и неслыханнымъ

рвеніемъ; даже многіе министры покинули короля и примкнули къ инсургентамъ; въ Мадридѣ обнаружались признаки угрожающаго возстанія и принудили Иосифа бѣжать на сѣверъ своего королевства; французскія войска отошли за Эбро, и дѣло Французовъ на Пиренейскотъ полуостровѣ казалось потеряннымъ, когда вслѣдъ за этимъ пришла вѣсть, что и въ Португаліи они должны были уступить соединеннымъ силамъ хунтъ и Англичанъ, высадившихся подъ начальствомъ Веллесея (Веллингтона), Мура, Нѣпира и другихъ полководцевъ, и потерпѣли бы вѣроятно такую же участь какъ и армія Дюпона, еслибъ слишкомъ поспѣшною капитуляціею въ Синтрѣ (30 авг.) Англичане не предоставили войскамъ Жюно свободнаго перевоза моремъ во Францію.

§ 757. Конституція 1812 года. Но могъ ли Наполеонъ съ его боевыми арміями, свергавшими царей и покорявшими народы, отступить передъ дружинами простыхъ ополченцевъ и предоставить Пиренейскій полуостровъ на волю ненавистныхъ ему Англичанъ? Эта мысль была невыносима для его гордости. Подкрѣпивъ свои войска новыми наборами, двинулся онъ за Пиренеи самъ во главѣ сильныхъ, отлично вооруженныхъ армій, предводимыхъ превосходными полководцами, каковы Сультъ и друг. Беспорядочныя, необученныя и невыправленныя дружины Испанцевъ, противуставъ безъ всякаго военнаго плана величайшему изъ побѣдителей, легко были одолѣны (подъ Бургосомъ, Эспинозой, Туделой, Сомесіэррой), такъ что уже черезъ четыре недѣли императоръ могъ торжественно вступить въ Мадридъ (4 дек.) и возвратитъ престолъ своему брату. Между тѣмъ какъ Наполеонъ принималъ новыя правительственныя мѣры въ столицѣ, кротостью и угрозами старался побудить Испанцевъ къ признанію ихъ новаго короля и подвергалъ строгому уголовному суду наиболѣе виновныхъ, полководцы его выдерживали кровавыя битвы противъ предводителей дружинъ и англійскихъ отрядовъ. Сарагоса («дѣва Сарагоса») была взята послѣ самаго отчаяннаго сопротивленія (21 дек. 1808—20 февр. 1809) и Палаfoxъ отведенъ военноплѣннымъ во Францію; англійскія войска ограничили защитою Португаліи, послѣ того какъ геройская борьба и геройская смерть Мура подъ Коруньей, 16 янв. и по-

бѣда Веллеслея (Веллингтона) при Талаверѣ, 28 іюля 1809 г., доказали однакожь, что сухопутные войны Британцевъ не уступаютъ въ храбрости ихъ морякамъ, Севилья и вся Андалузія и Гренада также достались въ руки Французамъ. Не смотря на то Испанія все еще держалась на ногахъ. — Чѣмъ побѣдоноснѣе враги были въ открытомъ полѣ, тѣмъ обдуманнѣе велась малая война, особенно съ тѣхъ поръ какъ маркизу ла-Романъ, нарочно отправленному Наполеономъ съ 18,000 отборныхъ Испанцевъ въ далекую Данію, удалось воротиться оттуда на англійскихъ корабляхъ при первой вѣсти о возстаніи отечества. Снова ожилъ тогда воинственный духъ древнихъ Испанцевъ, и между тѣмъ какъ національное правительство (верховное регентство) въ Кадиксѣ (который одинъ сопротивлялся приступамъ враговъ и оттого по паденіи Севильи былъ признанъ политической столицей всего края) громило своими декретами Іосифа и его приверженцевъ, и созывомъ народнаго представительства привело къ столь важной для будущности Испанцевъ кортесской конституціи—смѣлые вожди отдѣльныхъ дружинъ поддерживали въ народѣ воинское мужество, фанатизмъ и самоувѣренность.

Замѣчательно, что въ то самое время какъ народъ съ яростью и остервененіемъ бился съ Французами и боролся противъ вновь заводимыхъ порядковъ, представители націи, призванные выборомъ того же народа и принадлежащіе по большей части къ образованному и ученому сословію, собрались въ Кадиксѣ подъ прежнимъ именемъ кортесовъ и начертали государственный уставъ, во многомъ близкій къ французской конституціи 1789 г. Конституція двѣнадцатаго года, при обсужденіи которой преданные новому порядку либералы взяли верхъ надъ сторонниками древне-испанскаго устройства (которыхъ прозвали работъпцами), поставила народъ выше королевской власти, ограниченной правильно собирающимися кортесами, католическую вѣру признала государственною религіей, но оградила государство отъ пробыданія духовныхъ упраздненіемъ инквизиціи и сокращеніемъ числа монастырей, наконецъ — бѣлому населенію въ колоніяхъ предоставила одинакія политическія права съ гражданами метрополи. При этомъ постановлено ею разьединеніе трехъ властей (законодательной, исполнительной, и судебной), новое дѣленіе края на

округи и новое общинное устройство, уничтоженіе сословныхъ преимуществъ и средневѣковыхъ тягостей, обременявшихъ земледѣліе и скотоводство, и наконецъ узаконена свобода печати. Однакожь, благодаря влиянію духовныхъ лицъ, новая эта конституція осталась чужда и ненавистна для большей части народа.

§ 758. Исходъ войны на Пиренейскомъ полуостровѣ. Когда въ 1809 году новая война съ Австріей вызвала императора изъ Испаніи, онъ оставилъ тамъ многочисленную армію, состоящую преимущественно изъ Нѣмцевъ. Эта армія, по окончаніи помянутой войны, была усилена почти до 300,000 человекъ; подъ начальствомъ самыхъ опытныхъ вождей (Сультъ, Массены, Сюшѣ, Нея, Сенъ-Сира, Мармона, Макдональда и друг.) обходила она различныя области полуострова и пожинала французскому оружію новые лавры. Но побѣды только усиливали ненависть къ Французамъ; малая война развивалась все кровопролитнѣе подъ руководствомъ искусныхъ и смѣлыхъ начальниковъ (Баллестероса, Эмпесинады, Морилью, Одоннея, Мины, Морено) и ни какая храбрость не служила защитой отъ вѣроломныхъ убійствъ, къ которымъ ярость и фанатизмъ влекли уже отъ природы мстительныхъ Испанцевъ. Мирнаго обладанія не могли доставить Французамъ даже и величайшіе подвиги испытанныхъ Наполеоновыхъ солдатъ, совершаемые то подъ знойнымъ солнцемъ Испаніи на открытомъ боевомъ полѣ, то при многотрудныхъ перелогахъ горами и дебрями (таковъ смѣлый походъ Массены черезъ Сіэру де-Бусако), то при осадахъ и приступахъ (Валенсія, Гироны, Сіудадъ-Родриго и друг.). Походъ на Россію вынудилъ императора уменьшить испанскую армію, между тѣмъ какъ англійскія войска были приумножены, и отлично снабженныя оружіемъ и провіантомъ, вторглись подъ главнымъ начальствомъ Веллингтона въ Испанію. Подкрѣпляемые летучими отрядами испанскихъ дружинъ (герильи), британскія арміи вскорѣ взяли верхъ надъ противниками, которые во всемъ терпѣли недостатокъ. Послѣ пораженія Мармона Веллингтономъ подъ Саламанкой (при Арапилахъ, 22 іюля 1812) Англичане заняли Мадридъ и выгнали короля Іосифа. Сюшѣ (пожалованный въ герцоги д'Альбуфера) и Сультъ, оба равно храбрые, оба равно черствые и хищные, удержали еще побѣду за зна-

менемъ Франціи и еще разъ проложили Юсифу путь къ его шаткому престолу въ Мадридъ; но страшная катастрофа, къ которой привелъ русскій походъ, побудила Французовъ къ отступленію и на западномъ полуостровѣ, а короля Юсифа вынудила покинуть испанскую почву. Послѣ славной побѣды при Витторіи (21 іюня 1813) и покоренія упорно защищаемыхъ и за то жестоко пострадавшихъ крѣпостей Санъ-Себастьяна и Памплоны, Веллингтонъ двинулся за отступающими черезъ Пиренеи Французами, оттѣснилъ Сульта при Ортезѣ и занялъ Бордо (февр. 1814). Испытанный въ бояхъ маршалъ геройски сопротивлялся подходившему къ Тулузѣ непріятелю еще 10 апрѣля, въ то время какъ союзники стояли уже лагеремъ на Элизейскихъ поляхъ въ Парижѣ, однако долженъ былъ уступить превосходной силѣ врага. — Сверженіе Наполеона возвратило испанскій престолъ лицемѣрному Фердинанду VII, котораго императоръ Французовъ освободилъ еще прежде своего отреченія, съ тѣмъ чтобы снова возжечь междоусобную войну на полуостровѣ; но народъ, отстаившій свободу края потоками своей крови, получилъ за то плохое вознагражденіе.

§ 759. Плѣненіе папы. Ненависть къ Французамъ и фанатическая ярость Испанцевъ преимущественно были дѣломъ духовенства; Наполеону слѣдовало бы научиться изъ этого, какъ сильно непризнаваемое имъ могущество религіи и стародавнихъ ея учрежденій на умы и души вѣрующихъ людей; но, увлекаемый гордостью, онъ не хотѣлъ допустить никакого предѣла своей власти. Отказъ папы запретить гавани Церковной Области англійскимъ судамъ и заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Франціей, дотога оскорбилъ Наполеона, что онъ не удовольствовался угрозою, отнять у св. отца всѣ земли, нѣкогда пожалованныя римскому епископу «августѣйшимъ предмѣстникомъ императора» Карломъ Великимъ, но и потребовалъ отъ него такихъ уступокъ, которыя бы значительно ограничили духовную власть церковнаго государя *). Когда же никакія угрозы не принудили Пія VII служить орудіемъ французскому повелителю и одобрить всѣ произвольныя его мѣры, Наполеонъ сначала отрѣзалъ отъ Церковной Области Анкону, Ур-

бино и другіе участки и присоединилъ ихъ къ королевству Италійскому. Однакожь и это ни мало не смирило стойкаго первосвященника; напротивъ, заодно съ Англіей и Австріей онъ принялъ свои мѣры противъ французскаго преобладанія. Тогда декретомъ, изданнымъ въ Шёнбрунѣ 16 мая 1809, Наполеонъ объявилъ о прекращеніи свѣтской власти папы, велѣлъ силою увести его изъ Рима и черезъ Гренобль препроводить въ Савону, кардиналовъ разослалъ по разнымъ городамъ и, раздѣливъ Церковную Область на два департамента, присоединилъ ее къ Французской державѣ. Римъ былъ объявленъ вольнымъ императорскимъ городомъ. Этимъ насиліемъ императоръ навлекъ себѣ отлученіе отъ церкви (10 іюня), которое для многихъ не значило уже ровно ничего, но въ Испаніи таки произвело свое дѣйствіе.

Противупоставляя просьбамъ и угрозамъ императора непоколебимую преданность своему долгу, папа, лишенный свободы и установленнаго закономъ совѣта кардиналовъ, рѣшительно отказывалъ въ утвержденіи всѣхъ назначаемыхъ Наполеономъ епископовъ. Тогда послѣдній, заодно съ парижскимъ архіепископомъ, старался возстановить свободныя учрежденія Галликанской церкви и началъ своевольно распоряжаться епископствами. Послѣ похода въ Россію императору удалось склонить Пія VII, перевезеннаго въ Фонтенеблѣ, къ заключенію конкордата (25 янв. 1813), которымъ назначеніе епископовъ было ограждено отъ папскаго произвола. Но только лишь низверженіе могучаго властителя возвратило свободу церковному государю и повело къ возстановленію Церковной Области (янв. и мартъ 1814). Пій VII былъ сосредоточенная въ себѣ и крайне совѣтливая натура; и на папскомъ престолѣ и плѣнникомъ въ Савонѣ онъ равно отличался простотой во внѣшней обстановкѣ, простотой во нравахъ и даже въ образованіи, не смотря на свою богословскую ученость; онъ былъ далекъ отъ выказнаго блеска своего предмѣстника Пія VI, далекъ и отъ его непотизма, не смотря на то, что родственники его жили по большей части въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

*) Наполеонъ требовалъ: 1) особаго патріарха для Франціи; 2) введенія французскаго уложенія (слѣдовательно и гражданскаго брака) въ Церковной Области; 3) свободнаго отправленія всякой вѣры въ ея предѣлахъ; 4) преобразованія въ епископствѣ; 5) уничтоженія монашескихъ орденовъ и 6) отнятія безбрачія духовныхъ лицъ.

4. Вторая война Наполеона против Австрии (1809).

§ 760. Аспернъ. Ваграмъ. Со времени Пресбургскаго мира податливая, безхарактерная политика Тугута и Кобенцеля отступила со стыдомъ на задній планъ; внѣшними дѣлами Австріи руководилъ энергическій графъ Стадіонъ, ревнуя чести и пользамъ отечества, и старался своевременными преобразованиями укрѣпить и возвысить государство. Въ это время возстаніе испанскаго народа, противъ котораго императоръ Французовъ долженъ былъ обратить значительныя арміи, наполнило Вѣнскій кабинетъ надеждой пріобрѣсть новымъ вооруженіемъ утраченное могущество.

Самовластные мѣры Наполеона въ Италіи и возрастающее влияние его въ Германіи пробудили въ Австріи зависть и опасенія; неудовольствіе, вызванное стѣснительною континентальною системою и военными тягостями, и сильное волненіе умовъ въ сѣверной Германіи подавали надежду, что германскій народъ приметъ участіе въ войнѣ противъ чужеземнаго ига. Но вѣра въ необходимость Французовъ и страхъ передъ завоевателемъ были еще такъ велики, что государи Рейнскаго союза не отважились противустать могучему властителю, отъ котораго вполне зависѣло ихъ возвысить или наоборотъ низвергнуть въ прахъ. Обаяніе императорскаго имени было еще слишкомъ неодолимо; южногерманскіе солдаты сами были увлечены военною славой, одушевлявшей Французовъ. Въ Австріи старались вызвать участіе народа къ новой войнѣ учрежденіемъ земскаго ополченія и пробудить одушевленіе и патриотизмъ высокопарными воззваніями, полными заманчивыхъ обѣщаній, а въ то же самое время посредствомъ новаго займа на покрытие военныхъ издержекъ требовался весь наличный металлъ, какъ «празднолежащіе запасы звонкой монеты», такъ и «всякая золотая и серебряная утварь, безъ которой можно было обойтись». Въ войскѣ старались умственными и нравственными средствами оживить и поднять чувство чести, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести надлежащія перемѣны по части его устройства и вооруженія. Весь край уподобился огромному военному стану; никогда еще Австрійская монархія не проникалась такой живою струей патриотическаго и воинственнаго одушевленія. Вооруженія производились съ необычайною ревностью, публичными подписками старались оказать помощь семействамъ ополченцевъ, приносились обильныя

патріотическія пожертвованія «на удовлетвореніе потребностей и на украшеніе защитниковъ роднаго края»; освященіе знаменъ вѣнскихъ охотниковъ (волонтеровъ) превратилось въ военно-народное празднество. Даровитѣйшій полководецъ Австріи, эрцгерцогъ Карлъ, былъ поставленъ во главѣ многочисленнѣйшей арміи. Въ его главной квартирѣ Генцъ и Фридрихъ Шлегель, въ то время императорскій придворный секретарь, сочиняли тѣ знаменитыя прокламаціи, которыя возбудили вниманіе всей Европы и въ которыхъ чаяли видѣть предвѣстіе славныхъ дѣлъ.

Прежде всего явилась 27 марта декларація, за подписью императора Франца, исчислявшая всѣ поводы къ жалобамъ, поданнымъ Австріи Наполеономъ съ 26 дек. 1805 года: «несовершенное исполненіе Пресбургскаго мира, отказъ очистить Браунау, заключеніе Рейнскаго союза, непрерывное занятіе Германіи прежде и послѣ прусской войны, навязанный Австріи разрывъ съ Англіей, угрожающій раздѣлъ Турецкой державы, и поступки въ Испаніи, ясно показывающіе Австріи, какая ожидаетъ ее участь, если она не найдетъ въ самой себѣ обезпеченія своему политическому существованію отъ всѣхъ опасностей, грозящихъ извнѣ». Уже въ 1808 г. — говорилось въ деклараціи — Наполеонъ старался застрашать Австрію и возстановить противъ нея новыхъ враговъ, уже и тогда тѣснилъ онъ Вѣнскій дворъ своими требованіями, чтобы Австрія признала оборотъ испанскихъ событій. Затѣмъ послѣдовали вооруженія, призывъ контингентовъ Рейнскаго союза и та оскорбительная война, какую должны были вести противъ Австріи французскіе и отчасти нѣмецкіе журналы. Австріи не нужно ничего кромѣ мира, но мира настоящаго, который вмѣсто того, чтобы ежедневно нарушаться угрозами, враждебными приготовленіями и странными, несообразными требованіями, дозволилъ народамъ австрійскаго государя спокойно пользоваться благодѣяніями отеческаго правленія, а ему лично — наслаждаться счастьемъ своихъ народовъ.

Замѣчательнѣе этихъ государственныхъ актовъ были прокламаціи, возвѣщавшія близкій взрывъ борьбы. Въ приказѣ по арміи отъ 6 апрѣля впервые обратился къ своему войску эрцгерцогъ Карлъ, чтобы призвать его къ борьбѣ за родину и независимость. «На васъ, говорилъ онъ, дорогие мои товарищи, обращены взоры свѣта и всѣхъ тѣхъ, въ комъ осталось еще чувство народнои чести и народнои собственности; вы не должны подобно другимъ быть позорнымъ орудіемъ пораженія; вы не должны вести въ отдаленныхъ странахъ безконечныя войны изъ-за чьего бы то ни

было разрушительно честолюбія; вы не станете проливать кровь за чужія выгоды, за чужую алчность; васъ не постигнетъ злая судьба уничтожать ни въ чемъ неповинные народы, для того чтобъ по трупамъ избытыхъ защитниковъ отечества пролагать чужеземцу путь къ похищенному престолу. Васъ ожидаетъ лучшая судьба, свобода Европы пріютилась къ вамъ подъ знамѣна. Побѣды ваши расторгнутъ узы порабощенія и ваши братья Германцы, стоящіе теперь въ непріятельскихъ рядахъ, только и ждутъ себѣ желаннаго освобожденія». Съ подобнымъ же воззваніемъ обратился австрійскій полководецъ къ «германской націи». «Мы сражаемся, говорилось въ немъ, за самобытность Австрійской монархіи, за то чтобъ снова доставить Германіи ту независимость и національную честь, которыя ей подобаютъ. Тѣ же притязанія, какія угрожаютъ намъ теперь, уже сокрушили Германію. Сопrotивленіе наше—ея единственный якорь спасенія, дѣло наше—дѣло всей Германіи. Въ связи съ Австріей Германія была независима и благополучна; только съ помощію Австріи можетъ она сдѣлаться и тѣмъ и другимъ. Германцы! поймите свое положеніе! примите предлагаемую вамъ помощь! дѣйствуйте для своего спасенія!» — Еще смѣлѣе были нѣкоторые акты, распроетраняемые безъ всякой подписи по мѣрѣ движенія впередъ австрійскихъ войскъ. Уничженіе Германіи съ 1805 и 1806 года изображалось тамъ огненными словами: хищничество и порабощеніе, позоръ Вестфальскаго королевства, вторженіе чуждыхъ властей и учрежденій, уводъ германской молодежи на поля истребительной испанской войны. «Не обычныя арміи — сказано въ одномъ изъ этихъ воззваній — спѣшать на помощь къ вамъ теперь. Нѣтъ! это арміи, воспламененныя любовью къ родному краю, отвращеніемъ къ чужеземному игу и самовластію. Онѣ сражаются за себя, за свободу и собственность, за народную самобытность, за отечество и право, за обожаемаго и справедливаго государя! Масса самого народа поднялась въ справедливомъ негодованіи и вся вооружилась! . . . Настоящая минута не воротится цѣлые вѣка! Схватитесь за нее, чтобъ она не выскользнула у васъ невозвратно! Подражайте великому примѣру Испаніи!»

Въ апрѣль Австрія начала войну противъ Французовъ тѣмъ, что силы ея разомъ двинулись въ Баварію, въ Италію и въ Варшавское герцогство (гдѣ Русскіе, въ союзъ съ Наполеономъ, и Поляки, подъ начальствомъ Понятовскаго, угрожали Галиціи). Уже позднимъ открытіемъ военныхъ дѣйствій Австрійцы упустили лучшую пору застать врасплохъ невоо-

руженнаго еще непріятели и быстрымъ занятіемъ союзно-германскихъ земель удержать ихъ отъ присоединенія къ Французамъ; другою важною ошибкой было то, что эрцгерцогъ Карлъ слишкомъ разъединилъ, разсѣялъ и раздробилъ свои собственныя силы, а своему искусному противнику далъ время сосредоточить на берегахъ Дуная различные корпуса своихъ маршаловъ и нѣмецкія союзныя войска, увлеченныя ловкими воззваніями, и потомъ своимъ дивнымъ полководческимъ геніемъ привести всю кампанію къ быстрому и рѣшительному исходу. Сильно подкрѣпленный со стороны Вюртемберга, Баваріи и другихъ державъ Рейнскаго союза, Наполеонъ съ значительною силою двинулся внизъ по Дунаю, мастерскимъ пятидневнымъ походомъ и цѣлымъ рядомъ удачныхъ схватокъ и битвъ (19—24 апр., при Гаузенѣ, или Таннѣ, при Абенсбергѣ, Ландсгутѣ, Экмюль, Регенсбургѣ) оттѣснилъ непріятели за Иннъ и снова двинулся въ самое сердце австрійскихъ владѣній. Но не смотря на эти пораженія, нельзя было не признать, что императорскія войска оживотворялись совсѣмъ новымъ духомъ; вездѣ боролись они истинно-геройски, и утраты по большей части были съ обѣихъ сторонъ одинаковы; при отступленіи изъ Ландсгута одинъ австрійскій гренадеръ, жертвуя собственною жизнью, зажегъ пороховой ящикъ и тѣмъ выручилъ своихъ товарищей изъ угрожавшей имъ бѣды. Подъ Эбельсбергомъ на Траунѣ (3 мая 1809) дрались Австрійцы съ изумительной храбростью, пока не вынуждены были наконецъ уступить превосходной силѣ непріятели и городъ и замокъ. 10 мая Наполеонъ стоялъ подъ стѣнами столицы и черезъ три дня вступилъ въ нее побѣдителемъ. Воззваніе къ Венграмъ, чтобы они избрали себѣ новаго короля и пріобрѣли свою древнюю независимость, можно было почесть вѣрнымъ предвѣстіемъ конечнаго разложенія Австрійской монархіи. Но ниже Вѣны, на старомъ Мархскомъ полѣ, гдѣ нѣкогда предокъ Габсбурговъ завоевалъ своему дому владычество надъ этою страной, эрцгерцогъ Карлъ оборонялъ сѣверный берегъ рѣки Дуная, черезъ которую вели многіе мосты. Когда французскія силы хотѣли перейти рѣку съ острова Лобау, онѣ встрѣтили въ двухдневной битвѣ подъ Асперномъ и Эслингеномъ (21 и

22 мая) такое страшное сопротивленіе, что должны были отказаться отъ своего намѣренія и приостановить на нѣсколько недель преслѣдованіе Австрійцевъ. Эта кровопролитная, хотя и нерѣшительная битва, въ которой пало болѣе 15,000 французскихъ воиновъ и между прочимъ храбрый маршалъ Ланнъ, генералы д'Эспанъ и Сентъ-Илеръ, впервые поколебала мнѣніе о личной непобѣдимости Наполеона и ободрила угнетенные имъ народы. Ужасны были страданія утомленной арміи на островѣ Лобау. Для утоленія голода убивали лошадей; жгучая жажда заставляла многихъ пить густую глинистую воду прибываго Дуная, по которому плыли тысячи мертвыхъ, окровавленныхъ тѣлъ. Французская армія успѣла переправиться черезъ Дунай и послѣ страшной битвы при Ваграмѣ (5 и 6 іюля) вынудить эрцгерцога Карла къ отступленію только уже тогда, когда Наполеонъ получилъ новыя подкрѣпленія и къ главной арміи примкнулъ Евгенийъ Богарне, который, сломивъ геройское сопротивленіе Австрійцевъ при Мальборгетто и Предиль, спѣшилъ черезъ Карнійскія и Юлійскія Альпы изъ Италіи, проникъ въ нижнюю Венгрію и въ день годовщины Маренго и Фридланда (14 іюня) разбилъ на берегу Рааба эрцгерцога Іоанна (бывъ прежде самъ разбитъ имъ при Сачиле, 16 апр.). Ваграмскія потери были, какъ и при Аспернѣ, почти одинаковы съ обѣихъ сторонъ, и тогда стало очевидно, что французскія войска не имѣютъ уже прежняго перевѣса въ открытомъ боѣ, утративъ въ непрерывной борьбѣ своихъ опытнѣйшихъ солдатъ и способнѣйшихъ офицеровъ, между тѣмъ какъ противники ихъ успѣли обучиться новой военной тактикѣ. Побѣда оставалась вѣрна знамени Наполеона только благодаря его превосходному полководческому таланту, который снова обнаружился этимъ походомъ въ полномъ блескѣ, благодаря его неутомимой дѣятельности, его дивному умѣнью пользоваться каждою слабостью непріятели и быстро наверстывать всякій претерпѣнный уронъ. Запоздалое прибытіе эрцгерцога Іоанна на поле битвы также содѣйствовало отчасти Ваграмскому пораженію, но не было, какъ утверждали многіе, главною причиною потери этого дня. Нѣсколько дней спустя эрцгерцогъ Карлъ заключилъ, при посредствѣ храбраго князя Іоанна Лихтенштейна, Цаймское перемиріе (12 іюля), и надо сказать

правду, этотъ слишкомъ поспѣшный шагъ освободилъ Наполеона изъ очень затруднительнаго положенія, потому что волненія въ сѣверной Германіи и возстаніе въ Тиролю угрожали ему въ то время народною войною, совершенно въ родѣ испанской. Вѣнскій или Шёнбрунскій миръ (14 окт.) опять урѣзаль Австрійскую монархію болѣе чѣмъ на 2,000 квадратъ пространства съ тремя миллионами жителей и вынудилъ правительство приступить къ континентальной системѣ и признать новый политическій составъ Италіи.

По Вѣнскому миру Австрія отказалась отъ Зальцбурга, Берхтесгадена, Иннской четверти и друг. земель, которыя отошли къ Баваріи; отъ западной и нѣкоторой доли восточной Галиціи съ городомъ Краковомъ, которыя частію были присоединены къ Варшавскому герцогству, частію достались Россіи; отъ Виллахскаго округа въ Каринтіи, также отъ Крайна, Триеста, Фриула, Кроаціи и другихъ земель, которыя, вмѣстѣ съ Далмаціей, Истріей и Рагузой, составили подъ верховной властію Наполеона особую державу Иллирійскихъ провинцій, отдѣленную отъ королевства Италіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено къ окончательному упраздненію Нѣмецкаго ордена, постановленному еще въ маѣ, и имущества его передавы тѣмъ государямъ, въ чьихъ владѣніяхъ они состояли на лицо; такимъ образомъ Мергентгеймъ достался Вюртембергу. — Въ слѣдующемъ году намѣстникъ Наполеона въ Рейнскомъ союзѣ князь примасъ Дальбергъ, пересталъ быть духовнымъ владѣтелемъ. Ему даны города и округа Франкфуртъ, Ганау, Фульда, Вецларъ и Ашафенбургъ, возведенные въ великое герцогство Франкфуртское. Въ преемники ему назначался Евгенийъ Богарне. Регенсбургъ, какъ прежде Нюрнбергъ, достался Баваріи. — Со времени Ваграмской битвы Наполеонъ тѣсно сблизился съ Макдональдомъ, который пришелъ къ нему изъ Италіи подъ начальствомъ вице-короля Евгенія Богарне; напротивъ, немилость императора навлекъ себѣ Бернадотъ, который, предвожда Саксонцами, приписалъ имъ въ одномъ изъ своихъ донесеній значительное участіе въ побѣдѣ и хвастливо утверждалъ, что они стояли какъ «бронза», тогда какъ они были отброшены изъ пылающаго Ваграма и поспѣшно отступили къ Адерклаа. Бернадотъ лишился за это команды и вслѣдъ за тѣмъ покинулъ военное поприще.

§ 761 Народная война въ Тиролю. Горная страна

Тироль, которой простое, честное население хранило чувство завѣтной вѣрности и преданности къ Австріи, по Пресбургскому миру отошла къ Баварцамъ. Новое названіе (Южная Баварія), новое раздѣленіе на округа, перемѣна въ устройствѣ администраціи, суда, богоугодныхъ учреждений, захваты церковнаго имущества и вмѣшательство въ замѣщеніе духовныхъ должностей, высылка трехъ послушныхъ епископовъ изъ Хура, Трианта и Бриксена, возвышеніе податей (гербовый сборъ), отмѣна прежнихъ уставовъ, новые таможенные порядки и—главное—ненавистная конскрипція возбудили тѣмъ болѣе неудовольствія, что въ силу мирнаго договора краю обезпечена была неизмѣнность его старыхъ учреждений. Грубые чиновники своей безошадностью и суровымъ обхожденіемъ усилили общее неудовольство и неприязнь до того, что Австрійцамъ, при возобновленіи войны, было очень нетрудно лестными посулами побудить Тироль къ возстанію противъ Баварцевъ и Французовъ, въ особенности потому, что духовенство, раздраженное религіозными нововведеніями и насильственными мѣрами Баваріи, употребляло въ пользу единоплеменниковъ-сосѣдей все свое вліяніе на крайне набожный и легковѣрный народъ, состоящій изъ поселянъ и охотниковъ, представляя ему въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ всякое измѣненіе стародавнихъ порядковъ, хотя бы оно служило и въ явную пользу для страны. Черезъ надежныхъ людей поддерживались тайныя сношенія съ любимцемъ горнаго края, эрцгерцогомъ Іоанномъ. Увѣренные въ австрійской помощи, Тирольцы взяли за свои охотничьи ружья и, подобно Испанцамъ, направляли ихъ мѣткіе стволы изъ-за горныхъ дебрей и вершинъ противъ враговъ, жертвуя кровью и добромъ за древнія свои учрежденія, за нравы и обычаи предковъ. Австрійскій полководецъ Шастелеръ двинулся чрезъ Пустерскую долину на помощь къ нимъ съ своимъ корпусомъ, за что Наполеонъ объявилъ его внѣ закона какъ зачинщика возстанія, и въ случаѣ, если онъ будетъ захваченъ, опредѣлилъ ему немедленную смерть. Въ главѣ инсургентовъ стоялъ Андрей Гоферъ, «бородатый», хозяинъ заѣзжаго двора въ Пассейрской долинѣ, въ той мрачно-величавой альпійской сторонѣ, гдѣ на южномъ склонѣ дико растутъ по каменнымъ скаламъ дикій виноградъ и фиги, а на крайней сѣверной оконечности,

на рубежѣ снѣговъ и льдовъ, исчезаетъ даже и горная ель. Этотъ человекъ былъ въ великомъ уваженіи у земляковъ, какъ по своей тѣлесной силѣ и храбрости, такъ и по усердію къ вѣрѣ, патріотическому одушевленію, неизмѣнному благородству характера, прямыи и честности души. Люди болѣе обширнаго и глубокаго ума, какъ наприм. Гормайръ, историкъ этой войны и своего отечества, пользовались вліяніемъ Гофера на Тирольцевъ, для того чтобы распространить народное движеніе по всему краю и даже въ сосѣдній Форарльбергъ. Онъ и эрцгерцогъ Іоаннъ пускали въ ходъ краснорѣчивыя воззванія, въ которыхъ для чести и спасенія отечества требовали: «оружія, старотирольскаго сердца и на столько мужественной отваги, чтобы предпочесть немного опасностей и трудовъ прежнему рабству и еще горшему будущему». Рядомъ съ Гоферомъ душою возстанія явились смѣлый, энергическій и хитрый Шпекбахеръ, родомъ изъ Ринна, Мартинъ Теймеръ, изъ Шландерса, и Іосифъ Штраубъ. Среди могучей, но скудной природы, гдѣ человекъ съ трудомъ добываетъ у неподатливой почвы или своенравнаго неба самое необходимое, народъ болѣе чѣмъ гдѣ либо склоненъ ставить опасность жизни ни во что и охотно рисковать всѣмъ изъ-за тѣхъ немногихъ благъ, которыя даютъ цѣну и прелесть его скромному существованію. Въ торжественныхъ процессіяхъ, съ кликами радости и колокольнымъ звономъ приняли они австрійскія войска какъ своихъ избавителей, и быстрѣе молніи разлился мятежъ по всему краю. Огни, разведенные по высамъ горъ, возвѣщали часъ возстанія. Предпріятія, начатыя одновременно въ разныхъ мѣстахъ съ удивительною скрытностью и согласіемъ, увѣнчались счастливѣйшимъ успѣхомъ. Баварскія и французскія войска, послѣ неудачнаго боя при Штерцингѣ (11 апр. 1809) въ Пустерской долинѣ, отступали среди непрестанныхъ битвъ и величайшихъ затрудненій черезъ крутыя горы Шелленбергъ и Бреннеръ къ Иннсбруку, отмщая за свое пораженіе опустошеніемъ и жестокостями, а между тѣмъ баварскій гарнизонъ столицы Тироля, послѣ мужественной обороны, вынужденъ былъ къ сдачѣ у горы Изеля (12 апр.), энергическій полковникъ Дитфуртъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ, и самый Иннсбрукъ занятъ

инсургентами. Въ такихъ обстоятельствахъ французскому генералу Биссону, прибывшему къ горѣ Изель, не оставалось болѣе ничего, какъ постыдною капитуляціей съ поселянами сдать, весь свой четырехтысячный отрядъ, военноплѣннымъ. Въ то же самое время ненавистное иго было свергнуто въ Финчгау и въ долину Адиджа; города Триэнтъ и Ровередо были отняты у Французовъ. Вся Европа съ удивленіемъ смотрѣла на подвиги этихъ мужиковъ, которые въ какіе-нибудь пятеро сутокъ освободили край отъ его притѣснителей, забрали до 6000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ двухъ генераловъ съ пушками и значками, и, не запятнавъ своей побѣды ни одною жестокостію, возстановили опять старый порядокъ и порванные связи съ Австріей, — связи, которыя по увѣренію императора отнынѣ не должны уже были расторгаться. Но побѣдное торжество скоро омрачилось извѣстіемъ о неудачахъ австрійской дунайской арміи и о приближеніи свѣжихъ войскъ подъ начальствомъ Вреде и Лефевра. Шастелеръ, которому военная гордость и безъ того внушала отвращеніе отъ связи съ мятежнымъ крестьянствомъ, не могъ помѣряться съ врагомъ ни числомъ войска, ни боевой опытностію. Когда Баварцы взяли приступомъ 'храбро-защищаемый Штубскій проходъ (11 мая), отѣснили австрійскаго генерала подъ Вёрцлемъ (13 мая) и превратили въ пепелъ цвѣтущее мѣстечко Швацъ (16 мая), тогда Шастелеръ, потерявшій всякую энергію послѣ объявленія его Наполеономъ внѣ закона, удалился къ Бреннеру и предоставилъ столицу вмѣстѣ съ свѣрнымъ Тиродемъ во власть баварскаго и французскаго вождей, которые 19 мая и вступили въ Иннсбрукъ. Страшно свирѣпствовали раздраженные солдаты противъ побѣжденных ими поселянъ. Каждое движеніе ихъ впередъ знаменовалось убійствомъ, святотатствомъ, грабежемъ и пожарами, насиліями противъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Солдаты Рейнскаго союза обнаруживали на каждомъ шагу, что кромѣ храбрости не было въ нихъ ничего рыцарскаго, что ими управляютъ однѣ низкія страсти: да и могло ли быть иначе въ такой борьбѣ, которая велась безъ всякаго высшаго побужденія? Эти позорныя дѣла, о которыхъ сами Вреде и Лефевръ отзывались съ негодованіемъ, снова призвали къ

оружію храбрыхъ Тиролецевъ. Андрей Гоферъ съ 6000 человекъ, болшею частію стрѣлковъ изъ Пассейра, Мерана и Финчгау, занялъ хребетъ Изель и преградилъ дальнѣйшій путь врагу. Напрасно баварскій генералъ Деруа, заступившій мѣсто Вреде, предпринялъ усиленное нападеніе (29 мая); поселяне и охотники, предъ которыми шель съ распятіемъ неустрашимый капуцинъ Іоахимъ Гаспингеръ, дали, вмѣстѣ съ небольшимъ австрійскимъ отрядомъ, такой храбрый отпоръ, что Баварцы вынуждены были отступить съ великимъ урономъ, и въ слѣдующую же ночь вторично очистили Иннсбрукъ. Въ то самое время, какъ Тирольтцы послѣ побѣды у горы Изеля вступили опять въ главный городъ, поселяне и охотники Форарльберга также отѣснили французско-вюртембергскія войска и заняли Брегенцъ. Форарльбергское населеніе нашло себѣ неустрашимаго и зоркаго вождя въ адвокатѣ Антонѣ Шнейдерѣ. Удачные поиски къ Констанцу, Линдау и за баварскую границу возвысили мужество и самоувѣренность Тиролецевъ и пробудили сочувствіе во всѣхъ австрійскихъ и германскихъ земляхъ. Благодаря этимъ успѣхамъ, забыли близкое къ бѣгству отступление растерявагося и обезотваженнаго Шастелера изъ жуткой для него страны мятежа и радовались повторенному обѣщанію императора, что «никогда не согласится онъ на миръ, который бы оторвалъ вѣрный Тироль отъ Австрійской имперіи». Но этой увѣренности суждено было страшно обмануться. Какъ молнія съ яснаго неба разразилась надъ Тиродемъ вѣсть о перемиріи въ Цнаймѣ и породила между инсургентами уныніе и недоумѣніе, потому что ей то вѣрили, то нѣтъ, и многіе ее рѣшительно опровергали. Австрійцы удалились и предоставили край Французамъ и Баварцамъ, которыхъ дышавшія мезтью прокламаціи вскорѣ подтвердили мѣрами ужаса и дикой жестокости. Въ отчаяніи, обманутый народъ схватился въ третій разъ за оружіе. Подъ начальствомъ Гофера, Шпекбахера, Майра и Гаспингера, Тирольтцы заняли высоту подъ Бриксеномъ и уничтожили наступавшихъ отъ Иннсбрука глубокою долиною враговъ, низвергая на нихъ деревья и каменные глыбы и побивая ихъ мѣткими пулями изъ охотничьихъ ружей (4 авг. 1809). Скорбные вопли изувѣченныхъ и умирающихъ, и отчаянные крики тѣхъ,

кого сталкивали въ бурный потокъ Эйзака, подѣйствовали такъ оглушительно на остальныхъ, что всѣ они, большею частію Саксонцы Рейнскаго союза, положили оружіе. И теперь еще эта дѣбрь слыветъ у народа «Саксонскою западнею» (Sachsenklemme). То же случилось съ однимъ баварскимъ отрядомъ у Понтлацкаго моста въ горной тѣснинѣ рѣки Инна (9 авг.), гдѣ женщины помогали стрѣлкамъ обрушивать на враговъ деревья и камни; то же было и въ другихъ мѣстахъ. Завернувшись въ солдатскій плащъ, воротился Дефевръ съ своимъ разсѣяннымъ войскомъ въ Иннсбрукъ, его гордыя надежды на побѣду значительно понизились, и вслѣдъ за тѣмъ онъ съ ужасомъ покинулъ «проклятый край» (14 авг.) Въ день именинъ Наполеона (15 авг.) Пассейрскій харчевникъ въ третій разъ вступилъ въ Иннсбрукъ, и поселившись во дворцѣ, въ званіи императорскаго «главнокомандующаго въ Тиролѣ», управлялъ этимъ краемъ по старому, ни мало не измѣняя простотѣ своихъ нравовъ и своей обычной прямизнѣ. Самъ императоръ Францъ подарилъ ему золотую цѣпь и тѣмъ какъ будто подтвердилъ его въ новомъ санѣ. Но греза о независимости была непродолжительна. Когда, по заключеніи Вѣнскаго мира, враги съ усиленнымъ числомъ войскъ вторглись съ трехъ сторонъ въ несчастную землю, отмщая за смерть своихъ товарищей и союзниковъ пожарами, убійствомъ и всѣми ужасами войны, тогда наконецъ сокрушилось противленіе храбраго, принесеннаго въ жертву народа. Трижды завоеванный и трижды освобожденный Иннсбрукъ снова подпалъ власти Баварцевъ (окт. 1809); Шпекбахеръ и другіе начальники искали спасенія въ бѣгствѣ, но Гоферъ, который, вслѣдствіе обѣщанной амнистіи, сначала положилъ оружіе, а потомъ, соблазняясь ложными совѣтами и внушеніями горячихъ головъ, снова затѣялъ войну, былъ выданъ однимъ крестьяниномъ Пассейрской долины за обѣщанную награду, захваченъ въ пастушьемъ шалашѣ, гдѣ онъ два мѣсяца скрывался съ своимъ семействомъ, и разстрѣлянъ въ Мантуѣ по приказанію Евгенія Богарне (20 февр. 1810). «Прости, презрѣнный свѣтъ, писалъ онъ за нѣсколько часовъ до смерти: такъ легко мнѣ кажется умирать, что на глазахъ не навертывается и слезинки». Онъ умеръ съ мужествомъ героя и мученика,

глубоко уважаемый своимъ народомъ. Тироль раздѣленъ былъ на три части, изъ которыхъ одна отошла къ королевству Италійскому, другая къ Иллиріи, а третья осталась за Баваріей. Такъ принесенъ былъ въ жертву храбрый горскій народъ, и выданъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, трижды одолѣнному противнику.

§ 762. Предвѣстія сѣверно-германской народной войны. Какъ ни безразсудно смѣлы, какъ ни необдуманны были попытки, предпріятыя въ то время въ разныхъ концахъ сѣверной Германіи для сверженія чужеземнаго ига, — онѣ все-таки имѣли свое значеніе, доказывая господствовавшее вездѣ глубокое недовольство и обличая жажду избавленія. Настроеніе это поддерживалъ особенно дѣятельный въ ту пору союзъ доблести (Tugendbund, § 751); многія лица въ Пруссіи, исполненные патриотизма и стремившіяся къ освобожденію отъ чужеземнаго ига, отчасти принадлежали къ нему (таковы Грольманъ, Бойенъ, К. Фр. Эйхгорнъ, Шазо, Кругъ и др.), отчасти были преданы его цѣлямъ и стремленіямъ и споспѣшествовали имъ (какъ напр. Блюхеръ, Шарнгорстъ, Клаузевицъ, Шлейермахеръ, Гнейзенау, Шёнъ, Арндтъ и др.). Тайная вѣсть о союзѣ доблести проникла за Эльбу къ народамъ, жившимъ въ вестфальскомъ и французскомъ плѣну; вѣрные люди скрывали священный огонь отъ взора притѣснителей и бросали во мракъ невыразимыхъ страданій лучъ надежды на избавленіе; Нижне-саксонцы, Вестфальцы и Гессенцы зашевелили своими цѣпями, и подозрительность чужеземцевъ вообразила себя окруженною скрытыми опасностями; они ощутили вѣяніе духа, которому предстояло разрушить ихъ темныя дѣла. — Заговоръ, распространенный по всему Вестфальскому королевству, какъ между народомъ, такъ между чиновниками и офицерами, и пустившій вѣтви даже въ Пруссію, долженъ былъ одновременными возстаніями содѣйствовать предпріятіямъ Австрійцевъ. Между тѣмъ какъ прусскій офицеръ фонъ-Каттъ приготовлялся внезапно овладѣть крѣпостью Магдебургомъ, полковникъ фонъ-Дёрнбергъ (1768—1850), состоявшій прежде въ прусской службѣ, а потомъ назначенный Иеронимомъ въ командиры гвардейскихъ егерей, долженъ былъ захватить ко-

роля Вестфальскаго и, по изгнаніи чужеземныхъ войскъ и начальствъ, снова возвратить въ Кассель находившагося въ Прагѣ курфюрста, которому былъ заранѣе извѣстенъ весь ихъ планъ. Ни одно изъ этихъ предпріятій не имѣло успѣха (3 и 22 апр. 1809). Нестройная ватага гессенскихъ поселянъ, которая шла изъ Гомберга на Кассель, была легко обращена въ бѣгство нѣсколькими пушечными выстрѣлами; Каттъ и Дёрнбергъ удалились въ Австрію и потомъ вступили въ иностранную службу, одинъ въ испанскую, гдѣ онъ и погибъ, другой—въ русскую, откуда онъ послѣ воротился. Благодаря кроткимъ, примирительнымъ распоряженіямъ Иеронима, заговоръ вскорѣ исчезъ, не причинивъ большаго вреда. Новая попытка къ возстанію, предпринятая два мѣсяца спустя изъ Марбурга, кончилась тѣмъ, что зачинщикъ ея, профессоръ Штернбергъ, былъ разстрѣлянъ. Безуспѣшность гессенскаго возстанія не удержала малодаго, храбраго Шилля, который былъ посвященъ въ планы Катта и Дёрнберга, отважиться на нѣчто подобное. Послѣ опытовъ геройскаго мужества, оказанныхъ въ Кольбергѣ, онъ былъ произведенъ въ майоры, а потомъ назначенъ командиромъ новаго гусарскаго полка и переведенъ въ Берлинъ, гдѣ восторженное уваженіе и удивленіе къ его подвигамъ вскружили ему голову. Въ надеждѣ на свою популярность, онъ счелъ себя призваннымъ стать во главѣ народнаго возстанія и свергнуть иго чужеземцевъ. Обманутый ложными слухами объ австрійскихъ побѣдахъ, двинулся онъ съ преданною ему конною дружиной изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ чрезъ Потсдамъ и Виттенбергъ на Дессау и Галле, обезоружилъ тамъ небольшой вестфальскій гарнизонъ (28 апр.) и, подкрѣпясь новыми силами, выдержалъ при Додендорфѣ, близъ Магдебурга, удачный бой съ однимъ французскимъ полковникомъ (5 мая). Но вѣсть о пораженіяхъ Австрійцевъ, страхъ народовъ передъ могучимъ императоромъ и неудовольствіе Прусскаго короля, который въ приказѣ по арміи запретилъ своимъ солдатамъ участвовать «въ несбыточномъ дѣлѣ»,—все это вредно подѣйствовало на его предпріятіе. Послѣ удачнаго боя при Дамгартенѣ на Рекницѣ (24 мая), гдѣ онъ забралъ въ плѣнъ 600 Мекленбургцевъ, Шилль бросился съ своею вѣрною дружиной въ укрѣпленный Штральзундъ, рѣшась сдѣлать

изъ этого города вторую Сарагосу, или держаться въ немъ противъ врага до тѣхъ поръ, пока успѣетъ отплыть въ Англію. Но, обложенный осаднымъ корпусомъ генерала Граціана, онъ, послѣ самой упорной борьбы, палъ со многими изъ вѣрныхъ своихъ соратниковъ, при штурмѣ города, подъ саблями голландскихъ, ольденбургскихъ и датскихъ кавалеристовъ. Изъ товарищей его, взятыхъ въ плѣнъ, офицеры, всѣ моложе 30 лѣтъ, приговорены были къ смерти военными судами въ Везелѣ и Брауншвейгѣ, и разстрѣляны, а рядовые отправлены на французскія галеры. Только небольшая дружина изъ 180 конниковъ успѣла съ отчаяннымъ мужествомъ проложить себѣ дорогу въ Пруссію. Геройски перенесли одиннадцать офицеровъ трагическую судьбу свою въ Везелѣ. Скованные попарно, ожидали они непріятельскихъ пуль, стоя, и безъ повязки на глазахъ; въ послѣдній разъ прокричали они виватъ! своему государю, и потомъ скомандовали: пли! Въ тотъ же мигъ десятеро изъ нихъ пали мертвые, одиннадцатый былъ только раненъ въ руку; онъ разорвалъ свой жилетъ и закричалъ, указывая на сердце: «гренадеры, прямо сюда!» Черезъ минуту его уже не стало.

Новѣйшій историкъ этой эпохи Гейсеръ описываетъ майора Шилля въ слѣдующихъ чертахъ: «Этотъ красивый, полный жизни 36 лѣтній человекъ, въ своемъ живописномъ гусарскомъ нарядѣ являлся не только воинственною, но вмѣстѣ и самою любезною личностью. Его огневые черные глаза, его пріятливость и доброжелательство производили сильное впечатлѣніе и вмѣстѣ привлекали. Бережливый и умѣренный въ своихъ собственныхъ потребностяхъ, великодушный къ нуждающимся, щедрый къ своимъ соратникамъ, храбрый какъ никто въ мірѣ, полный жизни и огня, надѣленный притомъ естественнымъ даромъ популярнаго краснорѣчія,—онъ весь созданъ былъ для того, чтобы сдѣлаться любимцемъ народа. Многимъ бросались въ глаза судорожное безпокойство его характера, его перескакиваніе отъ одного предмета къ другому и, рядомъ съ наклоностью къ смѣлымъ гусарскимъ выходкамъ, какое-то непоколебимое упорство, которое противопоставлялъ онъ всякому благоразумному совѣту: такія черты конечно напоминали объ его венгерскомъ происхожденіи. Эти тѣневые стороны его характера въ глазахъ льстиваго удивленія современниковъ, разумѣется, также пересозданы были въ преимущества, и вотъ какимъ образомъ отважный

Шилль сбился съ толку относительно своей собственной личности и относительно мѣры своихъ силъ». — «Ошибки и грѣхи Шиллева похода исчезли передъ блескомъ мужественнаго, доблестнаго самоотверженія, котораго высокій образецъ показали побѣжденные. Ихъ геройская отвага такъ же живо сохранилась въ душахъ современниковъ, какъ и полная негодованья память о кровавой мести побѣдителя».

Счастливымъ былъ герцогъ Фридрихъ Вильгельмъ Брауншвейгскій, геройски-мужественный сынъ фельдмаршала, раненаго при Ауэрштедтѣ. Страстная, раздражительная натура, характеръ гордый и строптивый, онъ не захотѣлъ выжидать лежа на боку, чтобы чужая кровь завоевала ему утраченное наслѣдіе, онъ лучше желалъ погибнуть въ отважной борьбѣ, нежели «упражнять себя въ долготерпѣніи». Жребій его дома, потрясающій конецъ отца и смерть его собственной супруги придали ему что-то мрачное и горькое. Онъ возненавидѣлъ въ Наполеонѣ виновника общественнаго бѣдствія и своихъ домашнихъ скорбей; поднятая имъ борьба велась столько же изъ-за дѣла всей Германіи, сколько и изъ-за личной мести. Въ союзѣ съ Австріей, какъ «нѣмецко-имперскій князь», набралъ онъ въ своемъ маленькомъ силезскомъ наслѣдіи, Эльсѣ (Oels), да еще въ Богеміи, вольную дружину конниковъ, прозванную «чернымъ легиономъ мести», потому что она была одѣта вся въ черномъ и носила на темной каскѣ бѣлое изображеніе мертвой головы. Подкрѣпленный австрійскими войсками подъ начальствомъ генерала Амъ-Энде и корпусомъ, который вооружилъ скупой курфюрстъ гессенскій на свой счетъ, герцогъ вторгнулся въ Саксонію, съ тѣмъ чтобы поднять тамошній народъ и побудить его на присоединеніе къ Австріи, отгѣснилъ предводимое генераломъ Тилеманомъ маленькое саксонское войско и овладѣлъ не безъ примѣси разныхъ насилій городами Дрезденомъ, Мейсеномъ и Лейпцигомъ (іюль 1809). Но вскорѣ онъ вынужденъ былъ отступить, когда король Геронимъ подоспѣлъ съ превосходными силами и, вмѣстѣ съ генераломъ Тилеманомъ, занялъ саксонскіе города, въ качествѣ «освободителя». Герцогъ, соединясь съ австрійскимъ летучимъ отрядомъ во Франконіи, храбро и успѣшно отбивался отъ непріятели, наступавшаго подъ начальствомъ Жюно, когда наконецъ Цнаймское перемиріе лишило его опоры австрійскаго

корпуса и остановило его дѣятельность. Участвуя въ войнѣ въ качествѣ «имперскаго князя» и союзника императора, а не австрійскаго генерала, онъ пренебрегъ заключеннымъ перемиріемъ и рѣшился съ своею вѣрною дружиной, числомъ до 2000 человекъ, изъ Тюрингена проложить себѣ путь къ Нѣмецкому морю и искать помощи у Англій. Съ невѣроятною смѣлостью прошелъ «черный легионъ» черезъ Лейпцигъ и Галле въ Вестфальское королевство, взявъ приступомъ крѣпость Гальберштадтъ, храбро обороняемую графомъ Веллингероде (Мейроне, 29 іюля), и послѣ страшной уличной схватки полонилъ весь гарнизонъ. Отдохнувъ немного въ Брауншвейгѣ, гдѣ вѣрный народъ принялъ герцога съ ликованіемъ и восторгомъ, двинулся онъ, въ постоянной борьбѣ съ двумя непріятельскими отрядами, старавшимися отрѣзать ему дорогу, черезъ Ганноверъ къ Везеру; не потерявъ мужества даже и тогда, когда отложились отъ него 16 офицеровъ, отчаявшіеся въ благополучномъ исходѣ и совѣтовавшіе сдаться на капитуляцію, герцогъ совершилъ при Эльсфлетѣ и Бракѣ переправу на остр. Гельголандъ (7 авг.), а оттуда «черная дружина» доставлена была на британскихъ корабляхъ въ Англію, гдѣ и ожидала потомъ благопріятнѣйшей поры для мести. «Вотъ это храбрый воинъ!» воскликнулъ, говорятъ, Наполеонъ въ Шёнбрунѣ, узнавъ о смѣломъ подвигѣ «непобѣдимаго Вельфа». — Не только на сѣверѣ, даже и въ южныхъ областяхъ Рейнскаго союза въ теченіе этой войны обнаружилось сильное волненіе умовъ; всѣхъ томила жажда освободиться отъ ненавистнаго ига чужевластителя и его клеветовъ. Въ Нюрнбергѣ, Бамбергѣ, и особенно въ прусской Франконіи, гдѣ не забыли еще старины, по случаю прохода австрійскаго летучаго отряда выказались такія настроенія, которыя не имѣли ничего схожаго съ баварскимъ; и когда по упраздненіи Нѣмецкаго ордена Мергентгеймъ достался строгому королю Вюртембергскому, тамошніе поселяне пытались воспротивиться этому открытымъ мятежемъ (25 іюня), но навлекли себѣ кровавую кару отъ раздраженнаго властителя, который старался упредить подобныя дерзости, вселяя, какъ онъ говорилъ, «благодотворный страхъ». — Признакомъ господствовавшаго во всей Германіи броженія умовъ было также покушеніе на жизнь Наполеона, предпринятое наумбур-

гскимъ юношей Фридрихомъ Штапсомъ въ Шёнбрунѣ. Схваченный генераломъ Раппомъ, онъ сознался въ своемъ умыслѣ и былъ отведенъ на казнь (12 окт.). Эти явленія, рядомъ съ глубокимъ волненіемъ въ Пруссіи, гдѣ патриотическая партія побуждала правительство примкнуть къ Австрійцамъ и гдѣ баронъ фонъ-Штейнъ старался расшевелить мысль о всенародномъ возстаніи, въ сущности были таковы, что вполне оправдывали изреченіе Наполеона: «Скорѣе покончимъ съ этою войной, иначе будемъ окружены тысячею Ван-деями».

Англичане на Вальхеренѣ. Если въ этихъ, хотя и безплодныхъ движеніяхъ, нельзя было не признать возрожденія духа народной силы; зато въ предпріятіи Англичанъ противъ Нидерландовъ обнаружился самый узкосердый эгоизмъ и самое жалкое малодушіе. Съ 40,000 человекъ и 144 тяжелыми орудіями высадились они на островъ Вальхеренъ (9 іюля 1809), чтобы овладѣть Антверпеномъ и устьями Шельды, но такъ дурно повели свои дѣла, что разрушеніе Влсингенскихъ укрѣпленій было единственнымъ плодомъ этого многостоившаго предпріятія; климатъ и неумѣнье начальниковъ положили при этомъ болѣе людей, чѣмъ губить обыкновенно величайшее поражение. Такая значительная сила, еслибъ высадила ее въ-время при устьяхъ Везера и Эльбы, могла бы имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ цѣлой войны, она послужила бы опорой для сѣверно-германскаго движенія, могла бы исторгнуть Пруссію изъ ея колебаній и привести къ благополучному исходу гигантскую борьбу Австріи. Но таковъ былъ жребій войны, что все, что ни предпринимала тогда политика Наполеоновыхъ противниковъ въ большомъ размѣрѣ, выходило безуспѣшнымъ по недостаткамъ плана или исполненія. Англійскіе министры Касльрè (Castlereagh) и Каннингъ такъ сильно разошлись за неудачу экспедиціи, что у нихъ послѣдовала дуэль на пистолетахъ. Фушè, вызвавшій французскую національную гвардію къ защитѣ Нидерландовъ и при этомъ въ своей прокламаціи оскорбившій Наполеона, впалъ въ немилость и лишился министерской должности, точно такъ же, какъ передъ этимъ Таллейранъ, за то что дерзнулъ не одобрять дѣйствій императора въ Испаніи.

5. Французская имперія на вершинѣ своей силы.

§ 763. Послѣ Вѣнскаго мира Наполеонъ достигъ высшей ступени могущества и величія. Его мучила одна только мысль, что у него нѣтъ кровнаго наслѣдника; по этому, основавшись на одной формальной ошибкѣ, сдѣланной при вѣнчаніи его съ Жозефиной, онъ развелся съ любимою Французами императрицею (15 декабря) и, послѣ неудачнаго сватовства къ одной изъ русскихъ великихъ княженъ, вступилъ въ бракъ съ Маріею Луизою, дочерью императора Австрійскаго. 1 апрѣля 1810 г. торжественно вѣнчался онъ съ «дочерью кесарей», при чѣмъ пять королевъ несли за нею шлейфъ и вообще выказана была неслыханная роскошь. Но этотъ брачный союзъ былъ равно ненавистенъ и австрійскому и французскому народу; первый видѣлъ въ немъ оскверненіе достославной прошлогодней борьбы, послѣдній считалъ его новымъ разрывомъ съ воспоминаніями революціи. По этому пожаръ на балѣ, данномъ въ честь новобрачныхъ австрійскимъ посломъ княземъ Шварценбергомъ, при чѣмъ погибла въ огнѣ его невѣстка (спасая свою дочь, въ послѣдствіи княгиню Виндишъ-Грецъ), былъ принятъ за столь же дурное предзнаменованіе, какъ и несчастіе, случившееся при брачномъ торжествѣ Людовика XVI съ Маріею Антуанеттой въ 1770. Когда въ слѣдующемъ году у императора родился сынъ (20 марта 1811), украшенный пышнымъ титуломъ короля Римскаго, счастье Наполеона повидимому достигло своей вершины и будущность Франціи казалась рѣшенною навсегда. Вступленіе Бонапарта въ ряды законныхъ династій и рожденіе ему наслѣдника должны были положить конецъ всѣмъ надеждамъ Бурбоновъ. Но гордость и властолюбіе влекли ненасытнаго отъ предпріятія къ предпріятію, и одно имя его внушало трепетъ государямъ и народамъ. Страшная государственная полиція, руководимая рабомъ деспотизма Савари (герцогомъ Ровиго), подавила внутри Франціи послѣдній остатокъ свободы и, какъ нѣкогда «закрытые листы» (lettres de cachet), грозила каждому подозрительному чѣловѣку произвольнымъ заключеніемъ въ одной изъ многочисленныхъ государственныхъ тюремъ; во

внѣ не было конца насильственнымъ соединеніямъ, передѣламъ и обмѣнамъ разныхъ земель и участковъ; что нынче создавалось могучимъ властителемъ, то завтра имъ разрушалось; кого онъ прежде возвышалъ, того въ слѣдъ за тѣмъ подвергалъ крайнему униженію. Все лежало передъ нимъ въ тяжкихъ узахъ, трепеща отъ страха, а онъ какъ нѣкое высшее существо расточалъ по произволенію кому гнѣвъ, кому милость. Дамокловъ мечъ постоянно висѣлъ надъ головами государей и народовъ, никто не видалъ передъ собой прочной будущности; не было нигдѣ ни плана, ни системы; прихоть, внушеніе страсти, произволь деснота заступили мѣсто народнаго права¹; континентальная система, тяжкіе налоги, рекрутскіе наборы были бичами даже и для дружественныхъ Франціи земель, а враждебные ей народы несли на себѣ всю тягость военныхъ бѣдствій, вымогательствъ и постоевъ. При этомъ печатная гласность была страшно стѣснена, книги и журналы равно подлежали самому строгому надзору. Но сколько полицейскій и цензурный гнетъ ни старались упредить всякое прекословіе, — вѣяніе духовной жизни, котораго не чувствуетъ обыкновенно ограниченность, проникало сквозь всѣ противоположаемыя ему механическія преграды.

Противъ Англи, которая одна стояла неодолимую и не принимала ни какихъ предложеній, направился теперь весь гнѣвъ властителя Франціи, и такъ какъ онъ чаялъ побѣдить ее уничтоженіемъ ея торговли съ материкомъ, то, къ совершенному отчаянію торговаго и промышленнаго сословія, континентальная система становилась все строже. Всѣ материковыя державы были постепенно приведены къ тому, что покорились запретительнымъ уставамъ французскаго императора, и цѣлая армія таможенной стражи охраняла пограничныя и приморскія мѣста, не будучи однакожъ въ силахъ пресѣчь громадную контрабанду, производившуюся особенно сильно съ острововъ Гельгоганда, Сициліи и Мальты. Только по особымъ дозволительнымъ свидѣтельствамъ (лиценціямъ), которыя выдавались за деньги, можно было привозить моремъ во Францію иностранныя произведенія, необходимыя для туземной промышленности, какъ-то: индиго, кошениль, сырыя кожи и проч. Эта мѣра страшно поощряла контрабанду, въ конецъ разоряя

¹ И вообще какихъ бы то ни было высшихъ началъ.

честнаго купца. тогда какъ безчестный легко могъ добиться подкупомъ особыхъ дозволеній въ ущербъ правиламъ континентальной системы. Тарифъ, утвержденный въ Трианонѣ (5 авг. 1810), обложилъ всѣ колониальныя товары привозною пошлиною въ 50 процентовъ, а декретъ, данный въ Фонтенебло (19 окт.), предписывалъ, чтобы на всемъ пространствѣ Европы, занятомъ французскими войсками, всѣ издѣлія англійскихъ фабрикъ были захватываемы и сожигаемы. Утайка англійскихъ фабрикатовъ наказывалась варварски.

Эти мѣры грозили совершеннымъ разореніемъ королевству Голландскому, чье благосостояніе ужь и безъ того такъ пострадало отъ чуждой власти и чьи финансы разстроились въ конецъ. Король Людовикъ, приймавшій къ сердцу страданія своего народа, обратился къ Наполеону съ представленіями и старался склонить его къ смягченію запретительныхъ торговыхъ мѣръ, но получилъ отъ него замѣчательный отвѣтъ, что онъ прежде всего долженъ имѣть въ виду интересы императора, потомъ выгоды Франціи, а за тѣмъ уже можетъ заняться и обязанностями къ своему народу. Когда же, не смотря на это, Людовикъ наказывалъ весьма кротко и снисходительно за нарушенія континентальной системы, то братъ его приказалъ цѣлымъ ватагамъ своихъ таможенныхъ и вооруженной морской силъ охранять голландскіе берега и присоединилъ Зеландію, Сѣверный Брабантъ и южный берегъ Ваала къ Французской имперіи. Такой оскорбительный поступокъ съ народомъ, дотошъ жертвовавшимъ мощному сосѣду и кровью и добромъ, сильно возмутилъ благомыслящаго Людовика. Въ неудовольствіи отрекся онъ въ пользу своего сына отъ престола, котораго не могъ долѣе занимать съ достоинствомъ, по тѣмъ самымъ только подалъ императору поводъ, безъ всякаго вниманія къ братниной волѣ, присоединить Голландское королевство къ Франціи (2 іюля 1810).

Это привело къ тому, что Голландцы лишились и остальныхъ своихъ колоній въ Восточной и Западной Индіи. Король Голландскій, при которомъ государственные расходы дошли до 90 милліоновъ въ годъ, сдѣлался частнымъ человекомъ и жилъ съ тѣхъ поръ подъ именемъ графа Сенъ-Лѣ то въ Австріи, то въ Италіи († 1846). — Притязанія на Голландію подкрѣплены были тѣмъ доводомъ, что вся она въ сущности не что иное какъ только намывъ французскихъ же рѣкъ, Рейна, Мааса и Шельды, и вслѣдствіе того по праву принадлежитъ Франціи. Этотъ край, равно какъ и присоединенныя къ нему съ 1807 г. княжество Остфризландія и маетность Геверьъ, были раздѣлены на семь департамен-

товъ. Амстердамъ объявленъ третьимъ городомъ имперіи, но и народонаселеніе его и благосостояніе тогда значительно упали.

По присоединеніи Голландіи, Наполеонъ включилъ еще во французскіе предѣлы Ганзейскіе города, Гамбургъ (дек. 1810), Бременъ и Любекъ, принадлежащее къ Рейнскому союзу, герцогство Ольденбургское, и другія земли между Эльбою и Рейномъ (особенно, уступленный передъ тѣмъ королевству Вестфальскому, Ганноверъ), такъ что Франція господствовала теперь на берегахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей и заключала въ себѣ 130 департаментовъ. Гамбургъ сдѣланъ былъ главнымъ городомъ новаго правительственнаго округа (губерніи), и жестокой, несправедливый Даву, сторожъ и мучитель сѣверной Германіи, поставленъ былъ въ званіи главнокомандующаго исполнителемъ императорскихъ декретовъ, съ придачею ему въ помощь французскихъ административныхъ чиновниковъ. Нигдѣ бичъ иноземнаго деспотизма съ его растлѣвающимъ вліяніемъ не чувствовался такъ ужасно, какъ въ этомъ городѣ. Къ новой міровой державѣ присоединенъ былъ также швейцарскій кантонъ Валлисъ, вмѣстѣ съ горною дорогою черезъ Сямплонъ, — присоединенъ для того, чтобы «положить конецъ тамошней анархіи» (12 ноября). Глубокое недовольство тяготѣвшимъ надъ всѣми безправнымъ произволомъ и самовластіемъ, особенно обнаруживавшееся въ Германіи, не было тайною и для самихъ Французовъ, какъ видно изъ замѣчательнаго письма Іеронима Бонапарта въ декабрѣ 1811 г., не задолго до открытія похода въ Россію. «Броженіе, пишетъ онъ къ императору, своему брату, достигло высшей степени; поддерживаются и принимаются съ увлеченіемъ самыя безразсудныя надежды; ставятъ себѣ въ образецъ Испанію, и, повѣрьте, когда начнетъ война, страны между Рейномъ и Одеромъ будутъ поприщемъ огромнаго возстанія. Сильнымъ побужденіемъ къ этому мятежу служатъ не одна ненависть къ Французамъ и не одно нетерпѣніе нести долге чужеземное иго; тутъ еще болѣе дѣйствуютъ бѣдственныя обстоятельства нынѣшняго времени, разореніе всѣхъ классовъ народа, чрезмѣрная тягость податей, военныхъ поборовъ, содержанія армій, частые проходы войскъ и всякія передраги и неприятности, слѣдующія другъ за другомъ непрерывно. Должно опасаться крайняго отчаянія народовъ, которымъ уже нечего болѣе терять».

6. Война противъ Россіи (1812 г.).

§ 764. Поводы къ войнѣ. Расширеніе французской державы до береговъ Балтики, причѣмъ близкій родственникъ російско-императорскаго дома, герцогъ Ольденбургскій, лишился своихъ областей, нанесло сильный ударъ пріязни императора Александра къ Наполеону — пріязни, замѣтно охладѣвшей уже съ тѣхъ поръ, какъ герцогство Варшавское было увеличено въ силу Вѣнскаго мира. Взаимный разладъ обихъ дворовъ скоро обнаружился въ запальчивыхъ выраженіяхъ ихъ дипломатовъ, въ разныхъ недружелюбно оскорбительныхъ распоряженіяхъ, наконецъ — въ полузакрытыхъ и явныхъ нападкахъ журналистики. На требованіе Наполеона, чтобы Россія запретила даже и ввозъ сахару и кофе, единственныхъ заморскихъ товаровъ, которые были еще дозволены подъ нейтральнымъ флагомъ, императоръ Александръ отвѣчалъ тарифомъ, облегчившимъ привозъ англійскихъ издѣлій въ ущербъ французскимъ. Это прогнѣвило гордаго властителя Франціи, при крутости его нрава, уже тогда надо было предвидѣть новую войну. Императоръ Александръ, не опасаясь столкновенія, подалъ первый знакъ къ борьбѣ, поставивъ рѣшительное требованіе, чтобы французскіе гарнизоны очистили Померанію и Пруссію. Объ этомъ шли еще переговоры, какъ вдругъ Наполеонъ обнаружилъ свои воинственные замыслы заключеніемъ союза съ Пруссіей и Австріей, которымъ эти державы обязались выставить значительныя силы въ его распоряженіе. Въ то время, какъ его громадныя арміи двинулись въ глубь Германіи, для обороны французскихъ предѣловъ учреждено было ополченіе изъ трехъ когортъ различнаго возраста. На бѣду Наполеону Русскіе успѣли принудить Турковъ къ заключенію Бухарестскаго мира (§ 751) и приобрѣсть себѣ въ союзники обиженнаго Наполеономъ Бернадота Шведскаго, котораго притомъ манили виды на французскій престолъ. Союзъ доблести (Tugendbund), хотя и закрытый королевскимъ повелѣніемъ отъ 31 дек. 1809 г., дѣйствовалъ еще въ тайнѣ для достиженія своей высокой цѣли, и нѣсколько нѣмецкихъ патріотовъ старались въ Петербургѣ въ пользу освобожденія отечества, между тѣмъ какъ Пруссійскій король и его правительство невольны покорялись велѣніямъ самовластца и прусскія силы становились подъ его знаменѣ.

765. Походъ Наполеона на Москву. Въ маѣ 1812 г. Наполеонъ прибылъ, вмѣстѣ съ своею супругой, въ Дрезденъ, куда съѣхались всѣ государи Рейнскаго союза, равно какъ

императоръ Австрійскій и король Пруссій, на поклоненіе могучему властителю, собравшему теперь противъ Россіи половину Европы. По десятидневномъ пребываніи въ блистательномъ сонмѣ государей, Наполеонъ поспѣшилъ къ своей полумилліонной, разноплеменной арміи, которая, имѣя при себѣ болѣе 1000 орудій и 20,000 повозокъ, расположена была въ разбросъ на пространствѣ между Вислою и Нѣманомъ. Лѣвое крыло, состоявшее преимущественно изъ Пруссаковъ подъ начальствомъ Макдональда и предназначенное покорить Курляндію и Лифляндію, шло берегомъ Балтійскаго моря; правое, образуемое австрійскимъ вспомогательнымъ войскомъ подъ командой Шварценберга и французско-саксонскимъ корпусомъ подъ начальствомъ Реньё, противустано на нижнемъ Бугѣ русской южной арміи; главная армія, предводимая самимъ Наполеономъ и опытнѣйшими вождями его школы, въ іюнѣ перешла Нѣманъ и 28 того же мѣсяца (16 ст. ст.) вступила въ Вильну, нѣкогда столицу Литвы. Появленіе Французовъ пробудило въ Полякахъ чувство народной независимости и надежду на восстановленіе ихъ державы въ прежнихъ размѣрахъ. Самъ Наполеонъ въ одномъ воззваніи къ солдатамъ назвалъ этотъ походъ на Россію «второю польскою войной». Поэтому, въ день вступленія его въ Вильну, варшавскій сеймъ провозгласилъ восстановленіе Польскаго королевства и положилъ устроить генеральную конфедерацию (общее ополченіе). Съ восторгомъ и ликованіемъ принимали увлеченные Поляки Наполеона какъ помощника и избавителя, и ему легко было бы воспламенить воинственный духъ народа къ національной борьбѣ противъ Русскихъ. Но народныя движенія были не по душѣ французскому властителю; онъ воспретилъ поголовное ополченіе и сильно охладилъ энтузіазмъ Поляковъ, объявивъ ихъ депутаціи, что изъ уваженія къ Австріи не можетъ согласиться на восстановленіе древней республики въ ея прежнемъ объемѣ. Не смотря на то, польскія войска подъ начальствомъ Понятовскаго и другихъ вождей бились съ обычной храбростью въ арміяхъ Наполеона противъ Русскихъ, и польскій народъ всеми силами помогалъ чуждымъ воинамъ, которые двинулись теперь среди проливныхъ дождей изъ Вильны къ Витебску (15—27

іюля н. ст.). Москва, «сердце Россіи», была цѣлю Наполеона, но скоро онъ увидалъ, какого страшнаго союзника имѣли Русскіе въ самой природѣ своего края. Дороги были непроходимы, подвоза не было совсѣмъ или было недостаточно; скудная, плохо воздѣланная страна давала мало продовольствія; мясо палаго скота и вода изъ лужъ часто служили единственною отрадой; болѣзни, порожденныя климатомъ и употребленіемъ недозрѣлой ржи, опустошали ряды воиновъ и переполняли лазареты. — Русскіе полководцы Барклай де-Толли и Багратионъ вели войну «по-пареянски»: избѣгая общей битвы, они завлекали все далѣе въ глубь края императора, который съ своей стороны жаждалъ рѣшительнаго боя. Уже подъ Витебскомъ, Русскіе, выдержавъ смѣлое нападеніе Мюрата на ихъ крѣпкую позицію, отступили въ совершенномъ порядкѣ, что заставило Наполеона призадуматься и чуть не внушило ему мысль перезимовать въ Польшѣ. Однакожь честолюбіе и военная страсть увлекли его къ дальнѣйшему походу. Подъ Смоленскомъ (17 авг.) дошло впервые до кроваваго сраженія; но послѣ нерѣшительной битвы, длившейся цѣлый день, Русскіе покинули ночью объятый пламенемъ городъ и продолжали свое отступленіе къ Москвѣ. На утро побѣдитель нашелъ одно пожарище, улитое кровью и усыпанное трупами. Въ Смоленскѣ былъ собранъ военный совѣтъ, но сколько голосовъ ни возвышалось противъ продолженія зловѣщаго похода, Наполеонъ настоялъ на завоеваніи Москвы, гдѣ онъ надѣялся зимовать и принудить императора Александра къ миру. Французы перешли за Днѣпръ. Русскіе сильно роптали на военныя дѣйствія Барклая, какъ нѣкогда Римляне на медлительность Фабія; поэтому императоръ Александръ (уступая голосу общественнаго мнѣнія) назначилъ главнокомандующимъ Кутузова, товарища Суворову по оружію, — который, какъ природный Русскій, внушалъ болѣе довѣрія народу и былъ любъ простолюдину уже и тѣмъ, что строго соблюдалъ религіозные обряды и обычаи русской старины. Война сдѣлалась теперь народною. Вездѣ жители бѣжали при наступленіи непріятеля, зажегши напередъ свои села и деревни и опустошивъ все вокругъ. Страшно убывали полки великой арміи, погибая отъ голода, болѣзней и напа-

деній непріятели. Кутузовъ не могъ безъ битвы отдать врагу святыню Москвы, не рискуя своей популярностью. Поэтому онъ остановился и принялъ убійственное сраженіе подъ Бородинымъ (26 авг. стар. или 7 сент. нов. ст.), въ которомъ Французы хотя и удержали за собой поле битвы, однакожь поневолю дали Русскимъ отступить въ порядкъ, безъ преслѣдованія. Болѣе 70,000 тѣлъ осталось на мѣстѣ; Ней (пожалованный въ «князя Московскіе») явился героемъ этого дня. Убитыхъ генераловъ было множество; съ русской стороны смертельно раненъ храбрый Багратионъ; раненые всѣ почти стали жертвою холода, голода или истеченія крови. 14 сентября (2 сент. стар. ст.) Французы вступили въ древнюю столицу Москву, поразившую ихъ издали своими безчисленными колокольнями и золочеными главами; но дворянство и всѣ зажиточные граждане выѣхали заранѣе и оставили городъ въ рукахъ черни. Уже при самомъ вступленіи солдатамъ показалось жутко въ пустынныхъ улицахъ, на которыхъ только изрѣдка появлялась какая-нибудь сволочь; но какъ описать ихъ ужасъ, когда четырехдневный пожаръ (съ 15 или 3 сент.), разлившійся, за вывозомъ всѣхъ гасительныхъ снарядовъ, огненнымъ моремъ по цѣлому городу, испепелилъ девять десятыхъ его, большую частію деревянныхъ строеній, выгнавъ самого Наполеона изъ кремлевскаго дворца, гдѣ онъ было расположился, и однимъ ударомъ разрушилъ всѣ надежды на будущее? Московскій генералъ-губернаторъ Ростопчинъ, настоящій Русскій стараго закала, скрывавшій подъ оболочкой западныхъ формъ необузданную страстность полудикаря, распорядился этимъ страшнымъ дѣломъ безъ повелѣнія своего государя, съ тѣмъ чтобы лишить великую армію зимнихъ квартиръ и принудить ее къ гибельному отступленію. — Забывъ всякую дисциплину и порядокъ, ожесточенные солдаты бросались въ объятые пламенемъ дома и спѣшили удовлетворить своему хищничеству и побужденіямъ животной страсти.

§ 766. Отступленіе великой арміи. По всему было видно, что Русскіе ведутъ войну на жизнь и смерть, и не смотря на то, въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи, Наполеонъ поддался хитро-поддерживаемой въ немъ надеждѣ на неиз-

бжно-скорый миръ и пробылъ въ Москвѣ болѣе мѣсяца, не замѣчая, какъ Кутузовъ старается задержать его до начала зимы, чтобы стужа уничтожила на возвратномъ пути его плохо одѣтыя и крайне во всемъ нуждавшіяся войска. Русскій полководецъ достигъ своей цѣли. Въ концѣ октября (нов. ст.) началось роковое отступленіе, не имѣющее себѣ ничего подобнаго въ лѣтописяхъ военныхъ невзгодъ. Первоначальный планъ двинуться на Калугу былъ оставленъ послѣ ужасной битвы подъ Малоярославцемъ (12 или 24 окт.), и Французамъ пришлось возвращаться по прежней дорогѣ на Смоленскъ, усѣянной трупами и залитой кровью. Въ ноябрѣ морозъ дошелъ до 18 градусовъ, а потомъ и до 27. Страшно вспомнить о страданіяхъ, битвахъ и трудностяхъ, которыя постепенно загубили великую армію среди жестокой, беспощадной зимы. Голодъ, стужа и изнуреніе причиняли въ ней еще больше опустошеній, чѣмъ русскія ядра или пики козаковъ. Не лзя было видѣть безъ содроганія тысячи оголодавшихъ или замерзшихъ солдатъ, разбросанныхъ по большой дорогѣ и по пустыннымъ, замеченымъ снѣгами или покрытымъ гололедей полямъ, рядомъ съ падшими лошадьми, брошеннымъ оружіемъ, рядомъ со всякимъ хламомъ, — и тутъ же остатки богатѣйшей добычи, которая стала наконецъ тяжкимъ бременемъ, и ее надо было бросить. — Кутузовъ, приписавшій пожаръ Москвы Французамъ, чтобъ еще болѣе разжечь противъ нихъ народную ненависть, не отступалъ съ своими тепло-одѣтыми войсками ни на шагъ отъ врага и принуждалъ его къ непрерывной оборонѣ. Когда въ половинѣ ноября (нов. ст.) Французы достигли Смоленска, у нихъ было всего около 40,000 человекъ подъ ружьемъ; болѣе 30,000 безоружныхъ-отсталыхъ тянулись за ними безъ дисциплины, порядка и начальниковъ, въ самомъ жалкомъ видѣ. Но ужаснѣйшее бѣдствіе началось именно теперь, потому что вслѣдствіе дурныхъ распоряженій въ Смоленскѣ не было доставлено ожидаемыхъ запасовъ оружія, одежды и продовольствія, а между тѣмъ Русскіе, подкрѣплясь прибытіемъ новыхъ войскъ, вездѣ преграждали непріятели дорогу. Самые геройскіе подвиги, совершенные передъ глазами Наполеона Евгениемъ Богарне, Даву, Мюратомъ, Удино, Викторомъ и друг., повели только къ тому, что отстрочили

на нѣсколько дней конечную гибель арміи. Героемъ отступленія былъ начальникъ арріергарда Ней, «храбрѣйшій изъ храбрѣхъ». Его ночной переходъ черезъ Днѣпръ, котораго ледъ разошелся вдоль берега и который бдительно охранялся русскими войсками, принадлежитъ къ числу самыхъ смѣлыхъ ратныхъ дѣлъ на памяти исторіи. Правда, что изъ 6,000 человекъ онъ привелъ всего только 2,000 къ главной арміи, которая между тѣмъ отразила непріятельское нападеніе подъ Краснымъ и проложила себѣ путь къ Березинѣ. Этой вѣчно-памятной рѣки достигла она 25 ноября (нов. ст.). Въ виду разбросанныхъ по берегу легкихъ русскихъ отрядовъ наведено было два моста, и слабый остатокъ французскаго войска, державшійся еще подъ ружьемъ, перешелъ на ту сторону среди безчисленныхъ опасностей; но около 18,000 полузамерзшихъ отсталыхъ, которые не могли или не успѣли воспользоваться кратковременною переправой, попали въ руки непріятеля, захватившаго при этомъ громадную добычу. Сколько жертвъ погибло въ холодныхъ волнахъ рѣки между льдинами, сколько было задавлено при страшной тѣснотѣ и сумятицѣ на летучихъ узкихъ мостахъ, — этого, разумѣется, никто не могъ исчислить. Березинскія бѣдствія стали обычнымъ выраженіемъ для величайшихъ невзгодъ, какими война постигаетъ человечество. По переходѣ чрезъ Березину (26—29 ноября н. ст.) у Наполеона оставалось всего 8,000 подъ ружьемъ, да и тѣ уже носили въ себѣ зародышъ смерти; ихъ блѣдныя лица выражали отупѣлость и отчаяніе. Ней оставался всегда послѣднимъ въ арріергардѣ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ Россіи зарыто было до 243,000 непріятельскихъ тѣлъ. Мѣстами обширныя снѣжныя поля были въ буквальномъ смыслѣ устланы падшими воинами. Половинѣ Европы пришлось оплакивать своихъ покойниковъ. 3 декабря (нов. ст.) издалъ Наполеонъ свой знаменитый 29-й бюллетень, принесшій, давно остававшимся безъ извѣстій народамъ увѣдомленіе о томъ, что императоръ живъ и здоровъ, по что великая армія почти не существуетъ. Два дня спустя передалъ онъ главное начальство Мюрату, а самъ поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы распорядиться новыми вооруженіями и своимъ личнымъ присутствіемъ сдержать всякое угрожающее движеніе: къ крайнему

своему прискорбію, онъ незадолго передъ тѣмъ узналъ, что одинъ пустой слухъ объ его смерти вызвалъ безразсудную попытку возстанія, которая едва было не стоила ему трона.

Извѣстія, сообщаемыя очевидцами этого достопамятнаго отступленія, наводятъ невольный ужасъ. Дисциплина и порядокъ исчезли безъ слѣда, всѣ общественныя связи въ войскахъ ослабли, и рядомъ съ подвигами великодушія и самоотверженія появлялись признаки неимовѣрнаго разврата. Крайность бѣдствія притупила всѣ человѣческія чувства, одинъ только голодъ удерживалъ свои права, и удерживалъ въ такой страшной степени, что человекъ не чуждался даже человѣческаго мяса, и лишь одно козацкое ура! могло, наводя неодолимый ужасъ, пробуждать эти мертвыя для всего другаго существа.

Д. ПАДЕНІЕ ИМПЕРІИ И УСТАНОВЛЕНІЕ ИНАГО ПОРЯДКА.

1. Сверженіе Наполеона.

§ 767. Возстаніе Германіи (1813). Приписываемое Таллейрану, изреченіе, что походъ въ Россію есть начало конца, вскорѣ совершенно оправдалось. Хотя тяжкая конскрипція вмѣстѣ съ призывомъ національныхъ и почетныхъ гвардейцевъ вскорѣ восполнила пробѣлы во французскомъ войскѣ, а неутомимая дѣятельность, выказанная геніальнымъ полководцемъ, снова изумила свѣтъ, однакожь обаяніе мнимой непобѣдимости Наполеона исчезло между народами, и свѣжія арміи, большею частью составленныя изъ молодыхъ, неопытныхъ людей, выступили теперь противъ врага, воодушевленнаго къ великимъ дѣламъ, отчасти одержанною побѣдой, отчасти вновь пробудившимся чувствомъ любви къ отечеству. 30 декабря прусскій генераль Іоркъ, стоявшій подъ начальствомъ Макдональда на берегу Балтійскаго моря, строгій, рѣшительный человекъ, серьезнаго, мрачнаго нрава, «терпкій, какъ рубленое желѣзо», уже заключилъ съ русскимъ генераломъ Дибичемъ Таурогенскую конвенцію и отступился съ своими войсками отъ дальнѣйшей борьбы; и хотя этотъ

поступокъ вызвалъ официальное неодобреніе короля, такъ что Горкъ былъ уволенъ отъ должности, однако побѣдка его изъ Берлина въ Бреславль, гдѣ онъ былъ ближе къ Русскимъ, служила предвѣстіемъ того, что засимъ послѣдовало. Вызванное по внушенію барона Штейна нѣкоторыми патриотами собраніе прусскихъ чиновъ въ Кёнигсбергъ (5 — 9 февраля 1813) и постановленное ими общее народное ополченіе, состоящее изъ ландвера и ландштурма, рѣшили дѣло. Несмотря на то, что важнѣйшія прусскія крѣпости были въ рукахъ Наполеона и обезпечены за нимъ его гарнизонами, между Пруссіей и Россіей въ февралѣ (25 числа) уже былъ заключенъ Калишскій союзъ для освобожденія Европы совокупною борьбою противъ Франціи. Безмѣрное униженіе Пруссіи породило въ народѣ такое озлобленіе противъ чужеземнаго ига, что королевское «воззваніе къ народу» (3 февраля), призывавшее его къ добровольному вооруженію, пробудило невѣроятную воинственность. Въ короткое время уже стояло подъ ружьемъ не только сильное, составленное большею частью изъ охотниковъ войско, но и готовъ былъ подняться устроенный во всѣхъ городахъ и селеніяхъ и вооруженный на собственныя деньги ландверъ, еслибы нужда отечества вызвала его въ поле.—Воодушевленіе овладѣло всѣми сословіями и возрастами, молодежь и зрѣлые люди покидали свои обычныя занятія и близкихъ сердцу, чтобы посвятить свои силы освобожденію отечества. Студенты и наставники покидали аудиторіи, чиновники — свои мѣста, молодые дворяне — кровь родительскій; они брали ружье и ранецъ, и съ благороднымъ самоотверженіемъ становились простыми ратниками рядомъ съ ремесленникомъ, вышедшимъ изъ мастерской, и съ крестьяниномъ, обмѣнявшимъ плугъ на саблю. Кто не могъ идти въ походъ, тотъ жертвовалъ частію своего имущества; даже самый бѣдный и мелкій народъ съ радостію приносилъ свои дары въ пользу отечества. То были дни общаго пробужденія, заставлявшіе забыть позоръ и бѣдствія многихъ лѣтъ. Всего сильнѣе выразился этотъ патриотическій и воинственный духъ въ составленномъ большею частью изъ студентовъ Лютцовскомъ вольномъ отрядѣ, которому Теодоръ Кёрнеръ далъ высшее освя-

щеніе своими пѣснями и своею смертью ¹. Уже въ мартѣ Французы вышли изъ Берлина, куда тотчасъ же вступили русскій генералъ Витгенштейнъ и возстановленный въ своемъ званіи и военномъ почетѣ графъ Горкъ. Орденъ желѣзнаго креста, основанный въ день рожденія королевы Луизы (род. 10 марта 1776, ум. 19 іюля 1810), служилъ поощреніемъ для храбрыхъ, и калишское воззваніе (25 марта), обѣщавшее, кромѣ уничтоженія Рейнскаго союза и освобожденія Европы, еще и «возстановленіе Германіи въ новой жизненной силѣ и единствѣ, безъ чужеземнаго вліянія, единственно нѣмецкими государями и народами и въ коренномъ народно-германскомъ духѣ», — это воззваніе подняло надежды патриотовъ и усилило воодушевленіе и воинственный пылъ. вмѣстѣ съ патриотическимъ пробужденіемъ овладѣла умами и религіозность; прямо съ проповѣди и отъ причастія отправлялись волонтеры на священную войну. И какимъ отчаяннымъ мужествомъ были одушевлены новыя войска, — это доказали побѣдоносныя дѣла при Мёкернѣ (5 апрѣля 1813), гдѣ Пруссаки приняли со славой первое «кровавое крещеніе».

За нѣсколько недѣль до своей смерти († 28 апр.) Кутузовъ издалъ въ Калишѣ, отъ лица обоихъ союзныхъ государей, воззваніе къ членамъ Рейнскаго союза, приглашая ихъ свергнуть Наполеоново протекторство и примкнуть къ великой борьбѣ. «Отнынѣ народы будутъ взаимно уважать свою независимость; отнынѣ уже не будутъ воздвигать никакого политическаго зданія на развалинахъ государствъ, прежде независимыхъ; цѣль войны и мира — оградить права, свободу и независимость всѣхъ народовъ» — такъ гласилъ смыслъ этого и всѣхъ подобныхъ воззваній. Но страхъ къ сильному еще сдерживалъ большинство, тѣмъ болѣе, что медлительность союзниковъ дала энергичному противнику время — изгладить впечатлѣніе бѣдственнаго похода на Россію и укрѣпить колеблющихся въ союзѣ. Только побѣды могли внушить рѣшительность послѣднимъ, особенно послѣ того какъ Гамбургъ, за свой слишкомъ поспѣшный переходъ во власть смѣлаго вожда русской легкой конницы, полковника Фонъ Теттенборна и

¹ Его народно-лирическія стихотворенія, подъ заглавіемъ «Лиры и мечъ», остались дорогимъ для Нѣмцевъ памятникомъ той эпохи. Кёрнеръ убитъ въ 1813 г. на дорогѣ изъ Шверина въ Гадебунъ, неподалеку отъ Розенберга.

козачьихъ полковъ подъ начальствомъ Чернышева (18 марта). былъ страшно наказанъ въ примѣръ другимъ, когда имъ снова овладѣли Даву и Вандамъ (31 мая), «соединившій упрямство Бонапартова воина съ дикостью якобинскаго террориста», а Датчане, вмѣсто того чтобы пристать къ союзникамъ и прикрыть собой городъ, возобновили союзъ съ Французами и проложили имъ туда дорогу. Больше всего желали оба союзные государя, чтобы къ ихъ дѣлу примкнулъ король Саксонскій. Но Фридрихъ Августъ, котораго Наполеонъ умѣлъ привязать къ себѣ дружественнымъ обращеніемъ и нѣкоторыми знаками благосклонности и довѣрія, которому онъ далъ Варшавское герцогство, въ «униженіе Пруссіи и въ угрозу Россіи», — противился ихъ вызову, какъ ни сильно раздѣляли общее патріотическое воодушевленіе и народъ, и войско въ Саксоніи. Весь въ золотѣ и драгоценныхъ камняхъ, бѣжалъ онъ съ своимъ семействомъ и со всѣмъ дворомъ, сначала въ Фогтландскій округъ *), а потомъ въ Богемію, намереваясь заключить нейтральный союзъ съ Баваріей и Австріей. Когда же вѣнскій кабинетъ, начинавшій призадумываться надъ народнымъ возстаніемъ въ сѣверной Германіи, еще медлил своимъ рѣшеніемъ, а Наполеонъ потребовалъ возвращенія короля въ Дрезденъ, угрожая его низвергнуть, тогда онъ повиновался судьбѣ и предоставлялъ свою страну, свои крѣпости и войскъ въ распоряженіе императора, «своего великаго союзника».

§ 768. Война за свободу Германіи. Хотя въ первыхъ сраженіяхъ при Гроссъ-Гёршенѣ (близь Люцена 2 мая) и Бауценѣ (20 мая 1813) Французы удержали за собою поле битвы и оттѣснили своихъ враговъ до самаго Одера, однакожь геройство юныхъ нѣмецкихъ ратниковъ, отвага съ какою подставляли они пулямъ грудь свою, согрѣтую чувствомъ чести и любви къ отечеству, доказали врагу, что надъ Пруссіей витаетъ уже совсѣмъ не тотъ духъ, съ которымъ Французы сошлись подъ Іеной. Патріотическій порывъ, увлекшій въ станъ благороднѣйшихъ людей націи, выдержалъ самое тяжкое испытанье. «Даже мертвые лежали съ просвѣтленными лицами; они отошли изъ міра въ увѣренности, что отмстили за свое отечество и за самихъ себя».

*) Въ горной Саксоніи.

При Гроссъ-Гёршенѣ, Шарнгорстъ получилъ смертельную рану. Онъ воспользовался своими послѣдними силами для поѣздки въ Австрію, чтобы склонить имперію на союзъ. Смерть настала его, истомленного и больнаго, въ Прагѣ, 28 іюня 1813 г. Наибольшая потеря людей была со стороны непріятели; между тысячами, покрывавшими поле битвы, находились Бесьеръ (при Лютценѣ) и Дюрюкъ (при Бауценѣ). Смерть послѣдняго, котораго Наполеонъ любилъ и цѣнилъ больше всѣхъ за его любезность, вѣрность и преданность, глубоко опечалила Французскаго императора.

Въ первый разъ, повидимому, закралась въ грудь Наполеона мрачная дума о превратностяхъ земнаго существованія. Но гордость и высокомеріе все еще увлекали его впередъ. «Ни одна деревня не должна быть отторгнута отъ Французской имперіи со всѣми включенными въ нее областями!» объявилъ онъ наотрѣзъ, чтобы застрашать другихъ такою самоувѣренностью. Онъ счелъ однако умѣстнымъ предложить перемиріе для предварительныхъ переговоровъ о мирѣ, и союзники, которымъ отсрочка пришлась очень кстати для восполненія убыли въ войскахъ и для новыхъ вооруженій, охотно согласились на это, какъ ни сильно требовалъ народный голосъ непрерывнаго продолженія войны. Во время этого Шлесвицскаго (или Пойшвицскаго) перемирія (съ 4 іюня по 10 августа 1813), Австрія сошлась съ Россією и Пруссіей посредствомъ Рейхенбахскаго договора, къ которому приступила и Англія (14—15 іюня), и потомъ на Пражскомъ конгрессѣ (12 іюля—10 августа) старалась черезъ князя Меттерниха уладить своимъ посредничествомъ общій миръ. Но Наполеонъ не далъ склонить себя на требуемыя уступки. «Ваши государя, — сказалъ онъ между прочимъ въ знаменитомъ девятичасовомъ разговорѣ съ Меттернихомъ (28 іюня), въ Дрезденѣ, — ваши государя, рожденные на престолѣ, не могутъ постигнуть тѣхъ ощущеній, какія волнуютъ мою грудь; они возвращаются побѣжденные въ свои столицы, и остаются тѣмъ же, чѣмъ были прежде. Но я солдатъ, мнѣ нужны честь и слава, я не могу ослабленный показаться среди моего народа, я обязанъ оставаться великимъ, славнымъ и достойнымъ удивленія». Вслѣдствіе отказа принять мирныя предложенія, было объявлено о пре-

крашені перемирія и, два дня спустя (12 августа), Австрія объявила Франціи войну. Хотя Наполеонъ въ сраженіи при Дрезденѣ (26—27 августа) еще разъ приковалъ военное счастье къ своимъ орламъ и дождался торжества видѣть своего противника Моро, котораго императоръ Александръ вызвалъ черезъ Бернадота изъ Америки, смертельно раненнымъ и унесеннымъ съ поля на носилкахъ; однако плоды дрезденской побѣды, побудившей союзное войско отступить въ Богемію и исполнившей Французскаго императора надеждой снова склонить Австрію на свою сторону, были уничтожены: 1) одновременно славною битвой Блюхера на Кацбахѣ (при Вальштаттѣ) въ Силезіи (26 августа) противъ Макдональда (битвою, которая доставила «маршалу впередъ», этому народно-героическому образу, полному воинскаго пыла, суровой энергіи и прямодушной честности, титулъ князя Вальштаттскаго и предала въ его руки 18,000 плѣнныхъ и множество артиллеріи); «Силезія освобождена отъ непріятеля», провозгласилъ тогда Блюхеръ въ дневномъ приказѣ къ своимъ солдатамъ: «ваши штыки низвергли его съ крутояровъ бурной Нейссы и Кацбаха. Съ тѣхъ поръ вы не разъ переходили въ бродъ рѣки и подыавшіеся отъ дождей ручьи, не обращая вниманія на холодъ и сырость, на недостатки и лишенія. » 2) Окруженіемъ и взятіемъ въ плѣнъ энергическаго генерала Вандама съ 10,000 Французовъ въ жаркой битвѣ при Кульмѣ (29—30 августа), въ Богеміи. Наполеонъ по неизвѣстнымъ причинамъ оставилъ предположенное первоначально преслѣдованіе непріятеля всѣми своими силами, и тѣмъ подвергнулъ опасности проникшихъ въ Тѣплицкую долину генераловъ. Оттого когда, послѣ перваго кроваваго боя, гдѣ лишь стойкимъ мужествомъ русскихъ гвардейцевъ подъ начальствомъ Евгенія Вюртембергскаго и Остерманна, противъ гораздо сильнѣйшаго непріятеля, была отвращена опасность страшнаго пораженія, прусскій генералъ Фонъ-Клейстъ смѣлымъ переходомъ черезъ горныя «Ноллендорфскія высоты», ударилъ въ тылъ непріятелю, а на слѣдующее же утро напали на него Русскіе и Австрійцы съ новыми силами, тогда гибель французскаго войска стала неизбѣжна. Однако лишь послѣ отчаяннаго боя

положили оружіе отрѣзанныя части арміи и сдались военно-плѣнными вмѣстѣ съ главнокомандующимъ. Поле битвы представляло страшное зрѣлище; среди пылающаго Кульма множество тяжело раненныхъ погибло въ огнѣ; вездѣ видны были слѣды пожара и опустошенія; все доступное глазу пространство покрыто было мертвыми и умирающими, обломками повозокъ и всякаго оружія; тысячи изувѣченныхъ воиновъ, брошенные на произволъ судьбы и томимые палящимъ зноемъ, жаждали смерти, какъ желаннаго, конечнаго избавленія. Имя Вандама было такъ ненавистно, что когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ, оказалось невозможнымъ защитить его отъ личныхъ оскорбленій. 3) Блистательными подвигами прусско-шведской арміи въ битвахъ при Гросъ-Беренѣ (23 авг.) и Денневицѣ (6 сент.), подъ начальствомъ Бернадота, Бюлова, Тауэнцина и друг., что помѣшало взятію Берлина маршалами Удинѣ и Неемъ. Послѣднія два дѣла были тѣмъ славнѣе для прусской арміи и особенно для презираемаго Наполеономъ земскаго ополченія (ландвера), что Бернадотъ уже принималъ тогда колеблющееся и двусмысленное положеніе въ войнѣ противъ своихъ земляковъ, старался обмануть союзниковъ размахистыми маневрами, и въ этихъ битвахъ, рѣшенныхъ одною только храбростью Бюлова, болѣе вредилъ, нежели приносилъ пользу, хотя въ послѣдствіи вся честь побѣды приписана была почти исключительно ему. Но здравый смыслъ прусскаго народа распозналъ истину, не смотря на хвастливое искаженіе ея въ Бернадотовскомъ бюллетенѣ, и жители Берлина отпраздновали спасшую ихъ побѣду дѣлами трогательной благотворительности. Нѣсколько недѣль спустя, Силезская армія соединилась съ Сѣверною, послѣ того какъ графъ Гюркъ, съ помощью храбраго генерала Горна, проложилъ себѣ въ виду непріятеля переходъ чрезъ Эльбу (3 окт. 1813) и одержалъ славную побѣду подъ Вартебургомъ (по которой онъ съ тѣхъ поръ и прозывался).

Осенью исходъ великой борьбы почти уже не подлежалъ сомнѣнію; нѣмецкія войска частями покидали знамя Наполеона, — одни примыкали къ союзникамъ, другія расходились по домамъ; прежніе противники, Бернадотъ и Блюхеръ, подали другъ другу руку на братскій военный союзъ; одного появленія легкаго русскаго отряда подъ начальствомъ

Чернышева передъ Касселемъ (въ концѣ сент.) было достаточно, чтобъ принудить короля Иеронима къ бѣгству изъ его столицы, куда, по удаленіи непріятеля, онъ воротился лишь на нѣсколько недѣль; Баварія примкнула къ союзникамъ, заключивъ съ Австріей Ридскій договоръ (8 окт.), по которому ей обезпечены были полныя державныя права и обладаніе всеми подвластными землями, а въ случаѣ какихъ либо уступокъ (напр. Тироля) обѣшаны соразмѣрныя вознагражденія. Даже комендантъ крѣпости Торгау, саксонскій генералъ Тилеманъ, перешелъ на службу Пруссіи. Въ октябрѣ, пока Наполеонъ оставался нѣсколько дней бездѣйственно и беззаботно въ Дюбенѣ, армія стянулись со всехъ сторонъ въ обширную Лейпцигскую равнину. Австріицы подъ начальствомъ Шварценберга, которому предоставлено было главное распоряженіе всеми войсками, Русскіе подъ командой Барклая, Витгенштейна, Беннигсена и друг., Пруссаки подъ начальствомъ Блюхера, Горка, Бюлова, а Шведы—Бернадота. Военная сила союзниковъ (300,000 человекъ) въ послѣдній день битвы превосходила на сто тысячъ французскую армію, предводимую самимъ Наполеономъ; но превосходство это вполне уравнивалось тѣмъ, что Французы были подъ начальствомъ одного, вѣнчаннаго славою полководца, тогда какъ союзныя войска повиновались многимъ, не всегда согласнымъ между собой вождямъ, изъ которыхъ одинъ Блюхеръ (подъ нимъ командовалъ Горкъ) шелъ въ дѣло съ твердою рѣшимостью, тогда какъ Бернадотъ и Шварценбергъ обнаруживали явное колебаніе. Крѣпкій бой при Либертвольквицѣ (14 окт.), гдѣ авангардъ союзниковъ сильно схватился съ конницей Мюрата, былъ достойною прелюдіей великой, рѣшительной битвы.

Вѣнчанный побѣдитель, которому такъ часто помогалъ въ трудныя минуты богъ войны, напрасно развернулъ на Лейпцигской равнинѣ всю силу своего таланта; напрасно отличнѣйшіе вожди его школы, Ней, Мюратъ, Ожеро, Макдональдъ, Полякъ Понятовскій и мног. друг., напрягали свои силы и свою боевую опытность; трехдневная битва народовъ подъ Лейпцигомъ (16, 17 и 18 окт.) и въ сосѣднихъ деревняхъ Вахау, Пробстгейдѣ, Конневицѣ, Либертвольквицѣ, Мёкернѣ, Линденау и друг. стала гробомъ для Французской имперіи.

Событія перваго дня сраженія распались на три группы: на страшныя схватки, которыя Богемская армія, подъ начальствомъ Шварцен-

берга, Клейста, Евгенія Вюртембергскаго и друг., выдержала къ югу отъ Лейпцига, около деревни Вахау, и которыя, благодаря геройскому мужеству предводителей и непоколебимой стойкости войскъ, кончились не неблагоприятно для союзниковъ, хотя и нимало не рѣшили дѣла; на атаки, предпринятыя австрійскимъ генераломъ Гюлаемъ къ западу у Линденау, и на жаркій бой къ сѣверу отъ города, при Мёкернѣ, гдѣ явила дивную храбрость побѣдоносная Силезская армія. Второй день битвы—воскресенье—весь прошелъ въ притягиваніи новыхъ силъ и въ множествѣ мелкихъ стычекъ; на третій день бой свирѣпствовалъ на обширнѣйшемъ протяженіи, котораго средоточіемъ были деревни Штёттерицъ и Пробстгейда, гдѣ самъ Наполеонъ руководилъ ходомъ дѣла съ одной близлежащей высоты. Когда побѣда еще колебалась, Вюртембергцы и большая часть саксонскихъ войскъ перешли къ союзникамъ. Вюртембергцами командовалъ тотъ самый генералъ Норманъ, который еще недавно, во время перемирія, при внезапномъ нападении подъ Киценомъ (17 іюня), согласился быть орудіемъ уничтоженія вольнаго Люцовскаго отряда. Послѣ непоимѣрной потери въ людяхъ, утромъ 19 октября Наполеонъ покинулъ городъ, который вслѣдъ за тѣмъ союзники взяли приступомъ. Слишкомъ поспѣшное снятіе моста на рѣчкѣ Эльстеръ предало имъ въ руки 12,000 человекъ подъ ружьемъ и 23,000 больныхъ и раненыхъ, Цѣлыя тысячи погибли въ струяхъ Эльстера и Шлейсы, въ томъ числѣ и храбрый Понятовскій, пожалованный въ маршалы на самомъ полѣ Лейпцигской битвы; Макдональдъ спасся только вплавь. Потеря союзниковъ простиралась до 40,000 человекъ. Счастливы были тѣ, кто принялъ горько-сладкую смерть за родину въ минуту благороднѣйшаго, высшаго исполненія своего долга, всѣ тѣ, кто въ полномъ чувствѣ нравственныхъ и тѣлесныхъ силъ, уснулъ вѣчнымъ сномъ на только что освобожденной почвѣ роднаго края; но достойнъ слезъ былъ жребій многихъ тысячъ людей, которые еще живыми лежали на обширномъ побоищѣ, точа кровь изъ тяжелыхъ ранъ, перемѣшанные съ мертвыми, умирающими, друзьями и недругами, вопія о помощи и спасеніи и не находя вокругъ себя сочувственной руки. Тысячи погибли въ мукахъ отъ ранъ, отъ голода и жажды среди дня, отъ мороза въ холодныя октябрьскія ночи, прежде чѣмъ удалось кое-какъ прирѣть раненныхъ въ наскороустроенныхъ госпиталяхъ. Да и здѣсь не нашли они себѣ спасенія; ихъ сберегли только для новыхъ, неизобразимыхъ страданій. Среди обширнаго поля труповъ торчали пожарища двадцати

съ лишкомъ деревень, которыхъ безпомощные, голодающіе жители искали себѣ крова Христа ради. Преданіе гласитъ, что три союзные монарха, при вѣсти о рѣшительной побѣдѣ, пали ницъ на томъ самомъ холмѣ, откуда наблюдали сраженіе, и вознесли благодарственные молитвы къ Небу. То было настоящее, искреннее побѣдное торжество въ этой «священной войнѣ», подъятой для освобожденія погранныхъ народовъ. И кто болѣе имѣлъ поводовъ къ благодаренію, какъ не монархи, которыхъ одержанная теперь побѣда возстановляла отъ стыда Аустерлицкаго и Іенскаго поражений? Могучаго властителя, который до сихъ поръ все еще торжествовалъ надъ ними, само Небо поразило слѣпой самонадѣянностью — и вотъ гигантская его сила легла передъ ними въ прахъ. Само Небо возвратило народамъ надлежащій гнѣвъ и добрую увѣренность въ ихъ собственной силѣ, — возвратило для того, чтобы своимъ геройскимъ самоотверженіемъ они искупили общіе грѣхи, въ которыхъ особенно провинились государи и ихъ совѣтники.

Преслѣдуемые непріателемъ, Французы быстрыми переходами двинулись черезъ Эрфуртъ къ Рейну. Первые дни отступленія представляли самое печальное зрѣлище. Войска были истощены и сильно голодали, настроеніе ихъ было мрачно и отчасти уже переходило въ ропотъ противъ виновника всѣхъ этихъ бѣдъ; между Рейнскими союзниками насчитывалось съ каждымъ днемъ больше дезертировъ. Самъ Наполеонъ, котораго гордое спокойствіе оставалось до сихъ поръ неизмѣнно, былъ теперь очевидно потрясенъ; въ лицѣ у него замѣтно было глубокое уныніе. Безмолвный и задумчивый прошелъ онъ пѣшкомъ все Люценское поле, на которомъ началась въ этомъ году достопамятная война и гдѣ улынулась ему еще разъ богиня побѣды. Онъ однажды высказалъ мнѣніе, что большое несчастіе въ войнѣ всегда указываетъ на какого-нибудь великаго виновника. Этимъ онъ самъ себѣ произнесъ приговоръ. Крайнее напряженіе силъ довело наконецъ до того, что одна опора подламывалась за другой, пружина ослабѣвала за пружиною. Подъ Ганау генералъ Вреде съ свѣжею баваро-австрійскою арміею преградилъ отступающимъ дорогу, но этимъ доставилъ «умирающему льву» новый случай показать свой дивный военный талантъ. Побѣда, одержанная, конечно не безъ тяжкихъ потерь, въ битвѣ при

Ганау надъ раненымъ Вреде (30 и 31 окт.), проложила семидесяти-тысячному остатку французской арміи дорогу черезъ Франкфуртъ къ Рейну. Но несчастные все уже несли въ измученной груди зародышъ смертельной болѣзни (тифа), и еще до конца года половина ихъ умерла въ переполненныхъ больными госпиталяхъ.

Въ Германіи битва подъ Лейпцигомъ произвела огромную переѣву: разложеніе Вестфальскаго королевства, возвращеніе курфюрста Гессенскаго и герцоговъ Брауншвейгскаго и Ольденбургскаго въ ихъ владѣнія, возстановленіе дворянско-чиновническаго управления въ Ганноверѣ, взятіе подъ стражу короля Саксонскаго, съ которымъ Наполеонъ распрощался въ Лейпцигѣ, — таковы были первыя дѣйствія достопамятной катастрофы. Быстро рушились послѣднія связи Рейнскаго союза: Дальбергъ отступился отъ своего великаго герцогства Франкфуртскаго; Вюртембергъ (котораго король еще незадолго до этого уволилъ отъ службы генерала Нормана, передавагося подъ Лейпцигомъ союзникамъ, а Наполеону письменно заявлялъ надежду «возвратиться въ скоромъ времени подъ его счастливыя знамена»), Баденъ, Гессенъ Дармштадтъ, Нассау заключили, по нѣкоторомъ колебаніи, договоры съ Австріею и отдали свои войска въ распоряженіе союзниковъ. Имъ, равно какъ и остальнымъ членамъ Рейнскаго союза, обезпечили, вопреки совѣту Штейна, все ихъ владѣнія и верховныя права, обязавъ ихъ только подчиниться будущему политическому устройству Германіи. Главный административный совѣтъ, подъ руководствомъ барона Штейна, сильно содѣйствовавшаго поднятію Германіи при самомъ началѣ войны, завѣдывалъ до водворенія новаго порядка областями, отнятыми у Французовъ и еще вѣрныхъ имъ союзниковъ. Задачею его было: «доставлять продовольствіе союзнымъ войскамъ, натуральными и денежными сборами съ управляемыхъ областей содѣйствовать покрытію военныхъ издержекъ, развивать по возможности все военныя средства этихъ странъ и наблюдать за внутреннею ихъ администраціею, оставленною въ рукахъ туземнаго начальства.» Дѣятельность его особенно простиралась на Саксонію и на безгосударныя земли западной Германіи. Подъ его же вѣдѣніемъ должны были состоять лазареты. — Одинъ Гамбургъ, отлично укрѣпленный генераломъ Гаксо, сопротивлялся подъ начальствомъ жестокаго Даву до мая 1814 г. Нигдѣ Французы не позволяли себѣ такихъ

притѣсненій и вымогательствъ, какъ именно здѣсь, Даву былъ настоящимъ бичемъ для Гамбургцевъ. Данія, вѣрнѣйшій союзникъ Наполеона съ 1807 года, не могла устоять противъ совокупныхъ нападеній сосѣднихъ враговъ. По Кильскому договору (14 янв. 1814) она отказалась отъ союза съ Франціей и согласилась уступить Норвегію Шведамъ, а остр. Гельголандъ Англичанамъ. Плохимъ вознагражденіемъ за эти утраты было для нея герцогство Лауэнбургъ, вымѣненное у Пруссіи за остальную часть шведской Помераніи съ остр. Рюгеномъ. Энергическіе Норвежцы не хотѣли сначала признать шведскаго владычества; они не хотѣли, по ихъ выраженію, «чтобъ ими распоряжались какъ стадомъ». Самовольно собравшійся сеймъ (стортингъ) выбралъ въ короли датскаго принца Фридриха Христиана (царствовавшего потомъ въ Даніи) и далъ краю свободную конституцію. Они признали Кильскій договоръ только тогда, когда союзники стали угрожать имъ войною, а король Шведскій даровалъ имъ независимое управление и утвердилъ ихъ почти-республиканскій государственный уставъ.—Наполеоновы сооруженія въ Италиіи теперь также не устояли. Вице король Евгеній, послѣ храброй обороны, уступилъ поле битвы превосходству австрійскихъ силъ и удалился къ своему тестю въ Баварію, между тѣмъ какъ прекрасныя и плодоносныя поля Ломбардіи достались въ руки Австрійцамъ. Желаніе народа образовать независимое королевство подлѣ державой Евгенія не было уважено. Въ Тоскану возвратился великій герцогъ Фердинандъ, и Церковная Область снова приняла въ свои предѣлы многоиспытаннаго папу Пія VII. Возвращеніе этого старца изъ французскаго плѣненія походило на триумфъ. Но одушевленіе народовъ Германіи и Италиіи скоро было подавлено безразсудными поступками возвратившихся эмигрантовъ и приверженцевъ реакціи.

§ 769. Последняя борьба Наполеона (1814). Во Франкфуртѣ союзные монархи совѣщались съ своими министрами и полководцами о томъ, переходить ли за порубежную рѣку Германіи. Напрасно такіе патріоты, какъ Блюхеръ и Гнейзенау, настаивали на немедленномъ продолженіи войны; голосъ Австріи восторжествовалъ, и союзники еще разъ вступили на путь переговоровъ. Проектъ мира, доставленный Французскому императору Сентъ-Эньяномъ (Saint-Aignan), обезпечивалъ ему обладаніе Франціей въ ея естественныхъ предѣлахъ, между Рейномъ, Альпами и Пиренеями, если онъ

согласится на полную независимость Германіи, Голландіи и Италиіи и на возстановленіе прежней династіи въ Испаніи. Но когда на это послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ, а огромныя вооруженія, предпринятія Наполеономъ съ помощью самой тяжелой конскрипціи, удостовѣрили союзниковъ, что гордыня врага еще не сокрушена, что, напротивъ, онъ намѣренъ опять испытать счастья въ битвахъ, тогда рѣшили перейти за Рейнъ, особенно благодаря стараніямъ барона Штейна, пользовавшагося большимъ вліяніемъ у Россійскаго императора.

Въ ночь на Новый годъ (1 янв. 1814) Блюхеръ съ своею Силезскою арміей переправился черезъ германскую рѣку въ разныхъ мѣстахъ между Мангеймомъ и Кобленцемъ, тогда какъ Шварценбергъ повелъ главную армію къ юговосточной Франціи черезъ Швейцарію, которой не было предоставлено требуемаго ею нейтралитета, а вторая прусская армія, подлѣ начальствомъ Гросъ-Беренскаго героя, Бюлова, освобождала Голландію и настояла на возвратѣ наслѣдственнаго статгаудера въ его владѣнія. Англичане перешли Пиренеи, Италійскому королевству угрожали Австрія и разладившій съ Наполеономъ Мурать. Бернадотъ, которому хотѣлось быть посредникомъ между Франціей и Европой, старался расположить къ себѣ земляковъ мягкостію своихъ дѣйствій, имѣя, быть-можетъ, въ виду, тѣми же средствами, какія доставили ему шведскую корону, проложить себѣ дорогу и къ французской, но этимъ двусмысленнымъ поведеніемъ онъ только возбуждалъ подозрительность союзниковъ. Въ нѣмецкой арміи уже со дня Гросъ-Беренской битвы не питали къ бывшему французскому маршалу никакого довѣрія.

Въ Шампани сошлись вмѣстѣ войска Блюхера и Шварценберга, и побѣда при Ла-Ротьерѣ (1 февр.), слѣдовавшая за кровавой, но безплодной битвой подлѣ Бриэнномъ (29 янв.), обѣщала союзникамъ быстрый и благополучный исходъ. Французская армія, отчаявшись въ дальнѣйшемъ успѣхѣ императора, потеряла прежнюю отвагу. Страшно потерпѣвъ въ бою, почти изнемогая отъ трудныхъ передвиженій и голода, безмолвно и мрачно шла она къ Труа, причемъ большая часть молодыхъ солдатъ покинула знамя и разбѣжалась по домамъ. Но медленность побѣдителей дала Наполеону время подняться на ноги и собрать новыя силы; а какъ трудность продоволь-

ствія среди зимы въ непріятельскомъ краѣ вынудила обѣ союзныя арміи снова разойтись, такъ что Шварценбергъ потянулся къ Парижу вдоль Сены, а Блюхеръ вдоль Марны, то Наполеону, котораго полководческій талантъ явился здѣсь опять въ полномъ блескѣ, удалось снова поднять мужество Французовъ великими подвигами въ родѣ прежнихъ. Съ «неслыханной смѣлостью» оставляетъ онъ только малое число войска, чтобъ занять Шварценбергову армію, а со всѣми прочими быстро кидается на привычную къ побѣдамъ Силезскую армію Блюхера, застаётъ ее врасплохъ, разбиваетъ въ теченіе пяти дней отдѣльные корпуса ея въ пяти удачныхъ сраженіяхъ (при Шампоберъ, Монмираль, Шато-Тьерри Вошампъ, 10—15 февр. 1814) и принуждаетъ къ отступленію. Потомъ съ быстротою молніи обращается на главную армію и побѣдами при Нанжисъ и Монтеръ (17 и 18 февр.) также заставляетъ ее возвратиться въ Труа. Событія эти произвели такое впечатлѣніе на союзниковъ, что при новыхъ переговорахъ о мирѣ, открытыхъ въ Шатильонѣ (11—14 февр.), Наполеону было бы легко удержаться на престолѣ Франціи, еслибъ онъ отказался отъ другихъ земель, къ ней присоединенныхъ, или предоставленныхъ имъ своей родиѣ. Общее опасеніе всенароднаго возстанія во Франціи, нерасположеніе императора Александра къ Бурбонамъ, которыхъ онъ нѣкогда выслалъ изъ Курляндіи, уваженіе Австрійцевъ къ зятю ихъ императора, все это вмѣстѣ давало значительный перевѣсъ партіи мира. Но возраставшія съ каждою удачей требованія Наполеона, ограниченныя полномочія его дипломата Коленкура и его собственные двусмысленные и неопредѣленные отзывы замедлили окончаніемъ дѣла до того, что непримиримѣйшій врагъ Наполеона, Блюхеръ, успѣлъ оправиться отъ своихъ неудачъ, подкрѣпилъ себя силами Сѣверной арміи подъ начальствомъ Бюлова и Винцингероде и успѣшно сразился съ ослабѣвшимъ французскимъ войскомъ при Краонѣ и Ланъ (7 и 9 марта). Одержанію полной побѣды помѣшала только болѣзнь Блюхера и происшедшая отъ того неопредѣленность въ главномъ начальствѣ. Тогда прерваны были всѣ переговоры; императоръ Австрійскій, принимавшій дотолѣ по родственнымъ связямъ посредническое положеніе, наконецъ пожертвовалъ своимъ

зятемъ и внукомъ европейскому миру; принцъ-регентъ Англійскій, усерднѣйшій сторонникъ Бурбоновъ, успѣлъ провести свой планъ возстановленія законной королевской фамиліи, и такимъ образомъ сдѣлался для Бурбоновъ тѣмъ, чѣмъ Людовикъ XIV былъ для Стюартовъ. Рѣшено было идти на Парижъ и низложить Наполеона. Побѣдоносная битва при Реймсѣ (13 марта), гдѣ палъ съ половиною своихъ солдатъ, командовавшій прусско-русскимъ корпусомъ, французскій эмигрантъ Сенъ-При (Saint-Priest), была послѣднимъ свѣтлымъ лучемъ славы Наполеона, но лучемъ, только еще ярче озарившимъ бездну, къ которой привела императора неотразимая судьба. Бой при Арсисъ-сюръ-Объ (20, 21 марта) вскорѣ убѣдилъ его вполне, что съ его умаленнымъ, истощеннымъ войскомъ ничего не сдѣлаешь противъ желѣзныхъ массъ непріятеля, и это убѣжденіе поразило его нерѣшимостью. Тогда какъ союзныя арміи двигались прямо на Парижъ, и присутствіе его въ столицѣ было крайне необходимо, онъ тратилъ время въ смѣлыхъ, но бесплодныхъ передвиженіяхъ. У него оставалось еще одно средство спасенія — національная война и воззваніе къ народу. Обратись онъ откровенно и прямодушно къ націи, обезпечъ ей возстановленіе гражданской свободы, воспользуйся живымъ патриотизмомъ Французовъ для всеобщаго возстанія противъ враговъ, онъ могъ бы еще затруднить или даже преградить союзникамъ дальнѣйшее движеніе внутрь края; но Наполеонъ всегда полагался на одинъ штыкъ и слишкомъ долго пригнеталъ гражданскую свободу блескомъ своего военного деспотизма: могъ ли же онъ теперь довѣриться народу, или народъ довѣриться ему? Поэтому онъ и тутъ презрѣлъ его помощь, а между тѣмъ геройскіе подвиги нѣсколькихъ тысячъ національныхъ гвардейцевъ подъ Ла-Феръ-Шампенуазомъ (25 марта) ясно показали, какая сила лежитъ еще въ народной толпѣ. — Когда всѣми уважаемый Карно, избѣгавшій прежде милости могучаго властелина, предложилъ теперь свою помощь покинутому счастіемъ императору, Наполеонъ не поручилъ ему столицы, гдѣ бы онъ могъ дѣйствовать всего успѣшнѣе, но возложилъ на него оборону антверпенской цитадели, между тѣмъ тѣмъ какъ вовсе не надежный братъ императора, Иосифъ, получилъ главное началь-

ство надъ національною гвардіей, императрица была поставлена во главу регентства, и людямъ, не отличавшимся ни способностями, ни вѣрностью, доверены были важнѣйшія мѣста. Едва непріятельскія арміи успѣли взять приступомъ Монмартръ послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ схватокъ подъ столицей (30 марта), какъ Іосифъ передалъ свое полномочіе Мортье и Мармону и тотчасъ же покинулъ стѣсненный отовсюду Парижъ. Послѣ самаго мужественнаго сопротивления оба маршала должны были уступить превосходной силѣ и сдали городъ на капитуляцію. Вслѣдъ за тѣмъ совершилось вступленіе въ Парижъ союзныхъ армій (31 марта).

2. Учрежденіе новаго порядка.

§ 770. Торжество легитимизма. Императрица съ своимъ четырехлѣтнимъ сыномъ и нѣсколькими министрами еще прежде удалась въ Блуа и тѣмъ самымъ существенно облегчила хитрому Таллейрану, державшему все нити интригъ въ своихъ рукахъ, исполненіе его замысловъ въ пользу изгнанной королевской фамилии. Онъ обладалъ тою критическою ясностью ума, тою соблазнительною остротою слова, тою пріятною мягкостью вѣнскихъ формъ, которыя одни могли нравиться великимъ міра и привести ихъ къ соглашенію; но это была продажная душа, человѣкъ, котораго жизнь была достойна презрѣнія, который своимъ полнымъ эгоизмомъ участвіемъ въ революціи обезчестилъ и свое дворянство и свое священное достоинство. Регентство въ Блуа скоро лишилось всей силы и вѣса, когда императоръ Александръ поселился въ Таллейрановомъ дворцѣ и удостоилъ внимать совѣтамъ этого умнаго и ловкаго дипломата. Возвратившіеся во время имперіи эмигранты, которыхъ Наполеонъ тщетно искалъ привязать къ своей фамиліи и своему дѣлу всеми возможными угожденіями, и неприсягнувшіе въ революцію священники, которые въ силу конкордата получили снова и мѣста и вліяніе, ревностно старались пробудить сочувствіе народа къ древнему королевскому дому и къ завѣтному порядку старины. Эти совокупныя усилія вмѣстѣ съ естественнымъ стремленіемъ усталаго и изнуреннаго народа къ миру окончательно рѣшили вопросъ. Уже 1 апрѣля, находившіеся въ Парижѣ сенаторы произнесли, по внушеніямъ Таллейрана, низложеніе императора, да еще и съ пору-

гавіемъ тому, передъ кѣмъ они такъ недавно ползали и пресмыкались во прахѣ. Самъ Таллейранъ едва выговорилъ предложеніе задыхающимся голосомъ, при чемъ онъ по крайней мѣрѣ разъ въ жизни почувствовалъ смущеніе. Временное правительство, состоявшее подъ предѣтельствомъ Таллейрана изъ многихъ Наполеоновыхъ противниковъ (Эммериха Іосифа фонъ-Дальберга, племянника князю-примасу, Жюкура, Бѣрноввиля) и роялистскаго аббата Монтекиу, завѣдывало всеми дѣлами Франціи впредь до водворенія новаго порядка. Союзные монархи еще не высказались официально, кому именно предназначается французская корона, и императоръ Александръ объявлялъ не одинъ разъ, что этотъ вопросъ должно рѣшить желаніе французской націи, почему агенты Бурбоновъ, какъ наприм. Семаллѣ, Моренъ, Мобрѣль, ревностно старались, при вступленіи союзниковъ въ Парижъ, вызвать тамъ роялистскія демонстраціи. Но низложеніе Наполеона признано было необходимымъ для спокойствія Европы, и какъ народное настроеніе, особенно на югѣ (въ Бордо) и западѣ Франціи, казалось благоприятнымъ для Бурбоновъ, то возстановленіе (реставрація) законнаго королевскаго дома сдѣлалось вскорѣ лозунгомъ текущаго дня, и взоры легкомысленнаго и шаткаго народа тотчасъ обратились на эмигрировавшую династію. Лица измѣнялись въ то время еще быстрѣе событіи; Наполеонъ извѣдалъ тогда вполне, какъ коротка и пагубна любовь народа, а графъ д'Артуа невольно выразилъ г-ну Семаллѣ свое глубокое удивленіе насчетъ этого неожиданнаго, «волшебнаго превращенія всего чернаго въ бѣлое».

Домъ Бурбоновъ.

Внуки Людовика XV:

Людовикъ XVI въ супр. съ Мар.	Людовикъ XVIII.	Карлъ X.
+ 1793.	Ант. (графъ Прованскій)	(Артуа) + 1836.
	+ 1824.	
Людовикъ (XVII) дофинъ,	М. Тереза за герцог. Ангул.	Герцогъ Ангулемскій, Герцогъ Беррійскій,
+ 1795.	+ 1851.	+ 1844. убитъ въ 1820.
		Генрихъ (V), герцогъ Бордоскій (графъ Шамборъ).

§ 771. Отреченіе Наполеона. Между тѣмъ Наполеонъ оставался въ Фонтенеблѣ съ своею гвардіей и преданными людьми, которыхъ число ежедневно убывало. Не зная что начать,

переходилъ онъ отъ одного замысла къ другому, пока вѣсть объ отложеніи Мармона не привела его наконецъ къ рѣшенію отречься отъ престола въ пользу сына (4 апр. 1814). Но этого условнаго отреченія не приняли союзныя державы; продолжать борьбу онъ не могъ; его покинули ближайшіе друзья его, Бертъе, Ней, Удино и друг., всѣ обратились къ восходящему солнцу. Тогда Наполеонъ подписалъ начертанное союзниками безусловное отреченіе (7 апр.). Онъ получилъ въ собственность остр. Эльбу съ ежегоднымъ доходомъ въ два милліона франковъ и съ разрѣшеніемъ удерживать при себѣ 4,000 своей вѣрной гвардіи; императрицѣ предоставлено было герцогство Парма съ правомъ передать его по наследству сыну (герцогу Рейхштатскому, умерш. въ 1832 г.); Жозефина, скончавшаяся нѣсколько недѣль спустя, и другіе члены Бонапартовской фамиліи получили богатые надѣлы и княжескіе титулы. Евгению, возведенному въ герцоги Лейхтенбергскіе, отданъ былъ Эйхштедтъ въ Баваріи. — 20 апрѣля Наполеонъ велѣлъ выстроить гренадеровъ своей гвардіи во дворѣ замка Фонтенебло и, сокрушаясь сердцемъ, трогательно распростился съ ними среди общаго рыданія старыхъ героевъ. Потомъ отправился онъ къ южному берегу, преслѣдуемый бранью и проклятіями того самаго народа, который въ слѣдующемъ же году опять принялъ его съ восторгомъ и ликованіемъ. 4 мая присталъ онъ на англійскомъ кораблѣ къ остр. Эльбѣ. Въ числѣ генераловъ, оставшихся вѣрными императору въ несчастіи, особенно должно упомянуть Бертрана и Макдональда. Послѣдній, котораго слишкомъ поздно оцѣнилъ Наполеонъ, принадлежалъ къ благороднѣйшимъ характерамъ этой многотревожной эпохи, когда много и много нашлось такихъ, которые думали заглядить старые грѣхи тѣмъ, что въ свою очередь лягали «умирающаго льва» вслѣдъ за другими.

Вскорѣ потомъ, къ общей радости утомленныхъ войною народовъ, заключенъ былъ первый Парижскій миръ (30 мая), по которому Франція получила въ короли Людовика XVIII, а вмѣстѣ съ тѣмъ новую конституцію, границы 1792 года и большую часть колоній, которыя прежде отошли къ Англіи, Португаліи и Швеціи. Чужеземныя вой-

скѣ покинули французскіе предѣлы, въ то время какъ императоръ Россійскій и король Пруссійскій отправились посѣтить своего союзника въ Лондонъ; Вѣнскій конгрессъ долженъ былъ установить новый порядокъ въ Европѣ. Но жребій Наполеона еще не совершился.

§ 772. Вѣнскій конгрессъ. На этотъ конгрессъ, которому суждено было преобразовать политическій составъ Европы, собрались императоры и короли, князья и магнаты вмѣстѣ съ даровитѣйшими государственными людьми всѣхъ народовъ. Великолѣпіе и образованность дѣлой части свѣта раскрылись здѣсь въ полномъ блескѣ¹. Всего скорѣе сошлись въ двухъ основныхъ началахъ дальнѣйшаго обсужденія: въ возвращеніи законныхъ династій на утраченные ими троны и въ устраненіи по возможности республиканскихъ учрежденій. Труднѣе было рѣшеніе вопроса, что дѣлать съ землями, отнятыми у Французовъ и ихъ союзниковъ и поставленными подъ временное управленіе, и какъ распределить вознагражденіе между державами, дѣятельно участвовавшими въ войнѣ? Себялюбіе и корысть затрудняли

¹ Важнѣйшими послами и министрами на Вѣнскомъ конгрессѣ были папскій — кардиналъ Консалви, австрійскій — Меттернихъ (при немъ главнымъ протоколистомъ — Генцъ); русскіе — Разумовскій, Штакельбергъ, Каподистрія и Нессельродъ; великобританскіе — Касльрѣ и Веллингтонъ; прусскіе — князь Гарденбергъ и Вильгельмъ фонъ-Гумбольтъ; французскіе — Таллейранъ и Дальбергъ; нассаускій — фонъ-Гагернъ; ганноверскій — графъ Мюнстеръ; саксонскій — графъ фонъ-деръ Шуленбургъ; баварскіе — князь Вреде и Рехбергъ; вюртембергскій — Винцигероде и мног. др. Значительное вліяніе на всѣ, особенно же на германскія, дѣла имѣлъ баронъ фонъ-Штейнъ, сильный, кромѣ своихъ личныхъ качествъ, милостиво и довѣрливо императора Александра, хотя онъ и не былъ представителемъ собственно ни какой державы. Старый принцъ де-Линъ забавлялъ высокихъ гостей своими остроуміями и выходками, а всѣмъ возможнымъ праздникамъ, баламъ, пирамъ и увеселеніямъ не было конца. Шумной, непрерывной чередой смѣнялись частныя балы съ придворными собраніями, маскарады и живыя картины, фейерверки и карусели, охоты, гулянья въ экипажахъ и верхомъ, военные смотры и маневры: нынче утромъ не совѣтъ сподручная панфила по Людовикъ XVI, вечеромъ — балъ, а на другой день самое великолѣпное катанье на санкахъ. Фигуры этой громадной картины отлпчались неповторимымъ разнообразіемъ: Тѣснясь въ необширныхъ предѣлахъ Вѣны, кишѣло здѣсь столько владѣтельныхъ особъ съ своими свитами, столько литературныхъ, военныхъ и политическихъ знаменитостей; тутъ была и роскошная знать австрійская, венгерская и богемская съ своими чужестранными гостями, тутъ были и вертлявые остряки салоновъ, разные чудаки, прикидывавшіеся кто истымъ германцемъ, кто космополитомъ, безпутные моты и проходницы, фокусники и игроки, танцовщики и пѣвцы въ величайшемъ изобиліи; самыя утонченныя страсти запада встрѣчались и перекрещивались здѣсь съ болѣе грубыми прихотями полувосточныхъ вельможъ.

мирное соглашеніе по этому предмету; вскорѣ пять великихъ державъ противустали другъ другу враждебнымъ образомъ: Англія, Франція и Австрія отнюдь не хотѣли уступить желанію берлинскаго двора, чтобы Саксонія была присоединена къ Пруссіи, а также и видамъ Россіи на царство Польское, съ тѣмъ чтобы дать ему особое политическое устройство. Меттернихъ лукаво сѣялъ сѣмена раздора, чтобы помѣшать Пруссіи пріобрѣсть Саксонію, а Таллейранъ искусно пользовался общимъ разладомъ къ выгодѣ Франціи и родственныхъ ей бурбонскихъ дворовъ. Разладъ дошелъ уже до того, что угрожалъ новою войною, и даже арміи оставлены были на военной ногѣ, какъ вдругъ неожиданная вѣсть о высадкѣ Наполеона при Каннѣ (1 марта 1815) разомъ побудила государей къ примиренію и болѣе единодушному образу дѣйствій. На предложенія и мирныя увѣренія врага отвѣчали они тѣмъ, что немедленно объявили его внѣ закона и приступили къ сбору огромныхъ военныхъ силъ для поддержанія условій Парижскаго мира.

§ 773. Созданія Вѣнскаго конгресса. Въ силу признаннаго конгрессомъ начала законности и предпочтенія монархическихъ формъ республиканскимъ или избирательнымъ, постановлено было слѣдующее: 1) Австрія получаетъ обратно: (отъ Россіи) Восточную Галицію, (отъ Баваріи) Тироль и Зальцбургъ и, въ вознагражденіе за Бельгію и передовую часть Австрійской области (Vorderoesterreich), Ломбардо-Венеціанское королевство, Далмацію и ближайшее выморочное право на Парму; эти земли въ совокупности съ прочими составными частями Австрійской монархіи и съ возвращенными отъ Франціи Иллирійскими областями, которыя названы королевствомъ Иллиріей, образуютъ географически замкнутое цѣлое. Пріобрѣтенія Вельтелины съ Кіавенною и Бормію (по нѣм. Вормсъ) осплонило связь ея итальянскихъ владѣній съ германскими. Такимъ образомъ Австрія еще разъ доказала свое старое искусство воскресать изъ-подъ пораженій съ обновленной живучестью. 2) Чтобы установить сильную сѣверную границу противъ Франціи рѣшено было совокупить всѣ нидерландскія провинціи въ одно Нидерландское королевство, и державнымъ королемъ посаженъ здѣсь Вильгельмъ Оранскій; ему же предоставлено принадлежащее къ Германскому союзу герцогство Луксембургъ. Но лучшія колоніи Голландцевъ въ Гвіанѣ, факторіи ихъ въ Индіи, островъ Цейлонъ и Мысъ Доброй Надежды остались во власти Англичанъ. 3) Италіянскія династіи, лишенныя Наполеономъ своихъ владѣній, получили всѣ ихъ обратно, и еще съ лихвою: а)

Королевство Сардинія, возвращенное королю Виктору Эмануилу, расширилось присоединеніемъ къ нему Генуэзской республики, а по второму Парижскому миру отдана ему и оставленная сначала за Франціей часть Савойи, чтобы противопоставить Франціи сильную державу (на стражѣ Альповъ). Генуя, за утрату обезпеченныхъ ей сначала Англіей республиканскихъ учреждений, получила кое-какія преимуущества, которыя однакожь вовсе не вознаградили ее за потерю свободы и независимости. Трогательнымъ манифестомъ въ январѣ 1815 г. объявило о распущеніи своемъ временное правительство республики, нѣкогда учрежденное лордомъ Бентинкомъ. б) Герцогство Модена и великое герцогство Тоскана отданы были членамъ Австрійскаго дома, который пріобрѣлъ такимъ образомъ рѣшительный перевѣсъ въ Италіи. Модена досталась другу абсолютизма, герцогу Францу IV, сыну дочери изгнаннаго Геркулеса д'Эсте, а Тоскана — брату императора Франца, великому герцогу Фердинанду. в) Лукка предоставлена испанско-бурбонскому принцу за уступку имъ герцогства Пармы Наполеоновои супругѣ Маріи Луизѣ, а позднѣйшимъ договоромъ обезпечено ему притомъ выморочное право на Парму. г) Церковная Область, куда воротился изъ плѣна папа Пій VII, возстановлена въ прежнемъ ея объемѣ. «Легации, говоритъ Перць въ «Жизни Штейна», охотно бы удержала за собою Австрія, да и Мюрать вторично овладѣлъ ими; но вліяніе Англіи снова возвратило ихъ папѣ. Рабъ рабовъ Божіихъ, которому католическіе сыновья его, императоръ Францъ и Мюрать, хотѣли было облегчить бремя правленія, у котораго «христіаннѣйшій король» насильно отнялъ и зажилъ Авиניонъ и Венесенъ, нашелъ себѣ теперь безкорыстную поддержку только въ иновѣрныхъ Англіи, Пруссіи и Россіи; тогда не предписывалъ онъ осьмидневныхъ молитвъ, да будутъ и онъ той же вѣры, какъ дѣти его, католики.» д) Неаполь послѣ трагической смерти Мюрата (§ 776) соединенъ былъ съ остр. Сициліей въ одно королевство обѣихъ Сицилій и возвращенъ прежнему королю Фердинанду. Королева Каролина, удаленная за свою крайнюю неугомонность Англичанами изъ Сициліи, незадолго передъ тѣмъ умерла съ досады и горя въ австрійскихъ предѣлахъ. По удаленіи ея, англійскій губернаторъ лордъ Бентинкъ даровалъ острову Сициліи въ 1812 г., составленную по образцу англійской и обсужденную земскими чинами превосходную конституцію, которая, однакожь по возстановленіи королевской власти ни мало не соблюдалась, а потому оскорбленный, притѣсняемый, лишенный всѣхъ правъ и всякой политической жизни островъ только съ отвраще-

ніемъ и противъ воли покорился Неаполитанскому королю, заявляя свое негодованіе многократными, но безуспѣшными попытками, сплору свергнуть съ себя тяжкое иго. е) Республика семи Іонійскихъ острововъ, снабженная либеральною, повидимому, конституціей, отдана была подъ покровительство Англіи, которая, обладая притомъ Мальтою и Гибралтаромъ, достигла этимъ полнаго господства въ Средиземномъ морѣ. 4) Испанія была возвращена королю Фердинанду VII, отпущенному изъ плѣна еще Наполеономъ, а въ Португаліи снова пріобрѣлъ древнія права свои Браганскій королевскій домъ. Но король Іоаннъ VI прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ Бразиліи, возведенной въ имперію, а Португалію отдалъ въ управленіе англійскому маршалу Бересфорду. 5) Скандинавскія державы Швеція и Данія остались въ опредѣленномъ еще до конгресса положеніи (§ 753, 768). 6) Россія вышла изъ великой борьбы усиленная и расширенная въ своихъ предѣлахъ (Финляндіей, Бессарабіей, частию Молдавіи и проч.); соединенное съ ней подъ именемъ царства Польскаго герцогство Варшавское получило отъ императора Александра свободное конституціонное устройство, въ силу котораго сенатъ и палата депутатовъ раздѣляли съ монархомъ законодательную власть, потомъ—особое управленіе, руководимое наместникомъ и отвѣтственнымъ министерствомъ, независимый судъ, свободу печати съ законными ограниченіями противъ злоупотребленій, городской общинный порядокъ съ выборными муниципальными чиновниками и разныя другія полезныя учрежденія. Крѣпостное право, которому при самомъ учрежденіи герцогства Варшавскаго былъ положенъ конецъ введеніемъ тамъ Наполеонова кодекса, осталось отмѣненнымъ на вѣки. Но чувство неизбѣжной зависимости и стремленіе воскресить національную самобытность все еще мѣшала полному примиренію Поляковъ съ могучимъ единоплеменнымъ сосѣдомъ. Познань досталась Пруссіи; Краковъ былъ сдѣланъ республикой подъ покровительствомъ Австріи. Россіи и Пруссіи, пока часто повторявшіеся мятежи не вызвали присоединенія его къ австрійскимъ владѣніямъ. 7) Швейцарія расширена присоединеніемъ отнятыхъ у ней Наполеономъ кантоновъ Валлиса, Женевы и Нѣшателя (последняго—подъ верховной властью Пруссіи) и признаніемъ всегдашняго ея нейтралитета и союзно республиканскаго устройства; преобразование послѣдняго, по отмѣнѣ акта о посредничествѣ, предоставлено союзному сейму, состоящему изъ представителей 22-хъ Швейцарскихъ кантоновъ. Ваадтъ и Ааргау сохранили свою самостоятельность. Форортъ (мѣсто союзнаго правительства) долженъ былъ пере-

ходить поочереди изъ Цюриха въ Бернъ, изъ Берна въ Люцернъ. Сеймъ, подобно германскому, не имѣлъ ни вѣса, ни власти предпринять что-либо въ видахъ общахъ пользъ. Швейцарія перещеголяла Германію только тѣмъ, что имѣла одну общую армію и представляла одно сомкнутое цѣлое въ отношеніи къ иноземнымъ державамъ. 8) Большія затрудненія причинило переустройство Германіи. Споры за земельный надѣлъ порѣшили тѣмъ, чтобъ Пруссія за свои жертвы, усилія и потери не только получила въ возвратъ уступленные ею по Тильзитскому миру нѣмецкія области, но кромѣ того пріобрѣла еще часть Польши (Познань, Данцигъ и др. м.), половину королевства Саксонскаго, бывшее великое герцогство Клеве-Бергъ и прекрасныя, промышленныя, покрытыя цвѣтущими городами побережья средняго и нижняго Рейна (принадлежавшія прежде духовнымъ курфюрстамъ); чтобъ Баварія, за уступленные Австріи участки, вознаграждена была Рейпскимъ Палатинатомъ, а Ганноверъ былъ возведенъ въ королевство и расширенъ причаею къ нему бывшей прусской Остфризландіи; наконецъ, чтобы всѣ остальные государи были удовлетворены соразмѣрно своимъ потерямъ или заслугамъ. Затѣмъ приступлено къ внутреннему распорядку въ Германіи. Такъ какъ ни Пруссія, ни государи Рейнскаго союза, не хотѣли отступиться отъ своихъ верховныхъ правъ, то не лзя было возстановить Нѣмецкой имперіи съ ея выборнымъ главою; вмѣсто того всѣ державы, какъ состоящія вполнѣ изъ германскихъ земель, такъ и владѣющія принадлежащими къ Германіи землями, были соединены, ради этихъ владѣній, въ неразрывный Германскій союзъ для поддержанія внутренней и вѣшной безопасности Германіи, и для обезпеченія неприкосновенности каждаго изъ членовъ союза. Число вошедшихъ въ союзъ независимыхъ державъ простиралось до 38-ми: одна имперія (Австрія); пять королевствъ (Пруссія, Баварія, Ганноверъ, Саксонія, Вюртембергъ); одно курфиршество (Гессенъ-Кассель); семь великихъ герцогствъ (Баденъ, Дармштадтъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Мекленбургъ-Стрелицъ, Саксенъ-Веймаръ, Луксембургъ, Ольденбургъ); девять герцогствъ (три саксонскія: Мейнингенъ, Кобургъ-Гота, Альтенбургъ; три ангальтскія: Дессау, Кётенъ, Бернбургъ; Нассауское, Брауншвейгское, Голштинское); десять княжествъ (два Гогенцоллернскія, два Шварцбургскія, два Рейсска, два Липпскія, Вальдекъ, Лихтенштейнъ); одно ландграфство Гессенъ-Гомбургское и четыре вольные города (Франкфуртъ.

Гамбургъ, Бременъ, Любекъ). Общія дѣла союза обсуждаются и вѣршатся собраніемъ пословъ на союзномъ сеймѣ подъ предѣлательствомъ Австріи; сеймъ заседаетъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Германскій союзъ, въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ, представляетъ соединенное государство съ трехсотъ тысячною союзною арміею, образуемою контингентами отъ каждаго изъ германскихъ владѣній и съ тремя союзными крѣпостями, Майнцемъ, Луксембургомъ и Ландау (къ которымъ прибавлены потомъ Раштаттъ и Ульмъ); ссоры между членами союза должны рѣшаться мирно при помощи третейскихъ (аустрегалъныхъ) судовъ; чтожь касается ссоръ между правительствами и подданными, то для рѣшенія ихъ не установлено никакого безпристрастнаго вѣдомства.—Вредныя послѣдствія дробности Германской земли обнаружались очень скоро, и справедливо подверглись многимъ порицаніямъ; однакожь эта дробность имѣла и свои хорошія стороны: она сохранила націи ея народность, ея индивидуальное развитіе по племенамъ, и сносиѣствовала естественному и вмѣстѣ многостороннему образованію. Германіи недоставало единого тѣла, единства видимаго, зато въ ней окрѣпъ единый духъ, который одинъ только и способенъ создать для себя общую, прочную и надежную, форму. Теперь чувствовались одни недостатки, чувствовалось раздробленіе дѣлага и отсутствіе самостоятельности отдѣльныхъ государствъ, и благодаря этому, всѣ умы и сердца неволью сблизились между собою въ своихъ общихъ потребностяхъ. Для государственнаго единства народъ, въ цѣлой массѣ, тогда еще не созрѣлъ. А народамъ дается въ собственность только то, что они выработали въ потѣ лица своими трудами.— О вліяніи и послѣдствіяхъ этихъ мѣръ, принятыхъ безъ всякаго уваженія къ историческимъ и національнымъ условіямъ, Перцъ въ своей «Жизни барона Штейна» выражается относительно Пруссіи и Австріи слѣдующимъ образомъ: «Въ Берлинѣ утѣшали себя на этотъ счетъ и считали патріотическія жалобы неосновательными, потому что вѣдь пріобрѣли же въ подданство ариѳметически-потребное число душъ. Не обращали вниманія лишь на то, какія это души и каковы ихъ наклонности. Ариѳметическому расчету ни сколько не вредило, что часть Польши была отдана Пруссакамъ безъ всякаго соображенія съ внутреннею связью ея провинцій, что Саксонія была разорвана во всю свою длину. Только не надо забывать и того, что 10,000 нищихъ, сидѣвшихъ тогда въ Кѣльнѣ у церковныхъ дверей и дававшихъ въ видъ приданнаго за дочерьми наслѣдственные мѣста свои имъ въ наслѣдство, составляли ровно столькоже

душъ, сколько и 10,000 тѣхъ дюжихъ Франконцевъ, изъ маркграфствъ, или тѣхъ смѣлыхъ Остеризландцевъ, которые на своихъ судахъ посѣщали чуть не всѣ моря Европы. А то что выше всякой матеріальной прибыли, — именно та вѣрность, съ какою благородный народъ неизмѣнно стоитъ за своихъ благородныхъ государей и въ добрую и въ худую пору, та вѣрность, которая давала въ хижинахъ народа надежное убѣжище герцогу Фридриху, прозванному «Пустой карманъ», или Густаву Вазѣ, или Карлу Стурту, точно также какъ потоками крови, но съ побѣдою въ рукѣ, провела она короля Фридриха Вильгельма III отъ Одера до Сены, — эта вѣрность не находитъ себѣ въ статистическихъ таблицахъ ни мѣста, ни цѣны.—Но и тогда уже, при самомъ началѣ этихъ новыхъ отношеній, было очевидно для всѣхъ, что, благодаря имъ, положеніе Пруссіи въ Германіи существенно измѣнилось. Отдѣленная отъ Рейна разными сѣверно-германскими участками, уже съ XVII вѣка, при великомъ курфюрствѣ и короляхъ Фридрихѣ I, Фридрихѣ Вильгельмѣ I и II, посылала она свои войска на защиту Рейна, а теперь, будучи прикрѣплена къ сѣверозападу обширными владѣніями, Пруссія должна была самостоятельно принять на себя оборону всей сѣверной Германіи, какъ противъ запада, такъ и противъ востока. Этимъ самымъ была она поставлена въ необходимость совершенно сродиться съ Германіею: она уже не могла и помышлять (какъ бывало прежде) объ отдѣленіи своей судьбы отъ судьбы общаго отечества, котораго равномерное оживленіе и укрѣпленіе стало условіемъ ея собственнаго величія. Въ этомъ отношеніи прусская политика существенно отличалась отъ австрійской: Австрія, въ своемъ новомъ составѣ довлѣющая сама себѣ, смотрѣла на остальную Германію, какъ на чужбину, и вскорѣ признала дѣломъ высшей мудрости сколько можно отдѣлится отъ обще-германской жизни, тогда какъ ея низшія сословія предавались болѣе и болѣе чувственному наслажденію, а высшія подчинялись вліянію французской литературы, французскихъ нравовъ и помысловъ. Пруссія можетъ находить свою слабость или свою силу въ этомъ положеніи на обоихъ рубежахъ германской земли, въ какое неволью поставили ее близорукія козни ея противниковъ, но она все же обязана выполнять свой долгъ; она не можетъ отступить отъ него, не отступая отъ всей Германіи, которой жизнь и величіе съ тѣхъ поръ неразрывны съ жизнью и величіемъ Пруссіи. Мысль раздробить Пруссію, чтобы изъ частей ея, смѣшанныхъ съ остальною Германіею, создать новую, сильнѣйшую Германію, — этотъ планъ, порожденный безуміемъ 1848 года, похожъ на безуміе дочерей Пеліада,

которые искрошили члены своего отца, въ надеждѣ, что переварившись въ волшебномъ котлѣ, они выйдутъ изъ него къ обновленной жизни.»

§ 774. Первая пора Реставраціи. Временное правительство начертало на скорую руку конституцію, въ которой Бурбонамъ предоставлена королевская власть, сенаторамъ наследственность и беземѣнность въ ихъ санѣ, войску обѣщано сохраніе всѣхъ чиновъ и пенсіонныхъ окладовъ, а народу неприкосновенность государственнаго долга и проданныхъ въ частныя руки государственныхъ имуществъ, обезпеченіе личности, свобода вѣры и печати. Однакожъ, когда явился въ Парижъ графъ д'Артуа (12 апр. 1814) и принялъ на время санъ королевскаго намѣстника (*lieutenant général du roi*), то онъ вскорѣ далъ понять, что въ глазахъ Бурбоновъ не имѣетъ никакого значенія то революціонное начало, по которому королевскій санъ считается переданнымъ отъ народа въ силу договора, а не даруемымъ избраннику свыше, одною только Божескою милостью. По этому тотчасъ по прибытіи своемъ Людовикъ XVIII отвергъ конституцію временнаго правительства, уже подтвержденную сенатомъ; но удостоившись въ томъ, что управлять безъ содѣйствія народа — дѣло противное духу времени, и уступая убѣжденіямъ императора Александра, Таллейрана, Поццо-ди-Борго и другихъ благомыслящихъ совѣтниковъ, онъ по собственному побужденію даровалъ французскому народу коренной государственной уставъ (хартію, 4 іюня 1814), который, сдѣлаясь онъ «истиной», приобрѣлъ бы себѣ общее сочувствіе, хотя во многихъ существенныхъ вопросахъ и отступалъ отъ конституціи, составленной сенатомъ.

Въ силу этой учредительной хартіи, которую «Божіею милостью король» «жалуетъ, предоставляетъ и даруетъ», и которой должны были присягать однѣ палаты, а не народъ, конституціонный король былъ облеченъ всею мѣрою исполнительной власти и признанъ источникомъ законодательства; законодательную часть вѣдаютъ вмѣстѣ съ нимъ, но только по предложеніямъ правительства, двѣ палаты: одна изъ нихъ, назначаемая кородемъ, состоитъ изъ наследственныхъ, надѣленныхъ правомъ маіората перовъ (по ряды ихъ напередъ очищены отъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ извѣстенъ какъ бонапартистъ или республиканецъ), другая палата образуется изъ депутатовъ по выборамъ; послѣдней принадлежитъ право утверждать сборъ податей и наблюдать за тѣмъ, какъ употребляются государственныя доходы. Ценсъ депутата составлялъ 100 франковъ прямыхъ нало-

говъ, ценсъ избирателя — 300 франковъ; главныя прочія статьи были слѣдующія: отвѣтственность министровъ, независимость судовъ съ присяжными; свобода вѣры и печати; признаніе продажи національныхъ имуществъ, государственнаго долга, а также стараго и новаго дворянства; равное право всѣхъ гражданъ занимать гражданскія и военныя должности и проч.; притомъ положительно узаконялось, что никто не долженъ быть преслѣдуемъ и тревожимъ за прежнія свои мнѣнія и голоса. Но всѣмъ либеральнымъ постановленіямъ кореннаго закона сообщена была шаткость и ненадежность разными противорѣчащими или двусмысленными дополненіями и наконецъ вся хартія парализована въ своей силѣ и дѣйствительности тою статьею, по которой королю предоставлялась власть «издавать всѣ указы, нужные для исполненія законовъ и для государственной безопасности».

Слишкомъ скоро обнаружилось на дѣлѣ, «что Бурбоны ни чему не научились и ничего не сумѣли позабыть». Всѣ воспоминанія революціи и императорской эпохи старались они уничтожить по мѣрѣ силъ; трехцвѣтная національная кокарда замѣнена была бѣлою; старые аристократы обращались съ новыми выскочками презрительно и нагло и тѣмъ совершенно отѣснили ихъ отъ двора, гдѣ главный тонъ задавали надменный и коварный графъ д'Артуа и мрачная, полная ненависти ко всѣмъ участникамъ революціи, чуждая всякаго примирительнаго чувства, герцогиня Ангулемская (дочь Людовика XVI). Гвардія была расущена и замѣнена Швейцарцами на большомъ жалованьи; офицеры «великой арміи» были уволены съ половиннымъ окладомъ и притомъ оскорблены обидными отзывами; орденъ Почетнаго Легіона былъ униженъ и опозоренъ роздачею безчисленнаго множества крестовъ лицамъ недостойнымъ; даже въ отношеніи къ самому изгнанному императору и его семейству не былъ соблюденъ Фонтенеблоскій договоръ. Дворъ плавалъ въ изобиліи, тогда какъ народъ страдалъ подъ тяжкимъ бременемъ несбавленныхъ податей и не могъ оправиться отъ военнаго погрома; духовные и эмигранты, пользовавшіеся особенною милостью во дворцѣ, помышляли о возвращеніи себѣ утраченныхъ имуществъ, десятины и феодальныхъ правъ, не смотря на то, что эти имущества большею частію были уже куплены въ другія руки; поговаривали даже о томъ, чтобы объявить не дѣйствительнымъ все совершившееся за послѣднее двадцатипятилѣтіе. При этомъ надобно сказать, что Людовикъ XVIII былъ человекъ неключимый тѣломъ, не имѣвшій ни достоинства, ни личнаго вѣса, хотя не лѣзя отказать ему въ умѣ и доб-

ротъ, —человѣкъ, лишенный всякой глубины и серьезности, и къ тому высокомерный, упрямый, полный предубѣжденій противъ всѣхъ новыхъ, современныхъ идей, а любимецъ его, Блакъ, руководившій всеми государственными дѣлами, былъ просто ограниченная голова. Эпоху, порядки, идеи, которыя представлялись одной сторонѣ вершиною отечественнаго величія, другая сторона хотѣла заклеить печатью заблужденія, позора и злодѣйства, или, на сколько можно, искоренить ихъ изъ общаго воспоминанія. Духовенство по большей части стремилось возвратиться къ мраку среднихъ вѣковъ, дворянство къ феодальному быту, дворъ къ своему прежнему полновластію. Страшное недовольство овладѣло народомъ; опять пробудилось желаніе новой переменъ, особенно когда, частію изъ плѣва, частію изъ иностранныхъ крѣпостей, пришло на родину около ста тысячъ Наполеоновыхъ солдатъ и распространило въ цѣломъ краѣ бонапартистскій образъ мыслей.

3. Стодневное владычество Бонапарта.

§ 775. Возвращеніе Наполеона. Увидѣвъ всѣ ошибки Бурбоновъ, узнавъ, что эмигрантамъ хотятъ возвратить бывшія ихъ имущества, «за то что они неизмѣнно шли прямымъ путемъ», получивъ отъ Фушѣ, Даву, Карно, Марѣ, герцогини де Сень-Лѣ и другихъ своихъ приверженцевъ, съ которыми онъ былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ, вѣрныя свѣдѣнія о всеобщемъ настроеніи народа, Наполеонъ рѣшился снова попытаться счастья. Съ девятьюстами преданныхъ ему гвардейцевъ высадился онъ на южномъ берегу Франціи (близъ Канна, 1 марта 1815 г.) и скоро привлечь къ себѣ всѣ сердца многими умно-разсчитанными и быстро распространенными прокламаціями, въ которыхъ общалъ народу сохраненіе его собственности и всѣхъ приобрѣтенныхъ революціею правъ, солдатамъ возвращеніе ихъ военной славы и трехцвѣтнаго знамени, образованному среднему классу — соотвѣтственную времени конституцію и такое же либеральное правленіе. Велерѣчиво возвѣщала онъ всѣмъ, «что орелъ его пролетитъ отъ башни къ башнѣ до собора Парижской Богоматери», и это дерзкое пророчество онъ осуществилъ въ триумфальномъ шествіи, при чемъ войско и простой народъ, какъ бы упоенные чувствомъ предстоящаго избавленія, стекались къ нему со всѣхъ сторонъ и гурьбами шли за

нимъ слѣдомъ. Вездѣ красовалась опять трехцвѣтная кокарда; высылаемая противъ него войска переходили къ нему толпа за толпой; граждане Гренобля сами выломали ворота при его приближеніи (7 марта), и полковникъ Лабедуoyerъ привелъ къ нему весь гарнизонъ. Его смѣлый подвигъ, своимъ обаяніемъ, примирилъ съ нимъ даже многихъ отъявленныхъ враговъ, увлекъ самыхъ грубыхъ натуры и исполнилъ каждаго порознь и цѣлыя массы тѣмъ пыломъ одушевленія, которое обыкновенно овладѣваетъ людьми, когда отъ тоскливой истомы позорнымъ положеніемъ ихъ вдругъ пробуждаетъ какое-нибудь блистательное дѣло. Напрасно д'Артуа поспѣшилъ въ Лионъ и старался привлечь солдатъ короткостью обращенія. Навстрѣчу ему летѣли клики: «да здравствуетъ императоръ!» а когда и Ней, взявшись привести хищника закованнымъ въ Парижъ, перешелъ къ прежнему товарищу по оружію, когда Сульть, Массена и друг. также объявились за него, когда между всѣми сословіями пробудилось новое одушевленіе, какъ въ прекраснѣйшіе дни былыхъ побѣдъ и ликованій, тогда и для Бурбоновъ стало ясно, что тронъ ихъ стоитъ на золѣ огнедышащаго жерла, и смущенные, не зная что начать, вторично покинули они родную землю. — Людовикъ XVIII съ немногими преданными ему людьми поселился въ Гентѣ, а Наполеонъ 20 марта вступилъ въ Тюильери и составилъ министерство изъ людей, принадлежавшихъ большею частію революціонной эпохѣ, каковы наприим. Карно, Марѣ (Бассано), Фушѣ, Даву, Коленкуръ, Камбасересъ и друг.

Такъ началось, подъ счастливѣйшими предзнаменованіями для Наполеона, такъ-называемое стодневное владычество, и казалось, что новая, иная революція угрожаетъ Европѣ. Уже опять въ Парижѣ образовались клубы и предлагали императору силу своихъ рукъ. Уже опять раздавались пѣсни революціонной эпохи, парижскіе работники требовали оружія, по-прежнему возникли патріотическіе союзы. Но Наполеонъ еще не расстался съ своимъ отвращеніемъ ко всѣмъ народнымъ движеніямъ; онъ тоже ни чему не научился и ничего не сумѣлъ забыть. Все это время онъ былъ какъ-то сумраченъ и разсѣянъ, онъ очевидно потерялъ самоувѣренность и чувство неизмѣнной удачи. Уличная свобода была ему ненавистна и

страшна. Если вначалѣ онъ и принудилъ себя уступить духу времени, даровавъ свободу печати, положивъ основаніе самостоятельной жизни общинъ, введши конституціонный образъ правленія и т. д., то все же было очевидно, что это не задушевная его мысль, что онъ не чистосердечно допускаетъ парламентскія формы и самоуправленіе народа. Снова долженъ былъ возникнуть императорскій тронъ со всѣмъ его блескомъ и съ имперскою знатью вокругъ него. Но этому противились образованные средніе классы народа, въ чьихъ глазахъ подавленіе демократическихъ и конституціонныхъ начинаній далеко не вознаграждалось ни обнародованнымъ 22 апрѣля дополнительнымъ актомъ къ имперской конституціи, ни пышнымъ торжествомъ майскаго поля (1 іюня 1815), гдѣ присягали на вѣрность ея уставамъ. Такимъ образомъ безусловно преданными императору остались только войско, да часть простаго народа.

§ 776. Конецъ Мюрата. Наполеоново триумфальное шествіе и ѳбгство Бурбоновъ грозили потрясти принятое на Вѣнскомъ конгрессѣ начало законности. Слѣдовало ли Европѣ еще разъ собирать свои силы съ тою цѣлю, чтобъ завоевать, для отринутой народомъ королевской фамиліи, тотъ самый престолъ, котораго она не сумѣла удержать за собою? Австрія и Россія, казалось, были не прочь отъ того, чтобъ опять вступить въ переговоры съ Наполеономъ, который обѣщалъ держаться постановленій Парижскаго трактата и болѣе не нарушать спокойствія Европы; онъ, повидимому, готовы были предоставить занятій имъ съ боя тронъ или ему самому, или по крайней мѣрѣ его сыну. — какъ вдругъ необдуманнѣйшій шагъ Мюрата, грозившій испровергнуть только что сооруженную систему европейскихъ государствъ, а съ другой стороны Галлейранова дипломатическая дѣятельность, вторично доставили побѣду началу законности. Похититель престола признанъ былъ «врагомъ и рушителемъ всеобщаго мира», подлежащимъ «мести всѣхъ и каждаго»; онъ былъ лишень покровительства законовъ; противъ него и всего его рода поднялась новая военная гроза. — Надобно сказать, что Мюратъ, еще до отреченія Наполеона, отдѣлился отъ своего шурина, съ которымъ сильно разладилъ послѣ злополучнаго похода въ Россію¹; онъ заключилъ съ Австріей трактатъ, въ силу котораго

¹ Наполеонъ, сдавъ ему начальство при отъѣздѣ изъ Вильны, былъ крайне недоволенъ властью его послѣдующихъ распоряженій, смѣнилъ его и назначилъ главнокомандующимъ Евгенія Богарнѣ.

удерживалъ королевство Неаполитанское и за то обязывался вести войну въ Италіи противъ вице короля. Но Мюратъ вскорѣ почувствовалъ всю неестественность такого образа дѣйствій; война шла у него вяло, онъ былъ въ распадѣнн самъ съ собой; спокойствіе души его пещезло, а между тѣмъ онъ возбудилъ подозрительность своихъ недруговъ. Его прямой, военный характеръ никакъ не ладилъ съ такой измѣною общему семейному дѣлу. Высадка и побѣдное шествіе Наполеона были для него сигналомъ для новаго вооруженія. Тщетно императоръ предостерегалъ его отъ излишней поспѣшности; какъ нѣкогда королева Каролина, и онъ не сумѣлъ выждать, какой новѣйшій оборотъ примутъ дѣла. Онъ объявилъ войну Австріи и призвалъ къ оружію италійскіе народы для утвержденія единства и независимости прекрасной апеннинской страны. Сраженіе при Толентино (2 и 3 мая 1815) рѣшилось не въ его пользу; армія его разстроилась, и въ то время, какъ онъ ѳбгломъ сѣдшиль въ южную Францію, Австріицы заняли его столицу и отдали упразднившійся тронъ прежнему владыкѣ, Фердинанду. Жена и дѣти Мюрата напѣли себѣ защиту у императора Австрійскаго. Послѣ битвы подъ Ватерло, Мюратъ скитался нѣкоторое время по южному берегу Франціи, едва укрываясь отъ преслѣдованій Бурбоновъ. Наконецъ ушелъ онъ въ Корсику и предпринялъ оттуда съ нѣсколькими приверженцами высадку въ Калабріи, чтобы поднять народъ противъ Фердинанда. Но онъ былъ легко побѣжденъ съ малочисленною партіей своихъ спутниковъ и заплатилъ смертью за отвагу. 15 октября 1815 г. Іоахимъ Мюратъ, который, благодаря своей храбрости и счастію, изъ сыновей харчевника возшелъ на степень короля благодатнѣйшаго края, былъ разстрѣлянъ въ мѣстечкѣ Пиццо. Онъ умеръ, какъ истый воинъ, стойко и мужественно.

§ 777. Ватерло. Болѣе полумилліона войскъ двинули европейскія державы противъ опальнаго хищника. Еще прежде чѣмъ успѣли они всѣ собраться, Наполеонъ, открывъ палаты въ Парижѣ (7 іюня), вступилъ съ солдатами, стекшимися къ нему со всѣхъ сторонъ, въ нидерландскіе предѣлы, чтобы противустать собраннѣмъ тамъ силамъ Блюхера и Веллингтона. Начало кампаніи было благопріятно для Французовъ. Подъ Линъи (16 іюня) Пруссаки послѣ самой храброй обороны должны были отступить, между тѣмъ какъ Ней при Катрбрѣ успѣшно сопротивлялся арміи Веллингтона, составленной изъ Англичанъ, Голландцевъ, Ганно-

верцевъ и друг. Въ первомъ дѣлѣ раненъ былъ Блюхеръ, во второмъ палъ смертью храбрыхъ герцогъ Вильгельмъ Брауншвейгскій (§ 762). И въ послѣдній, рѣшительный день побѣда еще долго колебалась. Но когда, не смотря ни на какіе труды и опасности, Пруссаки подоспѣли въ настоящій разъ на помощь стѣсненному войску Веллингтона, которое до тѣхъ поръ геройски выдерживало страшныя нападенія враговъ, а между тѣмъ маршалъ Груши, отряженный Наполеономъ для преслѣдованія Блюхера, вовсе не явился на поле битвы, — тогда Французы, при всей изумительной храбрости опытныхъ бойцовъ, были совершенно побѣждены въ сраженіи при Ватерло или Бель-Аллиансъ (18 іюня). Ужасенъ былъ бой на высотахъ Монъ-Сень-Жана, именемъ которыхъ Французы и прозвали это сраженіе, и слова, приписанныя послѣ генералу Камброну: «Гвардія умираетъ, но не сдастся никогда!» остались въ почетной памяти у народа, какъ послѣдній отголосокъ прежняго высшаго поколѣнія и иной эпохи, между тѣмъ какъ никакими оправданіями нельзя было смыть тотъ позоръ, какой навлекли себѣ Бурмонъ своею явною измѣной и Груши своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ. — Блѣдный и совсѣмъ потерянный, Наполеонъ, котораго вмѣстѣ съ счастіемъ бросили повидимому и прежняя энергія и быстрая находчивость, далъ вывести себя Сульту изъ сраженія и, застигнутый врасплохъ непріятельскимъ отрядомъ, кинулся безъ шляпы и шпаги на лошадь и поспѣшилъ въ Парижъ. Бѣгство вскорѣ сдѣлалось всеобщимъ; непріятелю досталась вся артиллерія; спастись успѣла только четвертая часть храбраго войска. Славную побѣду эту должно приписать единодушію дѣйствій англійскаго и прусскаго полководцевъ и довѣрію мужественныхъ солдатъ къ своимъ начальникамъ и своимъ собственнымъ силамъ. Три страшныя атаки Французовъ выдержала Веллингтонова армія. Появленіе Пруссаковъ рѣшило дѣло. Семидесятилѣтній Блюхеръ, который 16 іюня лежалъ подъ лошадью, окруженный непріятельскими кавалеристами, — 18-го самъ преслѣдовалъ врага до глубокой ночи. Подъ Ватерло главное сдѣлалъ Веллингтонъ, но наибольше отваги показалъ Блюхеръ; послѣдній заслуживаетъ можетъ-быть болѣе похвалы, потому что для блага цѣлаго онъ не задумался рискнуть своимъ частнымъ благомъ.

§ 778. Конецъ Наполеона. Фушѣ затѣялъ теперь въ Парижѣ самую безсовѣстную игру обмановъ и интригъ. Онъ дѣйствовалъ въ пользу Бурбоновъ, съ которыми давно уже завелъ тайныя сношенія, также какъ съ Веллингтономъ и Меттернихомъ, но отнюдь не обнаруживалъ этого передъ палатами, гдѣ засѣдали такіе люди, какъ Карно, Ланжювѣ, Лафайетъ, Барѣръ и друг. Онъ дружилъ всѣмъ, чтобы ни съ кѣмъ себѣ не повредить, готовый впрочемъ пойти на всякаго, и всякаго загубить, къ кому бы счастіе ни обернулось спиной. Народные представители были столько же недовольны императорскимъ деспотизмомъ Наполеона, какъ и Бурбонами. Они стремились къ гражданской свободѣ, основанной на народовластіи, будь то въ монархической или въ республиканской формѣ, все равно. Гражданскій элементъ, который впервые высказался опять въ этой палатѣ, Наполеонъ оттолкнулъ отъ себя прочь, какъ преграду къ общему примиренію, котораго народъ естественно жаждалъ теперь всего больше. Опиравшаяся на Лафайета конституціонная партія, надѣялась по удаленіи императора получить власть.

Палаты представили возвратившемуся Наполеону формальное требованіе, чтобы онъ отрекся отъ престола. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, сокрушенный властитель согласился; онъ сложилъ съ себя правленіе въ пользу сына своего, Наполеона II (22 іюня 1815), и потомъ, когда побѣдоносные враги вторично явились подъ стѣнами Парижа, онъ бѣжалъ въ Рошфоръ, чтобы удалиться въ Америку. Портъ этотъ занимали тогда Англичане, и потому, въ надеждѣ на великодушіе британскаго народа, Наполеонъ укрылся на одномъ изъ ихъ военныхъ судовъ (Беллерофонъ). Но государственные люди, управлявшіе въ то время Англійей, не способны были сочувствовать падшему величію. Не уваживъ ни чести собственнаго края, ни общаго голоса народовъ, послѣдовали они только внушеніямъ холодной расчетливости и возложили на гордое островское государство позорную роль (върломца и) тюремщика. Достигнувъ берега Англии, Наполеонъ получилъ страшную для себя вѣсть, что ему должно провести всю жизнь государственнымъ узникомъ на островѣ Св. Елены.

Тщетны были всѣ его протестаціи; 18 октября высадили его на мѣстѣ своей ссылки, среди Атлантическаго океана. Здѣсь жилъ онъ, закованный Промеѳею, въ разлукѣ съ своими, въ нездоровомъ кли-

матѣ и подѣ суровымъ наблюденіемъ черстватаго, педантическаго губернатора сэръ-Гудсона Лова, чловѣка отъ природы мелочнаго и не имѣвашаго ни смысла, ни чувства къ царственному величію, низпровергнутому судьбой¹. Немногіе друзья, въ томъ числѣ Бертранъ съ своимъ семействомъ, Монтолонъ, Ласъ-Казъ, раздѣляли его ссылку. Скорбь о злополучной своей судьбѣ, недостатокъ привычной дѣятельности и постоянное раздраженіе, въ какое приводили его недостойные поступки тюремщиковъ, все это преждевременно разстроило здоровое его тѣло и сокрушило его сильный, горделивый духъ. Послѣ шести мучительныхъ годовъ, нашелъ онъ въ гробѣ то успокоеніе, котораго не зналъ при жизни. Онъ умеръ 5 мая 1821 г. Прахъ его въ послѣдствіи (1842) былъ перевезенъ въ Парижъ и схороненъ въ Домѣ Инвалидовъ. Судьба ожесточилась къ нему болѣе нежели онъ могъ предчувствовать въ самыхъ мрачныхъ своихъ думкахъ. «Не оставяя моего сына, писалъ онъ однажды къ брату своему Юсифу, и помни, что я бы лучше желалъ ему лежать на днѣ Сены, чѣмъ быть въ рукахъ моихъ враговъ; жребій Астіанакса² всегда казался мнѣ самымъ злополучнымъ въ исторіи.» И этого сына, которому онъ нѣкогда положилъ въ колыбель корону міра, ожидалъ жребій менѣе суровый, но ни чѣмъ не лучший того, какой выпалъ несчастному троянскому царевичу. А принцесса, которую Наполеонъ возвысилъ до себя, не постигала ни умомъ, ни сердцемъ, что значить быть женою Гектора.

4. Реставрація.

779. По отреченіи Наполеона учреждено было временное правительство подѣ руководствомъ Фушѣ. Оно заключило съ Веллингтономъ и Блюхеромъ условіе, что никто не подвергнется ни преслѣдованію, ни наказанію, за свои прежнія мпѣнія и

¹ Изданныя недавно Записки сэръ-Гудсона Лова показываютъ ясно, что онъ не могъ поступать иначе, связанный мелочными и придирчивыми предписаніями англійскаго министерства, но все-таки не оправдываютъ его въ томъ, что, при столь оскорбительныхъ для личнаго чувства условіяхъ, онъ могъ оставаться тюремникомъ Наполеона.

² Астіанаксъ, сынъ Гектора и Андромахи, долженъ былъ, по предвѣщанію оракула, явиться мстителемъ за Троию, если только онъ останется живъ. Мать сиротала его въ Гекторову гробницу, но Улиссъ отыскалъ ребенка и сбросилъ его со стѣнъ города. По другому преданію, онъ былъ спасенъ и послѣдовалъ за матерью въ пѣлнѣ къ царю Пирру (Неоптолеу), сыну Ахиллеса.

поступки, и потомъ сдало имъ городъ. Если палаты питали до сихъ поръ ту мысль, что по удаленіи Наполеона имъ будетъ предоставленъ выборъ новаго правительства, то надежда эта вскорѣ оказалась горькимъ самообольщеніемъ, плодомъ одной заносчивости Французовъ. Послѣ разговора съ Людовикомъ XVIII въ Сень-Дени, Фушѣ, который былъ представленъ королю Таллейраномъ, тотчасъ закрылъ временное правительство, а ночью велѣлъ запереть мѣсто засѣданія палатъ, которыя было объявили себя въ постоянномъ сборѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ сдачи Парижа, Бурбоны опять вступили въ Тюильери, окруженные штыками союзниковъ. Народъ былъ спокоенъ и безучастенъ; арміи были распущены, палаты также, и изданъ цѣлый рядъ проскрипцій (опальныхъ грамотъ), которыми извѣстное число лицъ, руководившихъ дотолѣ судьбами и войсками Франціи, были отчасти изгнаны, отчасти лишены мѣстъ, отчасти приговорены къ смерти. И составителемъ опальныхъ списковъ былъ опять—таки Фушѣ!

Въ числѣ обреченныхъ смерти находились Ней и Лабедуoyerъ. Оужденіе прославленнаго маршала легло постыднымъ пятномъ на верховное судилище перовъ, и то, что онъ былъ дѣйствительно разстрѣлянъ (7 дек. 1815)—при этомъ, какъ истый воинъ, онъ самъ командовалъ цѣлввшимъ въ него стрѣлкамъ, — было принято за нарушеніе заключеннаго съ Веллингтономъ договора. Эта казнь по дѣйствовала еще тяжеле оттого, что рядомъ съ нею оставался на свободѣ и даже въ чести такой чловѣкъ какъ на примѣръ Даву; его въ слѣдъ за тѣмъ возвели даже въ перы, единственно потому, что онъ успѣлъ во время измѣнить своему прежнему властителю. Лавалетта, который въ званіи почтъ-директора содѣйствовалъ возстановленію Наполеона, также осудили на смерть какъ государственнаго измѣнника, но онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы своею вѣрною женой, Эмилией Луизой Богарнѣ, племянницей императрицы Жозефины, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль истинно-чужденнаго укрывательства, вывезенъ съ помощью благородныхъ англійскихъ офицеровъ изъ Парижа. Въ числѣ изгнанныхъ находились всѣ члены Наполеоновской фамилии, всѣ-такъ-называемые царубійцы, то есть члены конвента, подавшіе голосъ за казнь Людовика XVI; между ними былъ и Фушѣ, которому велѣдствіе того пришлось сложить съ себя званіе министра полиціи, сначала оставленное за нимъ Бур-

бонами, и отправиться за границу; то же сдѣлали Карно, Сіесъ, Бареръ, Камбасересъ, далѣе всѣ полководцы и государственные люди, примкнувшіе къ Наполеону во время стодневнаго владычества, какъ наприм. Сультъ, Маре, Тибодд, Арриги, Мутонъ и друг. Большая ихъ часть поселилась въ Бельгій, Фушѣ напротивъ отправился сначала посланникомъ въ Дрезденъ, а потомъ заключилъ свою тревожную жизнь въ Австріи. Онъ умеръ 25 дек. 1820 г. въ Триестѣ. Францію покинулъ онъ переодѣтый, чтобъ не быть узлану.

Между тѣмъ болѣе полумилліона союзныхъ войскъ вступили въ различныя области Французскаго королевства и вымещали на жителей тѣ военныя бѣдствія, которыми Французы такъ долго и такъ тяжело тѣснили другіе народы. Союзные монархи снова съѣхались въ Парижъ и помогали Бурбонамъ и дѣломъ и совѣтомъ при установленіи новаго порядка. Наконецъ, когда реставрація казалась уже обеспеченною и политическое устройство Франціи уладилось по желанію императора Александра, тогда состоялся второй Парижскій миръ (20 ноября 1815), по которому Франція была ограничена предѣлами 1790 года, принуждена возвратить прежнимъ владѣльцамъ всѣ похищенные ею сокровища искусствъ и наукъ, выплатить 700 милліоновъ франковъ вознагражденія за военные расходы и содержать пять лѣтъ въ 17 пограничныхъ крѣпостяхъ полтораста тысячъ человѣкъ союзнаго войска. Пруссія, къ которой пристали Нидерланды и Вюртембергъ, предлагала воссоединить съ Германіею принадлежавшія къ ней прежде области Лотарингію и Эльзасъ съ Страсбургомъ, но предложеніе это, хотя и поддержанное важнѣйшими доводами со стороны нѣмецкихъ государственныхъ людей и полководцевъ (Гнейзенау, Штейна, Гарденберга, Гумбольдта, Мюнстера и друг.), сокрушилось о прекословіе Россіи и Англіи, находившихъ, что могущественная Франція необходима для прочности мира и спокойствія въ Европѣ. Планъ, освободить христіанскій Востокъ отъ ига Турковъ, который тогда уже занималъ Александра и для выполненія котораго ему нужна была сильная Франція, — этотъ планъ вмѣстѣ съ опасеніемъ, чтобъ слишкомъ возвеличенная Германія не обратила своихъ свободныхъ силъ противъ Россіи, побудилъ этого государя не допустить дальнѣйшаго стѣсненія французскихъ предѣловъ.

Хотя по второму Парижскому миру Франція должна была уступить Пруссіи Сардуи и Сарбрюкенъ, Баваріи — лѣвый берегъ Лаутера съ городомъ Ландау, Нидерландамъ — Буйльонское герцогство, а Сардиніи — часть Савойи, однакожь она все-таки была обширнѣе, чѣмъ до революціи, потому что за нею оставлены вошедшіе въ нее внутренніе участки Авиньонъ, Монбельяръ и друг., а сверхъ того и всѣ территориальныя выгоды, которыя извлекла она изъ отмѣны невозстановленныхъ теперь феодальныхъ правъ въ Лотарингіи и Эльзасѣ. «Для Германіи (говоритъ Перцъ въ «Жизни Штейна») изъ всей этой борьбы и сопровождавшихъ ее переговоровъ вышелъ тотъ дорого купленный урокъ, что ни одна изъ великихъ европейскихъ державъ не желаетъ чистосердечно ея блага, безопасности и силы: что каждая изъ нихъ при всякихъ данныхъ обстоятельствахъ готова вести свои войны нѣмецкой кровью и нѣмецкимъ оружіемъ, что германскія державы, и большія и малыя, видятъ себѣ въ часъ нужды отовсюду заискиванія и всякія ласки, слышать самыя приманчивыя поощренія къ самоотверженному образу дѣйствій, но что какъ скоро германскія войска побѣдятъ и одолѣютъ общаго неприятеля, ни одна германская держава, ни большая, ни малая, не должна рассчитывать на справедливое вознагражденіе и на необходимыя условія своей полной независимости, но обязана терпѣливо выждать, пока другія державы условятся между собой насчетъ утратъ, понесенныхъ Германіею. Германіи не слѣдуетъ надѣяться ни на Англію, ни на Россію, ни на Францію, да и ни кому не слѣдуетъ надѣяться на другихъ, вмѣсто того, чтобъ рассчитывать только на себя; только тогда, когда ни одинъ Германецъ не захочетъ унижаться до роли оруженосца чужихъ государей, когда передъ національнымъ чувствомъ замолкнуть всѣ мелкія страсти, всѣ второстепенныя соображенія, когда благодаря общему едилоудію одна энергическая воля будетъ править судьбами Германіи, — только тогда Германія станетъ сильною, гордою и уважаемою среди Европы, — такою, какъ была въ давно минувшія времена.»

Д. ЕВРОПЕЙСКІЕ НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА, СЪ УЧРЕЖДЕНІА СВЯЩЕННАГО СОЮЗА ДО ІЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

§ 780. Благодаря революціи и военному господству Наполеона, жестокіе удары судьбы постигли самыя высшіе слои общества, которые при обыкновенномъ порядкѣ вещей всего менѣе подвержены превратно-

ствамъ жизни. Болѣе глубокой взглядъ на ходъ всего революціоннаго движенія, начиная съ его источника до видимаго наконецъ успокоенія, открывалъ маніе какой-то вышей силы, сокрушающей всякій преступный замыселъ, всякій порывъ чрезмѣрной самонадѣянности челоуѣка. Религіозность возвратилась въ сердца маловѣрныхъ, и вскорѣ христіанское благочестіе стало такимъ же господствующимъ чувствомъ въ высшихъ кругахъ, какъ прежде господствовали въ нихъ скептицизмъ, безвѣріе и вольномысліе. Этимъ чувствомъ проникнуты были и союзные монархи; императоръ Александръ, чья мягкая какъ воскъ душа находилась въ то время подъ вліяніемъ религіозной восторженности г-жи фонъ-Крюденеръ, благочестивый король Фридрихъ Вильгельмъ Прусскій и Францъ императоръ Австрійскій, еще до отбытія своего изъ Парижа (26 сент. 1815), заключили Священный союзъ, къ которому приступили тогда все европейскія державы, кромѣ одной практически-разсчитливой Англій, да еще папы, укрывшагося за исключительность своего положенія, въ качествѣ непогрѣшающаго главы церкви. (Франція принята въ союзъ послѣ Ахенскаго конгресса, въ октябрѣ 1818, когда она достигла очищенія своихъ крѣпостей отъ всѣхъ иноземныхъ гарнизоновъ). Въ этомъ священномъ союзѣ, состоявшемся помимо всѣхъ церковныхъ разнорѣчій, три помянутые монарха торжественно обѣщали, «по слову священнаго писанія, заповѣдавшаго намъ любовь, оставаться въ связяхъ истиннаго и неразрывнаго братства и всегда оказывать другъ другу взаимную помощь; подданными своими управлять, какъ правятъ отцы семействами, поддерживать религію, миръ и справедливость.» Они заявляли, что считаютъ себя за членовъ единого христіанскаго общества, избранныхъ Богомъ царствовать надъ отраслями одной и той же семьи; по этому они вызываютъ все другія державы, признающія истину такихъ правилъ, съ своей стороны приступить къ священному союзу. — Этимъ союзомъ, превращавшимъ систему европейскіхъ державъ въ одну великую семью, ставившимъ христіанское братолюбіе между государями и подданными превыше всѣхъ законовъ и хотѣвшимъ подчинить все политическія дѣйствія заповѣдямъ религіи и нравственности, конечно намѣревались дать государственной жизни христіанско-религіозное основаніе, но незамѣтно наложили на самое христіанство чуждыя ему узы опредѣленныхъ политическихъ формъ, тогда какъ евангельская вѣра, по всеобщности своего нравственнаго характера, совмѣстна со всеми формами политическаго быта. Односторонность

этого направленія неизбежно повела къ тому, что имъ не столько поощрялась нравственная сторона христіанства, сколько одна внутренняя религіозность и внѣшняя набожность. Если въ открытой всему высокому и благому душѣ императора Александра и въ добросердечномъ, кроткомъ королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ, говорили за этотъ союзъ религіозныя побужденія и истинно-благородные помыслы, то совсѣмъ не тѣмъ обуславливалось приступленіе къ нему прозаически-черстватаго императора Франца и содѣйствіе его совѣтника, ловкаго дипломата Меттерниха, которые еще во время борьбы съ Наполеономъ тревожно смотрѣли на воодушевленіе поднявшихся народовъ и не одобряли либеральныхъ мѣръ своихъ союзниковъ. Участіе въ мистическо-патріархальномъ союзѣ такихъ лицъ, какъ Францъ и Меттернихъ, вскорѣ сообщило ему то реакціонное, враждебное всякому либерализму направленіе, которое заставило смотрѣть на него, какъ на хитро-придуманное орудіе лицемерства и всеобщаго порабощенія. Европа оставалась подъ вліяніемъ священнаго союза болѣе десяти лѣтъ; для постоянной поддержки его въ живой памяти народовъ собирались по временамъ конгрессы или съѣзды государей (въ Ахенѣ 1818, въ Троппау окт. 1820, въ Лайбахѣ 1821, въ Веронѣ 1822) и совѣщались о томъ, какими средствами достигнуть въ разныхъ странахъ той или другой цѣли, опредѣляемой преимущественно Меттерниховымъ вліяніемъ. Кончина императора Александра (19 ноября 1825) лишила священный союзъ главной, уважаемой опоры и предуготовила его полное распаденіе, начавшееся обильно послѣдствіями іюльской революціей. Этотъ переворотъ возвелъ на тронъ Франціи «короля гражданина», водворилъ тамъ начало народнаго самодержавія и потрясъ все зданіе, сооруженное Вѣнскимъ конгрессомъ, оторвавъ Бельгію отъ Нидерландовъ и возбудивъ Польшу къ мятежу.

Церковныя дѣла. Римская курія не дала увлечь себя идеею христіанской вѣротерпимости. Въ то время какъ три монарха подали другъ другу руку на братскій союзъ помимо всѣхъ церковныхъ разногласій, папа съ своей стороны объявилъ протестантскія библейскія общества за сухую язву и, изданною имъ буллою, снова вызвалъ къ жизни орденъ іезуитовъ (7 авг. 1814). Явно или втайнѣ отцы іезуиты вскорѣ водворились опять во всѣхъ почти католическихъ странахъ Европы (въ Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Ирландіи, Австріи, Франціи и друг.), снова овладѣли обученіемъ юношества и попрежнему

начали съять стѣна религіозной непріязни. Какъ противудіе демократическому духу народовъ, жаждавшему просвѣщенія, іезуиты и всѣ сторонники и ревнители стремленій, которыхъ цѣлю было подавленіе современныхъ требованій, встрѣчали себѣ благосклонство и помощь со стороны высшихъ сословій, государей, правительствъ и дворянъ. Свободныя движенія и требованія необходимыхъ преобразованій, обнаруживавшіяся сильнѣе и сильнѣе въ обоихъ вѣроисповѣданіяхъ, находили теперь мало доступа у преержавшихъ властей. — Римскій дворъ, невольный тѣмъ, что Вѣвскій конгрессъ не все возстановилъ по старому, упорствовалъ въ безсильной протестаціи противъ его постановленій и старался сохранить за собою характеръ неизмѣнности возвращеніемъ къ отжившимъ формамъ и учрежденіямъ, которыя естественно не могли имѣть ни какого вліянія на новое направленіе современности. Сюда принадлежало между прочимъ возстановленіе ордена Іоаннитовъ, на которое попытались потомъ и въ Пруссіи, но которое конечно не дало новой жизни этому братству, давно превратившемуся въ трупъ. Церковныя отношенія въ большой части государствъ перестроились при помощи отдѣльныхъ конкордатовъ, такъ какъ старанія либеральнаго патріота, епископа Вессенберга, о заключеніи съ папою обще-германскаго конкордата, остались безуспѣшны. — Протестантская церковь въ Германіи получила отчасти новое устройство благодаря тому, что желавшій церковнаго возрожденія благочестивый король Пруссій, по случаю юбилея реформации, обратился къ давно разрозненнымъ исповѣданіямъ, лютеранскому и реформатскому, съ званіемъ, да соединятся они въ одну общую церковь (1817). Приверженцы обоихъ исповѣданій радостно взяли за эту мысль, соотвѣтственную духу времени, и соединились въ большей части государствъ въ одну протестантско-евангелическую церковь, «которая хранитъ сям волю обоихъ исповѣданій въ подобающемъ уваженіи, а за основу вѣры и догмата признаетъ одно священное писаніе».

§ 781. Конституціи и партіи. Слишкомъ поздно созналъ Наполеонъ, что духъ времени требуетъ соучастія народовъ въ управленіи государственною жизнью, и политическаго устройства, основаннаго на непоколебимыхъ законахъ. При высадкѣ въ Каннъ далъ онъ обѣтъ усердно содѣйствовать исполненію этого требованія въ будущемъ, но повѣрить его словъ на опытъ не дозволило время. Между тѣмъ въ теченіе борьбы съ его военнымъ деспотизмомъ народы западной Европы

въ такой степени заявили свою зрѣлость, что далѣе сопротивляться этимъ требованіямъ было бы несправедливостью, способною потрясти внутренній миръ, котораго возстановленіе стоило такпхъ трудовъ и усилій. Поэтому союзныя державы признали то начало, что возросшая на англійской почвѣ конституціонная монархія или «смѣшанная форма правленія», основанная на мудромъ соглашеніи правъ государей и народовъ, есть именно та политическая форма, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ духу времени и справедливымъ желаніямъ народовъ; въ ея пользу приводили то, что она охраняетъ достоинство верховной власти, обезпечиваетъ народу надлежащую мѣру правъ, именно разрѣшеніе податныхъ сборовъ, участіе въ надзорѣ за употребленіемъ государственной казны, а также и въ законодательствѣ, и свободою печати доставляетъ народу и правительству всегдашній случай къ дальнѣйшему развитію и выработкѣ государственной жизни и къ устраненію злоупотребленій, несправедливостей и противныхъ современнымъ требованіямъ учрежденій. Вотъ почему господствующимъ въ западной Европѣ установленіемъ сдѣлалась представительная система, связывающая власть правительства предварительнымъ согласіемъ выборныхъ народа; система эта нашла себѣ временный доступъ даже и тамъ, гдѣ старобычіе, народный характеръ или недостаточное образованіе препятствовали еще успѣшному ея дѣйствію, какъ напримѣръ на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ Италіи. 13 ою статьею союзаго акта представительныя учрежденія обѣщаны были и германскимъ державамъ, а въ Польшѣ введена императоромъ Александромъ либеральная конституція. Франція и Нидерланды получили новую представительную систему, Венгрія же и Швеція остались при прежнемъ сословномъ представительствѣ. Одна Австрія тщательно оградила свои области отъ политическихъ нововведеній и нисколько не допускала народный элементъ къ участію въ управленіи государственнымъ организмомъ; областнымъ чинамъ, которые существовали или были вновь учреждены въ нѣкоторыхъ частяхъ монархіи съ господствующимъ представительствомъ изъ знатныхъ землевладѣльцевъ, предоставлено только право одобрять податные сборы, требуемые правительствомъ, и потомъ распредѣлять ихъ. — Едва замоллъ шумъ оружія и военной тревоги, какъ народы устремили свой пылливый взоръ на дѣла внутренней политики и стали помышлять о томъ, что для каждаго изъ нихъ пред-

ставлялось полезнѣйшимъ. Тогда-то образовались двѣ могущественныя партіи, изъ которыхъ одна (называемая то аристократическою, то консервативною или охранительной, то сервиллою или холопскою) желала уступить народу какъ можно менѣе правъ, тогда какъ другая (называемая демократическою, либеральною или, когда она доходила до крайнихъ мнѣній, радикальною) стремилась надѣлать его возможно болѣе большими преимуществами; первая всѣми силами старалась мѣшать водворенію конституцій, а тамъ, гдѣ онѣ были введены, — устранять изъ нихъ, по мѣрѣ силъ, демократическіе элементы; напротивъ, послѣдняя такъ же ревностно стремилась къ тому, чтобы упрочить и развивать основы конституціонной жизни, чтобы распространять болѣе ясныя политическія понятія и постоянно приращать гражданскія права народа. Въ составъ правительства обыкновенно входили люди изъ круговъ консервативной партіи, поэтому либералы являлись оппозиціей. Эти два главныхъ стана раздробились на множество мелкихъ партій съ различными оттѣнками, такъ что раздѣленіе на партіи сдѣлалось душою новой политической жизни. Начиная съ 1830 года, люди такъ-называемой точной середины (*juste-milieu*) напрасно старались примирить противоположныя стремленія; они только приумножили число главныхъ партій третьею, которая, подвергаясь враждѣ двухъ другихъ, служила желаннымъ прибѣжищемъ для всѣхъ умѣренныхъ, нерѣшительныхъ и, пожалуй, для всѣхъ трусливыхъ.

§ 782. Нѣмецкій либерализмъ. Великій расколъ въ политическихъ взглядахъ и въ положеніи партій между людьми застою или попятнаго движенія и людьми прогресса или движенія впередъ, простирался на всю Европу; однакожъ главнымъ гнѣздомъ либеральной оппозиціи противъ всего отжившаго и старообычнаго въ церкви и государствѣ была все-таки Германія. Причины этому лежали отчасти въ самомъ ходѣ общественныхъ событій, отчасти въ натурѣ германскаго народа. Вскорѣ послѣ мира политика въ Германіи приняла такое противонародное направленіе, что всѣ патріоты начали отчаяваться въ осуществленіи данныхъ передъ тѣмъ обѣщаній; нѣкоторые изъ нихъ въ неудовольствіи отступились отъ общественныхъ дѣлъ, другіе прибѣгли къ слову и печати, какъ единственному оружію противъ лживой политики правительства. Германскій народъ, обнадеженный обѣтами своихъ государей, возсталъ на иго чужевластителя, чтобы стряхнуть позорныя оковы рабства; но какъ скоро побѣжденъ былъ внѣшній врагъ, Германцамъ

отказали въ обѣщанныхъ льготахъ и преимуществахъ, или по крайней мѣрѣ старались ограничить ихъ возможно меньшею долей. Не диво, что прежнее довѣріе превратилось въ недоувѣрчивость и что отсюда возникла сильная оппозиція противъ всѣхъ правительствъ и начальствъ. Эта оппозиція была тѣмъ настойчивѣе въ своихъ требованіяхъ, что она дѣйствительно стояла на почвѣ права, защищала общественное довѣріе и нравственность (или просто честность) противъ лживости и дипломатическаго коварства, и въ опору себѣ могла сослаться на взгляды и стремленія благороднѣйшихъ патріотовъ, каковы Штейнъ, Шёнъ, Арндтъ и мног. друг.; слова либераловъ находили тѣмъ болѣе отзвѣвъ въ народѣ, что общественная жизнь страдала сильными недугами, и отяжка въ предоставленіи надлежащихъ правъ положила глубокую бездну между правительствами и народомъ. Государственные вожди скоро ощутили эту возрастающую оппозицію; но вмѣсто того, чтобы обезоружить ее справедливыми уступками, они противопоставили ей силу прещенія и наказанья и такимъ образомъ придали государственному организму характеръ «чисто полицейскаго учрежденія». Привужденіемъ и скрытною хотѣли обуздать противоборствующія силы, но тѣмъ только ожесточили свойственное нѣмецкой натурѣ отвращеніе ко всякому стѣсненію личной свободы. Либералы, устраненные враждебною подозрительностью правительства отъ всякаго участія въ практической государственной жизни, предались врожденной у Нѣмцевъ наклонности къ умозрѣніямъ и системамъ и противопоставляли окружавшей ихъ дѣйствительности идеалы лучшаго общественнаго порядка. Такимъ-то образомъ нѣмецкій либерализмъ усвоилъ себѣ характеръ непрактичности, и оппозиція его имѣла въ виду не столько устраненіе дѣйствительныхъ золъ и недостатковъ, сколько выставленіе на видъ иныхъ, трудно-осуществимыхъ формъ правленія и учреждений. Покинувъ почву дѣйствительности, они стали вращаться въ какомъ-то мечтательномъ, самодѣльномъ мірѣ; вмѣсто того, чтобы лелѣять возродившуюся любовь къ отечеству, они снова впали въ прежній недугъ космополитства. Въ жару борьбы за всеобщія политическія теоріи и начала, либералы часто теряли изъ виду народную жизнь и низшіе классы, такъ что возникшіе въ послѣдствіи социальныя вопросы застигли ихъ на столько же врасплохъ, какъ и ихъ правительственныхъ противниковъ. Только этимъ и объясняется возможность того явленія, что нѣмецкій либераль, вмѣсто запаса идей, выработанныхъ надъ изученіемъ Германіи и собственно для нея, обыкновенно

имѣлъ всегда наготовѣ за пазухой какую-нибудь мировую реформу; что, вмѣсто своей таки-довольно обширной родины, онъ всегда стремился обнять цѣлое человѣчество, чтобы излить хотя въ чью-нибудь грудь весь пылъ своихъ пламенныхъ сочувствій; что въ космополитскомъ забытѣи онъ могъ громко рукоплескать даже такимъ явленіямъ, которыя прямо противорѣчили національнымъ интересамъ, лишь бы, часто только кажущіеся, либеральный принципъ одерживалъ при этомъ побѣду. Конечно, не лзя не признать большимъ зломъ то, что у столь многочисленнаго класса впрочемъ добросовѣстныхъ и благородныхъ людей вошло въ обычай такое пренебреженіе къ ближайшимъ интересамъ отечества. Нельзя не пожалѣть, что изъ оппозиціонной вражды къ правительствамъ, — положимъ хоть и справедливой, — либералы не хотѣли помогать имъ даже въ самыхъ благотворныхъ и необходимыхъ мѣрахъ, чтобы только не выступить изъ рядовъ систематическаго сопротивленія, — не хотѣли заодно съ властями противодействовать дознаннымъ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ, чтобы только не принять на себя вида исполнителей полицейскихъ обязанностей.

1. Франція.

783. Людовикъ XVIII. Въ этой глубоко-потрясенной странѣ возстановленіе Бурбоновъ произвело замѣчательный переворотъ въ образѣ мыслей и убѣжденій. Сначала одержали верхъ антиреволюціонныя направленія и при этомъ вышелъ тотъ достопамятный случай, что благомыслящій король только насилу могъ защитить отъ ревности крайней роялистской партіи (ультра, прозванной отъ своихъ противниковъ «бѣлыми якобинцами») начертанный имъ государственныи уставъ (хартію), который онъ и поддерживалъ по мѣрѣ возможности, и что самъ императоръ Александръ вынужденъ былъ посовѣтовать королю распустить такъ называемую завѣтную палату (*chambre introuvable*), въ отпоръ бурнымъ роялистамъ, хотѣвшимъ во что бы то ни стало возстановить прежнюю Францію со всеми ея учрежденіями (сент. 1816). Мѣсто вольномыслія и противощерковнаго настроенія заступило фанатическое изувѣтство, которое, въ связи съ пылкимъ роялизмомъ, вызвало въ южной Франціи сцены ужаса, превзошедшія самыя кровавыя выходки революціонной эпохи (сент. 1815). Въ Марсели, Тулонѣ, Нимѣ, Авиньонѣ, Тулузѣ и другихъ городахъ

неистовыя и распаленныя фанатизмомъ толпы черни нападали на обывателей, извѣстныхъ за протестантовъ, наполеонистовъ или республиканцевъ, и безпощадно побивали ихъ цѣлыми сотнями. Въ Авиньонѣ застрѣлили онѣ маршала Брюна въ одной гостинницѣ и бросили его тѣло въ Рону; въ Тулузѣ палъ жертвою народной ярости генераль Рамель въ то время, какъ онъ старался подавить безпорядки роялистовъ. Терроризмъ сдѣлался теперь орудіемъ этой партіи; протестанты принуждены были бѣжать и скрываться: церкви ихъ были заперты; убійство, грабежъ и пожоги были въ полномъ ходу; весь этотъ край былъ въ рукахъ разбойничьихъ атамановъ, которые невозбранно отправляли свое ремесло на глазахъ у префектовъ или даже по ихъ наущенію. Духовенство приобрѣло большую власть, особенно подъ защитой графа д'Артуа и герцогини Ангулемской, главъ реакціонной партіи (партіи «павиліона Марсанта»). «Тронъ и алтарь!» сдѣлались съ тѣхъ поръ лозунгомъ ревностныхъ роялистовъ, утверждавшихъ, что они понимаютъ права и пользы короны лучше самого короля, и принуждавшихъ его насильно идти указаннымъ ими путемъ реакціи. Два случая поощрили реакціонеровъ въ ихъ стремленіи. Выборъ въ палату депутатовъ бывшаго члена конвента и «цареубійцы» Грегуара (13 февр. 1820) и, еще болѣе, смертоубійство герцога Беррійскаго, роднаго племянника королю, составлявшаго, при безлѣтности Людовика XVIII и его старшаго племянника (герцога Ангулемскаго), единственную надежду Бурбоновъ; принца поразили кинжаломъ политическій фанатикъ Лувель, полный ненависти къ королевской фамиліи. Король, на котораго отсюда посыпались упреки за излишнюю снисходительность, былъ вынужденъ уволить умѣренное министерство Деказа, къ которому онъ питалъ особенное довѣріе (марта 1820), и согласиться на ограниченіе личной свободы (министрамъ предоставлена была власть прибѣгать къ чрезвычайнымъ арестамъ), свободы печати и выборныхъ правъ. Въ министерство Виллеля ревность роялистовъ достигла высшей степени (1823). Палата исключила либеральнаго депутата Манюэля за то, что въ рѣчи его противъ испанскаго похода нашла нѣсколько выходокъ, которыя показались ей оправданіемъ цареубійства, и армія подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго перешла за Пиренеи, чтобы возстановить въ Испаніи неограниченную власть короля. Народное раздраженіе обнаружилось тогда заговорами, покушеніями на убійство и вспышками мятежа.

§ 784. Карль X. 16 сентября 1824 г. кончилъ Людовикъ XVIII свою бурную, многоиспытанную жизнь. Вытерпѣвъ много самъ, онъ научился кротости и умѣренности; бурная запальчивость прочихъ членовъ королевскаго дома наполняла сердце умирающаго мрачными предчувствіями въ будущемъ. Братъ его, графъ д'Артуа, вступилъ на тронъ подъ именемъ Карла X. Торжественнымъ коронованіемъ и помазаніемъ себя на царство въ Реймсѣ (29 мая 1825) онъ повидимому хотѣлъ намекнуть на то, что намѣренъ управлять въ смыслѣ прежнихъ «всехристіаннѣйшихъ» монарховъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ отдался всей душой дворянству и духовенству. Такъ какъ надо было опасаться, что давно задуманное возвращеніе эмигрантамъ ихъ имуществъ, которое бы совершенно измѣнило существующее положеніе общества, поведетъ къ новому государственному перевороту, то король и реакціонная партія наконецъ отступились отъ этого плана, но настояли въ палатѣ депутатовъ, чтобы роялистамъ, потерпѣвшимъ ущербъ чрезъ эмиграцію, назначено было тысячу милліоновъ франковъ вознагражденія. Уже и этотъ законъ произвелъ недоброе впечатлѣніе въ народѣ; а состоявшіяся за тѣмъ подъ іезуитскимъ вліяніемъ постановленія противъ нарушителей церковной святости (законъ о святотатствѣ) и въ пользу учрежденія женскихъ общинъ, какъ предтечи обновленія монастырскихъ орденовъ, возбудили общее негодованіе въ рядахъ либераловъ. — Въ пользу духовенства располагало (не набожнаго прежде) короля отчасти то религиозное направленіе, которому преданъ онъ самъ подъ вліяніемъ герцогини Ангулемской, отчасти же и убѣжденіе, что церковное возрожденіе Франціи послужитъ твердымъ оплотомъ противъ всѣхъ революціонныхъ стремленій. Это церковное возрожденіе Карль X думалъ упрочить тѣмъ, что возвратилъ духовенству его прежнее вліятельное положеніе, основалъ богатыя прелатства, поощрялъ водвореніе иноческихъ орденовъ и снова ввелъ церковное ханжество со всѣми атрибутами новоримскаго суевѣрія, которому и романтическая поэзія много содѣйствовала съ своей стороны. Во Францію воротились опять іезуиты, хотя и не официальнымъ образомъ; они учредили общества для благочестивыхъ дѣлъ (конгрегаціи) и старались забрать въ руки обученіе юношества. Всѣмъ этимъ король значительно усилилъ либеральную оппозицію, потому что все, что имѣло какое нибудь философское образованіе, всѣ лучшія литературныя силы, съ негодованіемъ отвернулись отъ правительства, ставшаго защитникомъ обскурантизма. Въ то время

какъ ослѣпленный монархъ мечталъ заковать духъ народа въ прежнія узы вовсе несовременными процессіями миссіонеровъ и покаянниковъ или изданіемъ принудительныхъ законовъ и принятіемъ разныхъ запретительныхъ мѣръ, любознательная молодежь жадно внимала либеральнымъ ученіямъ просвѣщенныхъ профессоровъ Парижскаго университета (Гизо, Вильмена, Руойе-Колляра и др.) или смѣлымъ и вольнымъ рѣчамъ оппозиціонной журналистики (газетъ Globe, National, Constitutionnel и др.) и услаждалась пѣснями свободы Беранже и ѣдкими сатирами остроумнаго эллиниста Поля Луи Курье, а средній классъ прилежно читалъ распространенныя въ дешевыхъ изданіяхъ творенія Вольтера и энциклопедистовъ или многочисленные историческія сочиненія и записки о великой эпохѣ революціи и славномъ владычествѣ Наполеона (Минье, Тьера и друг.)

§ 785. Іюльская революція. Не обращая вниманія на измѣнившіяся убѣжденія народа, Карль X шелъ все далѣе по избранному имъ реакціонному пути. Либеральное министерство Мартиньяка (съ 4 янв. 1828) должно было уступить мѣсто ультра-роялистскому, подъ предсѣдательствомъ Полиньяка (8 авг. 1829), и когда палата депутатовъ въ отвѣтномъ адресѣ обнаружила свое недовольство противъ враждебной народному духу политики правительства, она была распущена и послѣдовалъ новый выборъ. Но тщетно! Оппозиціонные члены явились еще въ большемъ числѣ и тѣмъ самымъ подтвердили недовѣріе народа къ новому министерству (16 мая 1830). Карль X не образумился и теперь¹. Напрасно надѣялся онъ на то, что военная слава, которою увѣнчалось въ то время французское оружіе въ Африкѣ (въ отместку за оскорбленія, нанесенныя Алжирскимъ деємъ французскому консулу и французскимъ судамъ, Французы приступомъ взяли его столицу и водрузили свое знамя на стѣнахъ этого стараго гнѣзда морскихъ разбоевъ, 5 іюля), породитъ болѣе благоприятное настроеніе въ народѣ; — уже одинъ выборъ полководца отнималъ въ глазахъ Французовъ весь блескъ у смѣлаго предпріятія: генераль Бурмонъ, измѣнникъ подъ Ватерло,

¹ Не смотря на предостереженія, которыя дѣлали ему самые дружественные и консервативные дворы Европы, — Россійскій и даже Австрійскій.

былъ вмѣстѣ и военнымъ министромъ и главнокомандующимъ. Едва появились въ Монитёрѣ три знаменитые указа (26 іюля) о временномъ прекращеніи свободной печати, о распущеніи новой камеры и произвольномъ измѣненіи порядка выборовъ для слѣдующей, какъ немедленно вспыхнулъ іюльскій переворотъ (28 іюля и далѣе), которымъ, послѣ трехдневной геройской борьбы, Французы завоевали себѣ освобожденіе отъ власти неисправимыхъ Бурбоновъ и духовенства. Находившіеся въ Парижѣ депутаты учредили 29 іюля, среди отважнаго боя на улицахъ, временное правительство, въ которомъ приняли участіе Лафиттъ, Казиміръ Перье, Одильонъ Барро и друг., до тѣхъ поръ пока конституціонная партія не одолѣла республиканской, и герцогъ Орлеанскій Людовикъ-Филиппъ не былъ назначенъ правителемъ королевства (lieutenant-général du royaume), особенно благодаря помощи богатаго и великодушнаго патриота, банкира Лафитта, и знаменитаго генерала Лафайета, котораго опять избрали въ вожди возобновленной національной гвардіи (народной стражи). Слишкомъ поздно вызвался тогда Карлъ X взять назадъ свои ненавистные указы и составить любой народу кабинетъ; въ третій разъ суждено ему было переселиться со всѣмъ семействомъ на чужбину, тогда какъ расчетливый родственникъ его Людовикъ Филиппъ, присягнувъ исправленной наскоро хартии, въ которой сдѣлали нѣсколько либеральныхъ дополненій и урѣзокъ, вступилъ съ титуломъ короля Французовъ на престоль (9 авг. 1830), подвергшійся потомъ столь многимъ ударамъ. Возстановленіе національныхъ цвѣтовъ (трехцвѣтнаго знамени, флага и кокарды) ознаменовало собой начало новой, созданной народомъ, гражданско-королевской власти (royauté citoyenne).

Жившіе въ ссылкѣ за границей Сультъ, Сіесъ, Маре (Бассано) и другіе воротились на родину; зато Мармонъ (герцогъ Рагузскій), начальствовавшій парижскимъ гарнизономъ въ іюльскіе дни, долженъ былъ удалиться изъ Франціи. Въ 1836 г. Карлъ X скончался въ Гёрцѣ (или Горяцѣ, въ Италіи).

2. Борьбы за конституцію на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ Италіи.

§ 786. Абсолютизмъ и камарилья въ Испаніи. Въ этихъ романскихъ земляхъ, прошедшихъ цѣлые вѣка подъ стѣснительной опекой духовенства, еще не проникли въ народъ идеи новаго государственнаго устройства, пущенныя въ свѣтъ революціей; онѣ жили только въ умахъ образованныхъ людей, и такъ какъ явное признаніе ихъ было всегда опасно, то онѣ распространялись не иначе какъ въ тайныхъ обществахъ. Участники такихъ политическихъ союзовъ въ Испаніи и Португаліи назывались франмасонами, а въ Италіи карбонарами (угольщиками¹); устраненіе власти духовенства, введеніе свободныхъ конституціонныхъ формъ, просвѣщеніе народа, оживленіе любви къ отечеству и національнаго чувства, — вотъ что было главною ихъ цѣлю. Вліяніе ихъ прежде всего обнаружилось въ Испаніи. Фердинандъ VII, человекъ лживый, подозрительный и мастеръ на притворство, котораго изворотамъ онъ наторѣлъ во время своего невольнаго пребыванія во Франціи, послѣшилъ, воротясь на тронъ, избавиться удачнымъ насиліемъ отъ ненавистной ему конституціи кортесовъ (10 мая 1814) и, вмѣстѣ съ неограниченною властью, опять водворилъ въ Испаніи все прежнее зло. Духовенство и знать, опутавшія короля въ свои сѣти, достигли своихъ древнихъ преимуществъ и свободы отъ податей; монастыри были возстановлены, іезуитамъ разрѣшено возвратиться, опять явилась инквизиція съ ея пытками и со всѣми ужасами мрачной старины. Страшное гоненіе постигло не только всѣхъ сторонниковъ Франціи (аfrancesados, то есть «офранцузенныхъ»), всѣхъ, кто занималъ какое-нибудь мѣсто при королѣ Іосифѣ или чѣмъ-либо услужилъ ему такъ или иначе, оно распространилось на вождей и приверженцевъ кортесовъ, на начальниковъ герильи, проливавшихъ кровь за короля и отечество и теперь, въ награду за то, искавшихъ себѣ участія въ государственныхъ дѣлахъ и преимуществахъ гражданской свободы. Многіе изъ отважнѣйшихъ бойцовъ за независимость погибли отъ руки палача, другіе ссыльными или бѣглецами удалялись на чужбину; оставшіеся безмолвно зам-

¹ Имя угольщиковъ первоначально дано въ средневѣковой Италіи гвельфскимъ заговорщикамъ, которые, избѣгая бдительности гибеллиновъ, собирались на сходки у угольщиковъ, въ глубинѣ лѣсовъ.

кнули въ глубинѣ души и свои убѣжденія и свое справедливое негодованье. Дворская челядь (камарилья), изъ привилегированныхъ себялюбцевъ, изувѣрныхъ поповъ, льстивыхъ царедворцевъ и коварныхъ сплетницъ и пройдохъ, приобрѣла довѣріе Фердинанда и побуждала его къ самымъ ужаснымъ гоненіямъ на всѣхъ либераловъ. Мятежи, которые это владычество произвола и мести вызвало въ провинціяхъ, только усиливали ярость гонителей и умножали число жертвъ. Администрація и правосудіе находились въ самомъ жалкомъ состояніи, государственная казна была истощена въ-конецъ, не смотря на обременительныя подати; южно-американскія колоніи подняли знамя борьбы за свободу; торговля и промышленность совсѣмъ остановились, униженіе и недовольство господствовали вездѣ.

§ 787. Владычество кортесовъ. Тогда-то, въ самый девъ новаго 1820 года, вспыхнулъ военный заговоръ между полками, собранными въ Кадиксѣ для отправки въ южную Америку. Поднялся мятежъ и провозглашена конституція кортесовъ. Полковникъ Ріэго былъ душою предпріятія; руководство имъ принялъ на себя освобожденный изъ заключенія Кирога. Возстаніе вскорѣ разлилось по всей Испаніи, въ различныхъ областяхъ и городахъ водворена кортесская конституція и объявлена война неограниченной королевской власти; но мятежъ все-таки сохранялъ характеръ заговора; удачею обязаны были только безсилію правительства, у котораго слишкомъ нечистая совѣсть отнимала всякую рѣшимость къ энергическому сопротивленію. Народъ собственно не понималъ въ чемъ дѣло и принималъ слабое участіе въ борьбѣ. Король напрасно пытался подавить волненіе силою оружія и затушить грозное требованіе конституціи 1812 г. неопредѣленными посулами въ будущемъ; беспорядки возрастали съ каждымъ днемъ, и оробѣвшему королю не оставалось ничего болѣе, какъ согласиться на желаніе инсургентовъ, созвать кортесы и присягнуть конституціи, которая изъ абсолютнаго короля превращала его въ исполнителя воли народнаго представительства (7 марта 1820). Три года просуществовало новое государственное устройство среди постоянныхъ бурь и сильной борьбы. Король ненавидѣлъ навязанную ему конституцію; депутаты къ которымъ примкнули многіе демократическіе клубы съ республиканскими стремленіями, навлекли себѣ глубокую ненависть камарильи, духовенства и всѣхъ приверженцевъ старины ударами, какіе нанесли они монастырямъ, привилегированнымъ классамъ, стародавнимъ учрежденіямъ и разнымъ народнымъ обычаямъ и порядкамъ; кортесы,

особенно партія «восторженныхъ» (exaltados), и въ рѣчахъ и въ дѣйствіяхъ явно имѣли передъ глазами французское національное собраніе 1789 г. Чтобъ добыть денегъ, они продали на миллиардъ имуществъ принадлежавшихъ богоугоднымъ учрежденіямъ. Вскорѣ поднялись съ разныхъ сторонъ сильныя бури противъ мадридскихъ либераловъ, злоупотреблявшихъ своею побѣдою. Прежде всего сторонники безусловной королевской власти учредили собственное регентство и свою такъ называемую армію вѣры, для освобожденія короля отъ узъ приверженцевъ конституціи (1821 г.); возбужденный папами и монахами народъ снова взялся за оружіе: кровавая борьба изъ-за мнѣній страшно терзала несчастную страну. Мстительность и ярость партій заглушали всѣ чувства человѣческія, разрывали всѣ связи единоземства и открыто попирали права и законъ.

§ 788. Народныя движенія въ Португаліи, Неаполѣ, Сардиніи. Побѣды испанскихъ демократовъ подстрекнули единомышленниковъ ихъ въ Португаліи и Италиі послѣдовать ихъ примѣру. Въ Лиссабонѣ и Оporto возникли народныя волненія, которыя повели къ удаленію лорда Бересфорда, управлявшаго именемъ отсутствующаго короля совершенно въ англійскомъ интересѣ, къ образованію правительственныхъ хунтъ и къ созванію земскихъ выборныхъ (кортесовъ). Введена была конституція (26 янв. 1821), составленная по примѣру испанской, — съ свободой печати, устраненіемъ инквизиціи, феодальныхъ повинностей и проч.; король присягнулъ на вѣрность этому уставу за Португалію и Бразилію. — Въ Неаполѣ примѣръ испанскихъ кортесовъ вызвалъ къ подражанію тамошнихъ карбонаровъ, стремившихся къ сліянію Италиі въ одну державу. Военный заговоръ въ Нолѣ пошелъ такъ успѣшно, что король Фердинандъ былъ вынужденъ согласиться на введеніе испанской конституціи (13 іюля 1820). Главы заговора, Гульельмо Пепе и Караскоза, вступили въ челѣ мятежныхъ войскъ и примкнувшихъ къ нимъ карбонаровъ въ самый Неаполь. Даже Сицилія послѣ кровавой борьбы принуждена была принять иноземную конституцію. — То же самое произошло въ Піэмонтѣ. Здѣсь король Викторъ Эмануилъ старался истребить память о господствѣ Французовъ возвратомъ къ старымъ порядкамъ и обычаямъ. Воспитаніе юношества отдаво было въ руки іезуитамъ, духовенство и дворяне снова получили свои древнія права; гражданскую свободу и народное образованіе старались задержать и ограничить на сколько было можно. Все это возбуждало

неудовольствіе и вело къ заговорамъ и тайнымъ обществамъ. Возстаніе, на которое отважились военные и студенты, и въ которомъ приняли участіе многія значительныя лица, въ томъ числѣ самъ предполагаемый наслѣдникъ престола, Карль Альбертъ Кариньянскій (марта 1821), имѣло столь быстрый успѣхъ, что король отрекся отъ короны въ пользу своего брата и, до прибытія его, поручилъ регенство принцу Кариньянскому, а этотъ предоставилъ инсургентамъ требуемую ими испанскую конституцію, въ то время какъ они овладѣли столицей и цитаделью. Находившійся въ Моденѣ король Карль Феликсъ отвергъ эту конституцію, и, прежде нежели она успѣла вступить въ силу, дѣла приняли уже совсѣмъ другой оборотъ.

§ 789. Вмѣшательство священнаго союза. Главы священнаго союза, встревожась новымъ революціоннымъ духомъ, который обуялъ повидимому и молодежь Германіи, по представленіямъ Меттерниха положили между собой подавить эти демократическія движенія. На Лайбахскомъ конгрессѣ (авг. 1821), куда явился по приглашенію монарховъ и Неаполитанскій король Фердинандъ, рѣшено было силою низпровергнуть конституціонный порядокъ въ Неаполѣ. Фердинандъ одобрилъ это рѣшеніе, по которому онъ долженъ былъ снова достигнуть безусловной власти. На помощь ему двинулось австрійское войско; тщетно Пепе и Караскоза противустали съ значительными силами наступавшему непріятелю: робкіе солдаты Пепе разбѣжались послѣ первой ничтожной схватки, а другіе принудили генерала Караскозу къ постыдной капитуляціи. Безъ труда заняли Австрійцы Неаполѣ (24 марта) и возвратили неограниченную власть королю, который объявилъ незаконнымъ все совершившееся со времени переворота. Легкомысленный и невѣжественный народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ низложеніе конституціоннаго порядка, котораго значенія онъ не понималъ. Съ тѣхъ поръ могущество духовенства и опиравшееся на наемныхъ солдатъ и полицію королевское полновластіе тѣсно соединились между собою для подавленія всякаго вольнаго движенія страхомъ и стѣсненіемъ мысли. Безпощадная месть постигла всѣхъ участниковъ заговора и всѣхъ приверженцевъ конституціи. — Это событіе рѣшило также участь конституціоннаго устройства въ Піэмонтѣ. Хотя одушевленные Санта-Розою либералы не безъ славы боролись съ противникомъ подъ Новарою, однакожь вскорѣ должны были уступить. Туринъ и Алессандрія были заняты Австрійцами (апрѣль), и абсолютизмъ восстановленъ въ крайнихъ своихъ формахъ со всѣми ужасами

сами реакціи. — Немногимъ лучше кончили и испанскіе кортесы. Ободренные быстрымъ подавленіемъ конституціонныхъ движеній въ Италіи, союзные монархи отправили съ Веронскаго конгресса (окт. 1822) требованіе къ кортесамъ въ Мадридѣ измѣнить конституцію и предоставить королю болѣе власти; демократическіе чины отвѣчали на это строптивымъ отказомъ. Тогда французская армія, предводимая герцогомъ Ангулемскимъ, двинулась за Пиренеи (весной 1823). Тщетно кортесы призывали народъ къ оружію; конституціонная свобода была непонятнымъ словомъ для массъ, руководимыхъ попами и монахами, новый порядокъ былъ противенъ ихъ обычаямъ, ихъ душевнымъ чувствамъ; не состоялась народная война, нѣкогда столь славная герилья, на которую сначала рассчитывали кортесы; чернь и камарилья привѣтствовали Французовъ какъ избавителей отъ ненавистнаго «правленія франмасоновъ»; напрасны были подвиги мужества нѣкоторыхъ вождей, которые, какъ Минна въ Барселонѣ, Кирога въ Леонѣ и друг. мѣстахъ, упорно сопротивлялись чужеземнымъ войскамъ; солдаты неохотно шли въ сраженіе и старались заблаговременно обезпечить себя капитуляціями. Французы вступили побѣдителями въ Мадридъ и назначили регентство, такъ какъ кортесы бѣжали съ королемъ на югъ. Укрѣпленный Кадиксъ сталъ послѣднимъ пріютомъ друзей конституціи; Французы подступили теперь и къ этому городу. Тутъ кортесы потеряли всякую отвагу; вмѣсто того, чтобъ погребетись подъ развалинами этой родины ихъ конституціи, какъ хвастливо возвѣщали они прежде, малодушные заключили теперь съ осаждающими договоръ, въ которомъ согласились освободить короля и подвергнуться распущенію (15 авг.). Благодаря иноземному штыку Фердинандъ былъ восстановленъ въ своемъ полновластіи; конституція, со всѣми сопровождавшими ее учрежденіями, утратила свою силу и такъ-называемая апостолическая партія¹, избравшая своимъ лозунгомъ безусловность королевской власти, обрушилась теперь со всей яростью мщенія на своихъ противниковъ. Ріэго умеръ отъ руки палача (7 ноября); единомышленники его подверглись отчасти той же участи. многіе избавились отъ ярости народа только бѣгствомъ и, тысячами, скитались безъ хлѣба и крова по чужбинѣ; оставшіеся, томясь въ гнилыхъ тюрьмахъ, заплатили за

¹ Едва ли нужно замѣчать, что это прозвище находится въ связи съ древнимъ титуломъ короля Испанскаго, котораго папа наименовалъ апостолическимъ за ревность къ католицизму.

свое стремление отнять у грубой массы тѣ учрежденія и порядки быта, къ которымъ приучалъ ее трехсотлѣтній деспотизмъ. Въ Испаніи такъ же неистово боролись за сохраненіе старины, какъ незадолго передъ тѣмъ во Франціи, — за то чтобъ искоренить всю ветошь И въ томъ и въ другомъ краѣ простолюдинъ служилъ орудіемъ партіямъ, — во Франціи, увлекаемый словами «свобода и равенство», въ Испаніи, воспламеняемый на защиту вѣры, королевской власти и дѣдовскихъ преданій.

§ 790. Борьба за конституцію въ Португаліи. Жалкій исходъ конституціи испанскихъ кортесовъ побудилъ королеву португальскую (сестру Фердинанда VII) и втораго сына ея донъ-Мигеля также избавиться однимъ насильственнымъ ударомъ отъ конституціи, ненавистной знати, духовенству и двору. Ободренный возстаніемъ арміи и черви, которое поднялъ въ пользу королевскаго полновластія донъ-Мигель, слабый и робкій король Іоаннъ VI отмѣнилъ кортесскую конституцію и допустилъ гоненіе на ея приверженцевъ и франмасоновъ (май и іюнь 1823 г.). Когда же онъ задумалъ примирить съ собой народъ дарованіемъ государственнаго устава, основаннаго на признаніи обоюдныхъ правъ властителя и подданныхъ, тогда инфантъ донъ-Мигель возбудилъ мятежъ противъ своего собственнаго отца (30 апр. 1824); но преступный этотъ замыселъ не доставилъ ему желаннаго регентства, а привелъ только къ высылкѣ его изъ Португаліи. Два года спустя умеръ Іоаннъ VI (10 марта 1826). Старшій сынъ его донъ-Педро, провозглашенный въ 1822 г. императоромъ бразильскаго народа, не могъ, въ силу португальской конституціи, быть въ то же время и Португальскимъ королемъ; поэтому онъ передалъ управленіе этою страной своей малолѣтней дочери, донъ-Маріи да Глоріи и даровалъ Португальцамъ хартію, основанную на либеральныхъ началахъ. Къ несчастію довѣрилъ онъ вызванному изъ ссылки брату своему, донъ-Мигелю, регентство до совершеннолѣтія королевы. Лишь только донъ-Мигель успѣлъ стать во главѣ правительства, какъ съ помощью своей матери и апостолической партіи застоя низпровергъ конституцію, на вѣрность которой присягнулъ, объявилъ себя неограниченнымъ монархомъ (23 іюня 1828 г.) и началъ, ссылкой, заключеніемъ и казнями, преслѣдовать всѣхъ друзей и сторонниковъ конституціоннаго порядка. Однакожь владычество вѣроломнаго деспота было коротко. Донъ-Педро, вынужденный въ Бразиліи передать безсильную императорскую корону мало-

лѣтнему сыну своему, донъ-Педру II (1813), высадился при помощи Англіи и Франціи на португальскій берегъ съ войскомъ, набраннымъ преимущественно за границею, и въ теченіе двухлѣтней войны (1832—1834) успѣлъ до того стѣснить своего самовластнаго брата, что тотъ былъ вынужденъ отречься отъ престола и покинуть Португалію (7 іюня 1834). Затѣмъ донъ-Педро возстановилъ опять конституцію кортесовъ. Его ранняя смерть (24 сент. 1834), передавшая верховную власть въ слабыя руки его дочери, была бѣдственна для страны, раздираемой партіями и удрученной недостаткомъ въ деньгахъ.

§ 791. Исторія южно-американскихъ республикъ. Неизмѣримыя пространства южной Америки и Мексики несли въ теченіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ тяжкое иго испанской метрополи, сколько ни притѣснительна была эта зависимость, сколько ни вопіющи были сопряженные съ ней злоупотребленія. Ибо одни рожденные въ Европѣ Испанцы, а не креолы, занимали всѣ государственныя и церковныя должности, пользуясь ими для собственнаго обогащенія и ни мало не заботясь о томъ, чтобъ сколько-нибудь поднять и образовать народонаселеніе края. Торговля была связана по рукамъ и по ногамъ, такъ какъ произведенія колоній дозволялось сбывать однимъ Испанцамъ и привозить туда можно было только испанскіе товары (сначала изъ Севильи, потомъ изъ Кадикса), а всѣ торговые обороты съ иноземцами были строго запрещены. Воздѣлка табаку считалась королевскою монополіей и находилась преимущественно въ рукахъ Испанцевъ; произведенія метрополи, каковы вино, масло и проч., не дозволялось воздѣлывать въ колоніяхъ; разведеніе сахарнаго тростника, шелковыхъ червей и обработка желѣзныхъ рудъ были также запрещены; товары, привозимые даже на испанскихъ корабляхъ, облагались высокою пошлиной. Губернатору области, природному Испанцу, принадлежало право такъ-называемыхъ репартиментовъ или распределеній товара, то-есть онъ, по собственному усмотрѣнію, посылалъ въ каждое селеніе извѣстную часть товаровъ, назначалъ имъ произвольную цѣну и собиралъ ее потомъ со всѣхъ жителей общины посредствомъ строгихъ и насильственныхъ мѣръ. Распредѣляя такимъ образомъ товаръ, не обращали никакого вниманія на дѣйствительныя потребности. При рѣдкости населенія обширныхъ пространствъ края, при полномъ невѣжествѣ туземцевъ, которымъ вполнѣ отказывали въ школьномъ обученіи, и при строгой бдительности инквизиціи, Испанцамъ было нетрудно устранять всякое безпокойное движеніе даже и съ малымъ числомъ

войскъ, такъ что даже борьбы за испанское наследство и за сѣверо-американскую независимость не произвели никакой перемены въ быту южной Америки, хотя непрерывно возрастающее креольское населеніе, живо чувствуя невыгоды такого положенія, стало заявлять болѣе широкія притязанія, а сношенія съ Франціей во время первой войны давно открыли Американцамъ глаза на тѣ громадныя прибыли, которыя Испанцы выручали до сихъ поръ посредствомъ монополюющей системы съ своихъ колоній. Въ девяностыхъ годахъ, ловкій креоль Миранда изъ Каракаса (род. въ 1754 г.), знакомый съ европейскимъ просвѣщеніемъ и взглядами, пытался съ помощію Англичанъ и Французовъ произвести возстаніе въ южно-американскихъ областяхъ, но его усилія сокрушились о незрѣлость народа, о несогласіе и взаимную ревность сословій и племенъ и о разнообразіе провинціальныхъ интересовъ. Еще въ началѣ текущаго вѣка, испанскія владѣнія въ Америкѣ, хотя и потрясенныя въ своей преданности къ метрополиі укорененіемъ контрабанды и чуждыхъ вліаній съ одной стороны, и возрастающими злоупотребленіями—съ другой, состояли однакожъ изъ четырехъ вице-королевствъ (Новой Гранады, Новой Испаніи, т. е. Мексики, Рио-де-ла-Платы или Буэнос-Айреса, и Перу) и изъ пяти генералъ-капитанствъ (Чиле, Венесуэлы, Гватемалы, Гавайи и Порторико); но съ устраненіемъ Бурбоновъ отъ испанскаго престола расторглась и связь, соединявшая колоніи съ метрополіей: тогда стремленія патріотовъ къ независимости начали осуществляться.

Борьбы партій въ самой Испаніи скоро проложили себѣ дорогу и въ южно-американскія ея области. Въ полномъ движеніи, всемірно торговомъ городѣ Буэнос-Айресѣ выступилъ на сцену Маріано Морено; предприимчивый и ревностный къ просвѣщенію человекъ, онъ старался воспользоваться разногласіемъ, господствовавшимъ между правительственными властями, для образованія патріотической партіи и привлеченія народа къ идеямъ свободы и независимости. Но для столичныхъ жителей («Портеньосовъ») вскорѣ возникъ ужасный противникъ въ лицѣ «Гаучей», или дикихъ степняковъ. Въ пустынныхъ луговыхъ степяхъ, или такъ называемыхъ пампахъ, простиравшихся отъ жаркаго пояса пальмъ до ледяныхъ полей Патагоніи, скиталось на полудикихъ лошадахъ бѣдное пастушеское племя Гаучей, котораго суровую первобытную жизнь не обуздывали ни какія нравственныя узы, которое подъ именемъ свободы понимало только ненависть и вражду ко всякому общественному порядку и смотрѣло съ презрѣніемъ на избалованныхъ го-

рожанъ. — Попытки къ отпаденію произведены были также нѣсколькими недовольными креолами въ Мексикѣ; любимецъ Годоя, вице-король Итурригаран, разсорившись съ Новоиспанцами, былъ плѣнникомъ отосланъ съ Европу. и въ то же время принято за основное начало, что «по низверженіи испанскаго правительства народъ остается источникомъ державной власти и обязанъ учредить новое правительство самъ отъ себя».—Въ Чиле дѣйствовалъ въ пользу революціи, противъ намѣстника Карраско, Мартинесъ де-ла-Роза, значительный человекъ изъ Мендосы и глава патріотической партіи; подобныя же явленія обнаружались въ Венесуэлѣ, гдѣ къ независимости отъ Испаніи стремилась полная жизни и знакомая съ европейскимъ образованіемъ партія, подъ вліаніемъ Симона Боливара.

Требованіе Наполеона, чтобъ южныя Американцы признали новаго короля Юсифа и установленные имъ порядки, нашли себѣ въ колоніяхъ такой же приемъ какъ и въ метрополиі; юсифовскіе намѣстники были изгнаны (1810), и въ болѣе части городовъ образовались хунты, дѣйствовавшія именемъ Фердинанда VII, но преимущественно стоявшія за независимость и свободу. Въ болѣе части мѣстностей отпаденіе совершилось безъ кровопролитія и жестокихъ мѣръ; только въ Кито 28 патріотовъ были изрублены испанскимъ гарнизономъ; дома ихъ подверглись грабежу, да въ Новой Испаніи (Мексикѣ) туземцы, подъ начальствомъ священника Гидальго, возстали противъ Испанцевъ и креоловъ, разнося убійство и пожары вплоть до окрестностей столицы, пока при одномъ внезапномъ отступленіи самъ предводитель не былъ убитъ и мятежъ подавленъ жестокими мѣрами. Этимъ послѣднимъ событіемъ данъ былъ сигналъ къ кровавой, истребительной междоусобной войнѣ, сколько ни старались слѣдующіе начальники Районъ и Морело съ повернуть революцію отъ одичалости къ человѣчеству. Когда кадикескіе кортесы начертали для Испаніи новую конституцію, основанную на либеральныхъ началахъ.—депутаты отъ Америки, явившіеся по вызову кортесовъ на совѣтъ, потребовали для колоній уравненія въ правахъ съ метрополіей, одинаковаго представительства въ кортесахъ и полной свободы торговли. Эти требованія, которыхъ выполненіе отдало бы перевѣсъ въ руки Американцевъ и нанесло бы смертельный ударъ прибыльной торговлѣ самого Кадикса, разумѣется, не были приняты въ уваженіе. Не довольствуясь тѣми уступкамъ, что все племена будутъ равноправны и все прежнія стѣсненія земледѣлю и промышленности будутъ отиѣнены, болѣе часть

южно американских областей отrekliсь повиноваться кортесамъ и учредили свои самобытныя правительства, которыя хотя и не вездѣ были побѣдоносны, однакожь долго съ честію удерживали за собою поле битвы противъ испанскихъ намѣстниковъ и войскъ, и имѣли бы еще болѣе успѣха, еслибъ не препятствовали тому взаимная ревность городовъ и непримиримая вражда мѣстностей. Испанцы смѣло могли рассчитывать на то, что изъ одной зависти любой изъ соперничающихъ городовъ навѣрно объявится за корону, если другой водрузилъ у себя деревья свободы. — По возстановленіи Фердинанда испанскія колоніи также возвратились бы къ повиновенію, еслибъ безразсудный король не отказалъ имъ въ исполненіи справедливыхъ и своевременныхъ желаній и не потребовалъ отъ нихъ безусловной покорности и упованія на одну его королевскую милость, — онъ, который только что заявилъ свою ненависть ко всякой новизнѣ ужаснѣйшимъ гоненіемъ на всѣхъ друзей кортесовъ и конституціи. Въмѣсто того, чтобъ исполнить волю короля, повторили они свое требованіе равноправности съ метрополіей, и когда оно было отвергнуто, единодушно взялись за мечи, для завоеванія себѣ независимости отъ Испаніи. Началась война на жизнь и смерть, въ которой южные Американцы обнаружали такія силы и доблести, какихъ никто отъ нихъ не ожидалъ. Въ цѣлой исторіи найдется не много примѣровъ подобной стойкости въ несчастіяхъ, такого самоотверженія, такой переносливости къ лишеніямъ, такой выдержки въ непопѣрныхъ тягостяхъ и трудахъ, такой готовности жертвовать покоемъ, собственностью, здоровьемъ и самою жизнью для спасенія отчихъ пенатовъ, къ какимъ оказались способны даже сердца ожесточенныхъ въ грабежѣ и убійствѣ Гаучей и Гуассовъ, Льянеровъ и Ранчеровъ. Какъ головы гидры возрождались опять послѣ каждаго пораженія полчища инсургентовъ. То, собравшись въ массу, пытались они нанести рѣшительный ударъ, то, послѣ неудачи, рассыпались вдругъ небольшими кучками; состоя изъ мелкихъ землевладѣльцевъ и рабочихъ при имѣніяхъ, сахарныхъ мельницахъ и рудникахъ, — людей, привыкшихъ жить верхомъ на лошади, подъ открытымъ небомъ, и переходить отъ избытка къ лишеніямъ, эти войска имѣли за собою ту выгоду, что не нуждались ни въ постоянныхъ квартирахъ, ни въ военномъ планѣ, ни въ стратегическихъ соображеніяхъ, ни въ правильномъ хозяйствѣ и продовольствіи; терпя нынѣ же страшную нужду, они завтра же вознаграждали себя какимъ нибудь удачнымъ разграбленіемъ; и эта разбойническая жизнь была для нихъ отрадой: она давала имъ случай удовлетворить то

чувству личной мести, то другой мгновенной потребности, которая являлась у нихъ какъ прихоть. — Фердинандъ отправилъ въ южную Америку жестокаго генерала Морилью, который дѣйствовалъ въ духѣ Альбы, и съ нимъ инквизитора Торреса, снабдивъ ихъ обширнымъ полномочіемъ; но уже въ 1819 г. вице-королевство Рио-де-ла-Плата твердо упрочило свою независимость и республиканское устройство, и ободрило своимъ успѣхомъ прочія области, гдѣ борьба велась упорнѣе. Изъ бывшаго испанскаго вице-королевства развились мало-по-малу три республики: Ла-Плата, Боливія и Уругвай (Банда-Ориенталь съ Монтевидео) и сверхъ-того основанный иезуитами Парагвай, который долго находился подъ диктаторскою властью хитраго адвоката, доктора Франсиса, и строго охранялся отъ всякаго общенія съ иноземствомъ.

Борьба за свободу въ Новой Гранадѣ и въ Перу связана съ именемъ карракасскаго креола Боливаря. Этотъ человекъ, коротко знакомый съ европейскимъ образованіемъ, отличный полководецъ и политикъ, избравъ себѣ въ образецъ Вашингтона, посвятилъ всю свою дѣятельность и все достояніе освобожденію своихъ земляковъ, и самая неблагодарность нѣкоторыхъ изъ нихъ не смогла уклонить его отъ великой цѣли. Венесуэла провозгласила свою независимость уже въ 1811 г.; страшное землетрясеніе, почти совсѣмъ разорившее главный городъ Карракасъ (26 марта 1812) и погубившее 20.000 человекъ въ Валенсіи, было истолковано духовенствомъ въ видѣ кары небесной за отпаденіе и употреблено имъ въ пользу для возвращенія страны подъ испанское господство. Безпощадная жестокость и кровожадность, съ какими мстительные Испанцы гнали сторонниковъ республики, снова воспламенили потухшій было огонь. Боливаръ провелъ 600 человекъ черезъ Анды; тысячи недовольныхъ устремились подъ его знамена, чтобъ отмстить за смерть казненныхъ патріотовъ; новогранадскій союзный сеймъ, видя въ немъ своего «спасителя», провозгласилъ его диктаторомъ; тогда Боливаръ организовалъ войну, которая, не ограничиваясь оружіемъ, велась и простыми ножами: начало ей положилъ онъ подписаніемъ страшнаго декрета въ Трухильдѣ (2 янв. 1814), изрекавшего смерть каждому Испанцу съ роялистскими убѣжденіями. Ужасная, измѣнчивая, обильная трудностями, лишеніями и упорными борьбами война возникла теперь между Боливаромъ, которому помогали свѣдущій въ военномъ дѣлѣ мулатъ Паэсъ съ одной стороны, и Морилью съ другой (1814—25 ноябр. 1820); гдѣ одолѣвалъ пос-

лѣдній, тамъ кровь республиканцевъ лилась рѣкою; въ отмщеніе Боливаръ велѣлъ казнить 800 плѣнныхъ Испанцевъ, какъ будто ради того, чтобъ въ хмѣлю кровавыхъ злодѣйствъ почерпнуть новое мужество для защиты свободы. Испанцы нашли себѣ страшную вспомогательную силу въ Льянерахъ, которые, подобно Гаучамъ южныхъ пампъ, вели, въ качествѣ пастуховъ и мясниковъ, кочевую жизнь въ луговыхъ степяхъ Тьерры Фирмы и, привыкнувъ на своихъ знойныхъ паствахъ къ терпѣнью и умѣренности, наносили республиканцамъ много вреда и кровавыя пораженія, являясь въ видѣ конныхъ дружинъ съ пиками и арканами въ рукѣ и распространяя вокругъ степные пожары. Боливаръ былъ вынужденъ сложить съ себя главное начальство и искать спасенія бѣгствомъ въ Санъ-Доминго; реакція безусловной королевской власти наступила путемъ убійствъ, конфискацій и вымогательствъ. Но Боливаръ воротился назадъ; его появленіе снова подняло духъ обезотваженныхъ республиканцевъ; удачныя военныя дѣла возвысили его значеніе. Венесуэла и Новая Гранада заключили между собой союзъ, избрали Боливара въ генераль-капитаны и объявили на Ангостурскомъ конгрессѣ (17 дек. 1818), что обѣ области соединились въ одну республику Коломбію, состоящую изъ трехъ частей. — Въ Кадиксѣ собиралось новое войско для отправки въ Америку. Это было то самое, которое, поднявъ знамя бунта, водворило власть кортесовъ въ Испаніи. Однакожъ и кортесское правительство не захотѣло признать самостоятельности колоній; война запылала снова, но уже къ явному ущербу разѣдиненныхъ между собой Испанцевъ. Республика Коломбія завоевала себѣ независимость и выбрала Боливара въ президенты (1824). Вскорѣ торговый договоръ соединилъ юную державу съ Сѣверной Америкой¹. Изъ Коломбіи Боливаръ явился избавителемъ и освободителемъ Перу. И этотъ край, при помощи хитраго и предприимчиваго освободителя Чиле, Санъ-Мартина, и Англичанина Кокрена, далъ себѣ республиканское устройство и назначилъ Санъ-Мартина своимъ протекторомъ. Разногласія ослабили однакожъ силу республиканцевъ. Санъ-Мартинъ сложилъ съ себя свое званіе и воротился въ Чиле; Испанцы снова взяли верхъ въ Перу, республика повидимому готовилась къ паденію. Тогда пришелъ ей на помощь Боливаръ. Несогласные между собой Испанцы были разбиты и принуждены къ выступленію, а освобо-

¹ Которая ничего такъ не желала, какъ освобожденія Новаго Свѣта отъ европейской зависимости.

дитель провозглашенъ на конгрессѣ въ Лимѣ пожизненнымъ протекторомъ (1825).

Сосредоточеніе власти въ лицѣ Боливара возбудило зависть и опасенія со стороны республиканцевъ. Заговорщики много разъ покушались на его жизнь; его упрекали въ томъ, что онъ хочетъ играть роль Бонапарта. Оскорбленный неблагодарностью и непризнаніемъ чистоты его характера и озабоченный внутреннимъ разладомъ республикъ, распавшихся подъ конецъ на шесть независимыхъ державъ, онъ сложилъ съ себя свое званіе (27 апр 1829). Смерть вскорѣ потомъ освободила его отъ всѣхъ заботъ (10 дек. 1830), но не восстановила единства областей, находившихся подъ его рукою: онѣ и понынѣ волнуются борьбой изъ-за политическаго устройства и разномыслія. Верхній Перу, ставъ независимою республикой, принялъ имя освободителя и называется Боливіей (6 авг. 1825). — Въ Новой Испаніи (Мексикѣ) первые бойцы за равенство правъ ея съ метрополіей поплатились за свое предпріятіе позорною и жестокою смертію. Гидальго, Морелось и Мина пали мучениками свободы, но ихъ убѣжденія не умерли въ народѣ. Введеніе кортесскаго правительства въ Испанію содѣйствовало независимости Мексиканцевъ. Повелѣніе кортесовъ ввести конституцію двѣнадцатаго года (1812) и въ Новой Испаніи, не было выполнено вице-королемъ, получившимъ вмѣстѣ тайные наказы камарильи; мало этого, — креолу Итурбиду, которому дано было главное военачальство, предписали дѣйствовать противъ сторонниковъ конституціи. Такое двуязычіе правительства показалось Итурбиду достаточнымъ поводомъ нарушить должную ему вѣрность. Онъ овладѣлъ большою суммою денегъ, предназначенною для Испаніи, и воззваніемъ изъ Игуалы подалъ знакъ къ общему мятежу. Въ короткое время большая часть провинцій были въ его власти (авг 1821). Новый вице-король поневолѣ долженъ былъ заключить договоръ, которымъ была признана независимость Мексики и престолъ этой конституціонной имперіи предоставленъ королю Фердинанду или, въ случаѣ его отказа, одному изъ инфантовъ. Когда испанское правительство не согласилось на утвержденіе такого договора, конгрессъ постановилъ отдѣлить Мексику отъ Испаніи и провозгласилъ императоромъ Итурбиду (18 мая 1822). Это рѣшеніе столько же оскорбило республиканцевъ, какъ и роялистовъ; противъ новаго императора (Августина) составила могущественная партія. Тогда, въ надеждѣ на преданную ему армію, онъ насильно распустилъ конгрессъ и учредилъ правитель-

ственную хунту. Этимъ онъ еще умножилъ число своихъ враговъ; нѣкоторые военные корпуса отказали ему въ вѣрности, и когда генералъ его, Санта-Ана, провозгласилъ въ Вера-Крусѣ республику (8 апрѣля 1823), противъ Итурбида поднялась такая буря, что онъ былъ вынужденъ отречься отъ престола и удалиться въ Италию (4 окт.). Мексика превратилась въ республику и приняла конституцію, составленную по образцу сѣверо-американской. Продолжавшаяся смуты и раздоры партій наполнили Итурбида надеждой снова приобрести утраченную власть. Не смотря на произнесенную ему конгрессомъ ошалу, безразсудный высадился на берегъ своего отечества, но былъ захваченъ и разстрѣлянъ (19 июля 1824). Мексика удержала за собой республиканское устройство, съ президентомъ во главѣ. Попытка старо-испанской партіи ниспровергнуть новый порядокъ контръ-революціей, подаля врагамъ ея, креоламъ, удобный предлогъ воспламенить противъ нее ненависть народа. Рѣшеніемъ конгресса (1829), всѣ природные Испанцы, кромѣ сражавшихся за республику, лишены были всѣхъ своихъ должностей и высланы изъ ея предѣловъ; двадцать двѣ тысячи этихъ людей должны были немедленно переселиться. Но миръ и согласіе до сихъ поръ не водворились въ соединенныхъ штатахъ Мексики. Двѣ партіи, одна болѣе демократическая, другая болѣе аристократическая, постоянно боролась тамъ за власть, — первая подъ знаменемъ Санта-Аны, послѣдняя подъ начальствомъ Бустамента. Уничтоженіе рабства въ Мексикѣ повело къ отпаденію Техаса. — Гватемала также приобрѣла себѣ самостоятельность и учредила союзную республику центральной Америки (1 июля 1823). Кто опредѣляетъ цѣну историческаго развитія плодами цивилизаціи, тому, конечно, нѣтъ никакого повода восторгаться отпаденіемъ испанскихъ колоній. Вездѣ попадаются тамъ величавые памятники вице-королевской эпохи, и на каждомъ шагѣ поражаетъ упадокъ и запущеніе позднѣйшаго времени. Кажется, какъ будто бы, мѣстами, потомки Европейцевъ даже утратили свое превосходство надъ краснокожими; Команчи и еще болѣе конники. Апачи превратили обширныя пространства сѣверной Мексики, особенно Сонору и Чигуагуу, въ нагія степи, обезлюдили цвѣтущіе прежде города и изъ тщательно разработанныхъ нивъ сдѣлали опять пустыню. Главною виною этого упадка неприятели для того края политическія формы, частая смѣна правительственныхъ властей, рознь между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, междоусобная война и безчинства вольныхъ ополченцевъ.

3. Германія,

§ 762. Противоборство мнѣній въ Германіи. Созданія Вѣнскаго конгресса породили у болѣе части Нѣмцевъ недовольство и дурное настроеніе. Друзья отечества съ горечью отвернулись отъ новаго сооруженія, въ которомъ была забыта цѣль внутренней свободы. Хотя ея именемъ сзывали и успѣшно подняли германскій народъ, — сооруженія, въ которомъ не было ровно ничего для удовлетворенія патріотическаго честолюбія, для того, чтобы дать пищу естественнымъ политическимъ стремленьямъ. Многіе надѣялись и желали обновленія имперіи, преобразованной согласно потребностямъ эпохи, съ участіемъ народа въ законодательствѣ и хозяйственномъ управленіи, и потому съ неудовольствіемъ смотрѣли на раздробленную по мелочи Германію, изъ которой, вмѣсто ожидаемаго государственнаго единства съ рѣшительнымъ голосомъ во вѣ, образовался союзъ множества отдѣльныхъ независимыхъ державъ съ слабымъ представительствомъ отъ имени государей на союзномъ сеймѣ и безъ всякаго представительства съ народной стороны. Другіе, стремившіеся къ конституціонному устройству въ родѣ англійскаго, были недовольны неопредѣленнымъ смысломъ 13-й статьи союзаго акта, въ которой обѣщано введеніе представительныхъ формъ вообще, безъ указанія началъ, на которыхъ онѣ должны быть основаны, безъ опредѣленія срока и образа ихъ осуществленія. Тогда какъ послѣдніе враждовали противъ новаго порядка съ демократической точки зрѣнія, находя слишкомъ ничтожнымъ предоставленное народу участіе въ политической жизни края. Прежніе имперскіе чины негодовали за утрату своего полновластія, а дворянство — за введеніе начала равноправности и за стремленіе умалить и отстранить вполне всѣ сословныя различія между благородными и простыми гражданами. Поэтому, не смотря на всеобщую вялость, въ какую впала Европа по низверженіи Наполеона, нѣмецкимъ государямъ было вовсе не легко снова ввести въ предѣлы покорности умы подданныхъ, только что вырвавшихся на волю. Явное нерасположеніе Австріи и Пруссіи къ новому представительному порядку, за которымъ слѣдовали политическія борьбы и государственная жизнь, полная движенія, усилило духъ общаго недовольства, а разнообразіе конституцій, состоявшихся послѣ многихъ колебаній и отступленій въ нѣкоторыхъ странахъ, пробудило вездѣ желаніе установить на любыхъ народу основаніяхъ такую государственную форму, которая обнимала бы собой цѣлую націю. Чтѣ

пользы было въ томъ, что большая часть державъ средней и южной Германіи ввели у себя представительное устройство на болѣе или менѣ либеральныхъ началахъ, когда могущественнѣйшее государство. Пруссія, не предоставляло политической жизни другого поприща, кромѣ областныхъ чиновъ съ совѣщательнымъ только голосомъ. безъ публичности и общаго вѣснма интереса? Та самая Пруссія, которая въ эпоху чужевластья обогнала всю остальную Германію въ либеральныхъ и популярныхъ учрежденіяхъ, которая въ Калишскомъ воззваніи сулила возстановленіе единой свободной имперіи «въ коренномъ, исконномъ духѣ германскаго народа», которая еще на Вѣнскомъ конгрессѣ слѣдовала путемъ прогрессивной политики, — та самая Пруссія поддалась мало по-малу планамъ Меттерниха и шла теперь прямо навстрѣчу реакціи¹. Боязливый, нерѣшительный, всегда чужимъ совѣтомъ руководимый король, далъ настроить себя противъ патріотическихъ людей, хотѣвшихъ возвеличить Пруссію вмѣстѣ съ Германіей, и самъ осудилъ теперь тѣ порывы, которымъ былъ обязанъ возстановленіемъ своей монархіи. Прежнихъ членовъ союза доблести (Tugendbund) и одушевленныхъ любовью къ свободѣ и величію Германіи передовыхъ людей войнъ за свободу, устранили какъ подозрительныхъ и неблагонадежныхъ, тогда какъ клеветавшіе на нихъ противники, какой-нибудь тайный совѣтникъ Шмальцъ, были обвѣшены орденами и осыпаны почестями; дѣло конституціи было отложено, и когда черезъ нѣсколько времени возвратились къ нему снова, — плодомъ долготѣннихъ совѣщаній явились тѣ областные (провинціальныя) чины, которые по своей ограниченности не удовлетворили даже и самыхъ умеренныхъ требованій и ожиданій. Панегиристы реакціи старались выставить систему всеобщей опеки и самовластія правительствъ за единственную, которой истина основана на историческихъ и философскихъ началахъ. Германскій народъ, который незадолго передъ тѣмъ усердно и довѣрчиво собрался вокругъ своихъ государей, когда дѣло шло о сверженіи яга чуждаго властителя, почувствовалъ, что онъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, и утратилъ довѣріе къ отеческимъ намѣреніямъ

¹ При этомъ не должно забывать, что Пруссія не нашла первоначальнымъ порывамъ своимъ къ возстановленію единой, свободной Германіи на столько поддержки со стороны «германскаго народа», чтобъ избѣжать необходимости союза и всяческихъ слѣзковъ съ меттерниховскими планами. Общенародное движеніе вездѣ уступило вліянію мѣстныхъ правительствъ (Landesherren), поддерживаемому разъединяющей политикой Австріи.

правительствъ. Вскорѣ и вся нація распалась на двѣ выше упомянутыя партіи, — аристократическую, примкнувшую къ государямъ и правительствамъ и старавшуюся внушить имъ свои консервативныя или реакціонныя начала, и либеральную (свободномыслящую), которая стремилась къ дальнѣйшему развитію государственнаго быта въ демократическомъ направленіи. Тогда какъ въ послѣдней изъ этихъ партій люди зрѣлыхъ лѣтъ, руководимые опытностью, обращали взоры на Англию и Францію и старались водворить въ Германіи политическія формы новой эпохи со вѣсми пріобрѣтеніями революціи и постепенно преобразовать существующій порядокъ. молодежь, подъ вліяніемъ романтической поэзіи (§ 800 б. Г. Германія) съ тоскою и жаждою смотрѣла на созданія среднихъ вѣковъ и стремилась ввести въ жизнь новую идею народовластія, облакая ее въ формы и названія сѣдой германской старины. Убаюкивая себя въ идеальныхъ грезахъ, не имѣя никакой ясноопредѣленной цѣли и никакого понятія о преградахъ, поставляемыхъ дѣйствительностью, они только и думали, что объ утопическомъ пересозданіи міра и государства; подобная мечта конечно разсѣялась бы сама собою какъ пустой призракъ, еслибъ правительства, встревоженные Вартбургскимъ празднествомъ и кровавымъ дѣломъ Занда въ Мангеймѣ, не придали такъ-называемымъ «демагогическимъ проискамъ» незаслуженной важности, открывъ противъ нихъ судебныя преслѣдованія и поднявъ гоненіе на участниковъ.

Вартбургскій праздникъ и К. Л. Зандъ. Въ голодный 1817 годъ, столь роковой для бѣднаго, нуждающагося чловѣка. протестантская Германія усердно торжествовала трехсотлѣтній юбилей реформации. Воспоминаніе объ этомъ громадномъ событіи воодушевило всѣхъ и навело общее вниманіе на недостатки настоящей эпохи. Въ видѣ подготовки къ этому торжеству, нѣсколько студентовъ и младшихъ профессоровъ Іенскаго университета (Окенъ, Фризь, Кизеръ) устроили 18 октября (1817 г.), въ память битвы подъ Лейпцигомъ, праздникъ въ Вартбургѣ, близъ Эйзенаха, причемъ проносились пламенные рѣчи, пѣлись восторженные пѣсни, а по окончаніи праздника нѣкоторые изъ студентовъ, въ подражаніе Лютеру, сожгли на горѣ Вартъ заглавія извѣстныхъ сочиненій Коцебу, Кампца, Галлера и друг., въ которыхъ защищался абсолютизмъ и заподозривались всѣ воззванія къ свободѣ и конституціонному устройству; сожжены были также, въ юношескомъ разгулѣ, и нѣкоторыя эмблемы раболѣпной старины, коса, шнуровка, капральская трость и тому подобное. — Одинъ изъ участниковъ Варт-

бургскаго пира, Карль Лудвигъ Зандъ, родомъ изъ Вунзиделя, добродушный, полный патриотизма, но крайне мечтательный и тщеславный юноша, затѣялъ преступный замысль избавить германскій народъ отъ «пагубныхъ совѣтовъ», состоявшаго тогда въ русской службѣ, нѣмецкаго писателя Августа фонъ-Коцебу, который навлекъ себя негодованіе строго-нравственной, но политически заблуждавшейся университетской молодежи своими неблагоприятными донесеніями русскому двору о духѣ, господствующемъ въ Германіи, своими легкомысленными сочиненіями и особенно своимъ журналомъ, въ которомъ, служа поддержаніемъ властямъ и аристократическимъ привилегіямъ, онъ осыпалъ самую ядовитую насмѣшкой юношескіе порывы мечтателей перестроить посвоему весь свѣтъ. Допущенный къ Коцебу подъ предлогомъ вручить ему письмо отъ знакомыхъ, онъ вдругъ поразилъ его нѣсколькими ударами кинжала во время чтенія (23 марта 1819). Попытка его наложить руку и на себя осталась безуспѣшна. Излечась отъ ранъ, преступникъ Зандъ кончилъ жизнь на кровавой плахѣ въ Мангеймѣ.

Тогда-то состоялись Карльсбадскія постановленія (сент. 1819), которыя ограничили свободу печати предварительною цензурой, учредили слѣдственный судъ (центральную комиссію) въ Майнцѣ для подавленія «демагогическихъ проясковъ», воспретили такъ-называемое «всеобщее товарищество» (allgemeine Burschenschaft), основанное въ нѣмецкихъ университетахъ вѣкорѣ послѣ вартбургскаго торжества, воспретили и соединенныя съ нимъ гимнастическія учрежденія (Turnanstalten), поставили университеты подъ особенный надзоръ правительственныхъ лицъ и наконецъ сдѣлали постановленія союзнаго сейма безусловно обязательными для вѣхъ правительствъ. Въ то же время такъ-называемымъ Вѣнскимъ заключительнымъ актомъ (15 мая 1820) опредѣленъ ближе смыслъ 13-й статьи союзнаго акта и постановлено различіе между учрежденіемъ земскихъ сеймовъ (landständische Verfassung), ни мало не ограничивающимъ полномасштабнаго правительства, и основанною на началѣ народной власти представительною системою, чѣмъ хотѣли положить преграду рьяному демократизму южно-германскихъ чиновъ. Пруссія, на которую такъ долго надѣялись и уповали всѣ нѣмецкіе патриоты, выступила теперь первая съ реакціонными и враждебными народу мѣрами и дозволила вѣнской политикѣ распорядить ею какъ орудіемъ для самыхъ ненавистныхъ полицейскихъ услугъ. Такіе люди какъ Арндтъ, Янъ и друг., которыхъ слово и примѣръ имѣли въ

дни общей крайности неизвѣстную силу, были теперь вытребованы къ суду, какъ поощрители демагогическихъ проясковъ, лишены своихъ должностей и отдааны подъ надзоръ полиціи; благороднѣйшіе государственные люди и полководцы, — Вильгельмъ Гумбольдтъ, Бейме, Бойенъ и друг., удалились въ негодованіи отъ официальной жизни, предоставивъ управленіе людямъ застою, какому-нибудь Кампцу съ товарищи, которые засѣдали теперь въ королевскомъ совѣтѣ и находили себѣ опору въ нѣкоторыхъ ученыхъ политикахъ, передавшихъ католицизму и романтико-абсолютистскимъ началамъ, — въ Галлерѣ, Ярке, Филиппсѣ, да еще въ сотрудикахъ и друзьяхъ Берлинскаго «Политическаго еженедѣльника»¹. Такому настроенію той эпохи содѣйствовала знаменитая книга бернскаго уроженца К. Л. фонъ-Галлера († 1854): «Возстановленіе государственныхъ наукъ». — Съ тѣхъ поръ либеральная и аристократическая партія противустали другъ другу рѣзче и враждебнѣе. Торопливость и безразсудство, жадной къ новизнѣ, молодежи доставили реакціи побѣду надъ людьми постепеннаго, но надежнаго движенія впередъ. Единство Германіи прослыло мечтою; кто объявлялся въ его пользу, тотъ навлекалъ себѣ подозрѣніе въ демагогическихъ замыслахъ. Каждая изъ отдѣльныхъ державъ союза считалась за самостоятельное цѣлое и управлялась безъ всякаго соображенія съ общими интересами страны, и хотя въ то время немало состоялось хорошихъ мѣръ по части администраціи, судоустройства, церковнаго и училищнаго вѣдомствъ, но не сдѣлано почти ровно ничего для поддержанія національнаго чувства и любви къ отечеству. Таможенные сборы затрудняли торговые обороты смежныхъ государствъ, частные интересы отвлекали правительства отъ стремленія къ одной общей цѣли. Тогда разнеслась вдругъ вѣсть объ іюльскомъ переворотѣ во Франціи и сильно возбудила умы во всемъ Германскомъ союзѣ. Государя, опасаясь, чтобъ извѣстное желаніе Французовъ имѣть Рейнъ границею не привело опять къ войнѣ, съ безпокойствомъ сознали разладъ между народомъ и властями и воспѣшили справедливыми уступками отстранить общее недовольство, обнаружившееся возстаніями въ Саксоніи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Кургессенѣ и другихъ мѣстахъ. (Подробнѣе въ § 833 и слѣдующ.)

§ 793. Конституціонное устройство въ Германіи. Первый нѣмецкій государь, даровавшій своему краю конституцію, былъ

¹ Berliner Politisches Wochenblatt.

великій герцогъ Карлъ Августъ Саксенъ-Веймарскій (5 мая 1816), тотъ самый высокопросвѣщенный правитель, который нѣкогда собиралъ вокругъ себя лучшія красы нѣмецкой литературы и поэзіи. Одна палата или собраніе состоящее изъ владѣльцевъ дворянскихъ помѣстій, средняго сословія и крестьянъ, представляетъ собою всѣхъ гражданъ государства, пользуясь участіемъ въ законодательствѣ, съ правомъ инициативы или почина и съ правомъ отказа въ податяхъ, съ свободою печати и разными другими конституціонными преимуществами. Два года спустя (1818), Нассау выступилъ уже съ менѣ либеральною конституціей. Въ Вюртембергѣ новый представительный порядокъ водворился только послѣ долгой борьбы съ упорствомъ старовюртембергскихъ подданныхъ, которые непремѣнно хотѣли возстановленія своихъ прежнихъ чиновъ, обладавшихъ значительными правами. Только уже при наследникѣ Фридриха, Вильгельмѣ, новое государственное уложеніе состоялось послѣ того, какъ страхъ передъ карльсбадскими совѣщаніями принудилъ Старо-вюртембергцевъ отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія (сент. 1819).—Въ 1818 году введены сеймовыя конституціи также въ Баваріи королемъ Максимилианомъ Юсифомъ, и въ Баденѣ—великимъ герцогомъ Карломъ. Въ этихъ трехъ южногерманскихъ державахъ земское представительство состоитъ изъ двухъ палатъ,—первой (называемой въ Баваріи палатою государственныхъ совѣтниковъ), въ которой засѣдаютъ члены высшаго дворянства, представители обѣихъ національныхъ церквей и проч., и второй, составленной не прямымъ, а двухстепеннымъ выборомъ депутатовъ отъ народа. Весьма либеральная баденская конституція была послѣднею важною мѣрой великаго герцога Карла, умершаго еще въ томъ же году и оставившаго тронъ своему дядѣ Лудвигу. По кончинѣ этого малолюбимаго государя, съ благомыслящимъ и расположеннымъ къ народу Леопольдомъ I на престолъ вступилъ домъ Хохберговъ (отъ втораго брака Карла Фридриха). Притязанія Баваріи на Рейнскій Палатинатъ и на графство Шпонгеймъ были отвергнуты Ахенскимъ конгрессомъ.—Въ 1821 г. великое герцогство Гессенъ-Даршмтатское также получило конституцію подобно сосѣднимъ державамъ, только съ менѣ демократическою системою выборовъ.—Въ сѣверной Германіи введеніе представительнаго порядка было задержано или затруднено аристократіей до тѣхъ поръ, пока наступившія потомъ народныя волненія не вынудили правительства уступить требованіямъ эпохи.—Въ Ганноверѣ, на основаніи древнихъ уставовъ.

учрежденъ былъ общій земскій соборъ (allgemeine Landesversammlung), съ преобладающимъ вліяніемъ дворянства и чиновниковъ. При такомъ пословномъ представительствѣ данное ему участіе въ совѣщаніи о податяхъ и законодательныхъ мѣрахъ не много имѣло значенія. Такъ какъ положенныя депутатамъ подъемныя деньги (такъ называемыя діэты) падали на общины, то въ избѣжаніе издержекъ болѣею частью выбирали чиновниковъ, постоянно живущихъ въ столицѣ. Такая палата, дѣйствуя совершенно въ смыслѣ правительства, возбудила неудовольствіе въ угнетаемомъ налогами народѣ, такъ что въ Гёттингенѣ и другихъ мѣстахъ произошло нѣсколько возстаній; тогда, съ согласія Англійскаго короля, намѣстникъ его (герцогъ Кембриджскій) далъ наконецъ новую конституцію, съ расширенными политическими правами (1833). Но когда по смерти Англійскаго короля Вильгельма IV Ганноверъ достался его брату Эрнесту Августу (герцогу Кумберландскому), то новый правитель опять отмѣнилъ конституцію и возстановилъ прежнее земское устройство, съ тѣмъ же вліяніемъ аристократіи и чиновничества (§ 835).—Въ Брауншвейгѣ, въ малолѣтство родственнаго королевско англійскому дому герцога Карла (сыну павшаго подъ Ватерло), введенъ былъ регентствомъ такъ называемый «пересмотрѣнный земскій уставъ». Уложеніе это не понравилось герцогу; достигнувъ совершеннолѣтія, онъ дозволилъ себѣ разныя нарушенія земскаго устава, въ которомъ видѣлъ ограниченіе своихъ неотъемлемыхъ державныхъ правъ, и оказывалъ большое жестокосердіе къ краю и народу. Наконецъ притѣсненія его дошли до того, что жители столицы возмутились (1830), разорили дворецъ и вынудили герцога къ бѣгству. Правленіе принялъ братъ его Вильгельмъ и примирилъ смятенные умы исправленіемъ земскаго устава. Попытка изгнаннаго герцога возвратить себѣ утраченную власть силою, сокрушилась о стойкость возставшихъ гражданъ. Съ тѣхъ поръ герцогъ проживалъ въ Лондонѣ и поневолѣ ограничивался одними тщетными протестаціями¹.—Въ Мекленбургѣ, гдѣ крестьяне были еще крѣпостные, а средній классъ не имѣлъ никакого значенія, земское представительство также оставалось аристократическимъ и безъ законодательной власти.—Въ Саксонскомъ королевствѣ правилъ до 1847 г. кротко и правосудно многоиспытанный Фридрихъ-Августъ, съ содѣйствіемъ старинныхъ земскихъ чиновъ. Его преста-

¹ У него достало терпѣнія возобновлять ихъ ежегодно въ теченіе тридцати лѣтъ.

рѣлый братъ и преемникъ, Антонъ, былъ прямодушный, благомыслящій правитель; но его преданность католицизму приводила въ неудовольствіе лютеранскій народъ, а неосторожныя выходки полиціи и излишняя опека надъ народомъ со стороны правительства усилили раздраженіе и вызвали въ Лейпцигѣ, Дрезденѣ и другихъ городахъ мятежи, которые успокоились только въ то время, когда король назначилъ своимъ соправителемъ и преемникомъ любимаго народомъ племянника своего Фридриха Августа и когда этотъ далъ королевству новый земскій уставъ (Landgrundgesetz), начертанный имъ при содѣйствіи чиновъ края (сент. 1831). Король Антонъ умеръ въ 1836 г. — Въ Курфюрестѣ курфюреть по прежнему надѣлилъ солдатъ косами, а страну земскимъ устройствомъ, сохранившимъ отъ среднихъ вѣковъ: всё производства, состоявшіяся по гражданскому и военному вѣдомствамъ съ 1807 г., объявлены были недействительными, и всё покупки проданныхъ при французскомъ управленіи казенныхъ имуществъ, къ которымъ причтены и бывшія владѣнія Тевтонскаго ордена въ Марбургѣ и друг. мѣстахъ, принуждены возвратить прибрѣтенную ими собственность безъ всякаго вознагражденія; возстановлены старый общинный порядокъ, феодальное устройство, древнія права и титулы, и все, отъ главнаго до мелочи, перелачено на прежній ладъ; семь лѣтъ, протекшихъ отъ дней Іены и Ауэрштедта, хотѣли совершенно исключить изъ счета. За Вильгельмомъ I. богатымъ слугою маммону, слѣдовалъ сынъ его Вильгельмъ II (1821); при немъ произвольныя мѣры правительства, гнетъ полиціи и устраненіе всѣми любимой курфюретини графинею фонъ-Рейхенбахъ (Лессоницъ) до того раздражили тѣснимый налогами народъ, что наконецъ въ Касселѣ вспыхнуло возстаніе, и курфюреть былъ вынужденъ дать своему краю либеральную конституцію. Ненависть, обнаруженная вскорѣ потомъ народомъ къ графинѣ Лессоницъ, такъ глубоко оскорбила курфюрета, что онъ назначилъ соправителемъ сына своего, куриринца, а самъ съ графинею и своими сокровищами удалился изъ Гессена (1831). Съ тѣхъ поръ онъ жилъ то въ Баденѣ, то во Франкфуртѣ, гдѣ и умеръ 20 ноября 1847 г. — Саксонскія герцогства и большая часть мелкихъ державъ Германіи получили представительныя формы или чрезъ обновленіе прежнихъ земскихъ чиновъ или чрезъ водвореніе новыхъ конституцій.

4. Великобританія.

§ 794 Англійскія дѣла. Англія вышла изъ двадцати лѣтней борьбы могущественною и побѣдоносною. Она во многихъ славныхъ морскихъ бояхъ уничтожила флоты Испанцевъ, Французовъ, Голландцевъ и другихъ союзныхъ съ Франціей народовъ, а свои силы на морѣ довела до того, что никто не могъ оспорить у ней господства на этой стихіи; она расширила свои владѣнія въ Востъ Индіи, двинула впередъ Канаду, основала факторіи на западѣ и югѣ Африки, и въ Остъ-Индіи создала такое царство, которое объемомъ и населеніемъ далеко превосходитъ метрополию; благодаря смѣлымъ мореплавателямъ, каковы Кукъ и многіе другіе, она открыла изумленному міру далекіе острова и подчинила ихъ своему моредержавному скипетру. Славу и величіе могучаго острова приумножила даже полная превратностей сухопутная и морская война, которую во время русскаго похода и борьбы за освобожденіе отъ Наполеонова владычества, Британцы вели съ Сѣвероамериканскимъ союзомъ (1812—14), когда послѣдній, негодуя на стѣсненіе ими колониальной торговли, на злоупотребленія, какія позволяли они себѣ противъ Американцевъ, пользуясь своимъ превосходствомъ на морѣ, и на старанія ихъ изъ Канады возбудить Индѣйцевъ къ враждебнымъ нападеніямъ на союзныя области, объявили наконецъ Англій войну, чтобы избавиться отъ притѣсненій ихъ крейсеровъ, которые насильно захватывали матросовъ съ американскихъ купеческихъ судовъ. Тщетно надѣялись Американцы распространить и на Канаду власть союза, котораго предѣлы незадолго передъ тѣмъ расширили они Флоридою; если на морѣ они боролись и не безъ славы, зато ихъ сухопутныя войска далеко уступали британскимъ въ военномъ искусствѣ и опытности. Послѣ того какъ англійскій генералъ Россъ взялъ союзный городъ Вашингтонъ и разорилъ тамъ всё общественныя зданія, состоялся при посредничествѣ Россіи Гентскій миръ (24 дек. 1814), по которому все осталось какъ было до войны (status quo ante bellum), и Американцы обѣщали свое содѣйствіе къ устраниенію торга неграми. — Обладаніе Гибралтаромъ и Мальтою, покровительство надъ Іонійскими островами, свободный доступъ въ Дарданеллы — обезпечили Британіи послѣ Парижскаго мира господство на Средиземномъ морѣ и торговлю съ Левантомъ. Выгодные

торговые трактаты съ большею частію европейскихъ и американскихъ державъ доставили обширный рынокъ британской промышленности, достигшей подъ охраною свободныхъ государственныхъ установленийъ никогда невиданнаго успѣха. Своею прочно утвержденною конституціею, при свободѣ печати и слова, при точномъ разграниченіи правъ народа и короля, и своимъ укоренившимся въ жизни уваженіемъ передъ всякимъ признаннымъ закономъ, Англія возбуждала зависть другихъ націй. Но при высокомъ могуществѣ и процвѣтаніи во вѣкъ, государство было одержимо неспсѣлимыми язвами:

1. Между тѣмъ какъ малая часть народа накопляла немѣтныя богатства, огромное большинство впало въ самую страшную нищету. Дорогія сухопутныя и морскія войны, вмѣстѣ съ денежными вспоможеніями (субсидіями), которыя выдавались правительствамъ матерій Европы, довели національный долгъ почти до 900 милліоновъ фунт. стерл., такъ что ежегодные проценты составляли около 34 милліоновъ. Это тяжкое бремя долга, въ связи съ расточительнымъ содержаніемъ двора, подняли государственные расходы до такой степени, что ихъ можно было покрывать только постоянно возрастающими налогами на статьи торговли, жизненныя потребности, доходы, домъ и другую недвижимость. Отъ этого обѣднѣли мелкіе землевладѣльцы и некапитальные ремесленники: земли перешли въ руки богатыхъ дворянъ, умѣвшихъ приумножить свои доходы возвышеніемъ арендной платы и такъ-называемыми хлѣбными законами, которые не допускали ввоза иностранныхъ хлѣбовъ; промышленность досталась въ удѣлъ богачамъ-фабрикантамъ, которые задавливали всѣхъ менѣе богатыхъ громаднымъ расширеніемъ своихъ дѣлъ; такимъ образомъ исчезъ мало-по-малу классъ ремесленниковъ; ядро каждаго образованнаго народа, среднее сословіе, значительно сократилось въ объемѣ, тогда какъ число живущихъ день за день фабричныхъ работниковъ чрезвычайно возрасло. Тяжкіе налоги въ пользу бѣдныхъ, падавшіе на общины, и временныя пособія отъ правительства, были безсильны пособить страшной нищетѣ, тѣмъ болѣе что материкъ, научась во время континентальной системы пользоваться своими собственными силами, создалъ промышленность у себя дома и не представлялъ уже для англійскихъ товаровъ такого прибыльнаго рынка, какъ въ прежнія времена. Гнетомые голодомъ и нуждой, пролетаріи пытались много разъ возстаніями завоевать себѣ лучшую долю, но ихъ

противозаконныя предпріятія всегда оканчивались къ ихъ же собственному вреду. Безоружная толпа легко уступала военной силѣ; однакожь кровавая расправа съ манчестерскими инсургентами (1819) навлекла правительству сильный укоръ. Для подавленія угрожающихъ возстаній часто прибѣгали къ временной отпѣтѣ акта о личной свободѣ (Habeas Corpus, § 622), что, какъ мы видѣли, дѣлалъ уже много разъ и Питтъ.

2. Ирландія составляетъ и до сихъ поръ большую язву англійскаго государственнаго тѣла. Жестокости минувшихъ поколѣній положили между Англіею и Ирландіею такую бездну, которая постоянно дѣлала невозможнымъ полное единеніе двухъ племенъ, столь различныхъ по природѣ, вѣрѣ и учрежденіямъ. Недовольство Ирландцевъ, питаемое тайными сношеніями съ Франціей, не разъ грозило перейти въ открытій мятежъ; это принудило Англичанъ быть насторожѣ, и какъ они не хотѣли выполнить требованій Ирландіи, а ихъ уступки ея не удовлетворяли, то имъ оставалось только одно — подавлять броженіе умовъ строгостью. Двѣ вещи, порожденныя старою неправотою, особенно возбуждали ненависть ирландскаго народа, — жестокое обращеніе помѣщиковъ съ бѣднымъ сельскимъ людомъ, — помѣщиковъ, нѣкогда переселившихся изъ Англіи въ завоеванный сосѣдній островъ и надѣленныхъ конфискованными имуществами, и неестественный церковный порядокъ, вслѣдствіе котораго праздное англо-протестантское духовенство владѣетъ всѣмъ церковнымъ достояніемъ въ Ирландіи, между тѣмъ какъ католическій, живущій въ нищетѣ, народъ долженъ изъ послѣдняго содержать своихъ священниковъ, не имѣющихъ ни какого оклада. Противъ перваго изъ этихъ золъ мало было принято мѣръ во время аристократическаго управленія торіевъ, не заботившихся о страданіяхъ народа, а для поправленія церковнаго устройства въ Ирландіи, сколько ни старался о томъ Питтъ, не льзя было сдѣлать ничего важнаго при узкой религіозности короля Георга III. Только въ слѣдующее царствованіе совершенъ былъ великій шагъ къ примиренію — изданіемъ такъ-называемаго эманципаціоннаго акта (1829), допустившаго наконецъ ирландскихъ католиковъ въ англійскій парламентъ.

3. Дворъ и правительство. Послѣ тяжкой борьбы съ Наполеономъ для Англіи насталъ періодъ застоя: казалось, Англичане добровольно хотятъ отступить отъ трудно-пріобрѣтеннаго первенства.

Погрязшій въ наслажденіе и поблажку своимъ прихотямъ король Георгъ IV, который въ молодости держался оппозиціи, теперь отдалъ свое довѣріе холоднымъ, поспѣвшимъ въ Питтовой политикѣ торіямъ и отвернулся отъ своего народа и тѣломъ и душой. Народъ платилъ ему за то отвращеніемъ и ненавистью, особенно, когда первый же годъ своего самостоятельнаго правленія онъ ознаменовалъ тѣмъ, что началъ передъ палатою лордовъ неблаговидный процессъ о разводѣ съ своею женою Каролиною Брауншвейгскою, которая давно уже поневолѣ жила съ нимъ врознь. Королева умерла въ слѣдующемъ году (1821), и хотя ея нравы и образъ жизни не внушали къ ней уваженія, однакожь общее участіе и соболѣзнованіе народа сопровождали ее во гробѣ. Долголѣтній товарищъ Георга и представитель ложной и въроломной политики, лордъ Кастльрѣ, самъ наложилъ на себя руку въ припадкѣ силлина (12 авг. 1822). Это крайне потрясло короля, котораго душу бременилъ не одинъ грѣхъ молодости; съ тѣхъ поръ онъ очевидно сталъ чуждаться людей. Въ мрачномъ уединеніи проводилъ онъ послѣдніе годы своей жизни, въ теченіе которыхъ великій государственный мужъ, Каннингъ, сблизившійся съ началами давно удаленныхъ отъ государственнаго кормила виговъ, снова возвратилъ Британскимъ островамъ пріобрѣтенное ими первенство. Такъ какъ единственная дочь Георга IV, умная и любезная принцесса Шарлотта, въ супружествѣ за Леопольдомъ Кобургскимъ (нынѣ Бельгійскимъ королемъ), умерла въ молодости бездѣтною, то по смерти короля на тронѣ вступилъ братъ его, Вильгельмъ IV (26 іюня 1830), простой и прямодушный человекъ. При немъ состоялось наконецъ освобожденіе невольниковъ, котораго добивались столько лѣтъ Вильберфорсъ, Бѣкстонъ и другіе филантропы. Англія освободила невольниковъ въ своихъ колоніяхъ, опредѣливъ значительное вознагражденіе за убытки плантаторамъ и старалась съ того времени изо всѣхъ силъ побудить къ подобнымъ же мѣрамъ другія державы, и совершенно подавить торговлю неграми. По кончинѣ Вильгельма IV англійская корона досталась племянницѣ его Викторіи (20 іюня 1837), которая 10 февраля 1840 г. вступила въ супружество съ принцемъ Альбертомъ Кобургскимъ.

§ 705. Основаніе англійскаго господства въ Остѣ-Индіи. Въ Остѣ-Индіи торговая знать остъ-индской компаніи пошла путемъ завоеваній и, постепенно расширяя свои факторіи, пріобрѣла

себѣ державу, которая и объемомъ и многочисленностью далеко превзошла метрополию. Здѣсь эта новая аристократія явилась въ двойномъ качествѣ владыкъ и купцовъ. Ведя упорную борьбу противъ Французовъ за обладаніе побережьями верхне-индійскаго полуострова и его богатыми торговыми городами, они въ то же время устремили взоры на приганскіе края, особенно на богатый Бенгалъ, гдѣ уже со второй половины 17 вѣка компанія имѣла свои факторіи и свою вооруженную силу. Въ 1698 г. Калькутта возведена была въ президентство, укрѣплена заложениемъ форта Вильяма и расширена завоеваніями въ Деканѣ. Когда въ 18 вѣкѣ началось паденіе царства Великаго Могола кровавою борьбой съ Ма'раттами и нашествіемъ дикаго Надиръ-шаха персидскаго, который въ 1737 году разорилъ Дельги, то многіе намѣстники (субы и набобы) сдѣлались независимыми и покоренныя Монголами племена начали расторгать свои оковы. Это пришлось очень кетати для англійской компаніи, которая съяла раздоръ между намѣстниками, возбуждала ихъ къ войнамъ другъ противъ друга, и тѣхъ изъ нихъ, которые всего лучше могли служить британскимъ интересамъ, привязывала къ себѣ договорами. Хотя въ 1756 г. Бенгальскій набобъ, безчеловѣчный Сераджа Дауля, взявъ приступомъ фортъ Вильямъ, и захваченныхъ въ немъ плѣнныхъ уморилъ голодомъ и задушилъ въ такъ-называемой Черной пещерѣ; однакожь это возмутительное злодѣйство, стоившее въ одну ночь самой мучительной смерти 146-ти человекамъ, отчасти помѣшавшимся отъ страха и отчаянья, только ускорило паденіе туземныхъ владѣльцевъ. Предпріимчивый губернаторъ остъ-индской компаніи, Клейвъ, поспѣшилъ изъ Мадраса на помощь соотечественникамъ, отразилъ набоба и снова занялъ Калькутту. Послѣ девятилѣтней упорной борьбы между британскою компаніей и индійскими князьями первая заключила съ Великимъ Моголомъ договоръ (1765), по которому за ежегодную пенсію въ милліонъ фунт. стерл. пріобрѣла отъ него верховныя права надъ Бенгаломъ и съ тѣхъ поръ вполне обладала этою обширною и богатою страной. Однакожь, при алчности къ наживѣ самой компаніи, ея губернаторовъ и агентовъ, управленіе англійскихъ купцовъ стало притѣснительно и пагубно для края. Народъ объединилъ отъ тяжкихъ вымогательствъ этихъ жестокосердыхъ владыкъ, которые для умноженія своихъ барышей превратили наследственную аренду земель въ погодную, обезпечили себѣ право исключительной продажи соли, опиума и другихъ необхо-

димыхъ потребностей и ежегодно выжимали такимъ образомъ изъ несчастной страны несмѣтныя суммы денегъ. Такое притѣснительное господство могло поддерживаться и расширяться только силою оружія; но какъ не было возможности добыть изъ Европы достаточное число войскъ, то приступили къ несовѣтмъ благонадежному средству составлять армію изъ туземцевъ, что однакожь сверхъ всякаго чаянія долго имѣло необыкновенный успѣхъ. Принудивъ короля Аудскаго къ уступкѣ области Бенареса и улучшивъ (1773) администрацію страны, управляемой четырьмя губернаторами подъ верховнымъ вѣдѣніемъ директоровъ компаніи (— улучшивъ именно тѣмъ, что бенгальскій губернаторъ возведенъ былъ въ генералъ-губернаторы всѣхъ британскихъ владѣній, съ предоставленіемъ ему высшей гражданской и военной власти, которою завѣдывалъ онъ при содѣйствіи мѣстнаго верховнаго совѣта—), компанія начала войну съ храбрымъ и умнымъ Гайдеромъ-Али, султаномъ Майсурскимъ, которая однакожь вскорѣ окончилась миромъ, постановившимъ возвращеніе сдѣланныхъ завоеваній и свободу торговыхъ связей между сопротивными сторонами. Въ то время, какъ Англія затанулась въ сѣвероамериканскую войну и жестокосердый, но крайне энергическій Варренъ-Гастингсъ, въ качествѣ генералъ-губернатора, беспощадно высасывалъ индійскія владѣнія систематическимъ гнетомъ (какъ некогда Верресъ Сицилію), ость-индская компанія затѣяла неправую завоевательную борьбу съ междоусобствующими государствами Ма'раттовъ. Гайдеръ-Али, подстрекаемый совѣтами и помощью Французовъ, примкнулъ къ Ма'раттамъ и совершилъ страшное вторженіе въ Карнатикъ. Вскорѣ поднялась вся Индія, потому что компанія только ужаснѣйшими вымогательствами успѣвала собирать огромныя суммы, необходимыя для покрытія военныхъ издержекъ и расходовъ по управленію. Тогда британское владычество въ Индіи сильно пошатнулось. Но хитрой расчетливости Англичанъ удалось раздѣлить союзниковъ и привести Ма'раттовъ къ миру и торговому договору въ то самое время какъ Гайдеръ-Али умеръ, а царствомъ и войною наслѣдовалъ сынъ его, Типпо-Сагибъ, равный по способностямъ отцу и раздѣлявшій его образъ мыслей (1782). Такъ какъ Французы покинули его со времени Версальскаго мира, то и онъ принужденъ былъ наконецъ мирнымъ трактатомъ Манганлорскимъ (1784) предоставить Англичанамъ свободу торговли и обезопасить владычество дер-

жавныхъ кушцовъ возвращеніемъ имъ всѣхъ своихъ завоеваній. Не смотря на всѣ притѣсненія Варренъ-Гастингса (который, по возвращеніи своемъ въ Англію, долженъ былъ выдержать за это съ 1787 по 1795 г. передъ палатою лордовъ знаменитый процессъ, и оправданный отъ взведенныхъ на него обвиненій, былъ однакожь приговоренъ къ уплатѣ огромныхъ судебныхъ издержекъ), эта война не только поглотила всю прибыль компаніи, но и повергла ее въ такіе долги, что она не въ состояніи была исполнить своихъ обязательствъ передъ правительствомъ и должна была вступить къ нему въ зависящее отношеніе. На основаніи ость-индскаго билля, внесеннаго Питтомъ (1784), дирекція общества подчинена была контролю особой правительственной комиссіи во всемъ, что касается территориальнаго управления по политическимъ, военнымъ и финансовымъ дѣламъ; правительству предоставлялось право замѣщать важнѣйшія административныя должности по своему усмотрѣнію, и страна, раздѣленная на три единообразно устроенныя президентства, подчинялась одному общему генералъ-губернатору; но торговыми дѣлами завѣдывала исключительно сама компанія. — Въ 1790 г. у Типпо-Сагиба съ Англичанами вспыхнула новая война, которая, благодаря искусству и храбрости Корнваллиса и Аберкромби, шла такъ выгодно для Англичанъ, что индійскій государь принужденъ былъ уступить имъ половину своего царства и заплатить огромное вознагражденіе (1792). Могущество Французовъ во время революціи наполнило Типпо-Сагиба надеждой воротить свои потери съ французской помощью. Онъ вступилъ въ союзъ съ Персіей и взялся за мечъ въ то самое время, какъ Бонапартъ высадился въ Египтѣ. Никогда британское господство не подвергалось такой опасности. Но энергія и быстрота Англичанъ обратила опасность въ торжество и рѣшительную побѣду. Несчастный Типпо-Сагибъ утратилъ въ кровопролитной войнѣ и престолъ и жизнь. При взятіи столицы его, Серингапатама, подъ развалинами которой онъ погибъ (1799), Англичанамъ дастались въ добычу цѣлыя сокровища; большую часть завоеванной державы присоединили они теперь къ своимъ владѣніямъ, а надъ остальными ея землями поставили данника-раджу. — Во время войны съ Наполеономъ Британцы расширили свое царство въ Индіи завоеваніемъ французскихъ и голландскихъ колоній и совершеннымъ покореніемъ набобовъ, которыхъ до тѣхъ поръ щадили какъ союзниковъ; такъ что наконецъ одни Ма'ратт-

скіе князья остались могучими соперниками Англичанамъ. Съ Мараттами, которые владѣли еще остатками нѣкогда разрушеннаго ими Монгольскаго царства, велись, начиная съ 1803 г., кровавыя войны, при чемъ одно владѣніе за другимъ становилось добычею Британцевъ. Имъ въ руки достался Дельги, и самъ Великій Моголь сталъ въ полную отъ нихъ зависимость. Предположенный союзъ всѣхъ ма'раттскихъ владѣній, на погибель могущественной компаніи, былъ разстроенъ быстрою рѣшительностью Англичанъ и привелъ къ совершенному покоренію Ма'раттовъ (1817), такъ что съ тѣхъ поръ британское господство въ Остъ-Индіи простерлось отъ Гималаи до Цейлона, и отъ Инда до Иравадди, обнимая собою пространство въ 140,000 квадратн. миль съ болѣе чѣмъ 120-ю милліонами подданныхъ, платящихъ налоги, и 50-ю милліонами такихъ, которые платятъ дань. Въ дальнѣйшихъ своихъ завоеваніяхъ Англичане встрѣтили себѣ храбрыхъ противниковъ въ вольнолюбивомъ горскомъ народѣ Сейкахъ, которыхъ имъ удалось подчинить своему господству только послѣ продолжительныхъ войнъ (§ 832). Индо европейская торговля была съ тѣхъ поръ открыта правительствомъ для всѣхъ вообще Британцевъ, но китайская оставалась монополіей остъ-индской компаніи до совершенной отмены ея привилегій (1858). — Въ управленіи, судоустройствѣ и взываніи податей принимались благовременно реформы, смягчавшія суровость прежняго порядка администраціи. Правительство назначало прямо отъ себя только генераль-губернатора и главнокомандующаго войскомъ; остальные чиновники опредѣлялись директоріей остъ-индской компаніи съ утвержденія генераль-губернатора. Компанія пользовалась правомъ собственнаго управленія, подлежа только въ важныхъ дѣлахъ контролю королевскихъ комиссаровъ. Введеніемъ христіанства съ помощію миссій старались сблизить туземцевъ съ европейскимъ образованіемъ и вмѣстѣ съ древнею религіею вытѣснять мало по малу господствующее тамъ духовное рабство и разные безчеловѣчныя и беззавѣтные обычаи.

5. Борьба Греціи за свободу.

§ 796. Священная дружина Ипсиланти. На Лайбахскомъ конгрессѣ (января 1821) монархи и министры получили первую вѣсть о возстаніи Грековъ. Обстоятельство это подало князю Мет-

терниху поволь приравнять греческое движеніе къ современнымъ происшествіямъ въ Испаніи, Неаполѣ и Сициліи и тѣмъ самымъ удержать императора Александра отъ всякаго пособія возставшимъ.

Уже нѣсколько лѣтъ существовалъ въ Греціи далеко развѣтвленный союзъ, гетерія, котораго тайною цѣлью было отдѣленіе отъ Турціи. Основателемъ его былъ Каподистрия Грекъ, родомъ изъ Корфу, состоявшій въ русской арміи; храбростію заслужилъ онъ чинъ полковника, и, находясь при особѣ императора Александра на Вѣнскомъ конгрессѣ, ходатайствовалъ тамъ объ освобожденіи Греціи. Надежда на русскую помощь, которой счелъ онъ себя въ правѣ положительно ожидать, и очевидная слабость Порты (которая не могла принудить къ повиновенію ни отложившагося отъ нея Али-пашу янинскаго, ни пашу египетскаго, дѣйствовавшего самостоятельно и полновластно) ускорили взрывъ возстанія. Служившій подобно Каподистрии въ русской арміи, молдавскій дворянинъ Ипсиланти, сынъ казненаго Турками въ 1805 г. Валахскаго господаря, выступилъ въ своемъ отечествѣ освободителемъ и возстановителемъ греческаго народа и призывалъ его къ сверженію турецкаго ига, обнадеживая помощію со стороны Россіи. Въ короткое время вооружились Морея (Пелопоннесъ), Ливадія (Эллада), Фессалія и греческіе острова (мартъ 1821 г.). Турки выходили изъ себя отъ бѣшенства и платили возставшимъ кровавою мезью. Глава греческой церкви, константинопольскій патріархъ, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія былъ исторгнутъ изъ алтаря неистовыми могаммеданами и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ епископовъ повѣшенъ у главныхъ воротъ храма; большая часть греческихъ семействъ въ столицѣ (Фанаріоты) погибли насильственной смертью или удалились въ изгнаніе съ нищенскою сумой. Священная дружина Грековъ подъ начальствомъ Ипсиланти была побѣждена превосходными турецкими силами въ Валахіи и совершенно уничтожена въ отчаянномъ бою при Драгашанѣ (19 іюня 1821 г.), гдѣ каждый изъ нихъ сражался геройски, какъ Леонидъ. Ипсиланти убѣжалъ въ Австрію, но долженъ былъ томиться цѣлые годы въ одной изъ венгерскихъ крѣпостей. Паденіе веледушныхъ бойцовъ доказало ясно, что ими владѣлъ совсѣмъ не тотъ шаткій духъ, какимъ отличались подвижники свободы въ Испаніи и въ Италіи, хотя вождь священной дружины, Ипсиланти, по суетности и слабости характера, и оказался неспособнымъ играть великую роль освободителя роднаго края.

§ 797. Борьба Греціи до паденія Миссолонги. Истребленіе греческаго населенія стало теперь лозунгомъ жаждущихъ мести Османовъ. Неслыханные ужасы изобрѣтались ими и приводились въ исполненіе. — Въ Морей, подъ предводительствомъ Мавромихали и Колокотрони, возстали дикіе, воинственные Майноты Таигетскаго хребта, сыны древней Спарты; остальные жители вскорѣ послѣдовали ихъ примѣру и побѣдоносно гнали передъ собою Турковъ, руководимые братомъ Александра Ипсиланти, Димитріемъ, который настаивалъ на веденіи правильной войны (окт. 1821); Наварино и Тряполица достались имъ въ руки. Въ то же время со славою и успѣхомъ бились Греки въ Ливадіи и на островахъ; мужество ихъ напоминало доблестныя дѣла ихъ предковъ, какъ бы ни скудно текла эллинская кровь въ жилахъ новогреческаго народа. Съ участіемъ и изумленіемъ смотрѣли Европейцы на гигантскую борьбу и спѣшили посредствомъ филеллинскихъ обществъ собирать денежныя пособія и военныя силы для поддержанія мужества бойцовъ, которые въ началѣ 1822 г., подъ руководствомъ Ипсиланти и Маврокордато, соединились въ правильно устроенную республику. Да и можно ли было оставаться равнодушнымъ, когда дѣло шло о томъ, чтобъ отстоять образованность и христіанство противъ грубаго варварства? Западные народы на дѣлѣ показали, что ученія любви и христіанской человѣчности пустили въ нихъ глубокіе корни и сдѣлали сердца ихъ доступными даже страданіямъ чужихъ племенъ. Въ то время какъ державы, заключившія священный союзъ, представляли христіанскій народъ на жертву ватагамъ невѣрныхъ душегубцевъ, въ то время какъ даже великодушнѣйшій изъ монарховъ скрѣпя сердце отказывалъ притѣсненнымъ въ своей помощи, дружины иноземныхъ филеллиновъ шли въ древнюю отчизну европейской образованности (1822) подъ начальствомъ вюртембергскаго генерала Нормана (который палъ жертвою климата въ слѣдующемъ же году); славный англійскій поэтъ, лордъ Байронъ, посвятилъ дѣлу Греціи свой талантъ, свое состояніе и свою энергію, но климатъ и напряженная дѣятельность скоро прекратили его жизнь (19 апр. 1824); богатый Женевецъ Эйнаръ споспѣшествовалъ борьбѣ Эллиновъ за независимость большими денежными средствами. — Не смотря на разногласіе и себялюбіе вождей, до 1825 года побѣда была большею частію на сторонѣ Грековъ, и казалось, что на убитыхъ кровью и опустошенныхъ стогнахъ ихъ родины возникнетъ свободная и независимая христіанская держава съ благоустро-

еннымъ правленіемъ. Какъ вдругъ Османы приобрѣли себѣ могучую опору въ Мегеметъ Али, который учредилъ въ Египтѣ на развалинахъ мамелюкскаго владычества начатки государственнаго порядка и военную силу по европейскому образцу и теперь, по желанію султана, отправилъ въ Пелопоннесъ сына своего Ибрагима съ значительною, хотя и очень смѣсною, арміей. Малыя, неладившія между собою дружины Грековъ никакъ не могли устоять передъ благоустроенною арміей привыкшаго къ побѣдѣ египетскаго полководца; городъ за городомъ переходилъ въ его руки; черезъ потоки крови, трупы и пожарища шагали Ибрагимъ и его безчеловѣчныя полки. Начиная отъ крѣпкой Триполицы, которую они избрали себѣ опорнымъ пунктомъ, весь Пелопоннесъ и берега Ливадіи два года сряду подвергались страшному разгрому. Города и деревни были превращены въ пепель, тѣла и оторванные члены убитыхъ валялись кругомъ безъ погребенія, на добычу собакамъ и хищнымъ звѣрямъ; церкви разрушались до основанія, священниковъ предавали мучительнѣйшей смерти. Тогда то паденіе Миссолонги (22 апр. 1826 г.) пробудило наконецъ отъ бездѣятельности европейскіе кабинеты, ограничивавшіеся до тѣхъ поръ одними дипломатическими представленіями, на которыя мало обращалось вниманія. Дѣло въ томъ, что когда оказалось невозможнымъ долѣе оборонять Миссолонги, то осажденные герои отважились на одну общую вылазку противъ напирющаго непріятеля, всѣ поголовно съ женами и дѣтьми; третья часть ихъ была перебита, городъ сожженъ до тла, а всѣ оставшіеся на мѣстѣ — погибли подъ его развалинами.

§ 798. Исходъ греческаго возстанія. Не задолго до этого быстро и неожиданно скончался въ Таганрогѣ императоръ Александръ (1 дек. нов. или 19 ноября стар. ст.), и такъ какъ старшій по немъ братъ, цесаревичъ Константинъ, заранѣе отказался отъ престола, то скипетръ перешелъ ко второму брату Николаю I, по подавленіи имъ военнаго заговора. Въ Англіи кормило правленія находилось въ искусныхъ рукахъ благороднаго Каннинга, который и въ зрѣлой порѣ не забылъ заветныхъ грезъ своей юности и одушевленія къ свободѣ Грековъ; во Франціи правительство также сочло необходимымъ сдѣлать нѣкоторую уступку громкимъ воплямъ филеллинской оппозиціи, тѣмъ болѣе, что въ то самое время образованная Европа приведена была въ ужасъ безчеловѣчіемъ Турковъ, узнавъ о кровавомъ истребленіи строптивыхъ янычаръ.

при чемъ 15,000 мусульманъ погибло за одинъ разъ насильственной смертью. По предложенію Каннинга, Англія, Франція и Россія заключили между собою договоръ, въ которомъ обязались общими мѣрами побудить Порту къ освобожденію Грековъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Соединенный флотъ явился въ морейскихъ водахъ и потребовалъ отъ Ибрагима очищенія полуострова; отказъ въ этомъ требованіи повлекъ за собой морскую битву подъ Навариномъ (20 окт. 1827 г.), въ которой турецко-египетскій флотъ былъ совершенно уничтоженъ европейскимъ. Рѣшеніе состоялось такъ быстро, что союзныя правительства сами смутились «неожиданнымъ событіемъ». Поэтому то Наваринское сраженіе и осталось безъ послѣдствій: общественный голосъ въ Англіи, всегда больше озабоченной своею торговлей, такъ сильно возставалъ противъ всякой войны съ Портою, что по смерти Каннинга англійскій кабинетъ сталъ опять склоненъ къ турецкимъ интересамъ и удержался отъ дальнѣйшихъ непріязненностей. Ободренный этимъ, упорный и раздражительный султанъ Магмудъ настаивалъ въ своемъ намѣреніи не освобождать Греціи и такъ строптиво относился по этому поводу къ Россіи, что послѣдняя была вынуждена объявить ему войну. Это значительно подняло надежды Грековъ. Между тѣмъ какъ силы Османовъ должны были двинуться изъ Ливадіи въ Дунайскія земли, высадка французскихъ войскъ принудила наконецъ Ибрагима очистить Морею, влѣдствіе чего Каподистрія былъ избранъ президентомъ Греческой республики. Сильные подвиги Русскихъ, перешедшихъ подъ начальствомъ Дибича (Забалканскаго) Балканы 10—22 іюля нов. ст. 1829) и побѣдоносно проникшихъ до Адрианополя, ¹ вынудили наконецъ Порту принять посредничество другихъ державъ и по Адрианопольскому миру (2—14 сент. 1829 г.) во-первыхъ предоставить русскимъ право судоходства по Дунаю и въ Дарданеллахъ и право покровительства надъ Сербіею, Молавіею и Валахіею, а во вторыхъ признать независимость Греціи. Но долго не могли согласиться насчетъ границъ этой державы, и уже готова была вспыхнуть новая война (причемъ адмиралъ Міаули взорвалъ на воздухъ греческій флотъ, чтобъ только не отдать его въ чужія руки, 13 авг. 1831). Это побудило Лондонскую конференцію расширить перво-

¹ Несмотря на огромныя потери, понесенныя отъ чумы, непривычныхъ климатическихъ условій и скуднаго продовольствія.

начальныя границы и изъ объявленныхъ независимыми областей (Мореи, Ливадіи, части Фессаліи, Эвбеи и Цикладовъ) составить конституціонное королевство, надъ которымъ королемъ поставленъ былъ Оттонъ I, изъ Баварскаго дома (7 мая 1832 г.), такъ какъ подозрѣваемаго въ своекорыстныхъ видахъ Каподистрію умертвили между тѣмъ братья Мауромихали. Западные народы, которые въ своемъ восторгѣ къ обновленію Греціи, ожидали совершеннаго вытѣсненія изъ Европы враждебныхъ христіанству Османовъ, сильно разочаровались этимъ неудовлетворительнымъ исходомъ столь долгой и кровавой борьбы ¹. Даже островъ Самосъ достался опять Туркамъ (1834 г.).

6. Бельгійская революція и возстаніе Польши.

§ 799. Нидерланды. Священный союзъ съ трудомъ успѣвалъ поддерживать въ теченіе пятнадцати лѣтъ порядокъ дѣлъ, установленный на Вѣнскомъ конгрессѣ. Какъ вдругъ извѣстіе объ іюльской революціи въ Парижѣ возбудило въ сердцахъ всѣхъ недовольныхъ желаніе и надежду скорой переменъ. Примѣръ Французовъ прежде всего нашелъ себѣ подражаніе въ сосѣдней, родственной по языку Бельгіи, которая, не смотря на разность своихъ естественныхъ свойствъ, религіи, языка и интересовъ, соединена была съ голландскими провинціями въ одно королевство Нидерландовъ.

Голландцы считали себя господствующимъ племенемъ и не только принудили Бельгійцевъ участвовать въ своемъ огромномъ государственномъ долгѣ и происходящемъ отъ того бремени податей, но и старались навязать имъ свой языкъ и свои законы, даже обученіе католическаго народа поставили подъ надзоръ протестантскихъ вѣдомствъ; поэтому естественно, что въ брабантскихъ и фландрскихъ областяхъ образовались партіи недовольныхъ и самые журналы приняли противъ Голландіи враждебный тонъ. Твердый, даже до упорства, король Вильгельмъ I, надѣялся обуздать духъ оппозиціи строгостью противъ печати, наказывая редакторовъ денежными пенями, тюрьмою и изгнаніемъ; но этимъ онъ только умножилъ число своихъ противниковъ. Француз-

¹ Такой исходъ объясняется во-первыхъ сильнымъ недоверіемъ Англіи и Австріи къ успѣху русскаго могущества на Востокѣ, а во-вторыхъ тѣми новыми опасеніями, которыя возбудила въ консервативной политикѣ гроза іюльской революціи и дѣлаго ряда связанныхъ съ нею событій.

ско либеральная партія, требовавшая отмены журнальных стеснений и голландскаго бюрократизма, введенія въ суды присяжных и водворенія свободной политической жизни, и состоявшая въ связи съ главами парижской оппозиціи, вступила въ неестественный союзъ съ католико-ультрамонтанскою партіей (желавшей освободить учебную часть отъ государственнаго надзора и совершенно передать народное образованіе въ руки духовенства) только для того, чтобы составить общую національную оппозицію правительству; недовольство гнетомъ податей и стесненіемъ торговли давало сильную опору этому недоброму союзу, котораго дѣйствія король въ одной тронной рѣчи заклеилъ названіемъ «безсовѣстныхъ» (infames).

Разладъ и взаимное негодованіе достигли уже высшей степени, когда въ Брюссель пришла вѣсть объ июльскихъ событіяхъ и охватила огнемъ цѣлый край. Вечеромъ 25 августа, послѣ представленія оперы «Нѣмая въ Португалии», народныя толпы разорили типографію одной газеты, издаваемой въ голландскомъ духѣ, дворецъ ненавистнаго министра юстиціи и домъ директора полиціи; въ слѣдующій день они простерли свою ярость на нѣкоторыя фабричныя заведенія. Для удержанія черни отъ дальнѣйшихъ опустошеній составила гражданская гвардія или стража: комитетъ мѣстныхъ гражданъ принялъ на себя правительственную власть; черезъ нѣсколько дней въ цѣлой Бельгіи развѣвалось уже брабантское знамя. Но эти мѣры, принятыя лучшею частію народа, отнюдь не удовлетворяли коноводовъ демократико-республиканской и ультрамонтанской партій; съ помощію черни захватили они въ свои руки верховную власть и передали главное управленіе смѣсному комитету изъ радикаловъ и папистовъ. Тогда Голландцы, въ надеждѣ на помощь значительнѣйшихъ гражданъ, произвели нападеніе на Брюссель вооруженною силою, но послѣ упорнаго боя, сопровождавшагося кровопролитіемъ и разореніемъ, были принуждены отступить къ Антверпену. Тщетно принцъ Оранскій склонялъ Бельгійцевъ положить оружіе, обѣщая имъ независимое управленіе подъ своимъ регентствомъ; раздраженіе противъ Голландіи и самонадѣянность упоенной побѣдою столицы были таковы, что не допускали никакого примиренія. Совершенное отдѣленіе отъ Голландіи было главною цѣлью Бельгійцевъ, которые двинулись теперь къ Антверпену, чтобы отнять у ненавистнаго сосѣда и этотъ городъ. Тогда рѣшительный голландскій генералъ Шассе заперся въ крѣпкую цитадель и изъ 300 пушекъ семь часовъ сряду бомбардировалъ несчастный городъ, потерявшій при этомъ

многіе милліоны въ товарахъ, истребленныхъ огнемъ. Это событіе устранило всякую возможность къ полюбовной сдѣлкѣ, и естественнымъ слѣдствіемъ общаго раздраженія было то, что составленный подъ руководствомъ Поттера національный конгрессъ рѣшительно постановилъ независимость Бельгіи и исключеніе Оранскаго дома отъ бельгійскаго престола (ноябрь 1830). Но какъ большинство желало конституціонной монархіи, то Поттеръ, стремившійся къ республиканской формѣ, сложилъ съ себя все званія и удалился въ Парижъ. Тогда пять великихъ державъ сошлись между собой на конференцію (совѣщаніе) въ Лондонѣ, гдѣ послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ, въ которыхъ, какъ представитель интересовъ юльскаго правительства, участвовалъ и старецъ Галлейранъ, признана была независимость Бельгіи и опредѣлены границы этого края съ Голландіей. Король Вильгельмъ нажилъ себя между европейскими государями многихъ враговъ терпкостью своего тона и своимъ софистическимъ толкованіемъ того постановленія Вѣнскаго конгресса, по которому Рейнъ былъ объявленъ свободнымъ вплоть до моря (jusqu' à la mer): король Нидерландскій утверждалъ, будто это постановленіе ни сколько не противорѣчитъ собранію пошлинъ при самомъ устьѣ рѣки (то есть въ морѣ). Тѣмъ менѣе Лондонская конференція расположена была замедлить признаніемъ независимости Бельгіи и чрезъ то еще болѣе усилить волненіе, господствовавшее во всей западной Европѣ. Поэтому было рѣшено (11 іюня 1831), чтобы бельгійскую корону возложилъ на себя родственникъ королевско-англійскому дому принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій, вскорѣ потомъ вступившій во второй бракъ съ одною изъ французскихъ принцессъ, и примирилъ съ собою либераловъ дарованіемъ свободной представительной конституціи, а католическое духовенство—полною независимостью церкви отъ государства. Тщетно повторили теперь Голландцы свою попытку силою принудить отложившихся къ покорности. Не смотря на храбрость сухопутныхъ войскъ и на мужество флота (ванъ-Спайкъ), они должны были отступить, когда англійскія морскія силы стали угрожать берегамъ Голландіи, а французская армія подъ начальствомъ генерала Жерара пришла на помощь Бельгійцамъ и вырвала Антверпенскую цитадель изъ рукъ мужественнаго Шассе (24 дек. 1832 г.). Но еще долго длился споръ за границы, пока наконецъ сошлись и въ этомъ отношеніи.

§ 800. Польша (Сравни § 775). Благополучный исходъ французской и бельгійской революцій ободрилъ къ возстанію Польшаковъ. Память

о прежнемъ союзѣ съ Франціей, о подъятыхъ вмѣстѣ подвигахъ и страданіяхъ подъ знаменами Наполеона не угасла тамъ точно такъ же, какъ и воспоминаніе о быломъ величіи Посполитой рѣчи; и если послѣднимъ поддерживалось національное чувство и желаніе возстановить независимость отечества, то первая давала надежду на помощь со стороны сочувствующихъ Французовъ. Несомнѣнно, что подъ русскимъ владычествомъ Польша стала цвѣтуще, нежели при старой анархіи, особенно подъ кроткою державой великодушнаго императора Александра, котораго либеральныя начала выразились въ польской конституціи, данной имъ по личному побужденію, къ явной досадѣ австрійскаго и прусскаго дворовъ. Политическій порядокъ новаго царства, обставленный сеймами, предусмотрительною администраціей, безпристрастнымъ судомъ, правильнымъ хозяйствомъ и національнымъ вооруженіемъ, доставлялъ народу благоустроенную свободу; промышленность сильно двинулась впередъ, поднялась литература, хорошія дороги облегчили сообщенія, торговля и фабрики распространили общее благостояніе, науки и искусства нашли себѣ ревностную воздѣлку; въ городахъ образовался почтенный и зажиточный средний классъ, между помѣщикомъ и крестьяниномъ установились лучшія, на личной свободѣ основанныя отношенія. И не смотря на все это русское владычество встрѣчало себѣ многихъ противниковъ въ вышемъ кругу, между служащими по гражданской и военной части; составила мало по малу сильная оппозиція, сначала проявившаяся въ журналахъ и на сеймѣ (съ 1819), а потомъ, когда правительство ввело наконецъ цензуру и воспретило гласность сеймовыхъ совѣщаній (1825), оппозиція перешла въ тайныя общества, подобныя существовавшимъ тогда во всей южной Европѣ (въ Испаніи, Италіи, Греціи и другихъ странахъ); ими она поддерживалась и распространялась. Далеко развѣтвленный тайный союзъ старался возбуждать вездѣ національное чувство, подстрекать умы къ возстановленію Польши въ прежнемъ ея объемѣ, съ прежнею свободой и независимостью (какъ будто свобода и независимость дѣйствительно существовали въ старой Польшѣ!). Члены союза обязывались присягою «употреблять все силы для возрожденія несчастной, но любимой матери, и не щадить на это ни достоинства, ни жизни». Напрасно благодушный императоръ, въ своихъ рѣчахъ при открытіи и закрытіи сейма, предостерегалъ его отъ революціонныхъ козней и запретилъ всякія тайныя общества, въ томъ числѣ и масонскій орденъ; возростающая во Франціи оппозиція противъ реставрированныхъ Бурбоновъ наполняла революціонную партію въ Польшѣ преувеличенными надеждами, утверждала ее въ за-

вѣтныхъ мысляхъ и стремленіяхъ, приращала ея численность и усиливала вліяніе. Тайныя общества недовольныхъ размножались съ каждымъ днемъ; воображеніе молодежи въ школахъ и университетахъ наполнялось грезами о древнемъ величіи и блескѣ польской державы; писатели и поэты, какъ Лелевель, Нѣмцевичъ и друг., затрогивали и возбуждали чувство національности; молодые офицеры, недовольные строгой дисциплиной военнаго губернатора Варшавы, великаго князя Константина Павловича и подстрекаемые внушеніями восторженныхъ коноводовъ, Уминскаго, Кржыжановскаго и друг., составляли также тайныя братства, простершія свои отрасли отчасти даже въ русскую армію. Обнаруженіе такого враждебнаго настроенія быть-можетъ ускорило кончину императора Александра. Онъ угасъ, сокрушаясь сердцемъ, далеко на восточной окраинѣ Европы (1 дек. н. ст. 1825). Судебное изслѣдованіе, которое послѣ подавленнаго въ Петербургѣ военнаго мятежа (§ 798) было распространено и на членовъ тайныхъ польскихъ обществъ, кончилось тѣмъ, что обвиненныхъ оправдалъ польскій сенатъ (1826), дѣйствовавшій подъ вліяніемъ революціоннаго настроенія въ народѣ. Такой исходъ произвелъ неблагоприятное впечатлѣніе на императора Николая и естественно внушилъ ему глубокое недовѣріе къ тамошнему порядку дѣлъ. Мѣры для обузданія стремленій къ независимости, принимаемыя великимъ княземъ Константиномъ, уже въ качествѣ намѣстника, при господствовавшемъ тогда настроеніи только еще болѣе раздражали народъ, постоянно возбуждаемый тайными обществами и заговорами. Недовольные магнаты въ свою очередь поддерживали національныя стремленія: таковъ былъ богатый князь Адамъ Чарторыскій, который, проихождая отъ Ягеллоновъ, унаслѣдовалъ отъ своего дома антирусское направленіе, и бывъ нѣкогда довѣреннымъ лицомъ при императорѣ Александрѣ, самъ надѣялся намѣстничествовать въ Польшѣ; таковъ былъ вліятельный и дѣятельный въ Литвѣ графъ Платеръ и друг. Но при разрозненности интересовъ и цѣлей отдѣльныхъ коноводовъ движенія и при затруднительномъ положеніи царства среди трехъ могущественныхъ самодержавныхъ государствъ, Поляки едва ли бы сошлись между собою и отважились на общее предпріятіе, еслибъ вѣсть объ іюльской революціи не бросила искру въ накопившейся горючій матеріалъ и не побудила впечатлительное племя къ быстрому, внезапному возстанію, отнявшему всякую возможность осмотрѣться, одуматься и обсудить затѣваемое дѣло. Распространенная молва, будто изъ Петербурга велѣно арестовать нѣсколько польскихъ студентовъ и военной молодежи, какъ главъ

или членовъ тайныхъ обществъ, — эта молва ускорила взрывъ революціи: виновные, опасаясь неизбежной кары, рѣшились предупредить грозящую бѣду. — 29 ноября (1830), въ шесть часовъ вечера, двадцать вооруженныхъ кадетъ, всѣ участники обширнаго военнаго заговора, проникли подъ начальствомъ поручика Высоцкаго и друг. въ Бельведерь, дворецъ наместника, тогда какъ другіе заговорщики призывали народъ къ оружію, а третьи овладѣли арсеналомъ. Съ трудомъ избѣжалъ великій князь Константинъ готовившейся ему смерти, но многіа изъ окружавшихъ его лицъ, въ томъ числѣ нѣкоторые уважаемые генералы, пали жертвами народной ярости въ эту страшную ночь. Два дня спустя, великій князь успѣлъ благополучно удалиться съ своимъ русскимъ военнымъ отрядомъ и съ чиновниками. Чтобы власть не досталась въ руки крайней революціонной партіи, завѣдываніе общественными дѣлами приняло на себя временное правительство, составившееся изъ членовъ правительственнаго совѣта и нѣкоторыхъ популярныхъ лицъ, Любецкаго, Чарторыскаго, Нѣмцевича и генерала Хлопицкаго. Но какъ вмѣсто того, чтобы приступить къ рѣшительнымъ и быстрымъ наступательнымъ дѣйствіямъ, они избрали медленный путь переговоровъ, то все возстаніе приняло съ самаго начала неудачный оборотъ. Рознь партій парализовала всякую предприимчивость; умѣренные и разсудительные желали только извѣстныхъ перемѣнъ, съ сохраненіемъ прежней конституціи и соединенія съ Россіей, тогда какъ крайняя народная партія имѣла въ виду возстановленіе древней Польши, съ демократическими формами и національною независимостью. Неудивительно, что большая часть членовъ временнаго правительства скоро была заподозрѣна въ измѣнѣ и какъ бы поставлена подъ надзоръ приданныхъ къ нему новыхъ лицъ изъ демократовъ, именно — профессора Лелевеля, главы такъ-называемаго «патріотическаго клуба». Старый генералъ Хлопицкій, — дѣлавшій походы съ Косцюшкой и отличившійся во французской службѣ, а потомъ оставившій ее, чувствуя себя несправедливо обойденнымъ, — удержалъ за собою главное начальство надъ военною частью и былъ назначенъ въ диктатора стараніями аристократической или конституціонной партіи, которая въ бурныхъ порывахъ воинственной молодежи и республиканскихъ клубовъ видѣла одну неминуемую бѣду. Съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, можно ли было надѣяться какихъ-нибудь милостей или уступокъ отъ негодующаго императора? а между тѣмъ Хлопицкій и его совѣтники магнаты вступили въ переговоры, отклонили предложеніе

такъ называемыхъ патріотовъ вызвать на мятежъ области прежней польской республики, находившіяся теперь подъ скипетромъ Австріи, Пруссіи и Россіи, и вмѣсто того чтобы организовать народную и національную войну, полагались на лицемѣрные посулы Франціи и на дипломатическіе переговоры, посредствомъ которыхъ надѣялись придать польской революціи видъ законности въ глазахъ европейскихъ правительствъ, а при этомъ и не затворять себѣ путей къ милосердію императора Николая. Разладъ и недовѣріе мѣшали успѣху всѣхъ предпріятій, между тѣмъ какъ императоръ и царь распорядился уже двинуть въ предѣлы Польши подъ начальствомъ фельдмаршала Дибича 120,000 войскъ съ 400 орудій. Наскоро собранный сеймъ утвердилъ диктатуру Хлопицкаго (20 дек. 1830), но придалъ ему со стороны бюллетельную комиссію изъ сенаторовъ и депутатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнародованъ былъ манифестъ, исчислявшій всѣ возможные поводы къ разрыву и силлившійся оправдать возстаніе. Убѣжденный, что польская армія, въ тогдашнемъ своемъ составѣ, не можетъ сопротивляться русскимъ войскамъ, Хлопицкій все еще совѣтовалъ продолжать переговоры, въ то время даже когда Россія обнаружила свои рѣшительныя намѣренія, и стоялъ только за оборонительную войну. Поэтому разошлись съ бюллетельнымъ комитетомъ и подвергшись жестокому нападкамъ демократовъ въ журналахъ и рѣчахъ, диктаторъ сложилъ съ себя свое званіе, не отказываясь впрочемъ служить отечеству, если это будетъ необходимо. Преемникомъ его въ званіи главнокомандующаго сталъ богатый, преданный революціонному дѣлу князь Радзивилъ; но такъ какъ онъ былъ несвѣдущъ въ военномъ искусствѣ, то Хлопицкій добровольно служилъ ему совѣтникомъ. Управленіемъ завѣдывала коллегія изъ пяти членовъ, въ числѣ которыхъ наибольшимъ вѣсомъ пользовался князь Адамъ Чарторыскій, а представителемъ народной партіи былъ Лелевель. Нѣсколько дней спустя, сеймъ, по предложенію Солтыка и Островскаго, отважился постановить отрѣшеніе императора Николая и дома Романовыхъ отъ польскаго престола (25 янв. 1831). По достиженіи совершеннаго освобожденія, предложено учредить конституціонную монархію на нѣкихъ началахъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, отрѣзали себѣ всякую возможность къ примиренію, съ другой, — не успѣли возбудить противъ русскихъ народную войну, потому что сеймъ отвергъ сдѣланное въ немъ предложеніе надѣлать крестьянъ землею и всѣ барщинскія повинности обратитъ въ выкупной оброкъ (апр. 1831). Надежды, что Франція всту-

пится за старого союзника, оказались тщетны. Людовикъ Филиппъ заботился болѣе объ укрѣпленіи своей новорожденной короны, нежели о славѣ военныхъ подвиговъ. Напрасна была также блистательная храбрость Поляковъ. Хлопицкій и Скржинецкій бились съ геройскимъ мужествомъ, а князь Рдазивилъ хотя и не выказалъ въ свое главноначальствованіе военного таланта, хотя онъ и самъ признавалъ свою неспособность въ этомъ отношеніи, однакожь и у друзей и у недруговъ заслужилъ репутацію лично храбраго человѣка. Съ 17 по 19 февраля бой слѣдовалъ за боемъ. Въ тотъ самый день какъ Скржинецкій, кліэнтъ Чарторыскихъ, мужественно сдерживалъ сильнѣйшаго врага при Добре, Дверницкій съ успѣхомъ напалъ врасплохъ на русскій отрядъ генерала Гейсмара подъ Сточекомъ, а при Ваврѣ Шембекъ и Зымирскій съ честію сопротивлялись Розену и Палену. Фельдмаршалъ Дибичъ проникъ въ самое сосѣдство Варшавы, но кровопролитное сраженіе подъ Гроховомъ (19 и 20 февр.), въ которомъ обѣ стороны оказали чудеса храбрости и искусства, все таки вынудило отсрочить предполагаемый штурмъ столицы, а черезъ нѣсколько времени побудило его и къ отступленію. Такъ какъ Рдазивилъ добровольно сложилъ съ себя главное начальство, а Хлопицкій былъ раненъ, то главнокомандующимъ выступилъ теперь Скржинецкій, герой сраженій подъ Добре и Гроховомъ. Но сколь ни храбръ былъ онъ въ полѣ, его нерѣшимость, медлительность и склонность къ переговорамъ, все въ надеждѣ на посредничество иноземныхъ державъ и на успокоительные посулы дипломатовъ, много повредило дѣлу Поляковъ. въ то самое время какъ Россія дѣйствовала энергически. Предположенное возстаніе въ Литвѣ ограничилось, за недостаткомъ силъ, нѣсколькими бесполезными вѣщешками, а попытка храбраго Дверницкаго поднять Волынь не нашла себѣ тамъ никакой поддержки, и Дверницкій, тѣснимый превосходнымъ числомъ русскихъ войскъ, спасся только благодаря смѣлому маршу, принадлежащему къ самымъ блистательнымъ подвигамъ въ новѣйшей военной исторіи, и ушелъ въ австрійскіе предѣлы, но тамъ былъ задержанъ военноплѣннымъ съ корпусомъ изъ 6,000 человѣкъ (апрѣль). Наконецъ и Скржинецкій очнулся отъ своей бездѣятельности; въ маѣ перешелъ онъ за Бугъ, но Дибичъ настигъ его быстрымъ и смѣлымъ маршемъ, и какъ ни храбро бились Поляки въ сраженіи подъ Остроленкой (26 мая), они были рѣшительно побѣждены. Эта битва сдѣлалась поворотною точкою въ дѣломъ ходѣ польской революціи. Разладъ, вражда партій, предательство и вѣроломныя напѣвы французскихъ переметчиковъ

быстро привели возстаніе къ концу. Дибичъ внезапно умеръ отъ холеры (9 іюня). На мѣсто его былъ назначенъ предпримчивый Паскевичъ (прозванный Эриванскимъ за покореніе въ 1828 г. персидской области Эривани). Пользуясь содѣйствіемъ Пруссіи, которая въ случаѣ успѣха польской революціи опасалась отпаденія своихъ восточныхъ провинцій, новый главнокомандующій перешелъ черезъ прусскую часть Вислы и приблизился къ стѣнамъ Варшавы, гдѣ никто не зналъ, что дѣлать и что начать. Тогда то поднялась городская демократія для совершения страшной расправы. Въ убѣжденіи, что безуспѣшность революціи проиоходитъ отъ одной измѣны, народная толпа, ведомая солдатами, проникла въ замокъ (16 авг. 1831), убила тамъ многихъ генераловъ, отданныхъ подъ особый надзоръ и, увлекаясь отъ злодѣйства къ злодѣйству, совершила кровавую месть и надъ другими ненавистными ей лицами, которыхъ подозрѣвали въ аристократизмъ, переметчествъ и друженіи Россіи. Въ себя отъ ужаса, бѣжалъ Чарторыскій, переодѣтымъ, въ лагерь, гдѣ теперь начальствовалъ Дембинскій въ духъ Скржинецкаго; удаленіе его изъ наполненнаго ужасомъ города скоро привело къ тому, что правительственная власть перешла въ руки такого лица, какъ Крюковецкій;—генералъ наполеоновскаго времени, демократъ и врагъ Скржинецкаго, онъ былъ избранъ сеймомъ въ президенты правительства, съ полною диктаторскою властью. Когда Паскевичъ подошелъ къ столицѣ съ многочисленною арміею, новый правитель самыми противорѣчивыми мѣрами и самыми превратными распоряженіями показалъ ясно и недостатокъ мужества, и свою полную безнадежность на успѣхъ. Польское войско храбро сопротивлялось наступающему врагу при Волѣ, мѣстѣ избранія прежнихъ королей, гдѣ особенно отличился четвертый полкъ, стоявшій на тамошнемъ погостѣ; у Русскихъ при двухдневномъ штурмѣ (6 и 7 сент.) вышло изъ строя болѣе 11,000 человѣкъ (самъ Паскевичъ былъ раненъ); тогда Крюковецкій сдалъ Варшаву и Прагу русскому главнокомандующему на капитуляцію и потомъ явился къ нему военноплѣннымъ, бывъ отвергнутъ отступающимъ польскимъ войскомъ, какъ предатель. Правительство и сеймъ отиравились въ Модлинъ вмѣстѣ съ арміею. Разладивъ между собою и страшась съ часу на часъ нападенія русскихъ войскъ, они прибѣгли къ послѣднему средству спасенія и ушли за прусскую границу. Тамъ, храбрые эти воины, въ числѣ 24,000 человѣкъ, были обезоружены и получали содержаніе до тѣхъ поръ, пока, послѣ совершеннаго покоренія Польши,

императоръ Николай, изданною имъ амнистіею (1 ноября), не дозволилъ большей части ихъ воротиться по домамъ. Такой же участи подвергся и генералъ Раморини, который еще прежде ушелъ съ своимъ корпусомъ въ Галицію. Не довѣряя милосердію прогнѣваннаго ими государя, цѣлыя тысячи польскихъ революціонеровъ отказались воротиться на родину и ушли во Францію, Англію, Швейцарію и другія земли. Такимъ образомъ они лишились своего имущества, общественнаго положенія и гражданскихъ правъ. Виновныхъ въ Польшѣ, Литвѣ и Волини постигли строгія наказанія. Въ силу органическаго статута (отъ 14 или 26 февр. 1832 г.) Польша, какъ вновь завоеванная страна, утратила свою конституцію, свой сеймъ и государственный совѣтъ и, удержавъ только особое управление и судоустройство, введена въ разрядъ прочихъ областей, составляющихъ громадную Русскую державу. Университеты въ Варшавѣ и Вильнѣ были упразднены, художественныя и ученые сокровища отчасти увезены въ Россію, національная армія распущена. Съ тѣхъ поръ фельдмаршалъ Паскевичъ, въ качествѣ наместника, управлялъ Польшею до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1856 г. Мятежъ 1830 года доказалъ еще разъ, что Польша не исцѣлилась отъ прежнихъ грѣховъ своей аристократіи, — раздоровъ, предательствъ и своекорыстныхъ стремленій, которыя загубили ее встарь.

7. Новая и новѣйшая литература западно-европейскихъ народовъ.

§ 800 б. А. Италія (сравни § 553, 554). Творческая сила Итальянцевъ въ теченіе 17 и 18 вѣковъ мало по малу замерла. Духовный гнетъ, исходившій отъ Церкви и отъ многихъ мелкихъ правительствъ, оковалъ прежнюю дѣятельность въ области свободнаго искусства и литературы, поощряя одно чувственное наслажденіе и изнѣженную вялость. Пробавлялись только великимъ прошлымъ и подражали созданіямъ предшественниковъ. Въ лирикѣ держались сладкозвучныхъ, но скудныхъ мыслей сонеттовъ и канцонъ Петрарки, или слѣдовали по стопамъ греческихъ и римскихъ пѣвцовъ одъ, а въ героическомъ родѣ непостижимымъ образцомъ для всей позднѣйшей эпохи оставался Людовико Аріосто, творецъ юмористическаго эпоса. Изъ подражателей его всѣхъ болѣе прославились Габр. Кіабрера (1652—1737), изъ Савоны, авторъ пяти эпическихъ поэмъ («Освобожденная Италія», «Фло-

ренція», «Роджеро» и друг.) и въ то же время плодотворный слагатель пѣсней и одъ по образцу древнихъ (Пиндару), а потомъ Ник. Фортигверра (1674—1735)—своимъ обширнымъ романтико юмористическимъ эпосомъ «Рикардоттъ», въ 30 пѣсняхъ, принадлежащимъ къ циклу каролингскихъ сказаній. Последняя изъ этихъ поэмъ, которую, не смотря на многія разности въ историческихъ данныхъ, можно назвать продолженіемъ «Неистоваго Орланда», богата геніальностью остроуміемъ и фантазіей, хотя Фортигверра накладываетъ комическія и сатирическія краски гораздо грубѣе чѣмъ Аріостъ. Къ Аріосту же примыкалъ и настоящій комическій эпосъ, единственный изъ всѣхъ эпическихъ родовъ, который удачно воздѣлывался въ 17 столѣтіи, — кто бы впрочемъ ни былъ истиннымъ его основателемъ, — Алессандро Тассони (1515 — 1635) изъ Модены, съ своимъ «Похищеннымъ ведромъ», или современникъ его, Франческо Браччиолини (1566 — 1645), съ своимъ «Осмѣяніемъ небожителей». Замѣтимъ только, что споръ объ этомъ первенствѣ нѣкогда пылалъ во всей Италіи съ необыкновеннымъ жаромъ. Переходъ отъ свѣтлой Аріостовой ироніи къ комической шуткѣ и насмѣлкѣ Тассони и Браччиолини — былъ въ сущности небольшой, едва замѣтный шагъ.

Материаломъ для «Похищеннаго ведра» Тассони служитъ одинъ истинный рассказъ изъ эпохи междоусобія средневѣковыхъ партій, и ведро, которое Моденцы отбили въ XIII вѣкѣ у Болонцевъ, до сихъ поръ еще виситъ въ Моденѣ на цѣпи. Всѣ 12 пѣсень полны мѣстныхъ сатиръ и намековъ, и цѣлая поэма направлена къ осмѣянію множества мелкихъ войнъ, которыя изъ-за бездѣлицъ велись между итальянскими городами, въ явный ущербъ краю. Ясность мыслей и образовъ, точность выраженія, легкость и изящество языка доставили этой поэмѣ у Итальянцевъ классическое значеніе. — «Осмѣяніе небожителей» (Scherno degli Dei) Браччиолини лишено глубокой сатирической основы, это низкокомическая насмѣшка надъ міромъ греческихъ мифовъ, которой главнымъ содержаніемъ служитъ мщеніе, задуманное Марсомъ и Венерой противъ Вулкана за то, что онъ поймалъ ихъ въ хитро устроенномъ ложѣ и потомъ предалъ посмѣянію Олимпійскихъ боговъ.

Комическій эпосъ долго оставался любимымъ родомъ поэзіи у Итальянцевъ, но нынѣ большая часть этихъ произведеній совершенно забыта; въ томъ числѣ «Жизнь Мецената», сочиненіе Капорали. и «Обратное завоеваніе Мальмантите» (т. е. скатертной крѣпости), комическая эпопея живописца Лоренцо Липпи. —

Однакожь не совсемъ была покинута и лирика. Энергическою и своеобразною является она у графа Фульвіо Тести (1593 — 1646), изъ Феррары, жившаго въ великой чести при дворѣ герцога Моденскаго, а потомъ кончившаго дни въ государственной тюрьмѣ, вѣроятно влѣдствіе какой нибудь интриги. Въ своихъ одахъ бралъ онъ за образецъ Горация, не достигая однакожь ни генія, ни силы римскаго поэта. Древнимъ же подражали и два другіе стихотворца, которымъ благосклонствовала и помогала Шведская королева Христина (§ 586) въ бытность свою въ Римѣ: именно Алесс. Гвиди (1650 — 1712), изъ Павіи, слѣдовавшій Пиндару, и Бенед. Менцини (†1708), изъ Флоренціи, которому образцомъ служилъ Гораций. Съ болѣе возвышеннымъ и благороднымъ характеромъ выступила итальянская поэзія у Винченцо да Филикайи (1642 — 1707), изъ Флоренціи, который былъ равно далекъ отъ безмысленнаго и бездушнаго фразѣрства Петраркистовъ, какъ и отъ холодной подражательности древнимъ образцамъ. Проникнутый болѣе смѣлымъ духомъ, нежели вся почти масса его современниковъ, онъ отвзгился высказывать въ политическихъ піесахъ взгляды и ощущенія, вызываемыя у него событіями текущаго дня («Ода на осаду Вѣны»), и въ неподобающемъ сонетѣ «Italia! Italia!» первый облекъ въ потрясающіе звуки скорбное чувство итальянскихъ патриотовъ надъ безотраднымъ положеніемъ прекраснаго отечества.

Сильнѣе и художественнѣе явились Итальянцы въ сценическомъ творчествѣ, особенно въ сродной ихъ музыкальной натурѣ и поощряемой изнѣженностью той эпохи оперѣ, а также и въ мелодрамѣ. Музыка уже и прежде играла значительную роль въ драмѣ Итальянцевъ, особенно въ такъ-называемыхъ пастушескихъ (идиллическихъ) піесахъ, а въ 17 и 18 столѣтіяхъ сценическія произведенія Апостола Зено (1669—1750), Метастазіо и др. (§ 554. в.) поставили ее на первый планъ, такъ что мало по малу собственно поэтическая сторона вездѣ должна была уступить музыкальной. Преемникъ Метастазіо въ званіи придворнаго поэта вѣнскаго двора, Джамбатиста Касты (1721—1803), сначала также посвятилъ свой поэтический талантъ музыкальной драмѣ, съ тою только разницей, что онъ выбралъ не серьезную героическую оперу своего предметника, а комическую (опера буффа). Однакожь онъ болѣе прославился своими писанными въ октавахъ «Любовными новеллами», въ Боккачьевомъ вкусѣ, полными древнеиталійскаго легкомыслія и своевольства, особенно же своимъ сатирическимъ звѣро-эпосомъ: «Говоряція животныя», съ

рѣзкими намеками на придворную и государственную жизнь, на политическія и социальныя идеи и вообще на бытъ того времени. Настоящая драма, то есть какъ веселая комедія, которую преимущественно выработали Гольдони и Гоцци (§ 554. в.), такъ и трагедія, которую поднимали опять Циціонъ Маффеи (1675—1755) своею знаменитою «Меропой» и Альфіэри (§ 554. в.) своими полными силы историческими драмами, приняла въ 18 вѣкѣ, подъ вліяніемъ французской драматической поэзіи, новое направление, стремившееся къ большей художественности въ формѣ и планѣ и къ болѣе строгому подчиненію правиламъ искусства, — направление, которому оставался вѣренъ еще самъ Альфіэри, не смотря на свое высокое патриотическое одушевленіе, и отъ котораго дерзнулъ первый отступить только трагикъ Джованни Пиндемонте (1751—1812), проложившій болѣе свободный путь фантазіи. Его младшій братъ, Ипполитъ Пиндемонте (1753—1828) писалъ, среди многотревожной эпохи, мягкія, меланхолическія картины природы, полныя идиллической граціи, и лирическія піэсы и посланія, въ которыхъ, рядомъ съ классическимъ образованіемъ, высказывается глубокая задушевность чувства и религиозный взглядъ. Оба брата приобрѣли сверхъ того извѣстность удачными переводами древнихъ стихотворцевъ (особенно Гомера); но драматическія произведенія Ипполита, съ хорами и вставными лирическими пѣснями, теперь болѣею частію забыты. Даровитѣйшій подражатель Альфіэри въ сферѣ трагедіи, но безъ чувства свободы и безъ энергии своего учителя, былъ Винченцо Монти изъ феррарской области (1754 — 1828). Угодникъ великихъ міра, Монти (слѣлавъ себя почетное имя трагедіями «Галеотто Манфреди» и «Аристодемъ»), написалъ, по случаю умерщвленія французскаго посланника Басвиля въ Римѣ, благопріятное для папы и обильное блестящими мѣстами стихотвореніе «Басвиліана»: оно направлено противъ идей французской революціи, за что миланскіе демократы предали его огню. Въ послѣдствіи пожалованный Наполеономъ въ придворные поэты и историографы Италійскаго королевства, превозносилъ онъ побѣдителя Италіи въ хвалебныхъ произведеніяхъ, а наконецъ «кантатою» въ честь императора Франца и другими піесами, писанными по заказу двора, приобрѣлъ себѣ благосклонность Австрійскаго монарха и сохранилъ свою пожизненную пенсію до самаго конца. Въ эпоху французскаго владычества Монти былъ нѣкоторое время профессоромъ итальянской литературы въ Павіи. Это мѣсто занялъ потомъ Ник. Уго Фосколо (1777 — 1827), родомъ

изъ венеціанской области, страстный, пламенный пѣвецъ свободы, у котораго мысль о политическомъ возрожденіи Италіи впервые нашла себѣ восторженное выраженіе. Его трагедіи («Tieste», «Ajace», «Ricciarda»), въ которыхъ онъ развилъ свои идеи о свободѣ, отличаются не столько художественными красотами, сколько патріотическими помыслами. Нападки и гоненія, которыя онъ себѣ навлекъ, не помѣшали ему, въ качествѣ члена консульта въ Лионѣ (§ 740), произнести смѣлую, потомъ и обнародованную имъ «Рѣчь къ Бонапарту» *). Но слишкомъ скоро убѣдился онъ въ бесплодности своихъ стараній и въ обманчивости своихъ надеждъ, и чувство скорби о паденіи своего отечества слилось у него съ воплями несчастной любви въ романѣ «Письма двухъ любовниковъ», или, какъ онъ озаглавилъ его въ позднѣйшей передѣлкѣ, «Послѣднія письма Джакомо Ортиса» (1802), — книга, которую можно назвать «италіанскимъ Вертеромъ», потому что герой соединяетъ въ себѣ нѣмецкую сантиментальность съ италіанскимъ патріотизмомъ и погибаетъ жертвою обоихъ чувствъ. Потерявъ отечество, теряетъ онъ еще недостижимую для него возлюбленную, и тогда самъ налагаетъ на себя руку. Обѣ страсти, любовь къ родинѣ и любовь къ милой, изображены съ удивительной задушевностью и со всей силою естественной простоты; книга, написанная кровью поэта, произвела глубоко-потрясающее дѣйствіе. Поэтому, не смотря на многіе свои грѣхи, Фосколо остался любимцемъ италіанской молодежи. Не менѣе вліянія на общее настроеніе Италіанцевъ имѣла дидактическая піеса Фосколо: «Могилы», которая въ мрачныхъ, жалобныхъ звукахъ высказываетъ грозныя истины и безнадежную, безвыходную скорбь. Миланское правительство, смотрѣвшее подозрительно на Фосколо, стало угрожать ему преслѣдованіемъ; онъ ѣздилъ въ Лондонъ и умеръ тамъ 11 сент. 1827 г. Беспорядочный въ жизни, съ презрѣніемъ попиравъ онъ все обычай, принятые въ обществѣ, и оттого безпрестанно колебался въ своихъ взглядахъ. За всемъ тѣмъ это былъ значительнѣйшій и вліятельнѣйшій поэтъ политическаго и національнаго направленія, которое началось бѣднѣмъ Джузеппе Парини (1729—99), изъ миланской области, единственнымъ человекомъ въ Италіи, прожившимъ безъ упрека и безъ зависти, и нашло себѣ достойныхъ представителей въ Леопарди, Никколини, Беркетъ и

*) Въ этой высокопарной и надутой рѣчи Фосколо ставитъ Наполеона выше Тезея, Ромула и Брута, и приравниваетъ его къ Тиберію, Марку Аврелію, Льву X и наконецъ къ Юпитеру. Смѣлость уже слишкомъ прикрыта въ ней крайнею восторженностью похвалъ.

Сильвіо Пеллико. Эта патріотическая поэзія все съ возрастающимъ увлеченіемъ опиралась на Данта, котораго любовь къ родинѣ и духовная энергія среди невзгодъ и изгнанія сдѣлалась путеводною звѣздой для слѣдовавшихъ за нимъ поколѣній. Въ этомъ восторженномъ увлеченіи сошлись они съ возродившеюся теперь романтикой, которая поэтому вскорѣ пріобрѣла сильное вліяніе на италіанскую литературу, но приняла здѣсь особенный, національный колоритъ.

Въ своей сатирической піесѣ «День» Парини бичевалъ во-первыхъ нравы и обычаи знатныхъ, такъ-называемаго «лучшаго общества», находя въ его изнѣженности, сластолюбіи и индифферентизмѣ (сердечномъ и умственномъ равнодушіи) ко всему высокому и идеальному источникъ нравственнаго упадка и всехъ золъ общественной жизни въ Италіи. Слова его не остались совсѣмъ бесплодны: въ благороднѣйшихъ душахъ пробудилась жажда національнаго возрожденія, влѣдствіе чего и французскіе республиканцы сначала приняты были съ восторгомъ, пока Италіанцы не убѣдились на опытѣ, что и счастье, о которомъ они мечтали, и свобода, цѣль ихъ стремленій, не даются одной силою чужеземнаго штыка. Но чѣмъ болѣе состояніе Италіи подъ французскимъ господствомъ колебалось между притѣсненіемъ и свободой, чѣмъ болѣе чувства этой страны невольнo дѣлились между гордостью и униженіемъ при новой славѣ италіанскаго оружія, подъятаго за чужое дѣло, тѣмъ болѣе у напряженныхъ умовъ оставалось времени сравнивать гнетущую дѣйствительность съ блескомъ своихъ идеаловъ и томиться въ постоянной тревогѣ при переходѣ отъ одной сильной страсти къ другой. Но французское владычество осталось не безъ благотворныхъ послѣдствій: оно содѣйствовало пробужденію національнаго порыва, который продолжался еще и тогда, когда положенъ былъ конецъ самовластію Наполеона, и когда созданный Вѣнскимъ конгрессомъ учрежденія подавили всякое умственное и національное движеніе. Въ пробужденіи этомъ не малое участіе принимала и литература. Новая романтика, указывая на великую эпоху средневѣковой Италіи, оживила національное чувство и патріотизмъ. Классически-образованный графъ Джакомо Леопарди (1798—1837), родомъ изъ анконской марші, другъ и единомышленникъ Платена (см. Германія), выразилъ эти чувства въ своей «Пѣсни къ Италіи» (Canto) и въ своихъ мысляхъ о сооруженіи памятника Данту, почему стихи его и были приняты съ величайшимъ восторгомъ. Еще энергичнѣе и сильнѣе была его «Пѣснь къ Анджемо Май, по случаю отысканія имъ книгъ

Цицерона о республикѣ», — стихотвореніе, принадлежащее къ благороднѣйшимъ произведеніямъ итальянской лиры; въ немъ поэтъ изливаетъ ощущенія своего стѣсненнаго сердца надъ скорбнымъ жребіемъ отечества и въ то же время старается возбудить мужество, гордость и самоувѣренность указаніемъ на славу минувшихъ дней. Его духъ, пропитанный эллинской мудростью и римскимъ республиканизмомъ хотя и потерпѣлъ отъ гнета виѣшнихъ отношеній, однакожь не былъ ими сокрушенъ. Джованни Баттиста Никколини (1785—1855), изъ окрестностей Пизы, бывший профессоромъ и бібліотекаремъ во Флоренціи, существенно содѣйствовалъ возрожденію чувства свободы и національнаго духа своими трагедіями, почерпнутыми изъ отечественной исторіи. Въ первыхъ піесахъ, заимствованныхъ изъ древней исторіи и мифологіи (Поликсена, Медея, Эдипъ и друг.), шелъ онъ по стопамъ Альфіери, но славы и сочувствія достигъ только тогда, когда обратился къ романтикѣ и взялся съ либеральнымъ духомъ и патриотизмомъ за отечественные сюжеты въ піесахъ «Антоніо Фоскарини», «Джованни да Прочида», «Людовико Моро», «Филиппо Строцци» и особенно въ своемъ знаменитомъ «Арнольдѣ Брешианскомъ». Сильвіо Пеллико (1789—1854), изъ Салуццо, мягкая, элегическая натура, прославился сначала какъ поэтъ своими трагедіями, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимаетъ почерпнутая изъ Данта «Франческа да Римини». Возбужденный стихотвореніями Фосколо, посвятилъ онъ потомъ свои силы патриотическимъ стремленіямъ и для этого основалъ въ Миланѣ журналъ, но за свой національный и вольный образъ мыслей долженъ былъ заплатить долготѣнимъ страданіемъ подъ свинцовыми крышами венеціанскихъ тюремъ и въ казематахъ Шпильберга. Той же участи подвергся и поэтъ Марончелли. Скорби своего десятигодового страшнаго заточенія Сильвіо Пеллико изобразилъ трогательно и увлекательно въ своей всѣми читанной книгѣ «Мое узничество» (Le mie prigione). Истомленный тѣломъ и душой, получилъ онъ наконецъ свободу, но изданныя имъ потрясающія описанія только еще усилили въ его соотечественникахъ жажду освобожденія отъ невыносимо-тяжкаго австрійскаго гнета. Джованни Беркетъ († 31 дек. 1851), родившійся въ Миланѣ къ концу осьмидесятыхъ годовъ, принадлежалъ, виѣстѣ съ Сильвіо Пеллико, Томазо Гросси (авторомъ поэмы «Ломбарды въ первомъ Крестовомъ походѣ», замѣчательной по вѣрности характеровъ) и другими, къ такъ называемой «юной Италіи», которой возрѣнія распространялись въ журналѣ «Примиритель» (Conciliatore). После не-

удавшейся революціи 1820—21 года, постигло его долготѣнее изгнаніе, проведенное имъ попеременно во Франціи, Бельгіи и Англии. Нѣкоторое время жилъ онъ также въ Боннѣ и Берлинѣ, находясь въ дружеской связи съ изгнаннымъ по той же причинѣ маркизомъ Арконати Висконти; съ нимъ и возвратился онъ въ Италію, когда къ концу тридцатыхъ годовъ австрійское правительство нѣсколько смягчилось въ своихъ взглядахъ. Его политическія стихотворенія, дышашія карбонаризмомъ, въ послѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ, мало обращали на себя вниманія; но повѣствовательная поэма «Паргскіе бѣглецы», изображающая съ глубокимъ чувствомъ, въ формѣ романа, героическую гибель этой христіанской республики на Албанскомъ берегу, принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ произведеніямъ новоитальянской литературы.

Вдалекѣ отъ опасныхъ политическихъ стремленій, хотя впрочемъ не безъ либеральнаго и патриотическаго чувства, проложилъ свой литературный путь величайшій изъ современныхъ поэтовъ Италіи, Миланецъ Алессандро Манцони (род. 1784). Въ своихъ «Духовныхъ гимнахъ» (Inni sacri) онъ явился вѣрующимъ католикомъ и христіанскимъ пѣвцомъ въ смыслѣ новой романтики. Это были піесы въ духѣ древнихъ пѣсней, зародившіяся въ истинно-благочестивой душѣ кроткаго, созерцательнаго человѣка, который, какъ сказываютъ, былъ сильно потрясенъ нравственными опустошеніями революціи и котораго одинъ французскій проповѣдникъ, въ минуту внезапнаго возбужденія, исторгъ изъ скептицизма и возвратилъ въ лоно церкви. Въ своихъ трагедіяхъ («Графъ Карманьюльскій» и «Адельджисъ») восхищается онъ классическимъ достоинствомъ и истиною чувства, равно какъ и лирическимъ эффектомъ удачно введеннаго имъ хора, и указываетъ страдающую утѣшительную опору въ терпѣніи и надеждѣ, потому что «счастіе не можетъ же быть въ вѣчномъ союзѣ съ притѣнителемъ, точно также какъ и съ притѣненнымъ». Его скорбная ода на смерть Наполеона («Пятое мая») была встрѣчена такимъ общимъ одобреніемъ, что даже Гёте перевелъ ее на нѣмецкій языкъ. Но всего болѣе извѣстенъ и распространенъ его романъ «Обрученные» (I promessi sposi), въ родѣ историческихъ романовъ Вальтеръ-Скотта, живое, хотя отчасти слишкомъ подробное и ученое изображеніе церковнаго, политическаго и общественнаго быта Италіи подъ испанскимъ господствомъ; мораль всей повѣсти — отреченіе отъ всякой самовольной мести, какимъ бы человѣкъ ни подвергался нападкамъ и страданіямъ. Произведеніе это вызвало цѣлую бездну

подражаній, такъ что историческій романъ занимаетъ въ новѣйшей итальянской литературѣ первое мѣсто. «Монцская монахиня» Розини служить какъ бы продолженіемъ «Обрученнѣмъ». Мавцони, подобно Фосколо, старался отдѣлаться отъ холодной риторской напыщенности и возвратитъ поэзіи непосредственную истину и простоту природы. Гвераци, изъ Ливорно, былъ первымъ, который для своей «Осады Флоренціи» взялъ сюжетъ изъ новѣйшей эпохи и изъ политическихъ стремленій «юной Италіи».

Исторіографія нашла себѣ въ 18 и 19 столѣтіяхъ нѣсколько достойныхъ труженниковъ, не смотря на то, что отношенія Италіи вовсе не благоприятствовали этому дѣлу, и что поприще правдолюбиваго и патристическаго историка было окружено большими опасностями. Лодовико Антонио Муратори (1672—1750) своимъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ собраніемъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ и историковъ положилъ начало подробной всеобщей исторіи отечества, а потомъ въ своихъ «Лѣтописяхъ Италіи» пошелъ по стопамъ Гвиччардини (§ 553). Современникъ его, ученый Неаполитанецъ Джанионе (1676—1748), своею «Исторіей Неаполитанскаго королевства», въ которой онъ живыми чертами изобразилъ свѣтобоязненные ковы духовенства и исходящій изъ Рима тяжкій умственный гнетъ, до того навлекъ себѣ ненависть и гоненія іерархіи, что могъ спастись только бѣгствомъ за границу, и когда по прошествіи многихъ лѣтъ онъ отважился опять ступить на родную почву, то попалъ въ руки бдительной инквизиціи, которая уморила его въ туринской тюрьмѣ. Джироламо Тирабоски, изъ Бергамо, въ своей основательной «Исторіи итальянской литературы» представилъ умственную жизнь своихъ соотчичей, отъ начала научнаго образованія до 1700 года, съ обширною ученостью и замѣчательнымъ правдолюбіемъ. Эпоха революціи и Наполеонова господства въ Италіи нашла себѣ многосвѣдущаго и либеральнаго бытописателя въ Піэмонти: Карло Ботти (1766—1837)¹, который по самому положенію своему, какъ піэмонтскій государственный человѣкъ и какъ членъ законодательнаго корпуса въ Парижѣ, могъ глубже всмотрѣться въ судьбы государствъ и въ ходъ общественнаго быта, а потому и былъ особенно призванъ къ тому, чтобы явиться продолжателемъ Гвиччардини и написать исторію Италіи съ конца XV вѣка до своего времени. Современникомъ и единомышленникомъ Ботти былъ Неаполитанецъ П. Коллетта (1775—

¹ Storia d'Italia dal 1789—1814.

1831), принимавшій много личнаго участія въ судьбахъ своего отечества при владычествѣ Французовъ и потомъ при королѣ Фердинандѣ I; это былъ человѣкъ съ большими свѣдѣніями по военной и особенно артиллерійской части. Послѣ многодѣятельной жизни, Коллетта, влѣдствіе революціи 1820 г., былъ взятъ за конституціонныя убѣжденія, не смотря на свои прямодушные поступки въ качествѣ королевскаго главнокомандующаго въ Сициліи, и отправленъ государственнымъ узникомъ въ австрійскую крѣпость Брюннъ; желѣзное здоровье его стало приходить въ упадокъ, и ему наконецъ разрѣшили провести остатокъ дней въ Флоренціи. Здѣсь онъ написалъ превосходную «Исторію Неаполитанскаго королевства съ 1734 по 1825 г.», которая однакожь вышла уже послѣ его смерти. Исторія «Сицилійской вечерни» Микель Амари, которою авторъ старался пробудитъ чувство свободы и національности въ злополучномъ народѣ и краснорѣчиво поборотъ депотизмъ, показалась такъ опасна неаполитанскому правительству, что Амари счелъ необходимымъ избавиться бѣгствомъ отъ грозившихъ ему преслѣдованій (1842). Съ тѣхъ поръ жилъ онъ «нераскаяннымъ революционеромъ» въ Парижѣ, занимаясь учеными работами, которыхъ плодомъ явилась въ 1854 г. написанная по источникамъ, «Исторія Сарацынъ въ Сициліи».

Б. Англія (§ 557 и 670). Во второй половинѣ 18 вѣка англійская литература постепенно освободилась изъ подъ вліянія образцовъ и правилъ литературы французской, и возвратилась опять къ своей національной особености, къ отечественнымъ сюжетамъ и образцамъ. На этотъ поворотъ вкуса сильно подѣйствовала новая романтика, отъ которой не смѣгли устраниваться и Англичане; но ихъ здравый, далекій отъ всякаго преувеличенія смыслъ предохранилъ литературу того края отъ болѣзненнаго искаженія, въ какое впали французская и нѣмецкая романтика. Возвратъ къ прошлому имѣлъ въ Англіи ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ во-первыхъ то, что литераторы старались сблизитъ молодое поколѣніе съ средневѣковымъ бытомъ и поэтическими его богатствами: для этого собирали старыя баллады и народныя стихи (Макферсоновъ Оссианъ, народныя баллады Т. Перси и мног. друг.) или воспроизводили въ романахъ и историческихъ картинахъ бытъ прошлаго; во-вторыхъ стали опять воздавать должное уваженіе созданіямъ Шекспира, пренебреженнымъ въ періодъ господства французскаго вкуса: поворотъ особенно обнаружился съ тѣхъ поръ, какъ этого поэта такъ высоко превознесли въ Германіи и какъ великій

англійскій актеръ Давидъ Гаррикъ (1716—1779) своею безподобною игрою раскрылъ передъ націей всю глубину и все неисчерпаемое богатство Шекспировыхъ драматическихъ созданій.

Всего прежде отстали отъ французскаго вкуса въ Шотландіи, той удаленной отъ политическаго водоворота стравъ, гдѣ вообще условная поэзія никогда не могла совсѣмъ вытѣснить своенародную лиру, гдѣ изъ рода въ родъ сохранилось множество народныхъ былинъ, сказаній, пѣсенъ и балладъ, гдѣ по украинамъ и нагорнымъ мѣстамъ жило привольною жизнью музыкальное, дорожащее родиною племя, еще весьма далекое отъ однообразной, вѣчной страды англійскаго фабричнаго, — племя, которое крѣпко держалось древняго преданія и въ народныхъ пѣсняхъ, и въ суевѣрїяхъ, и въ политической особности. Цѣлый рядъ шотландскихъ стихотворцевъ, принадлежащихъ отчасти къ низшимъ сословіямъ, противопоставилъ англо-французской искусственной поэзіи простое, задушевное творчество естественнаго чувства; богатая дарами природа и полная думы народная жизнь, столько же въ дѣйствительности, сколько и въ старыхъ національныхъ пѣсняхъ, была неизсякающимъ родникомъ ихъ литературной и поэтической дѣятельности. Являясь сперва гениями и рѣмачами своей маленькой родины, какого-нибудь села или городка, они расширяли понемногу сферу своей извѣстности, или обходя ближайшее сосѣдство или, при помощи до-сужихъ переписчиковъ, пуская свои безыскусственныя пѣсни въ ходъ даже на цѣлые округа. Первымъ, вступившимъ на эту дорогу, былъ Олень Рамсей (1686—1758), сначала парикмахеръ, потомъ книгопродавецъ въ Единбургѣ; онъ сочинилъ на шотландскомъ нарѣчїи пастушескую піэсу («The gentle shepherd», т. е. «Милый пастухъ»), полную вѣрныхъ, живыхъ изображеній природы, и собралъ множество старшотландскихъ пѣсенъ. Примѣру его послѣдовалъ несчастный Роб. Фергуссонъ (1751—74), умершій молодымъ человекомъ въ домѣ сьумасшедшихъ, вслѣдствіе сильнаго сотрясенія въ мозгу; въ его шотландскихъ пѣсняхъ видно много задушевной поэзіи; тѣмъ же путемъ шла Леди Анна Барнардъ, урожденная Лейнсей (1750—1825), въ своей прекрасной балладѣ «Старикъ Робинъ Грей». Но истинно-национальнымъ пѣвцомъ и общимъ любимцемъ шотландскаго народа явился Роб. Бёрнсъ (1759—1796), бѣдный поселянинъ изъ графства Эйръ. Гнетущія обстоятельства, отъ которыхъ ему пришлось проработать всю жизнь, не смогли подавить въ немъ природнаго поэтическаго таланта, однакожь стѣснили его размахистый по-

летъ и наполнили его удалую, пѣвучую душу тяжкимъ раздумьемъ и печалью¹. Стихотворенія его, распространенныя въ безчисленномъ множествѣ изданій и переводовъ, — настоящіе звуки природы, полные теплоты, свѣжести, ясности и такого разнообразія чувствъ, ощущений и настроеній, которое могло возникнуть и воспроизвестись только въ самой богатой фантазіи, въ самомъ воспримчивомъ сердцѣ, въ душѣ, коротко знакомой со всей внутренней жизнью своего народа. Благодаря нераздѣльному одобренію, которымъ вездѣ были встрѣчены Бёрнсовы стихи, этотъ родъ поэзіи нашелъ себѣ слишкомъ многихъ дѣлателей, и число такъ-называемыхъ «естественныхъ поэтовъ» въ Шотландіи расплодилось чрезъ мѣру. Между безконечнымъ множествомъ именъ нельзя не выставить особенно слѣдующихъ: Иоанна Белли (1765—1851), прїятельница Вальтеръ Скотта, столько же прославившаяся своими шотландскими пѣснями, какъ и своими нравственными «Драмами страстей», возбуждавшими нѣкогда всеобщее удивленіе; каменщикъ Олень Кеннингамъ (1784—1842), и такъ-называемый Эттрикскій пастухъ, Джемсъ Гоггъ (1772—1835), который, подъ вліяніемъ старинныхъ сагъ и народныхъ пѣсенъ, бывши еще безграмотнымъ пастушонкомъ, началъ сочинять складные стихи. Изъ многочисленныхъ его произведеній всѣхъ извѣстнѣе «Королевицъ Праздникъ» (the Queen's wake), собраніе сказокъ и балладъ. Многія изъ этихъ безыскусственныхъ простонародныхъ созданій были также сатирическаго и эпиграмматическаго содержанія. Въ этомъ родѣ сталъ особенно извѣстенъ и даже страшенъ Томасъ Гоггартъ (дядя знаменитаго живописца Гогарта), изъ долины Траутбекъ въ Вестморлендѣ. Гоггартъ, умершій въ началѣ прошлаго вѣка, писалъ также драматическія піэсы, сочинилъ между прочимъ піэсу въ стихахъ «Разореніе Грои», которую играли на скатѣ одного холма подъ открытымъ небомъ; представленіе длилось трои сутки, и въ немъ участвовалъ чуть не весь мѣстный приходъ; поселяне же стеклись зрителями со всѣхъ сторонъ, изъ сосѣдства и издалѣка². — Величайшее вліяніе на новую литературу не только Англїи, но и матерой Европы, имѣлъ многосторонній, одаренный плодовитымъ

¹ Они сдержали въ немъ порывъ удалой веселости, но зато, безъ сомнѣнія, и глубже опредѣлили его поэтическую сферу, подсказавъ ему много такихъ звуковъ, до которыхъ бы никогда не дойти Бёрнсу среди самой благоприятной обстановки.

² Подобныя представленія, только — библейскаго содержанія (Passionsspiel), бывають и до сихъ поръ въ селѣ Оберъ-Аммергау, въ нагорной Баварїи.

творчествомъ шотландскій поэтъ Вальтеръ-Скоттъ (1771—1832), родомъ изъ Эдинбурга; онъ отчасти собиралъ народныя баллады своей родины, отчасти въ эпическихъ разказахъ и романахъ создавалъ изъ историческаго матеріала живые образы, привлекательныя картиннымъ воспроизведеніемъ нравовъ, обычаевъ, учреждений, видовъ мѣстной природы и превосходными характеристиками отдѣльныхъ личностей. Онъ началъ (въ своемъ Ваверлеѣ) съ того, что оживляя грезы своего дѣтства, воспользовался нагляднымъ знакомствомъ съ мелочными подробностями жизни своихъ земляковъ, къ которымъ при смотрѣлся на своемъ первоначально-юридическомъ поприщѣ, знаніемъ природы края и его жителей, приобретеннымъ въ странствіяхъ по украинамъ Шотландіи, нагорнымъ захолустьямъ и островамъ, изученіемъ бездны забытыхъ монографій и народныхъ пѣсенъ, что и дало ему возможность живо и вѣрно воспроизводить прошлое своего народа въ различные его періоды. Эти мѣстныя и народныя картины шотландскаго быта составляютъ безспорно самую удачную часть его произведеній.

Въ Эдинбургскомъ университетѣ, рядомъ съ классическими занятіями, Вальтеръ-Скоттъ прилежно изучалъ новѣйшіе языки и началъ свое поэтическое поприще нѣсколькими переводами съ нѣмецкаго (Бюргеровыхъ «Леоноры» и «Дикаго охотника», Гётевыхъ «Гёда фонъ-Берлихингенъ» и «Царя ольхъ»), а потомъ, подъ вліяніемъ сборника балладъ Перси и стихотвореній Бёрнса, избралъ предметомъ литературной дѣятельности свой поэтическій родимый край. Съ живѣйшимъ одобреніемъ приняты были его народныя баллады шотландской украинны (Minstrelsy of the Scottish border), взятая большею частію изъ устнаго преданія и объясненная историческимъ комментариемъ, а также и первая болѣе обширная поэма «Пѣснь послѣдняго минстреля». Это ободрило его къ новымъ созданіямъ въ родственной сферѣ національно-романтическаго эпоса. Въ 1808 г. явилась рыцарская поэма «Мармионъ, повѣсть о Флодденскомъ побойщѣ» (Флодденское поле знаменито пораженіемъ Шотландцевъ въ 1513 г.), а два года спустя — его знаменитое произведеніе «Дѣва озера» (The lady of the lake) съ великолѣпными картинами горно-шотландской природы. Тутъ Вальтеръ-Скоттъ достигъ высшей точки въ романтико-эпическомъ родѣ; слѣдовавшія за тѣмъ повѣствовательныя его поэмы (The vision of Don Roderick, Rokeby, the Lord of the Isles, Harold the dauntless и мног. друг.), уступаютъ прежнимъ и въ замыслѣ и въ исполненіи. — Но еще болѣе чѣмъ балладами и эпическими поэмами прославился Вальтеръ-Скоттъ цѣлымъ

рядомъ своихъ Историческихъ романовъ; въ этомъ родѣ онъ создалъ новую эпоху и сталъ любимымъ писателемъ всѣхъ народовъ. Человѣкъ съ спокойною натурой, надѣленный доброю долей здороваго чисто-англійскаго юмора, хорошій собесѣдникъ и рассказчикъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, писалъ онъ свои повѣсти безъ всякой высшей цѣли, для одного безвреднаго занятія праздною толпою. Онъ работалъ не подчиняясь ни какому заранѣе установленному плану, да и вообще планъ служилъ ему только нитью для нанизыванія на нее «хорошихъ вещей»; то, что онъ писалъ, старался онъ только сдѣлать занимательнымъ, а во всемъ прочемъ шель рѣшительно на удачу. Начало положено было въ 1814 г., явившимся безъ имени автора, романомъ «Ваверлей», который до того всѣмъ понравился, что названіе его сдѣлалось родовымъ для цѣлаго ряда подобныхъ романовъ, которые послѣдовали Скотта одинъ за другимъ въ короткое время. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: «Гей Маннерингъ», «Антикварій», «Робъ-Рой», «Сердце Мидъ-Лотьяна или Эдинбургская темница», «Изувѣры» (Old Mortality), «Ламмермурская невѣста», «Легенды Монтроза», «Айвенго», «Кенильвортъ», «Квентинъ Дёрвардъ», «Вудстокъ» и друг. Удачнѣйшими были его раннія произведенія, и особенно тѣ, которыхъ дѣйствіе происходитъ на родной автору шотландской и англійской почвѣ, потому что они опираются на глубокое знаніе мѣстной природы и народнаго характера и вслѣдствіе того отличаются особенною свѣжестью и жизнію; напротивъ позднѣйшіе романы, какъ напр. «Анна Гейерштейнъ», «Робертъ Парижскій» и друг., далеко отстаютъ отъ прежнихъ и служатъ доказательствомъ, что даже и самый энергическій талантъ, отъ чрезмѣрной плодовитости, наконецъ ослабѣваетъ въ силахъ. Многія изъ позднѣйшихъ произведеній Вальтеръ-Скотта написаны имъ для поправленія своего состоянія, разстроеннаго большими расходами на постройки и разведеніе сада въ Абботсфордѣ, особенно же банкротствомъ книгопродавцевъ Боллентейна и Констебля, у которыхъ онъ былъ въ долѣ. Вальтеръ-Скоттъ явился не безъ достоинствъ и въ качествѣ историка; однакожь истинно интересны только тѣ историческія его сочиненія, которыя, какъ напр. «Рассказы моего дѣдушки», принадлежатъ еще къ области романа и сказанія, тогда какъ его «Исторія Шотландіи» не имѣетъ особенной цѣны, и всего менѣе удалась ему пристрастная (въ торійскомъ духѣ) и крайне поверхностная «Жизнь Наполеона». Напротивъ очень полезны и поучительны многіе изъ его литературно-историческихъ трудовъ, на-

примѣръ Жизнеописанія старыхъ романистовъ (Ричардсона, Фильдинга, Смоллета и друг.), также біографіи Драйдена и Свифта.

Въ то же самое время какъ на сцену выступили оригинальные Шотландцы, дѣлались и въ Англии удачныя попытки вытѣснить французскій вкусъ и условно-искусственное стихотворство наивною естественною поэзіей, балладами и пѣнями простаго народа. За Томпсономъ и Юнгомъ (§ 560), которые впервые стали изображать внѣшнюю природу и внутреннюю жизнь человѣка съ чувствомъ и задушевностью, слѣдовалъ Вильямъ Коуперъ (1731—1800), — поэтъ полный религіозной мечтательности и болѣзненной грусти; въ своей дидактической поэмѣ «Урокъ» (the task) обнаружилъ онъ теплое чувство къ праву, свободѣ и отечеству, а въ юмористической балладѣ «Джонъ Гильпинъ» возобновилъ старо-англійскую народную поэзію. Еще болѣе прославилась баллада «Привидѣніе адмирала Гозбера» Рич. Гловера (1712—85), купца и парламентскаго члена, извѣстнаго своими эпическими и драматическими піесами; а элегическое изображеніе природы Томпсона нашло себѣ превосходнаго подражателя въ Томасѣ Греѣ (1716—72): его «Элегія на сельское кладбище» принадлежитъ до сихъ поръ къ любимымъ у Англичанъ созданіямъ поэзіи. Многосторонній литераторъ Оливеръ Гольдсмитъ (§ 560, 1729—74), прославившійся какъ историкъ, критикъ и чувствительный романистъ, въ своихъ балладахъ, пѣняхъ и элегической картинѣ «Покинутая деревня» также обращался къ тону народной поэзіи и къ трогательному изображенію природы. — Даровитый и полный фантази поэтъ былъ несчастный Томасъ Чаттертонъ (1752—70), изъ Бристоля, который въ припадкѣ хандры, отъ чувства оскорбленной гордости и отъ недостатка средствъ къ жизни, умеръ еще осьмнадцатилѣтнимъ юношей, принявъ ядъ. Его баллады, писанныя стариннымъ языкомъ и изданныя подъ именемъ произведеній стараго англійскаго поэта Роулея, возбуждали общее удивленіе даже и тогда, когда открылось ихъ новѣйшее происхожденіе, а его прочія лирическія піесы особенно были оценены въ послѣдующую эпоху, когда въ нихъ признали первообразъ той позднѣйшей поэзіи, которой пищею служила «мировая скорбь» и внутреннее распаденіе человѣка. — Яснымъ, живымъ и вѣрнымъ изображеніемъ природы, но безъ «солнечной улыбки» Гольдсмита, отличался поэтъ дѣйствительности, Джоржъ Краббъ (1754—1832), бывший сперва хирургомъ, потомъ пасторомъ. Подобно нидерландскимъ живописцамъ рисуетъ онъ въ своихъ описательныхъ

поэмахъ («Деревня», «Мѣстечко», «Приходская запись», «Разказы» и друг.) природу и бытъ низшихъ классовъ съ точностью и правдой, но уже безъ всякихъ прикрасъ, безъ всякаго идеальнаго колорита, и вскрываетъ человѣческое сердце во всѣхъ его движеніяхъ, съ знаніемъ дѣла и мѣткостью опытнаго врача.

Облагороженнѣе и выше является поэзія природы у Вильяма Вордсворта и такъ называемой «озерной школы», то есть у извѣстнаго кружка поэтовъ, которые съ особенной любовью рисовали очаровательныя озера Вестморленда и до того погружались въ заманчивыя красоты природы, что въ обаяніи ею достигали полного олицетворенія различныхъ ея явленій. Важнѣйшими представителями этого направленія, были, кромѣ Вордсворта, поэты Кольриджъ, Соути, и Вильсонъ.

Получивъ научное образованіе и довершивъ его путешествіями, Вордсвортъ (1770—1850) находился въ самомъ благопріятномъ положеніи для того, чтобъ посвятить весь досугъ своей поэзіи и размышленію о ея сущности: онъ имѣлъ хорошій доходъ и сверхъ-того помѣстье на Райдальскомъ озерѣ, въ Вестморлендѣ. Холодный приѣмъ, которымъ были встрѣчены его «Лирическія баллады», перешелъ мало по малу въ общее одобреніе, когда за болѣе обширную философскую поэмою «The excursion», послѣдовалъ цѣлый рядъ чисто поэтическихъ произведеній (The white doe of Rylstone, Peter Bell, The Waggoner и мног. друг.), неопровержимо доказавшихъ, что Вордсвортъ, если и не гений, то все-таки поэтъ, полный глубокихъ думъ и воспримчивый къ величавой простотѣ природы. Степенный и чинный во всемъ своемъ быту, религіозный и нравственный въ мысли и поступкахъ, Вордсвортъ сталъ достоинъ въ глазахъ Англичанъ занять при дворѣ почетное мѣсто «вѣнчаннаго поэта». Всего милѣе высказывается его наивная поэзія въ нѣкоторыхъ пѣняхъ, наподобіе балладъ (наприм. въ піескѣ «Насъ семеро»). — Другомъ Вордсворту, но совсѣмъ различнаго съ нимъ характера и притомъ далеко не такъ плодовитъ, былъ Самуилъ Тейлоръ Кольриджъ (1772—1834), изъ Девоншира. Въ юности пламенный республиканецъ и поклонникъ французской революціи, велъ онъ безпокойную, нуждами тревожимую жизнь, которая недостаточно наполнялась журнальными и другими литературными трудами, пока наконецъ одинъ милостивецъ не помогъ ему предпринять продолжительное путешествіе въ Германію. Здѣсь сблизился онъ съ романтической литературой, и хотя въ то же время до того полюбилъ поэзію

Шиллера, что перевелъ по-англійски всего «Валленштейна», однакожь склонность къ романтикѣ все-таки одержала въ немъ перевѣсъ и имѣла неоспоримое вліяніе на всю его политическую и литературную будущность. Онъ сдѣлался консерваторомъ и издавалъ въ этомъ смыслѣ нѣсколько журналовъ одинъ за другимъ, пока правительство не обезпечило его необходимѣйшихъ нуждъ маленькимъ пенсіономъ. Онъ умеръ въ деревнѣ у одного пріятели, не далеко отъ столицы. Кольриджъ былъ оригинальный поэтъ съ пылкой фантазіей и глубокимъ чувствомъ; но такъ какъ онъ былъ не очень плодovitъ и творческое воображеніе его терялось иногда въ мистикѣ и грезахъ, то сочиненія его проникли въ народъ гораздо менѣе сочиненій всѣхъ прочихъ «озерныхъ поэтовъ»¹. Восхищеніе природою доходитъ у него до какой-то мистической символики ея силъ, которая особенно видна въ его главныхъ произведеніяхъ: «Крейстабелъ», — ужасно-прекрасной, но неоконченной поэмѣ, отзывающейся звуками чудеснаго изъ міра сказаній, и въ превосходномъ циклѣ романсовъ «Старый морякъ», также какъ въ нѣкоторыхъ изъ его балладъ и мелкихъ лирическихъ стихотвореній. — Третій представитель озерной школы, Робертъ Соути (1774 — 1843), искусный и плодovitый поэтъ, съ живою фантазіей и картиннымъ языкомъ, раздѣлялъ съ другомъ своимъ Кольриджемъ юношеское поклоненіе республиканскимъ идеямъ и, еще болѣе нежели онъ, отдался потомъ консерватизму. Стремленіе къ свободѣ было сначала такъ сильно у обоихъ, что вмѣстѣ съ третьимъ единомышленникомъ, Робертомъ Ловеллемъ, задумали они переселиться въ сѣверную Америку, но въ послѣдствіи отказались отъ этого плана. Къ этой то порѣ бурнаго увлеченія принадлежитъ революціонная драма Соути «Ватъ Тайлеръ». Но поэтический талантъ его выбралъ для себя не драму, а героическій эпосъ и лирику. Издавъ свою эпическую повѣсть «Юанну д' Аркъ», отличающуюся болѣе красотой языка и цвѣтностью воображенія, нежели художественностью мысли, поэтъ совершилъ обширное путешествіе по Испаніи и Португаліи, обогатившее его умъ и придавшее болѣе разборчивости его вкусу, что доказываетъ ближайшая его героическая поэма «Табала разрушитель», чудесная арабская повѣсть, написанная неправильнымъ размѣромъ стиха; еще болѣе понравилось «Проклятіе Кегамы», — основанный на индійскихъ сагахъ фантастическій разсказъ, полный вѣрныхъ и прекрасныхъ изображеній природы того

¹ Или «ленистовъ», отъ англійскаго lake, озеро.

края, образа мыслей и нравовъ его жителей; другая поэтическая повѣсть «Мадокъ» основана на валлискомъ сказаніи, по которому еще въ XII вѣкѣ валлискіе удалцы занесены были въ Америку; когда появился «Родерихъ, послѣдній изъ Готовъ», плодъ путешествія его по Испаніи, Соути былъ уже пожалованъ въ придворные поэты (1813). Эта повидимому благоприятная перемѣна обстоятельствъ произошла однакожь не въ пользу его поэтической дѣятельности; съ тѣхъ поръ хотя и удавались ему иногда мелкія эпическія, лирическія и сатирическія піэсы, но вообще въ послѣдующихъ его произведеніяхъ уже замѣтно было истощеніе таланта, соединенное съ политической и церковною односторонностью. Слабая піэса его «Видѣніе суда» была строго раскритикована лордомъ Байрономъ; а по выходѣ послѣдней, довольно обширной поэмы: «Парагвайская повѣсть», его поэтическія силы очевидно склонились къ упадку, и онъ сталъ болѣе заниматься исторіографическими и другими трудами въ прозѣ. Къ числу удачнѣйшихъ его прозаическихъ сочиненій принадлежатъ «Исторія Бразиліи» и «Жизнь Нельсона»; до какой степени онъ подчинился національнымъ предрасудкамъ и предубѣжденіямъ господствующей англиканской церкви, показываютъ его «Исторія пиренейской войны» и «Vindiciae ecclesiae anglicanae»¹. — Къ озерной же школѣ причисляютъ и шотландскаго поэта Джона Вильсона (1789—1854), который послѣ гениально проведенной молодости поселился и жилъ въ Кумберландѣ до тѣхъ поръ, пока не вызвали его профессоромъ въ Единбургъ. Названіе «озернаго» заслужилъ онъ особенно своею поэтической повѣстью «Пальмовый островъ», гдѣ нѣжно и мило разсказана исторія двухъ любовниковъ, выкинутыхъ кораблекрушеніемъ на уединенный островъ и прожившихъ тамъ семь лѣтъ. Поразительно эффектно мрачная картина его «Чумнаго города». Изъ другихъ его произведеній всѣхъ болѣе нравится собраніе разсказовъ изъ шотландскаго быта, подъ заглавіемъ «Свѣтъ и тѣнь». Теплая любовь къ человечеству, роскошное созерцаніе природы, богатство мысли и рѣдкая грація въ представленіи, — вотъ качества, ставяція его очень высоко въ ряду новыхъ англійскихъ поэтовъ.

Не столько изобрѣтательностью и живостью фантазіи, сколько граціей и утонченнымъ вкусомъ, отличается Самуиль Роджерсъ (1762—1855), родомъ изъ Лондона, — дидактическій поэтъ, у котораго кроткій, элегическій колоритъ разлитъ по нѣжнымъ и привлекательнымъ

¹ То-есть: оборона англиканской церкви.

картинамъ. Начало своей славы положилъ онъ въ 1792 году описательною дидактическою поэмой «Отрада памяти», которую приняли въ Англіи съ величайшимъ одобреніемъ и которая распространилась въ переводахъ даже за границей; за тѣмъ послѣдовало «Путешествіе Колумба», поэтический разсказъ «Жакелина» и важнѣйшее изъ его произведеній — поэтическое путешествіе по Италіи, богатое превосходными картинами итальянскихъ нравовъ и итальянской природы. — Въ духъ Роджерса, но съ большею энергіей и теплотой, написалъ стихотворецъ Томасъ Кембелль (Campbell 1777 — 1844), изъ Глазгова, свою дидактическую поему «Отрада надежды», съ однимъ очень патетическимъ мѣстомъ о раздѣлѣ Польши, которое растрогало Косцюшку до слезъ. Проживъ долго въ Германіи, гдѣ онъ написалъ прекрасные стихи: «Ye mariners of England», «Битва при Гогенлинденѣ», которой онъ былъ свидѣтелемъ, и мног. друг., онъ поселился въ Сейденгамъ близъ Лондона и занялся здѣсь поэтическими разсказами, которые особенно по душѣ Англичанамъ (таковы «O'Connell's child», «Gertrude of Wyoming» — сюжетъ изъ первобытныхъ лѣсовъ Америки, «Theodoric»), посвящая остальное время историческимъ и журнальнымъ трудамъ. Стихотворенія Кембелля болѣе отличаются красотою формы и благородствомъ языка, нежели пареніемъ и глубиною, однакожъ они вовсе не чужды душевной и истинной теплоты. Джемсъ Монтгомери (1771 — 1860) изъ Эршира, въ Шотландіи, сынъ проповѣдника общины Моравскихъ братьевъ, пользовался поэзіей преимущественно для воспроизведенія религиозныхъ помысловъ и чувствъ, несмотря на то, что протѣялъ духовный санъ на званіе журналиста. Его переложеніе псалмовъ (Songs of Zion) — одна изъ самыхъ любимыхъ назидательныхъ книгъ въ Англіи. Религиозность и нравственный образъ мыслей составляютъ зерно прекрасныхъ поэтическихъ разсказовъ: «Странникъ въ Швейцаріи», «Міръ до потопа», «Гренландія» и «Островъ пеликановъ». — Близка къ Монтгомери по религиозности и благочестію, но при этомъ одарена гораздо высшимъ романтическимъ полетомъ была Фелиція Гименсъ (1794 — 1835), родомъ изъ Ливерпуля; въ ряду множества английскихъ стихотворицъ она всѣхъ болѣе отличается глубиною чувства и совершенствомъ поэтическихъ формъ. Возбужденная нѣмецкою поэзіей, Гердеромъ и романтиками, написала она превосходныя «Пѣсни о Сидѣ» и «Пѣсни разныхъ странъ»; въ «Святыхъ лѣсовъ» изображаетъ она благородными звуками юношескія приключенія и душевныя борьбы

одного Испанца, бѣжавшаго изъ роднаго края въ первобытные лѣса Америки; въ ея гимнахъ, пѣсняхъ, балладахъ и другихъ лирическихъ пѣсахъ вездѣ видна глубоко-поэтическая душа. — Послѣ нея первое мѣсто занимаетъ несчастная Летиція Элиза Ландонъ (1804 — 1838), сочинительница многихъ романовъ и лирико-эпическихъ стихотвореній съ сильнымъ отбѣнкомъ романтизма (The Improvisatrice, the Troubadour, the Golden Violet и мног. друг.). Вышедши замужъ за англійскаго губернатора на южно-африканскомъ берегу, она была отравлена служанкою. Лебединою пѣснью вылилось у ней прекрасное стихотвореніе «Полярная звѣзда».

Величайшій поэтъ новой Англіи — это, безспорно, лордъ Байронъ: ему и друзьямъ его Томасу Муру, П. Б. Шелли и друг. новая англійская поэзія обязана своими гениальнѣйшими созданіями. Человѣкъ, съ высокимъ творческимъ талантомъ и роскошною фантазіей, но раздражительный и неспособный совладать съ бурей внутренняго чувства, лордъ Байронъ велъ безцѣльную кочевую жизнь, пока не нашелъ смерти подъ Миссолонги (§ 797). Свои впечатлѣнія и наблюденія, свои опыты и наглядныя замѣтки на пути черезъ Португалію и Испанію, черезъ Германію, Швейцарію и Италію въ Грецію и на Востокъ, воспроизвелъ онъ увлекательнѣйшимъ образомъ въ двухъ обширныхъ эпическихъ поэмахъ «Странствія Чайльдъ Гарольда» и (неоконченномъ) «Донъ Жуанъ». Рядомъ съ ними особенно славятся его поэтическіе разсказы: «Гяуръ», «Абидосская невѣста», «Корсаръ», «Лара», «Мазепца» и друг., драматическія произведенія: «Манфредъ» (подражаніе Гётеву Фаусту), «Маріно Фаліеро», «Оба Фоскари» и друг., а изъ лирическихъ — его баллады и Еврейскія мелодіи. Онъ обладалъ все одолюющею поэтическою силой и такою всеобщностью гения, которой доступны были всѣ движенія человѣческой души, всѣ изгибы сердца, всѣ страсти и настроенія; этотъ гений проникалъ вездѣ и все умѣлъ выразить въ изящной формѣ слова. Скитальцу безъ цѣли и плана, скоро опостыѣла ему жизнь, и это мрачное настроеніе легло въ основу большей части его произведеній; непризнанный, пренебреженный окружавшею его средой, ненавидѣлъ и презиралъ онъ высшее общество и обдавалъ его насмѣшкою и сатирой, глумленіемъ и ироніей при каждомъ удобномъ случаѣ; пресытаясь чувственными наслажденіями, печально воспоминаетъ онъ о своемъ невозвратномъ счастіи и въ меланхолическихъ жалобахъ изливаетъ глубокую горечь души, которая сдѣлалась съ тѣхъ поръ

камертономъ новой поэзіи, — поэзіи «міровой скорби» и душевнаго распаденія; въ разладѣ съ настоящимъ и съ окружавшимъ его обществомъ, онъ искалъ отрады больному сердцу среди народа, болѣе удаленнаго отъ цивилизаціи, гдѣ природа и страсти дѣйствовали еще вольнѣе и энергичнѣе. Но сколько ни преобладаютъ у Байрона чувства внутренней непримиримой борьбы, его фантазія до того богата и до того одарена творческою силой, что ему легко схватывать и поэтически воспроизводить все высокое, благородное и идеальное. Чуждый религіозности, онъ умѣлъ однакожъ превосходно изображать самыя нѣжныя чувства благочестиваго, преданнаго Богу сердца и невозмутимое спокойствіе вѣрующей, глубоко набожной души; будучи несчастливъ въ супружествѣ и чрезмѣрно отдаваясь наслажденіямъ мимолетной прихоти чувства, онъ умѣлъ однакожъ очаровательно рисовать благородныя женскіе характеры и выставить въ полномъ величіи и красотѣ блаженство чистой любви и непоколебимой вѣрности. Восторженный поклонникъ свободы, Байронъ воспользовался борьбою Грековъ за независимость, чтобы въ прекрасныхъ пѣняхъ и картинахъ высказать всю ненависть свою къ тиранамъ и любовь къ свободѣ, — свою главную страсть; а что слова текли у него прямо изъ души, онъ доказалъ это своимъ личнымъ участіемъ въ опасной брани. Въ томъ-то и заключается необыкновенная мощь Байроновской поэзіи, что вездѣ ощущаемъ у него непосредственное впечатлѣніе его собственныхъ настроеній, что все созданія его — прямое выраженіе его собственныхъ идей, чувствъ и взглядовъ, что въ нихъ высказывается глубочайшее, задушевное его существо; онъ былъ до такой степени самороднымъ, субъективнымъ поэтомъ, что даже высокая артистичность является у него какъ чисто прирожденный даръ¹.

Джоржъ Байронъ Гордонъ родился въ Лондонѣ 22 янв. 1788 г. Отецъ, промотавши свое имѣніе, умеръ черезъ три года по рожденіи сына, вслѣдствіе чего мать переселилась въ Банфъ, въ Шотландію. Здѣсь среди здороваго воздуха горныхъ высотъ окрѣпло тѣло мальчика, родившагося колченожкой, такъ что онъ скоро отличился во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, въ плаваньи, верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ и фехтованіи. Когда ему исполнилось десять лѣтъ, смерть одного дѣда

¹ Но сравненіе лучшихъ произведеній Байрона съ первыми неудачными его опытами показываетъ ясно, что и этотъ прирожденный даръ необходимо требовалъ развитія, изученія и подготовки.

доставила ему богатое наслѣдство съ саномъ лорда и пѣра; тогда мать возвратилась въ Англію, чтобы дать сыну научное образованіе. Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Гарроускомъ училищѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ уже нѣсколько поэтическихъ опытовъ и въ меланхолическомъ стихотвореніи «Сонъ» изобразилъ свою первую несчастную любовь, отправился онъ въ Кембриджскій университетъ и предался всѣмъ излишествамъ студенческой жизни. Первое собраніе его стиховъ, появившееся въ 1807 г. подъ заглавіемъ «Часы досуга» (Hours of idleness), было очень строго разобрано въ журналѣ Edinburgh Review; гениальный поэтъ отплатилъ за эту непріятность жестокою сатирой «English bards and Scotch reviewers». Съ 1809 по 1811 годъ совершилъ онъ съ другомъ своимъ Гобгаузомъ довольно обширное путешествіе по Греціи, Албаніи и Турціи, и при этомъ случай вплавь пересѣкъ весь Геллеспонтъ отъ Сестоса до Абидоса. Въ 1812 г., вскорѣ послѣ того какъ онъ произнесъ свою дѣтственную (т. е. первую) рѣчь въ палатѣ лордовъ, вышли двѣ первыя пѣсни его «Чайльдъ Гарольда», принятая съ неизмѣрнимъ одобреніемъ, а въ слѣдующемъ году онъ издалъ «Гаура», турецкую повѣсть любви и мести, плодъ своего путешествія на Востокъ. Такъ же прекрасны какъ и «Гауръ» были дальнѣйшія его поэтическія рассказы: «Абидосская невѣста», и продолженіе Корсара, мрачный, многотайственный «Лара». Въ томъ же 1814 г. явились «Еврейскія мелодіи», которыя, примѣняясь къ древнѣйшимъ пѣнопѣніямъ Евреевъ, элегически воспроизводятъ нѣкоторыя черты изъ событій іудейской исторіи или въ невыразимо глубокихъ звукахъ изливаютъ скорбь несчастнаго народа, оплакивающаго свое прошлое и настоящее. Въ 1815 г., томъ самомъ, когда онъ вступилъ въ несчастный бракъ съ Анною Изабеллой Мильбанкъ-Ноэль, вышли въ свѣтъ «Осада Корина» и «Паризина». Покинутый своей женой, которая подарила его дочерью, и наконецъ разведенный съ нею, продалъ онъ въ слѣдующемъ году наслѣдованное имѣніе и разстался съ Англіей, съ тѣмъ чтобъ никогда не возвращаться. На пути по Рейну началъ онъ третью пѣснь Чайльдъ Гарольда, а на живописныхъ берегахъ Женевского озера, гдѣ проводилъ лѣто вмѣстѣ съ Шелли, возникли у него поэтическій рассказъ «Шильтонскій узникъ», нѣкоторыя другія пѣсы и отчасти мрачная драма «Манфредъ», шевелящая самыя глубокія задачи чловѣческаго существованія. Осенью отправился онъ въ Италію и довольно долго прожилъ въ Венеціи, гдѣ предавался самымъ сладострастнымъ удовольствіямъ, которыя однакожъ не ослабили его творческой силы. Онъ dokon-

чилъ четвертую пѣснь Чайльдъ Гарольда, написалъ юмористическую повѣсть «Беппо» и увлекательную эпическую картину «Мазеппа», сочинилъ пламенную духомъ свободы «Оду къ Венеціи» и началъ гениальнѣйшее изъ своихъ созданий, неоконченную эпическую поэму «Донъ Жуанъ», въ 16 пѣсняхъ, писанныхъ осьмистишіями. Въ этомъ дивно прекрасномъ произведеніи Байронъ прихотливо играетъ своимъ талантомъ; цестрой чередой и самыми причудливыми скачками изображаетъ онъ всѣ страсти, взгляды, чувства и настроенія, благороднѣйшія и возвышеннѣйшія рядомъ съ самыми низкими и безбожными; при этомъ онъ расточаетъ такое богатство фантазіи, такое обиліе ума, насмѣшки и сатиры, такое мастерство языка и стихосложенія, что все вмѣстѣ возбуждаетъ въ читателѣ невольное удивленіе. Поэма эта отличается какою-то универсальностью (всесторонностью мысли и чувства), которая усваиваетъ себѣ всѣ возможные жизненные тоны, которая равно у себя дома и въ глубокихъ безднахъ и на свѣтлыхъ высотахъ. Байронъ изобразилъ здѣсь живыми чертами и выпренинѣйшій полетъ и крайнее истощеніе своего духа, онъ показалъ, что ему дано было узнать все великое и высокое въ этомъ мірѣ, и что во всеоружіи познаній онъ самовольно ринулся въ пропасть ничтожества. Иронія всесвѣтной скорби, отчаянія, пресыщенія жизнью, просвѣчивающая даже въ очаровательнѣйшихъ картинахъ и въ возвышеннѣйшихъ мѣстахъ, рядомъ съ наслажденіемъ возбуждаетъ и ужасъ. Въ 1820 г. поселился онъ въ Равеннѣ, гдѣ провелъ цѣлый счастливый годъ вблизи очаровательной графини Терезы Гвичіоли, разставшейся съ своимъ мужемъ, и въ числѣ другихъ произведеній написалъ трагедію «Маринно Фаліэро»; изданная въ слѣдующемъ году трагедія «Сарданапалъ», съ превосходною женскою фигурой любящей Іонійки Мирры, посвящена была «славному Гёте». Вслѣдъ за нею появилась взятая изъ венеціанской исторіи трагедія «Оба Фоскари» и глубокомысленная мистерія «Кайиъ»; придворному поэту Соути, который сильно напалъ на него и его друзей въ своемъ «Виднѣніи суда», Байронъ отмстилъ жестокою сатирой подъ такимъ же заглавіемъ. Посвященный въ планы и замыслы карбонаровъ, онъ, при подавленіи итальянской революціи, считалъ небезопаснымъ для себя долѣе оставаться въ Равеннѣ; поэтому онъ отправился съ своей милой въ Пизу, гдѣ потерялъ друга своего Шелли, а затѣмъ въ Генуу. Изъ написанныхъ имъ въ это время стихотвореній особеннаго упоминанія заслуживаетъ поэтическое разсказъ «Островъ». Лѣтомъ 1823 пустился онъ въ Грецію, чтобы кровью и добромъ помочь завоеванію той свободы,

которую онъ воспѣвалъ въ такихъ пламенныхъ стихахъ. Онъ принялъ начальство надъ устроенною имъ бригадой Суліотовъ, но прежде чѣмъ успѣлъ приступить къ предположенному нападенію на Лепанто, онъ умеръ 19 апрѣля 1824 г., на тридцати шестомъ году отъ роду, жертвою болѣзни, порожденной лихорадочнымъ раздраженіемъ и вреднымъ вліяніемъ кламата. Прахъ его покоится въ одной сельской церкви, въ Англіи, потому что англиканское духовенство не допустило его гроба въ Вестминстеръ¹.

Въ дружбѣ и продолжительномъ общеніи съ лордомъ Байрономъ находился Ирландецъ Томасъ Муръ (1780—1852). Начавъ съ Анакреона, котораго веселыя, легкомысленныя пѣсни онъ переводилъ, Муръ подражалъ ему потомъ въ своихъ мелкихъ стихотвореніяхъ (Tom little poems) поэтически и остроумно, и наконецъ стяжалъ пальму лирической поэзіи своими очаровательными «Ирландскими мелодіями», которыя въ видѣ текста къ народно-ирландскимъ напѣвамъ, собраннымъ Стивенсономъ, являются прекраснымъ памятникомъ патріотизма и теплой привязанности къ бѣдному «зеленому острову» со стороны даровитыхъ его дѣтей. Взявъ въ руки давно умолкшую арфу своей родины, поэтъ извлекаетъ изъ нея превосходныя пѣсни, въ которыхъ веселье и горе, торжество и печаль звучатъ попеременно въ формахъ самой трогательной мелодіи, то ликуя и плача, то негодуя и скорбя. Всѣ чувства, начиная отъ восторженныхъ къ свободѣ гимновъ барда, до замирающей, элегически заунывной пѣсни о погибшей красѣ Ирландіи, находятъ себѣ выраженіе въ этихъ прелестныхъ стихахъ, гдѣ и чары природы, и народныя страданія представлены живо и увлекательно. Рядомъ съ Ирландскими мелодіями достойное мѣсто занимаютъ «Духовныя гимны» (Sacred songs) и «Народныя пѣсни» (National airs). Раздраженный жестокосердіемъ англійскихъ торіевъ къ его несчастному отечеству, Муръ далъ волю своему негодованію въ цѣломъ рядѣ сатиръ, изъ которыхъ всѣхъ замѣчательнѣе «The two penny postbag» и «Letters of the Fudge family in Paris», а потомъ напечаталъ главное свое произведеніе, восточную поэму «Лалла Рукъ» (Тюльнанная щека), состоящую изъ четырехъ разсказовъ: Хорасанскій пророкъ подъ покрываломъ, Рай и Пери, Огнепоклонники, Свѣтъ гарема; все это вставлено въ предестинную рамку краткой любовной повѣсти, напечатанной въ прозѣ. Парой къ Лалла Рукъ, только въ болѣе лирическомъ тонѣ, могутъ служить прекрасныя картины съ чи-

¹ Гдѣ, какъ извѣстно, погрѣбаетъ Англія своихъ знаменитыхъ заслугами людей.

это восточнымъ колоритомъ, названныя «Loves of the angels». Надливъ область поэзіи еще сентиментальнымъ дидактическимъ романомъ «Эпикуреецъ», Муръ преимущественно обратился къ прозѣ и въ «Запискахъ о жизни капитана Рока» далъ интересное, хотя и нѣсколько пристрастное изображеніе ирландской дѣйствительности, а въ «Запискахъ Лорда Эдуарда Фицджеральда» хорошій матеріалъ для исторіи того края. Зато оборона римскаго католицизма, явившаяся подъ заглавіемъ: «Страсти благовоспитаннаго Ирландца въ поискахъ за религіей», не болѣе какъ причуда, полная блестящей софистики. Муръ былъ человѣкъ съ большимъ образованіемъ и великимъ житейскимъ опытомъ. — человѣкъ, сохранявшій веселую бодрость среди всѣхъ возможныхъ затрудненій и даже въ самыхъ стѣсненныхъ положеніяхъ не измѣнявшій ни честности характера, ни свободѣ духа. Изъ числа остальныхъ его произведеній можно упомянуть только о жизнеописаніи поэта и парламентскаго оратора Шеридана (1752—1816), которое Муръ предпослалъ своему изданію сочиненій этого писателя. Изъ любимыхъ въ Англии драматическихъ пьесъ Шеридана, всѣхъ лучше остроумная комедія «Школа сплетней». — Очень даровитый, но презрѣвшій вѣру и распавшійся духомъ поэтъ былъ Перси Биши Шелли (1792—1822), у котораго скептицизмъ друга его Байрона дошелъ до пантеизма и безбожія. Удаленный за безвѣріе изъ Оксфордскаго университета, отвергнутый своимъ отцомъ за несчастный бракъ, въ который онъ вступилъ безъ родительской воли, лишенный по судебному приговору права воспитывать своихъ собственныхъ дѣтей, Шелли велъ очень тревожную жизнь, возмущаемую душевною борьбой и тѣлесными болѣзнями и погибъ въ молодыхъ лѣтахъ на Средиземномъ морѣ, когда отправясь однажды въ открытой лодкѣ изъ Ливорно въ Леричи, былъ застигнутъ внезапно бурей. Трупъ его, прибитый волнами къ берегу, Байронъ велѣлъ сжечь и похоронить цепель у Цестіевой пирамиды въ Римѣ. Внутренняя тревога, ознаменовавшая жизнь несчастнаго Шелли, выразилась и въ его поэтическихъ произведеніяхъ. Въ главной своей поэмѣ «Царица Мабъ», написанной имъ съ дикой геніальностью, когда ему было всего семнадцать лѣтъ, прилагаетъ онъ мѣрило философскаго умозрѣнія къ дѣйствительности политическаго, религіознаго и общественнаго быта, съ тѣмъ чтобъ преобразовать ее въ смыслѣ безграничной индивидуальной свободы, и изображаетъ въ пламенныхъ стихахъ противоположность идеала съ дѣйствительностью, при чемъ пантеизмъ вѣчнаго духа заступаетъ у него мѣсто христіанскаго ученія. Тверже въ формѣ и жизненнѣе въ содер-

жаніи, чѣмъ теряющаяся въ философствованіи «Царица Мабъ», вышла его элегически грустная поэма «Alastor or the spirit of solitude», изображающая мечтательную, полную фантазіи жизнь чистаго, но неугомоннаго духомъ юноши, котораго крайнее стремленіе къ недостижимому идеалу преждевременно сводитъ въ гробъ. — Юноши, который, оторвавшись отъ всего и одинокій, не можетъ найти связи, соединяющей его со вселенною и указывающей ему въ ряду созданій необходимое и вмѣстѣ желанное для него мѣсто. Драматическія пьесы «Раскованный Промедей» (Prometheus unbound) и «Эллада» служатъ ему для прославленія свободы и борьбы Грековъ за независимость; въ «Ченчи» переработалъ онъ въ трагедію одинъ ужасный сюжетъ изъ итальянской исторіи¹; обширѣйшая изъ поэмъ Шелли «Возстаніе Ислама» въ 12 пѣсняхъ, рисуетъ въ цѣломъ рядѣ картинъ могучіе порывы души, восторженной къ свободѣ и благополучію человѣка, а въ трогательной элегіи «Адонисъ» скорбитъ онъ о равней кончинѣ умершаго въ Римѣ молодаго поэта Джона Китса (1796—1820), автора мрачныхъ стихотвореній «Эндимионъ», «Гиперіонъ» и друг. Вторая супруга Шелли, съ которою жизнь его потекла счастливѣе, также явилась въ качествѣ писательницы, именно съ романомъ «Франкенштейнъ, или новый Промедей». — Къ этимъ поэтамъ, которые всѣ болѣе или менѣе долго прожили въ Италіи, должно еще присоединить Лея Гѣнта (Leigh Hunt); въ прекрасномъ стихотворномъ разсказѣ «The story of Rimini», переработалъ онъ Дантовскій сюжетъ въ превосходную картину и сверхъ того издалъ сборникъ воспоминаній и эпизодовъ изъ жизни Байрона. За рѣзкую статью противъ принца регента (потомъ короля Георга IV), въ газетѣ Examiner 1812 г., онъ былъ присужденъ къ денежной пенѣ и двухлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ.

Благодаря Бёрнесу и Вальтеръ Скотту, Байрону и Муру, благодаря также «Озерной школѣ», англійская поэзія нашего вѣка достигла той степени высоты, за которую не перешла и донинѣ; и сколь ни велико было число современныхъ и позднѣйшихъ поэтовъ, никто изъ нихъ, кромѣ однихъ романсистовъ, не смогъ придать ей инаго направленія, возвести ее на новую ступень. Хотя лирическая поэзія

¹ Ченчи — древняя римская фамилія, знаменитая въ средніе вѣка своей строптивой борьбой противъ папъ, приобрѣла въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка самую постыдную славу ужасамъ неслыханнаго кровосмѣшенія и убійства, которые обнаружались въ ея средѣ. Страшная эта драма кончилась казнью всѣхъ остальныхъ членовъ семьи, какъ отцеубійць, въ 1603 г., въ царствованіе папы Климента VIII.

обогадилась многими удачными произведениями, нѣжными, полными чувства вещами, трогательными балладами и заманчивыми народными сказаніями, однакожь она не проторила новыхъ путей и служила только къ большому распространенію поэтической литературы въ народѣ. Вальтеръ Севеджь Лендоръ (род. 1775), котораго навели на поэзію («Imaginary conversations», «Count Julian» и друг.) путешествія его въ Испаніи и Италиі; Эбенезеръ Элліотъ (1781—1849), авторъ пламенныхъ стиховъ на хлѣбные законы (Cornlaw rhymes), рисующихъ поразительными красками бѣдствія низшихъ классовъ; Томасъ Гудъ и друг. примыкають болѣе или менѣе къ Байрону и Муру; Роб. Поллокъ (1798—1827), рано умершій авторъ религіозно-дидактической поэмы «Токъ времени»; Вилльямъ Теннантъ (род. 1785), хромой школьный учитель въ Анструтерѣ, авторъ комическаго эпоса «Анстерскій базаръ», въ осьми-строчныхъ станцахъ (ottave rime), и другихъ произведеній; Вилльямъ Модервелъ (Motherwell, 1797—1835), родомъ изъ Песли, полный чувства элегикъ и издатель «Сборника древнихъ и новыхъ романсовъ и балладъ» (Minstrelsy ancient and modern) и друг., слѣдовали по пути, указанному Бёрнсомъ, Вальтеръ-Скоттомъ и поэтами природы, тогда какъ духовный поборникъ епископальной церкви, Вилльямъ Боульзъ (1762—1850), держался болѣе Соути и Озерной школы.—Къ поэтамъ метрополи въ новѣйшее время достойно присоединились нѣкоторые сѣверо-американскіе стихотворцы; однакожь, хотя иные изъ ихъ числа, какъ наприм. цѣвецъ затишья въ природѣ и въ обществѣ («The ages»), Брайянтъ (род. 1794), или Рич. Генри Дана (род. 1787), романтически взглянувшій на бытовые особенности своего края («The viceroy» «The dying raven»), или, еще болѣе, Генри Лонгфелло (род. 1807), богатый фантазіею поэтъ, образовавшійся долгими путешествіями по Европѣ, — хотя эти замѣчательные таланты встрѣтили себя и въ Старомъ свѣтѣ благосклонный, ласковый пріемъ, однакожь для самихъ Англо-Американцевъ главную духовную пищу составляетъ до сихъ поръ все-таки англійская литература. Одно изъ новѣйшихъ произведеній Лонгфелло, извѣстное и въ нѣмецкомъ переводѣ, — это поэтическій рассказъ «Евангелина», писанный гекзаметромъ и въ формѣ Гётева «Германа и Доротеи». Фонъ картины составляютъ шумъ первобытныхъ сосновыхъ лѣсовъ и сливающейся съ нимъ отдаленный плескъ моря, а содержаніе ея — скорбная участь французскихъ колонистовъ въ Акадіи или Новошотландіи, безжалостно оторванныхъ Англичанами отъ первобытной почвы и разсѣянныхъ въ одиночку по

другимъ колоніямъ¹. — Драматическая поэзія воздѣлывалась въ Англии, далеко не такъ успѣшно, какъ лирическая, сколько ни старались многіе отличные актеры и актрисы (Кембль, Кинъ, Макриди, Сиддонсъ и друг.) художественнымъ воспроизведеніемъ шекспировскихъ шѣсъ пробудить смыслъ и интересъ къ чисто національной драмѣ. Къ извѣстнѣйшимъ сценическимъ писателямъ принадлежать: парламентскій ораторъ, Ирландецъ Лелоръ Шиль, актеръ Джемъ Шериданъ Ноользъ (Knowles, род. 1787), который принялъ за образецъ Шекспира и въ историческихъ своихъ трагедіяхъ (the Gipsy, Virginius, Cajus Gracchus, W. Tell, Alfred the great), и въ комедіяхъ (the Beggar, the love-chase, Old maids); Г. Г. Мильманъ (род. 1791), сначала избравшій библейскіе сюжеты (Belshazzar, Fall of Jerusalem), приобрѣтшій себя большую славу трагедіей Fazio, но потомъ обратившійся къ другимъ отраслямъ литературы; правовѣдъ Томасъ Тальфурдъ (1795—1854), который, будучи извѣстенъ и въ качествѣ парламентскаго оратора, старался своими простыми трагедіями Ion, the Athenian captive, снова воскресить греческую драму. — Любимое чтеніе образованныхъ классовъ въ Англии составляютъ романы, почему замѣчательнѣйшіе писатели обратили свои таланты преимущественно на этотъ родъ и старались придать ему поучительность и заманчивость разнообразіемъ сюжетовъ, увлекательностью изложенія и распространеніемъ его на самыя многообразныя сферы жизни и науки. Въ историческомъ романѣ недостижимымъ образцомъ остался Вальтеръ-Скоттъ; изъ преемниковъ его только Американецъ Джемъ Фениморъ Куперъ (1789—1851) сумѣлъ пробудить новый интересъ живописью американскихъ нравовъ и картинъ природы, вѣрнымъ представленіемъ быта Индѣйскихъ племенъ и поселенцевъ и вообще удачною обработкой отечественныхъ сюжетовъ. Жизнь въ лѣсахъ Сѣверной Америки со всеми ея красотами и ужасами, съ ея опасностями и кровавою борьбой, со всей ея дикою поэзіей, и бурное, обильное грозными случайностями море, составляютъ заманчивую основу его многочисленныхъ романовъ, изъ которыхъ вѣкъ извѣстнѣе «Шпіонъ», картина изъ войнъ за независимость, «Русалка» (Water-witch) и «Браво». Нѣтъ ничего удивительнаго, что морскіе сюжеты

¹ Еще оригинальнѣе по сюжету и исполненію «Пѣснь Гіаваты» — мифическая легенда американскихъ Индѣйцевъ, обратившая на себя общее вниманіе читающей публики въ 1855 году.

сдѣлались любимымъ предметомъ владыкъ моря, Англичанъ и Американцевъ, и что поэтому цѣлый рядъ писателей принялся именно за эту отрасль романа. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ капитанъ Марьятъ, Базиль Голль и Ч. Вильсонъ (Tom Cringle's log). Леди Морганъ приобрѣла себѣ литературную извѣстность картинами ирландскихъ нравовъ и удачными описаніями путешествій; богатая и разнообразная семейная и народная жизнь во всѣхъ ея постепенностяхъ, начиная съ двора и высшаго общества до разбойничьего и нищенскаго быта, составляетъ неистощимый матеріалъ тѣхъ безчисленныхъ романовъ, съ которыми выступили передъ читающимъ міромъ Теод. Гукъ, Сам. Варренъ, Бендж. д'Израэли, В. Г. Энсвортъ, В. М. Текерей и бездна другихъ. Первое мѣсто между романистами Англіи со времени Вальтеръ-Скотта занимаютъ Бульверъ и Дикенсъ, первый—по многостороннему образованию, приобретенному изученіемъ и путешествіями, по ясности своего здраваго ума и философской вѣрности своихъ сужденій, второй—по удивительному юмору и остроумію, соединеннымъ съ трогательнымъ пафосомъ, и по глубокому знанію человѣческой души.

Эдуардъ Литтонъ Бульверъ (род. 1803) испытывалъ свои силы въ лирической и драматической поэзіи, но ничѣмъ такъ не прославился, какъ романами, въ числѣ которыхъ можно особенно указать на слѣдующіе: Pelham, Eugen Aram, Ernst Maltravers, Night and Morning, ¹ также какъ на извѣстную картину древности «The last days of Pompeii» и на историческіе романы: Cola Rienzi, the last of the barons, the Saxtons и Harold. Изящный, гармоническій языкъ, провицательный умъ и знаніе человѣческаго сердца, тонкая наблюдательность и художественное умѣнье владѣть и распорядиться предметомъ, — вотъ что видно у него вездѣ; за то онъ уступаетъ многимъ въ силѣ и богатствѣ изобрѣтательности, въ разнообразіи характеристикъ и въ раскрытіи энергическихъ страстей. Это болѣе размышляющій, чѣмъ творческій умъ, это не столько поэтъ, сколько художникъ; онъ самъ всегда остается въ предѣлахъ трезваго здравомыслія и оставляетъ въ нихъ своего читателя. Своею интересною книгой «Англія и Англичане» Бульверъ положилъ основаніе новому виду этнографической литературы. — Чарльзъ Дикенсъ (прозванный: Бозъ) утвердилъ за собою славу остроумнаго и вмѣстѣ полного души

¹ Сюда должно присоединить еще послѣднія и чуть ли не лучшія произведенія Бульвера: What will he do with it? и My Novel.

народнаго писателя уже своими первыми юмористическими произведеніями: «Sketches of London» (Очерки Лондона), для чего матеріаломъ послужила ему богатая народная жизнь всесвѣтной англійской столицы, и «Pickwick papers» (Пиквиковы Записки). Необыкновенная зоркость, веселое настроеніе, мѣткая сатира и увлекательный комизмъ, соединенные съ потрясающимъ пафосомъ — вотъ качества безхитростно, просто переданной исторіи чудныхъ приключеній г-на Пиквика и трехъ его друзей, въ которой житье-бытье англійскаго народа, особенно низшихъ и среднихъ классовъ, представлено въ самомъ уморительномъ видѣ. Слѣдующія его произведенія: «Оливеръ Твистъ», «Николай Никельби», «Часы мастера Гѣмфри» и друг., можетъ быть и выработанные въ художественномъ отношеніи, но въ силѣ и наивности уступаютъ Пиквиковымъ запискамъ. Народный правописательный романъ Дикенса, полный яркихъ образовъ изъ дѣйствительной жизни, не только интересуется и поучаетъ, онъ сверхъ того стремится облегчить жребій бѣдныхъ и угнетаемыхъ и пролить на ихъ раны смягчительный бальзамъ.

Рядомъ съ Бульверомъ и Дикенсомъ должно назвать еще во-первыхъ Чарльза Лема (Lamb, 1775—1834), какъ полного души лирика, драматиста и особенно какъ автора очерковъ и рассказовъ («Рассказы изъ Шекспира»), а потомъ Американца Вашингтона Ирвинга (1783—1860), изъ Нью-Йорка. Послѣдній, близко ознакомившись долгими путешествіями по всѣмъ почти европейскимъ странамъ съ нравами и особенностями большей части народовъ, далъ въ своей весьма извѣстной книгѣ «Очерковъ» интересное изображеніе англійской и американской жизни, а въ «Альямбрѣ» — восторженную картину романтической эпохи Испаніи, подъ владычествомъ Мавровъ. Въ граціозномъ сочиненіи «Bracebridge-Hall» и въ «Tales of a traveller» (Рассказахъ путешественника) онъ показалъ свое умѣнье живописать природу, а потомъ занялся историографіей, мѣстами отзывающейся юморомъ и романтическимъ оттѣнкомъ («Нью-Йоркъ», «Коломбъ», «Могамедъ»), но здѣсь онъ далеко уступаетъ въ глубинѣ взгляда и основательности обонимъ своимъ соотечественникамъ — Прескотту (1796—1857, автору «Завоеванія Мексики и Перу», «Исторіи Фердинанда и Изабеллы», «Филиппа II» и друг.) и Банкрофту (автору «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки»). — И въ Англіи историографія обогатилась въ послѣднее время отличными сочиненіями, особенно по части отечественной исторіи. Шаронъ Тёрнеръ (1768—1847) и Джонъ Лингардъ (1769—1851) изложили въ многотомныхъ

сочиненіяхъ старую исторію Англіи, первый—съ англиканской точки зрѣнія, болѣе учено и основательно, нежели изящно, другой—съ явнымъ пристрастіемъ строгаго католика, но очень умно, искусно и съ тщательнымъ изученіемъ источниковъ. Безпристрастиѣ и съ болѣе яснымъ взглядомъ на предметъ обработалъ Галламъ исторію англійской конституціи и тѣхъ государственныхъ перемѣнъ, которыя были произведены реформациею и революціею; онъ также написалъ исторію европейскихъ государствъ въ средніе вѣка и истор. литературы въ 15, 16 и 17 столѣтіяхъ. Непиръ сочинилъ хорошую и основательную книгу О войнѣ на Пиренейскомъ полуостровѣ, Титлеръ подробную Исторію Шотландіи, Элизонъ посвятилъ свое перо исторіи Европы со временъ французской революціи, которой важнѣйшія событія остроумный критикъ Томасъ Карлейль (род. 1795) живо воспроизвелъ въ формѣ потрясающихъ видѣній. Тотъ же Карлейль—величайшій между Англичанами знатокъ нѣмецкой литературы — старался сблизить съ нею своихъ соотечественниковъ искусными переводами (Вильгельма Мейстера и друг.) и біографіями («Жизнь Шиллера»). Новѣйшее произведеніе его, «Исторія Фридриха II, прозваннаго Великимъ», также свидѣтельствуетъ о его живомъ сочувствіи къ литературной и исторической жизни Германіи. Сочиненія Дж. Дѣнлопа объ исторіи литературы, біографія славныхъ государственныхъ мужей лорда Брума и великое множество трудовъ по разнымъ отдѣльнымъ частямъ отечественной исторіи (Пальгрева, д' Израэли, Годвина), равно какъ и многочисленные сборники актовъ и памятниковъ прежняго времени, показываютъ и великую дѣятельность англійскихъ литераторовъ въ сферѣ исторіи, и живой интересъ народа къ его великому прошлому. Въ ряду всѣхъ Англичанъ, доселѣ посвящавшихъ свой досугъ изслѣдованію и изображенію историческихъ событій и исторической жизни націи, первое мѣсто занялъ Томасъ Бебингтонъ Маколей (1800—1860), извѣстный какъ государственный человѣкъ и ораторъ, какъ гениальный критикъ и поэтъ; его знаменитая, но, къ сожалѣнію, неконченная «Исторія Англіи» заключаетъ въ себѣ, какъ введеніе, взглядъ на развитіе англійской конституціи, а затѣмъ, съ воцареніемъ Іакова II, переходить уже къ подробному историческому разсказу. Съ основательнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ обстоятельствъ и съ глубокимъ вниканіемъ въ натуру и свойства дѣйствующихъ лицъ Маколей соединяетъ безпристрастное чувство справедливости и исторической истины, развитое философіею и классическою наукою, полную свободу въ сужденіяхъ.

ясное, свѣтлое изложеніе и благородный, мужественно сильный языкъ. Въ его мелкихъ историческихъ сочиненіяхъ есть также много превосходнаго.¹

В. Франція (сравни § 627—631. § 671). Ни въ одной странѣ литература не связана такъ тѣсно съ общественнымъ бытомъ и нигдѣ она не имѣетъ такого вліянія на нравы и образъ мыслей, какъ во Франціи. Она можно сказать властвуетъ здѣсь надъ обществомъ, втѣняется въ политику и опредѣляетъ религіозныя и церковныя воззрѣнія образованныхъ классовъ. Поэтому литература въ этомъ краѣ и не имѣетъ того независимаго положенія, той безпредубѣжденной и безвредной самостоятельности, какою отличается она въ другихъ странахъ. Она то владычица, то слуга политики и религіи, и всегда въ самомъ близкой связи съ состояніемъ общества въ данную минуту. Не довольствуясь творчествомъ въ одной области ума, она старается осуществить, приложить къ дѣйствительной жизни свои идеи, воззрѣнія и начала. Въ послѣднія времена старой королевской власти раздѣляла она характеръ общаго разложенія, отрицанія, нравственнаго упадка; въ дни республики отдалась она беззавѣтному воодушевленію къ свободѣ и служила конвенту орудіемъ, какъ опора его мироколеблющихъ мѣръ и началъ; въ эпоху имперіи она схватилась за трубу славы и угождала новому властителю пышными рѣчами и льстивыми отзывами; послѣ реставраціи вошла въ силу новая романтика съ ея религіозною сентиментальностью, поддерживая и поощряя систему церковнаго вѣрованія и легитимизма. Обокъ со всѣми этими направленіями шла однако въ то же время и сильная оппозиція, которая то болѣе, то менѣе искусно и успѣшно противорѣчила господствующему направленію и такимъ образомъ мѣшала водворенію опасной односторонности. Оппозиція эта возникла прежде въ станѣ романтиковъ противъ отжилыхъ и выродившихся формъ древняго классицизма; когдаже романтики въ свою очередь достигли власти и захотѣли придать своимъ началамъ исключительное значеніе, на нихъ сильно вооружились либерализмъ и эллинизмъ, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока социалистическое направленіе проложило себѣ широкій путь и въ литературѣ.

Нравственный упадокъ и религіозная распущенность, предшествовавшіе революціи, прежде всего обнаружались въ литературѣ. Мало того, что разлагающая критика и ѣдкая сатира Вольтера поколебала существующія отношенія и завѣщанныя преданіемъ убѣжденія

¹ Но много и поверхностныхъ, спѣшныхъ взглядовъ.

и начала; мало того, что скептическая и материалистическая философия энциклопедистовъ (§ 671) нападала на церковное вѣрованіе и на основныя истины религіи: даже понятія о добродѣтели, совѣсти и чести извращались и перенутывались легкомысленною литературою тогдашнихъ романовъ, нравственность была отравлена въ самомъ ея зародышѣ, въ самомъ зернѣ. Последнее зло было тѣмъ дѣйствительнѣе и богаче плодами, что романическая литература распространялась все болѣе и болѣе и проникала во все классы народа. Соблазнительныя, развратныя, манящія къ грѣху и сладострастію романы младшаго Кребиліона († 1777), умершаго въ домѣ сумасшедшихъ († 1814) маркиза де-Сада, и товарища порочнаго герцога Орлеанскаго (Эгалитѣ), Шодерло де ла Кло († 1803), а также знаменитый романъ жирондиста и члена конвента Лувѣ де Куврѣ († 1797): «Les amours du chevalier de Faublas», гдѣ выставленъ идеаль любезнаго разврата, уже подкапала нравственную почву общества, когда революція, какъ бичъ кары Господней, ниспровергла его въ конецъ для того, чтобы оно возстановилось послѣ на новыхъ началахъ. Таковы же были по своей цѣли и дѣйствию отлично задуманныя и выполненныя комедіи сценическаго поэта П. А. Карона де-Бомаршѣ (1732—1799, «Севильскій цирюльникъ», «Женитьба Фигаро»), въ которыхъ со всею очарованіемъ искусства, съ увлекательною живостью, съ неподражаемымъ остроуміемъ и шуткой выставлена вся нравственная пустота, вся легкомысленная прихотливость высшихъ классовъ; и можно положительно утверждать, что эти драмы столько же содѣйствовали паденію дворянства и уничтоженію безпутныхъ, извращенныхъ общественныхъ отношеній, сколько и картины естественнаго быта, рисуемыя фантазіей Руссо.

Такому безнравственному состоянію Жанъ-Жакъ Руссо противопоставлялъ счастье и добродѣтель идеально-природнаго быта, съ свободою и равенствомъ для всехъ (§ 671), и видѣлъ спасеніе міру только въ возвратѣ къ простой естественности первоначальныхъ отношеній. Эту жизнь однимъ чувствомъ, это идиллическое благополучіе, на которыя указывалъ Руссо, многотомный поэтъ Бернардень де-Сень Пьеръ (1737—1814) воспроизвелъ въ очень милыхъ, трогательныхъ разсказахъ «Павелъ и Виргинія» и «Индійская хижина», облитыхъ лучезарнымъ блескомъ свѣтлаго южнаго неба. «Павелъ и Виргинія» говоритъ А. Гумбольдтъ, едва ли имѣетъ себѣ что-нибудь подобное въ какой-либо другой литературѣ. Это простая картина природы: островъ среди моря, гдѣ, то подъ кроткимъ щитомъ неба, то подъ

грозою бушующихъ стихій, въ дикой роскоши лѣсной чащи, двѣ дивно граціозныя фигуры живописно отдѣляются передъ вами какъ бы отъ цвѣтистаго ковра. Здѣсь и въ «Индійской хижинѣ», даже въ *Etudes de la nature* (того же автора), которыя, къ сожалѣнію, непорчены гадательными теоріями и разными физическими промахами, видъ моря, группировка облаковъ, шелестъ вѣтерка въ бамбуковой рощѣ, волненіе высокихъ пальмовыхъ вершинъ, — все это представлено съ неподражаемою истиной.»

Одна изъ благороднѣйшихъ натуръ революціонной эпохи, мечтавшая водворить идеализмъ Руссо и его идиллическое чувство природы среди міра, полнаго себялюбія и страстей, была г-жа Роланъ (Roland), (1754—1793), урожденная Флипонъ; во время господства жирондистовъ она была душою этой политической партіи, которая думала создать свой республиканскій міръ на развалинахъ королевской власти. Фанатикъ разума, Руссо, внушилъ ей восторженную любовь къ свободѣ и правамъ человѣка; но это чувство соединилось у г-жи Роланъ съ пламеннымъ удивленіемъ къ республиканской и патриотической доблести древняго міра, которую она узнала изъ Плутарховыхъ идеальныхъ характеристикъ, и все это вмѣстѣ побудило ее посвятить свои авторскіе таланты и всю дѣятельность своей души водворенію въ государствѣ и въ жизни того порядка, который, по ея мнѣнію, одинъ можетъ осчастливить человѣчество. Ея политическія статьи, равно какъ и извѣстное письмо къ королю (§ 718), написанное ею по порученію мужа, суть непосредственныя изліянія души, пламеннѣющей къ свободѣ, отечеству и возрожденію человѣка; какъ благородна и чиста была эта душа, какъ далека отъ всякой суетности и всего выказнаго, обнаружилось только изъ напечатанной въ новѣйшее время переписки ея съ одною подругой ея молодости. И когда она проснулась отъ своихъ грезъ и, во имя той же свободы, которую считала драгоцннѣйшимъ благомъ, отведена была въ тюрьму съ тѣмъ, чтобы векорѣ потомъ промѣнять ее на эшафотъ, тогда то показала она до какой степени въ женской, идеально-настроенной душѣ могутъ царить спокойствіе, величіе и сила: въ виду смерти написала она свои интересныя Записки, свою «апельяцію къ потомству», и опасаясь, чтобы не пропала первая ея рукопись, она передъ самымъ концомъ написала всю книгу вторично. Политическія мнѣнія и участь г-жи Роланъ и ея партіи, но вовсе не авторскія ея качества, раздѣлялъ маркизь де-Кондорсѣ (1743—1794), членъ Французской академіи и плодовитый писатель по части философіи, политики и изящной литературы.

Увлеченный своимъ убѣжденіемъ и теплымъ чувствомъ къ благу и достоинству человѣка въ водоворотъ революціи и республиканства, онъ постоянно сохранялъ въ своихъ сочиненіяхъ типъ своего ранняго классическаго образованія и писалъ въ духѣ всегда разсчитаннаго энтузіазма энциклопедической школы. Кондорсѣ опирался въ своихъ трудахъ на цѣлый рядъ научныхъ умозрѣній, чтобъ доказать, что человечество способно къ безконечному усовершенствованію. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые, подъ грозою ужасовъ и жестокостей тогдашнихъ демагоговъ, все еще мечтали о постоянномъ преуспѣяніи мудрости, справедливости и счастья человѣческаго рода. Но принявъ такимъ образомъ за верховное начало постоянный прогрессъ, то есть непрерывное измѣненіе, хотя и къ лучшему, онъ неизбѣжно долженъ былъ дойти до отрицанія всего положительнаго и существующаго. Увлеченный въ паденіе Жиронды (§ 723), онъ нашелъ себѣ убѣжище у одной великодушной пріятельницы и написалъ тамъ превосходное сочиненіе: *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain* («Очеркъ исторической картины успѣховъ человѣческаго разума»). Когда же всемъ тѣмъ, кто осмѣлится укрывать опальныхъ, стала угрожать смертная казнь, Кондорсѣ покинулъ свое убѣжище въ нищенскомъ одѣяніи и нѣсколько времени скитался въ этомъ видѣ, пока не былъ узанъ и взятъ подъ стражу. Въ тюрьмѣ принялъ онъ ядъ, который всегда носилъ съ собою. Его образъ мыслей и воззрѣнія раздѣлялъ Дююи (1742—1809); въ своей знаменитой книгѣ: *Origine de tous les cultes, ou religion universelle* («Происхожденіе всѣхъ богослуженій, или всемірная религія») онъ старался объяснить древніе мѣны изъ астрономіи и всю область вѣрованій пропитать вольномысленною философіей революціонной эпохи, тогда какъ другой сторонникъ того же взгляда, врачъ и физикъ Кабанисъ (1757—1808), сводилъ всю умственную и душевную жизнь человѣка на одну нервную систему. Подобно Дююи и Кондорсѣ, графъ Константинъ Вольней (1757—1820) также держался матеріалистической системы энциклопедистовъ и отвергалъ всякое религіозное преданіе. Обогащенный многосторонними свѣдѣніями и опытами, благодаря своимъ ученымъ занятіямъ, и продолжительному пребыванію въ Сиріи и Египтѣ, а также политической дѣятельности во время революціи и наконецъ путешествію въ Америку, онъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій политическаго, историческаго и философскаго содержанія, изъ когорыхъ всего болѣе славилась его историческая картина «Развалины» (*Les ruines, ou méditations sur les révolutions des empires*), отличающаяся риторскимъ блескомъ и полнымъ фантазіи изложеніемъ.

Жирондисты, принадлежавшіе еще старому образованію и употреблявшіе изящный слогъ и обороты Французской академіи, были наконецъ совершенно оттерты якобинцами, которые такъ же рѣшительно разстались съ прошлымъ въ литературѣ, какъ въ государствѣ, религіи и общественномъ быту. Сочиненія и журналы партіи Горы отличались дикимъ, необузданнымъ духомъ, столь же дерзко попиравшимъ законы и формы языка и литературнаго изложенія, какъ попирали онъ утвержденныя преданія начала государства, церкви и общежитія. Этотъ духъ свободы и республиканской восторженности перешелъ и на поэтовъ революціонной эпохи, между которыми, незначительный впрочемъ стихотворецъ, Жозефъ Руже де л'Иль (1760—1835), потому только занялъ видное мѣсто, что сочиненная имъ и положенная на музыку въ Страсбургѣ знаменитая боевая пѣснь Рейнской арміи — *Marseillaise* дала общему воодушевленію къ свободѣ соответственное выраженіе: имя Марсельезъ получила она по марсельскимъ федератамъ, такъ какъ они первые принесли ее въ Парижъ. Второе по немъ мѣсто занимаетъ Понсъ Денисъ Экушаръ Лебрень (1729—1807), который по рожденію и воспитанію принадлежалъ къ классической эпохѣ, но такъ беззавѣтно отдался революціонному увлеченію, что конвентъ привѣтствовалъ его титуломъ французскаго Пиндара и, какъ достойнѣйшему пѣвцу республики, отвелъ ему особое помѣщеніе въ Луврѣ. Принадлежавъ прежде къ Вольтерову кружку, онъ сначала приобрѣлъ извѣстность одою на землетрясеніе въ Лиссабонѣ и многими остроумными и ѣдкими эпитаграммами, а потомъ сталъ въ первые ряды поэтовъ терроризма, особенно благодаря своей одѣ къ мстителю (*au vengeur*). Значительнѣе по своимъ литературнымъ и поэтическимъ произведеніямъ были Мари Жозефъ Шеньё (1764—1811) и злополучный братъ его Андрей Шеньё (1762—94). Первый, еще до революціи, пользовался драмой для того, чтобы соответвенно духу времени, проповѣдывать на сценѣ идеи, воззрѣнія и склонности, господствовавшія въ обществѣ или по крайней мѣрѣ въ классѣ образованныхъ людей. Предавшись въ революціонную эпоху политической дѣятельности, онъ держался якобинцевъ и террористовъ и служилъ конвенту въ качествѣ творца одъ и поэта при торжественныхъ случаяхъ; онъ сочинилъ извѣстную пѣснь «*Chant du départ*», которая, благодаря композиціи Мегюля, стала національною, и которой дѣйствию приписали между прочимъ побѣду подъ Флёрюсомъ; ему же принадлежатъ разные гимны на достопамятныя событія той эпохи (*Hymne à la raison*,

Chant des victoires). Настоящій поэтъ революціи, рожденію которой онъ содѣйствовалъ какъ трагикъ, которую поощрялъ какъ пѣснопѣвецъ и которой силу прославлялъ восторженными гимнами, М. Ж. Шенье былъ вовсе несозданъ для того, чтобы снискать благосклонность Наполеона, хотя драма его «Киръ» была написана съ лестными намеками на перваго консула и на принятіе имъ императорской короны; онъ получилъ опять нѣкоторое значеніе только тогда, когда навлекъ себѣ негодованіе императора своимъ смѣлымъ «Посланиемъ къ Вольтеру». Не столь гибкаго характера былъ старшій братъ его, Андрей Шенье, который своими идилліями («Нищій», «Свобода», «Слѣпецъ») впервые внесъ опитъ греческій духъ и эллинскія формы во французскую поэзію. Сторонникъ конституціоннаго порядка, онъ вскорѣ подпалъ подозрѣнію у республиканскихъ властей, когда въ Элегіи на смерть Шарлотты Кордѣ высказалъ такія мысли и чувства, которыя казались опасны для господствующей тогда крайней демократіи. Онъ былъ взятъ подъ стражу и, за свою оппозицію республиканскому вандализму, взведенъ на эшафотъ, отъ котораго тщетно старался избавить его братъ, въ качествѣ члена національнаго конвента. Незадолго до смерти написалъ онъ превосходную элегію въ честь юной и прекрасной союзницы своей, дѣвицы де-Куаньи, — элегію, которую Ламартинъ называетъ «самымъ мелодическимъ вздохомъ, когда-либо вылетавшимъ изъ за стѣнъ тюрьмы». Особенно глубокое впечатлѣніе производятъ тѣ строки, въ которыхъ молодой поэтъ, точно такъ же ожидающій гильотины, какъ и воспѣваемая имъ дѣвушка, трогательно высказываетъ невольную тревогу собственной души. Какъ Ружѣ де-л'Иль былъ представителемъ воинственной стороны революціи, такъ Андрей Шенье представлялъ ея скорбную, элегическую сторону. — Оба брата были сыновья французскаго генеральнаго консула въ Константинополѣ, извѣстнаго и своими литературными трудами; мать ихъ была Гречанка. Вступивъ сначала на военное поприще, оба потомъ отказались отъ него, чтобы совершенно посвятить себя литературѣ и ученымъ занятіямъ. Первою замѣчательною пьесой М. Ж. Шенье была драма «Карлъ IX», въ которой изображеніе Варооломеевской ночи дало новую пиццу живой въ народѣ ненависти къ тиранамъ. Не она — какъ обыкновенно говорятъ — возбудила революціонныя движенія, вражду къ духовенству и Бурбонамъ; Шенье только высказалъ на сценѣ въ высокопарныхъ стихахъ тѣ думы и чувства, которыя народъ давно питалъ молча и выжидая. Онъ вовсе не былъ создателемъ новаго рода драмы, а только примѣнилъ

старые приемы Вольтера къ демагогическимъ потребностямъ. Дерзнувъ въ лицѣ Карла IX выставить государя, который даетъ увлечь себя фанатизму и собственноручно стрѣляетъ въ свой народъ, М. Ж. Шенье совмѣстилъ въ одну пьесу всю сумму ненависти и надеждъ, проявившихся у поэтовъ послѣдняго пятидесятилѣтія. Подобнымъ же образомъ льстилъ онъ страстямъ и господствующему настроенію народа въ своихъ слѣдующихъ драмахъ: «Генрихъ VIII», «Смерть Каласа». Демагогическая пьеса «Кайи Гракхъ» послужила якобинцамъ и кордельерамъ орудіемъ противъ Жиронды, обвиняемой въ крайней умѣренности. Политическія его мнѣнія во время конвента высказались въ драмахъ «Фенелонъ» и «Тимолеонъ»; однакожь его «Тиберій» обнаруживаетъ ясно, что терроризмъ и на его глаза перешелъ уже мѣру возможнаго. Для праздника въ честь Верховному Существо (§ 731) написалъ онъ торжественный гимнъ, а своей драмою «Киръ» хотѣлъ такъ же подѣйствовать въ пользу Бонапартова императорства, какъ подѣйствовалъ въ пользу революціи своимъ «Карломъ IX». Пьеса его не понравилась Парижанамъ лестію возводимому въ боги первому консулу, а Бонапарту и его клеветамъ не угодила многими добрыми совѣтами, которыми уснастилъ ее Шенье. «Посланиемъ къ Вольтеру» хотѣлъ онъ вымѣстить неудачу этого замысла и на столько же воротилъ къ себѣ благосклонность публики, на сколько возбудилъ негодованія въ самовластномъ государѣ. Въ послѣдніе свои годы онъ преимущественно обратился къ серьезнымъ историческимъ и литературнымъ трудамъ.

Мы видѣли, что г-жа Роланъ была важнѣйшею представительницею демократическаго идеализма и поклоненія разуму, проповѣдуемыхъ Руссо, такъ точно гениальная современница ея, г-жа Некеръ-Сталь (1766 — 1817), явилась главною поборницею конституціонализма и правомѣрнаго государства, которые особенно превозносилъ Монтескье. Анна Луиза Жерменъ де Сталь, дочь протестанта-банкира и министра Некера, принадлежала къ числу тѣхъ французскихъ дамъ, которыя, своимъ умомъ, образованіемъ и свѣтскими талантами, умѣли пріобрѣсть себѣ видное положеніе въ высшихъ сферахъ всемірной столицы и, посредствомъ собиравшихся въ ихъ салонахъ замѣчательныхъ кружковъ, дѣйствовали на духъ и направленіе литературы и общественнаго мнѣнія. Принадлежа по воспитанію и образованію мнувшей эпохѣ, ея умъ былъ однакожь довольно гибокъ для того, чтобы не только найдтись въ отношеніяхъ и идеяхъ, измѣненныхъ революціей, но и успешно взяться за ихъ переработку; вотъ почему въ эпоху директоріи и даже

во время консульства г-жа Сталь могла занять вліятельное положеніе въ обществѣ до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ, врагъ всякой независимости, не терпѣвшій ни явной, ни тайной оппозиціи своему само-властью, изгналъ ее изъ Парижа и тѣмъ окружилъ имя ея блескомъ мученичества. Умѣвъ совмѣстить республиканскій либерализмъ и гражданское образованіе революціонной эпохи съ аристократическою тонкостью и внѣшнимъ изяществомъ стараго порядка, и наконецъ усвоивъ себѣ даже глубину чувства и сентиментальность новоромантической школы, она, благодаря этой многосторонности ума, слѣдалась оракуломъ литературнаго и высшаго общества. Сочиненія ея распа-даются на три разряда: на политическія, эстетико-соціальные и поэтическія, но эти роды часто переходятъ у нея одинъ въ другой. Съ того времени, какъ, въ весьма распространенномъ тогда письмѣ, она восхваляла финансовое управленіе своего отца, и почти до самой своей смерти, когда изданы ею «Размышленія о французской революціи», она, въ различные періоды своей жизни, писала разныя политическія сочиненія то объ извѣстныхъ частныхъ событіяхъ («Размышленія о процессѣ королевы» и друг.), то по вопросамъ болѣе общимъ («Размышленія о мирѣ», полуполитическое и полупилософское разсужденіе «О вліяніи страстей на счастье отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ» и мног. друг.). Въ разрядѣ эстетико-соціальныхъ произведеній первое мѣсто занимаютъ остроумная книга «О литературѣ въ отношеніи къ общественнымъ учрежденіямъ» и извѣстное сочиненіе «О Германіи», плодъ довольно долгаго пребыванія ея въ Веймарѣ и Берлинѣ и сближенія съ А. В. Шлегелемъ и другими романтиками. Похвалы, расточаемыя въ послѣдней изъ этихъ книгъ характеру, поэтической и философской натурѣ Нѣмцевъ, до того раздражили Наполеона, что онъ велѣлъ своему министру полиціи Саварі запретить эту книгу во Франціи и конфисковать все первое изданіе. Г-жа Сталь превозносила въ ней богатство идей, проявляющееся въ нѣмецкой поэзіи и наукѣ, религіозное чувство народа, сохранившееся при всемъ вольномысліи отдѣльныхъ личностей, идеалистическую философію, которая противустала матеріалистическому направленію Французовъ: въ противоположность законодательному авторитету Французской академіи и ея тирани надъ языкомъ, выстав-ляла она самоувѣренность и самообладаніе нѣмецкаго духа, который самъ себѣ даетъ законы и правила и, допуская полную свободу твор-чества въ поэзіи, приходитъ однакожъ не къ «анархіи вкуса, но къ

идеальному пониманію искусства и къ обильнѣйшему разнообразію худож-ническихъ произведеній». По изгнаніи ея изъ Парижа, г-жа Сталь объѣ-хала большую часть европейскихъ государствъ, а по временамъ жила въ Коппѣ, очаровательномъ сельскомъ замкѣ отца своего, близъ Женевска-го озера. Свои путевыя впечатлѣнія изложила она въ разныхъ произве-деніяхъ. Въ числѣ ихъ самое восторженное удивленіе возбудили оба романа «Дельфина» и «Коринна», въ которыхъ на сцену выведена борьба двухъ женскихъ характеровъ противъ иреградъ, поставляемыхъ обычаемъ, преданіемъ и строгостью приличій. Этими романами, особенно «Коринной», гдѣ съ пламенною фантазіей начертанъ идеалъ женщины, стремящейся завоевать себѣ правомѣрное положеніе въ общественномъ быту, и гдѣ въ то же время рисуется очаровательная картина Итали, г-жа Сталь превозвѣстила соціальные романы Жоржа Санда. Смѣ-лая и явная защита чувственной любви, беззакрытно проповѣду-емая Сандомъ, въ Кориннѣ и Дельфинѣ прикрываются еще софиз-момъ зависимости женщины отъ правилъ приличія и отъ мужской свободы. Кромѣ своего геніальнаго легкомыслія, Коринна похожа на Гётева Вильгельма Мейстера еще и тѣмъ, что все въ ней вертится около декламаторской поэзіи, какъ у Гёте — около искусства; а съ лучшими произведеніями аристократическаго поэта Германіи, которыя особенно читаются въ высшихъ кругахъ, этотъ романъ имѣетъ то сходство, что Италия представляется въ немъ земнымъ раемъ, какъ рисовала ее Гёте и Гейнзе. Когда нѣмецкая домашняя жизнь была выставлена въ видѣ филистерства (пошлой патріархальности), нѣмецкая природа въ видѣ сѣверной прозы, религіозность нѣмецкаго сердца и ума въ видѣ недостатка художественнаго смысла и впечатлительности, тогда всѣ нѣжныя души въ Берлинѣ и въ Дрезденѣ начали вздыхать по папизмѣ, по Итали, гдѣ «померанецъ рдѣетъ и золотой цвѣтетъ лимонъ», гдѣ такъ сладко поютъ кастраты и гдѣ набожное искусство заставляетъ терпѣливо сносить недостатокъ нравственности. Коринна произвела такое же дѣйствіе въ парижскихъ салонахъ, и сочинительница увѣнчала сама себя, увѣнчавъ въ днѣрамбической прозѣ свою героиню подъ сводомъ Капитолія. — По низверженіи Наполеона, г-жа Сталь воз-вратилась въ Парижъ и до самой смерти своей продолжала дѣйствовать на литературу и на общественную жизнь Франціи въ духъ либераль-наго конституціонализма. Изъ ея круга вышли люди, которые, какъ зять ея, герцогъ де Брольи, ея другъ Бенжаменъ Констанъ (1767 — 1830), историкъ и государственный дѣятель Гизо и друг.

ревностно содѣйствовали прогрессу и просвѣщенію, стоя во время реставраціи въ челѣ оппозиціонной фаланги.

Философскій матеріализмъ XVIII вѣка достигъ въ безбожіи и кощунствѣ революціонеровъ высшей точки своего практическаго приложенія. Поэтому вполне естественно было то, что по укрощеніи революціонныхъ бурь начали стараться о возрожденіи религіозности въ народѣ и объ исцѣленіи христіанствомъ всѣхъ язвъ, нанесенныхъ противоцерковною философіей. Уже г-жа Сталь указывала на необходимость такого религіознаго обновленія и, во время консульства¹, находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ основателемъ христіанской романтики, виконтомъ де Шатобрианомъ (1768 — 1848). Самъ Бонапартъ, его братья и сестры, благосклонствовали этому направленію литературы, которое содѣйствовало возстановленію общественнаго и государственнаго порядка во Франціи.

Когда Шатобрианъ, выѣхавшій при началѣ революціи, подобно многимъ бретанскимъ дворянамъ, въ Америку, послѣ 18 брюмера воротился во Францію вмѣстѣ съ Фонтаномъ (1757 — 1821), риторомъ-стихотворцемъ (авторомъ *Le cri de mon coeur, Le Verger*) и ловкимъ говорунуемъ въ конвентѣ («Похвальное слово Вашингтону»), принявъ участіе въ весьма распространенномъ тогда журналѣ *Mercur de France*, и возбудилъ потомъ общее вниманіе своими христіанскими разсказами въ духѣ Бернарденъ-де-Сень-Пьера—«Аталою» и «Ренѣ» и своимъ поэтическимъ произведеніемъ «Духъ христіанства», то его осыпали почестями и всякими знаками благоволенія. Вскорѣ сдѣлался онъ душою остроумныхъ кружковъ, которые, какъ въ старое монархическое время, собирались теперь у Фонтана, покровительствуемаго панегриста наполеоновской власти въ сенатѣ и въ законодательномъ корпусѣ, у критика и эстетика Жубера (*Recueil de pensees*) и у нѣкоторыхъ парижскихъ дамъ (г-жи Рекамьё). Шатобрианъ родился въ Бретани, среди племени, полнаго вѣры и суевѣрія въ прадѣловскую старину, выросъ въ дворянской семьѣ, съ очень бѣдною обстановкой, гдѣ гордый своей породой отецъ загналъ сына суровымъ воспитаніемъ, тогда какъ набожная мать и сентиментальная сестра потихоньку избаловали своего любимца; поэтому онъ рано отдался замкнутой въ себѣ фантазіи, раздражавшей его и физически и духовно, рано ощутилъ наклонность къ одиночеству, грусти, нелюдимству и впалъ въ нѣмую, невысказывае-

¹ То-есть еще до путешествія своего въ Германію.

мую мечтательность, грезя о призракахъ воображаемой любви и болѣзненно раздумываясь о самоубійствѣ. Ужасы революціи возмутили мягкое его сердце и заставили его бѣжать за Атлантическій океанъ. Среди французскихъ колонистовъ въ Америкѣ, сохранившихъ еще первобытные нравы, старыя народныя пѣсни и формы языка, сохранившихъ даже религіозное настроеніе шестнадцатаго вѣка, и между дикарей въ лѣсахъ и пустыняхъ, Шатобрианъ сбросилъ тяжкое иго условности и создалъ себѣ идею религіозно-естественнаго быта, которая такъ очаровала въ первыхъ его произведеніяхъ. Истина и вмѣстѣ новостъ картинъ и ощущеній придали его романамъ «Ренѣ» и «Атала» особенную цѣну и привлекательность въ глазахъ французскаго народа и людей всѣхъ исповѣданій, которые жаждали христіанскаго чувства и религіозной теплоты. Среди литературной пустыни той эпохи эти маленькія произведенія, со всею ихъ невиданной странностью, съ ихъ смѣсью христіанства, глубокихъ чувствъ, природы и дикости, явились какъ спасительные оазисы. Романъ «Атала», который самъ Шатобрианъ издалъ въ видѣ отрывка изъ обширнѣйшаго сочиненія «Натчесы», изображающаго нравы и бытъ одного сѣвероамериканскаго племени, которое онъ наблюдалъ въ теченіе двухъ лѣтъ, — этотъ романъ вскорѣ удивительно распространился, еще прежде нежели авторъ успѣлъ присоединить его, какъ эпизодъ, къ большому труду своему, «Духъ христіанства»; сюда же отнесъ онъ и болѣе простой, болѣе наивный разсказъ «Ренѣ». «Духъ христіанства» совершенно переноситъ христіанскую религію въ область красоты и дѣлаетъ ее предметомъ эстетическаго наслажденія; въ немъ Шатобрианъ изложилъ свою поэтическую вѣру и свою католическую философію въ разсказахъ, картинахъ и благочестивыхъ мечтаніяхъ. Эта книга сдѣлалась Библіей для тѣхъ салонныхъ господъ и дамъ, которые находили настоящее библейское христіанство слишкомъ сухимъ и обнаженнымъ. Это — поэтическое оправданіе христіанскихъ преданій, сагъ и легендъ, обращенное къ чувству изящнаго и къ воображенію. Блестящій слогъ, картинный, поэтическій языкъ и превосходное изложеніе предмета вызвали столь же восторженные похвалы, какъ и само христіанское содержаніе, какъ весь религіозный тонъ этой книги. Особенно предрасположило въ ея пользу господствующее настроеніе того времени, когда всѣ благочестивыя души считали себя спасенными заключеніемъ конкордата, когда люди, даже и болѣе трезваго образа мыслей, возвратились не безъ радостнаго умиленія къ забытымъ еще чувствамъ и обрядамъ стародавней религіи. Дочь степей, Атала, рядомъ съ нею

Шактасъ¹ и патеръ Обри, какъ главные лица романа или драмы, были тогда неслыханнымъ явленіемъ и совпали съ тою самою эпохой, когда конкордатъ установилъ во Франціи папско-бонапартовскую церковь на мѣсто прежней галликано-бурбонской. Новое явилось въ романѣ, какъ и въ тогдашней дѣйствительности, подъ покровомъ старыхъ, привычныхъ формъ. — Въ «Ренѣ» повѣсть чрезвычайно проста и развивается безъ всякихъ необыкновенныхъ приключеній; это краткій, почти перечневой рассказъ, вовсе не впадающій въ то словообиліе и въ тѣ звучные и щегольскіе обороты рѣчи, которыми въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Шатобріанъ какъ бы тѣшилъ читателей за то, что дастъ имъ иногда пустой звонъ вмѣсто чего-нибудь существеннаго. «Ренѣ» конечно всего лучше могъ служить къ тому, чтобы безъ всякой доктрины дать осозательно понять Французамъ, что христіанство имѣетъ высокую цѣну само въ себѣ, или — какъ самъ Шатобріанъ объясняетъ цѣль своего «Духа христіанской религіи», — чтобы опять пробудить во французскомъ народѣ тѣ помыслы, которые совершенно изгибли въ теченіе 18-го вѣка. — Въ томъ же духѣ написанъ и маленькій романъ «Приключенія послѣдняго Абенсераджа», — элегія на погибшее рыцарство, художественно-гармоническая вещь, говорящая столько же фантазіи, сколько и сердцу, и много способствовавшая возрожденію романтики.

Послѣ насильственной смерти герцога Ангійнскаго (§ 744) Шатобріанъ отвернулся отъ Наполеоновой династіи. Пробывъ довольно долго въ Италіи и Швейцаріи, предпринялъ онъ обширное путешествіе въ Грецію, Египетъ и Іерусалимъ, котораго плодомъ былъ не только его «Дорожникъ» (Itinéraire), но и эпическая поэма «Мученики», гдѣ, блистательными, высокими чертами, но съ большимъ преувеличеніемъ и пристрастіемъ, старается онъ выказать превосходство христіанской вѣры передъ греческимъ идолопоклонствомъ. «Паломничество въ Іерусалимъ» вѣрно и увлекательно передаетъ впечатлѣнія и религіозныя чувства странника поэта, ощущенія его при видѣ святыхъ мѣстъ, и могучее вліяніе природы Востока, на которую легла неизгладимая печать исторіи. Во всѣхъ сочиненіяхъ Шатобріана есть много удачно избранныхъ картинъ, образовъ и выраженій, есть свѣжесть, оригинальность и поэтическая жизнь; но не ждите, чтобы излагаемая имъ ценилія выдержали спокойную критику разсудка, ни же, чтобы они согласовались одно съ другимъ, и тѣмъ еще менѣе, — составляли

¹ Североамериканское племя, разсѣянное по штатамъ Алабама и Миссисипи.

гармоническое цѣлое. Какъ только онъ выходитъ изъ предѣловъ живописи и тщательнаго развитія извѣстныхъ положеній въ подробностяхъ, какъ только предметъ его становится обширнѣе, то и нельзя уже полагаться на его доводы. Тщетно вы будете искать у него сужденій спокойно изслѣдующаго мыслителя; вмѣсто этого вы вездѣ найдете колоритъ ловкаго, изобрѣтательнаго живописца. Стилъ его иногда истинно возвышенъ, но мѣстами падаетъ очень низко, что особенно замѣтно тамъ, гдѣ чрезмѣру подражая древнимъ, Шатобріанъ невольно становится холоденъ. Однакожъ, при всей угодливости вкусу высшаго общества, у него сохранились черты независимости изъ впечатлѣній первобытной американской природы, которыми упивался онъ бывши еще свѣжимъ юношей. Неожиданные обороты, своеобразный колоритъ придавали ему какую-то искусственную грацію, которая въ наше время, послѣ двухвѣковаго писанія все на одинъ и тотъ же ладъ, кажется прелестнѣе, увлекательнѣе самой естественной граціи, которую мы находимъ пошлою и старомодною потому, что въ ней нѣтъ ничего необыкновеннаго, останавливающаго на себѣ вниманье.

Когда вмѣстѣ съ реставраціей, религіозныя и политическія взгляды Шатобріана одержали рѣшительную побѣду, для поэта начался золотой вѣкъ. Еще въ переходные дни общаго шатанья и нерѣшимости, его знаменитый памфлетъ «О Бонапартѣ и Бурбонахъ», полный ругательства, лжи и преувеличеній противъ Наполеона, такъ сильно подействовалъ на общественное мнѣніе во Франціи, что Людовикъ XVIII ставилъ его наравнѣ съ цѣлымъ войскомъ. Скоро авторъ сдѣлался министромъ, посланникомъ при разныхъ дворахъ, соучастникомъ въ Веронскомъ конгрессѣ, защитникомъ прирожденной королевской власти въ разныхъ политическихъ сочиненіяхъ; но измѣнчивая, упругая натура бросала его иногда и въ оппозицію. Какъ приверженецъ и поборникъ легитимизма онъ вышелъ послѣ іюльской революціи изъ палаты пэровъ и отстаивалъ права старшей линіи Бурбоновъ въ различныхъ памфлетахъ, пока жалкій исходъ дѣятельности герцогини Беррійской въ Вандѣ (§ 824) не охладилъ внезапно его романтическій роялизмъ. Записки Шатобріана, изданныя, согласно желанію покойнаго, послѣ его смерти (Mémoires d'outre tombe, т. е. Замогильныя записки), въ своемъ болтливомъ хвастовствѣ носятъ явные признаки старчества. О Шатобріанѣ можно сказать, что онъ вѣкъ свой двигался между двумя разными жизнями, поэтически-мечтательною и настоящей, у которыхъ общаго между собой не было ничего. —

Другомъ и единомышленникомъ его былъ виконтъ де-Бональдъ (1760—1840), который, будучи еще эмигрантомъ въ Гейдельбергъ во время революціи, возславилъ въ одномъ очень темномъ метафизическомъ сочиненіи, прирожденную власть короля, а послѣ реставраціи сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ поборниковъ безусловной монархіи и церковнаго ультрамонтанизма. и ненавидя народную власть, непремѣнно хотѣлъ вытѣснить ее «властительствомъ Божиимъ», то есть новою теократіей, на іерархическихъ опорахъ, пока іюльская революція не положила всему этому конца. Уже и Бональдъ былъ приверженцемъ іезуитскаго ордена и поборникомъ непогрѣшимости папскаго престола; но еще усерднѣе и притомъ искуснѣе отстаивалъ и то и другое графъ Жозефъ де-Местръ (1754—1821), родомъ изъ Шамбери въ Савойѣ, бывшій съ 1803 г. довольно долго сардинскимъ посланникомъ при Петербургскомъ дворѣ. Въ сочиненіяхъ «Папа», «О галликанской церкви» и въ своихъ «Петербургскихъ вечерахъ», единственное спасеніе для растлѣннаго первороднымъ грѣхомъ человѣчества видитъ онъ только въ теократическомъ единодержавіи и въ совершенномъ владычествѣ церкви надъ всею духовною и умственною областью человѣка. Онъ не только отъявленный врагъ всей философіи 18 столѣтія и всѣхъ реформаторовъ съ ихъ грѣховными дѣлами, но его приводить въ ужасъ даже и распространеніе въ народѣ Св. Писанія: одной Церкви, говоритъ онъ, принадлежитъ живое распространеніе слова по ея усмотрѣнію; Св. Писаніе, «реформаціонная хартія» — все это, для него, нѣмое, мертвое слово, не истинный, а ложный Богъ. По его мнѣнію, папы — единственные строители, блюстители и спасители, настоящіе политическіе гении Европы. Самая религія служитъ ему только оплотомъ для защиты общественнаго строя, а вовсе не высшимъ освященіемъ души. — Чуждъ этой религіозной мистики, но такъ же преданъ Бурбонамъ, а потому и гонимъ Наполеономъ былъ много сторонній ученый, критикъ и поэтъ Шарль Ноддъ (1780—1844), родомъ изъ Безансона; восторгаясь нѣмецкою поэзіей, особенно «Страданіями молодого Вертера», онъ сталъ переносить нѣмецкія идеи на родную почву и былъ однимъ изъ первыхъ основателей романтической школы во Франціи. Изъ его романтически настроенныхъ новеллъ, извѣстнѣе другихъ «Стелла», «Зальцбургскій живописецъ», «Жанъ Сбогаръ», «Тереза Оберъ» и его Повѣсти и Баллады. — Христіанскую поэзію Шатобріана продолжалъ въ лирическомъ родѣ Альфонсъ де-Ламартинъ, изъ Макона (род. 1792).

Противникъ холоднаго разсудочнаго направленія минувшей эпохи, Ламартинъ въ своихъ первыхъ стихотвореніяхъ: «Поэтическихъ думъ», «Новыхъ поэтическихъ думъ» и «Религіозныхъ и поэтическихъ гармоніяхъ» взялъ именно тотъ акордъ, который вскорѣ сдѣлалъ его любимымъ поэтомъ цѣлаго народа, особенно молодежи и женщинъ. Восторженно-элегическій тонъ его религіозной лирики, святая жажда вѣры въ Бога и безсмертіе души, сладостная грусть трогательныхъ картинъ природы, самое его риторское пареніе, сильно дѣйствовали на молодые воспримчивые умы. Какимъ-то эфирнымъ вѣяніемъ облиты его стихотворенія, и тоны ихъ колорита переливаются одинъ въ другой съ очаровательною мягкостью и съ такою граціей, какъ легкія облака при свѣтломъ закатѣ солнца. Сторонникъ Бурбоновъ, при которыхъ онъ нѣкоторое время занималъ дипломатическія посты въ Италіи, Ламартинъ воспѣлъ вѣнчаніе на царство Карла X, а потомъ, разстроенный іюльскимъ переворотомъ, онъ, въ сопровожденіи своей жены (Англичанки) и дочери, предпринялъ путешествіе въ Сирію и Палестину, которое, по возвращеніи, описалъ съ поэтическимъ одушевленіемъ и съ живою воспримчивостью къ величавой природѣ и ко всей обстановкѣ Востока. Объ обширнѣйшія его поэмы, эпико-лирическая идиллія «Жоселенъ», въ которой практическое христіанство, добродѣтель и самоотверженіе чистой, благородной челоуѣчности изображены съ идеальнымъ преувеличеніемъ, и «Паденіе Ангела», гдѣ необузданная фантазія залезаетъ въ допотопный мѣръ титановъ и гигантовъ, хотя въ цѣломъ и страдаютъ фантастическою неправильностью, однакожь богаты увлекательными картинками и отдѣльными красотами. Избранный въ тридцатыхъ годахъ депутатомъ второй палаты, Ламартинъ отказался мало по малу отъ своихъ легитимистскихъ убѣжденій и сталъ поборникомъ гуманитарнаго идеализма и демократическаго космополитизма. Какъ пламенный ораторъ и сторонникъ всѣхъ либеральныхъ идей и предположеній, явился онъ вскорѣ вліятельнымъ вождемъ оппозиціи, который, стоя выше всякаго династическаго или республиканскаго пристрастія, искалъ цѣли новой политикѣ въ органическомъ развитіи общественнаго порядка. Тотъ, въ комъ такъ сильно преобладало идеалистическое и гуманитарное направленіе, какъ у Ламартина, не могъ не ощущать особеннаго влеченія къ великимъ и благороднымъ, даже въ самомъ заблужденіи, личностямъ жирондистовъ; оттого въ своей Исторіи этихъ идеалистовъ республиканцевъ и набросалъ онъ риторски-и поэти

чески-изукрашенную картину самаго оживленнаго и интереснаго періода революціонной борьбы и этимъ до того снискалъ себѣ расположеніе народа, что въ бурные дни 1848 г. казался способнѣйшимъ изъ всѣхъ сдерживать кипучія волны революціи. Позднѣйшій досугъ свой послѣ новаго политическаго переворота, посвятилъ онъ «Исторіи реставраціи» и сочиненію своей «Исповѣди», въ которой, къ сожалѣнію, отразилось все его самолюбіе и самодовольство. — Политическую дѣятельность и многократную перемѣну убѣжденій раздѣлялъ съ Шатобрианомъ и Ламартиномъ третій глава романтической школы, Викторъ Гюгô (род. 1802). Сынъ военнаго бонапартиста и бурбонистки матери, родомъ изъ Вандеи, онъ уже въ самой ранней молодости, проведенной поочередно въ Италиі, Испаніи и Франціи, получилъ самыя разнообразныя политическія впечатлѣнія. Однакожь сначала восторжествовало въ немъ материнское вліяніе; въ своихъ первыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ (Одахъ и Балладахъ) выступилъ онъ ревностнымъ роялистомъ и пріобрѣлъ себѣ этимъ благосклонность Людовика XVIII, назначившаго ему даже пенсію. Впослѣдствіи сдѣлался онъ восторженнымъ читателемъ Наполеона и прославилъ его въ одной изъ прекраснѣйшихъ своихъ одъ; при Людовикѣ Филиппѣ онъ возведенъ былъ въ пэры и члены академіи, а подъ республиканскимъ правленіемъ вступилъ депутатомъ въ національное собраніе; только имперія вынудила его покинуть родину и удалиться на Нормандскіе острова. Викторъ Гюгô сдѣлалъ себѣ имя какъ лирикъ, драматикъ и романистъ, но, конечно, онъ всего выше въ первомъ родѣ. Послѣ того какъ въ своихъ «Одахъ» онъ обнаружилъ первый риторскій пылъ еще юношескаго одушевленія, въ «Балладахъ» воспроизвелъ отголоски средневѣковой романтики, а въ «Восточныхъ стихотвореніяхъ» (Les Orientales) набросалъ блестящія картины чуждыхъ странъ, людей и событій, поэтъ въ своихъ «Осеннихъ листьяхъ», «Сумеречныхъ пѣсняхъ», «Внутреннихъ голосахъ», «Лучахъ и тѣняхъ» возвратился болѣе къ самому себѣ и соединялъ то глубоко-задушевные, нѣжные, трогательные звуки, то великолѣпные акорды страстнаго одушевленія въ такую полную гармонию, которая уподоблялась благозвучію роскошнаго гула отдаленныхъ колоколовъ. Виктору Гюгô, какъ лирику, нельзя отказать въ вѣрномъ взглядѣ на психическую жизнь человѣка и въ теплой восприимчивости ко всѣмъ чувствамъ и настроеніямъ души; за то, какъ драматургъ, онъ неестественъ, преувеличенъ и натянутъ до противности. Въ стремленіи расторгнуть узы классической школы и, на мѣсто вы-

лошеной, формальной и условной поэзіи прежней эпохи, поставить другъ, полнѣйшую содержаніемъ, дѣйствующую болѣе своими идеями и матеріаломъ нежели обаяніемъ однѣхъ внѣшнихъ формъ, онъ нерѣдко нарушалъ вѣчные законы искусства, красоты и вкуса и впадалъ въ грубость, преувеличеніе и чудовищность. Устранивъ такъ называемыя три единства и другія произвольныя правила худо-понятой поэтики, онъ ударился въ противоположную крайность, въ полную безрядицу, гдѣ господствуютъ ужасы, смертоубійства, всякія противуестественности, и гдѣ, вмѣсто правильнаго художественнаго плана и развитія, для развязки вдругъ является изъ за кулисъ готовый двигатель, падающій какъ будто съ неба (Deus ex machina). Въ его драмахъ мы вездѣ почти находимъ олицетворенное начало зла, бездушное, саркастическое, дѣйствующее во мракѣ, которымъ главные лица вводятся въ пагубу, и это обыкновенно устроивается самымъ ребяческимъ манеромъ, посредствомъ какойнибудь механики, потаенныхъ лѣстницъ, опускныхъ дверей и т. п., тогда какъ настоящая идея судьбы, всеокрушающая нравственная неизбѣжность, совершенно теряется при этомъ изъ виду. Недостатокъ глубокаго внутренняго міра старается онъ возмѣстить живописью внѣшности, особенно пуская въ ходъ контрасты, и поэтому часто впадаетъ въ противное и отталкивающее. Богатый талантъ его виденъ только тамъ, гдѣ онъ отдается своему лиризму. Извѣстнѣйшія изъ его драмъ суть «Кромвель», «Эрнани», «Король тѣшится», «Лукреція Борджія», «Маша Делормъ» и друг.; послѣдняя его пьеса «Бургграфы» — самая неудачная, чтобъ не сказать нелѣпая, изъ всѣхъ. — Та же гонка за натянутымъ, необычайнымъ и эффектнымъ видна и въ романахъ Виктора Гюгô. За исключеніемъ пресловутой «Парижской Богоматери» (Notre-Dame de Paris), гдѣ средневѣковое искусство и народный бытъ представлены увлекательно и съ большимъ талантомъ, всѣ остальные его романы — настоящія каррикатуры, полныя самыхъ изысканныхъ душевныхъ пытокъ и страданій, какъ въ «Послѣднемъ днѣ осужденнаго на смерть». Во время февральской революціи, бывъ избранъ въ національное собраніе, какъ ревностный поборникъ республиканскихъ идей, онъ отличился пламенными рѣчами за религіозную и политическую свободу; но послѣ насильственной перемѣны 2 декабря 1851 года, онъ, вслѣдствіе своей смѣлой оппозиціи властительскимъ замысламъ президента Людовика Наполеона, былъ вынужденъ бѣжать изъ Франціи. Въ отщепеніе, онъ, изъ своей ссылки, разразился на императора самымъ рѣзкимъ пасквилемъ, подъ заглавіемъ *Napoléon le Petit*.

Благодаря названнымъ поэтамъ, возбужденная нѣмецкою литературой романтическая поэзія, особенно обращавшаяся къ средневѣчному христіанству, искусству и католичеству, и отличавшаяся совсѣмъ новымъ метрическимъ разнообразіемъ, утвердилась на французской почвѣ и преодолѣла классическую школу, у которой осталось лишь немного вѣрныхъ работорцевъ. Но тутъ же достигла она и высшей своей ступени, на вершинѣ которой сталъ именно Викторъ Гюго, и которая переходила уже съ нимъ въ болѣзненную вычурность, вслѣдствіе чего Альфредъ де Виньи (род. 1798), также одинъ изъ главныхъ представителей романтизма и даровитѣйшій переводчикъ Шекспировыхъ драмъ, началъ въ своихъ эпико-лирическихъ стихотвореніяхъ («Долорид», «Элоа», «Моисей», «Снѣгъ»), равно какъ и въ романахъ (*Cinq-Mars*, *Servitude et grandeur militaire*, *Stello ou les diables bleus* и друг.), возвращаться опять къ большей естественности и большей обдуманности въ работѣ. Викторъ Гюго служить первообразомъ для многихъ лирико-романтическихъ стихотворцевъ, въ числѣ которыхъ значительнѣйшими были Эмиль Дешанъ (*Deschamps*), критикъ и поэтъ Сентъ-Бѣвъ (род. 1803) и кипучій, мастерски владѣвшій формою Альфредъ де-Мюссэ (1810—1857); напротивъ даровитѣйшимскій булочникъ Жанъ Ребуль (род. 1796) болѣе подражалъ мягкой, сентиментальной поэзіи Ламартина. По стопамъ того или другаго слѣдовали также многія стихотворицы, какъ наприм. Элиза Меркёръ (1809 — 35), изливавшая свою внутреннюю скорбь въ элегическихъ стихотвореніяхъ. Марселина Дебордъ-Вальморъ (род. 1787), меланхолическая пѣвица сѣтующей любви, Амабль Гастю (род. 1798 въ Мецѣ) и друг. Совсѣмъ особенное мѣсто занимаетъ во французской литературѣ Эдгаръ Кинэ, (род. 1803), который своею драматизированной поэмой «Агасверъ», подъ названіемъ мистеріи, старался водворить во Франціи нѣмецкую романтику, хотя и очень сбивчивымъ путемъ, въ «Прометеевѣ» предпринялъ онъ сліяніе эллинизма съ христіанствомъ, а въ «Наполеонѣ» освѣтилъ героя своего вѣка бриллиантовымъ огнемъ романтики. Фантастическаго преувеличенія и неестественности романтической школы держались также многіе сочинители романовъ, какъ наприм. виконтъ д' Арленкуръ, (род. 1789), Фред. Сулье (род. 1800) и разные друг.; напротивъ одинъ изъ самыхъ изящныхъ рассказчиковъ, графъ Гзавье де-Местръ (1764 — 1852), возвратился опять къ простотѣ Бернардень де Сень Пьера. Его «Путешествіе вокругъ моей комнаты» бли-

чаетъ свѣтлый, добродушный взглядъ на жизнь; «Прокаженный въ Аостѣ» живо изображаетъ такое отчаянье несчастнаго, который ужаснѣйшею изъ болѣзней осужденъ на одиночество; «Молодая Сибирячка» — простая и трогательная повѣсть дѣтской преданности и любви. Чувство простоты, естественности и правды обнаруживается также у живописца и писателя, Женевца Руд. Тѣпфера (1799 — 1846), въ его юмористическихъ рассказахъ и живописныхъ путешествіяхъ.

Романтическая школа была одностороння до такой степени, что не могла не вызвать многихъ противниковъ, которые слѣдовали инымъ путемъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Классическое направление, хотя устарѣвшее и повидимому побѣжденное, вело упорную борьбу противъ новоромантической поэзіи, — борьбу, кончившуюся неблагоприятно для классиковъ только потому, что силы передовыхъ бойцовъ были слишкомъ неравномѣрны. Классическая поэзія съ ея вышеченными александрийскими стихами¹, съ ея обточеннымъ языкомъ, съ ея риторскимъ пафосомъ, до того срослась съ исторіею Франціи, съ ея великимъ прошедшимъ, и до того соответствуетъ народному характеру, что совершенно устранить ее нельзя было никогда. Конечно, державшимся за классическую форму посредствомъ талантамъ, каковы наприм. безхарактерный стихотворецъ, критикъ и литературный историкъ Лагарпъ (1739 — 1803), драматурги Арно (1766—1834), Жуй («Велисарій»), Габр. Легувэ, Ренуаръ («Тампліеры»), ученый изслѣдователь провансальскаго языка и стихотворства (1761 — 1836), — конечно этимъ людямъ было не под силу преодолѣть отвѣчавшую современнымъ идеямъ и вызванную къ жизни даровитѣйшими людьми новоромантическую поэзію; съ такими талантами, какъ г-жа Сталь или Шагобрианъ, не могли совмѣстничать ни близкая къ Орлеанскому дому г-жа Жанлисъ (1796 — 1830), плодовитый и сухой авторъ множества романовъ, повѣстей и сочиненій о воспитаніи въ старинномъ вкусѣ, ни замѣчательный въ своемъ родѣ идилистъ и переводчикъ Виргилія, Жакъ Делиль (1738 — 1813), съ своими дидактико-описательными поэмами и изображеніями природы. Но когда, во-первыхъ, Непом. Лемерсье (1773 — 1840) сталъ въ своихъ многочисленныхъ историческихъ трагедіяхъ («Агамемнонъ»,

¹ Шестистопные стихи, получившіе свое названіе отъ нормандскаго поэта Александра Парижскаго, который наизсказъ ими, между прочимъ, главное свое произведеніе, поэму объ Александрѣ Великомъ.

«Хлодвигъ», «Пинто» и друг.) и комедіяхъ (*Dame Censure*) вольнѣе обращаться съ классическими формами и, отнюдь не устраняя ихъ вполне, позволялъ себѣ только нѣкоторыя отступленія отъ ихъ строгихъ правилъ; когда ясный и популярный (за свои *Messéniennes*, *Le retour de l'Empereur*), хотя и менѣе глубокій поэтъ, Казимиръ Делавинъ (1794 — 1846), съумѣлъ въ своихъ историческихъ драмахъ (*Les vêpres siciliennes*, *Les enfants d'Edouard*, *Don Juan d'Autriche* и друг.) и комедіяхъ (*L'école des vieillards*) искусно соединить романтическія идеи съ классическими формами, — стремленіе, которое раздѣлялъ съ нимъ и драматикъ Алекс. Сумѣ (род. 1788); когда гениальная актриса Рашель своею художественною игрою снова подняла униженные романтиками трагедіи Корнеля и Расина, тогда, по крайней мѣрѣ въ сценическихъ произведеніяхъ, классическая поэзія стала опять на болѣе твердой основѣ, тѣмъ болѣе, что важнѣйшіе представители романтическаго направленія, Викторъ Гюго и Александръ Дюма (род. 1803), пріобрѣтшіи извѣстность какъ поэтъ, путеописатель и романистъ, въ своихъ историческихъ драмахъ (*Henri III*, *Monaldeschi*, *La tour de Nesle*, *Caligula* и друг.) по прежнему не покидали односторонности крайняго преувеличенія. Даровитаго драматурга пріобрѣло себѣ классическое направленіе въ лицѣ молодаго поэта Понсара, котораго «*Лукрецію*» привѣтствовали какъ начало новой эпохи, но въ его драмѣ «*Улиссъ*» гомеровская простота является уже слишкомъ пересоленною. Историческія драмы Л. Витѣ и безчисленныя театральныя піесы плодovitаго и ловкаго въ сценическомъ отношеніи комика Авг. Евг. Скриба (1791 — 1860), котораго можно назвать французскимъ Коцебу, — все это, не смотря на нѣкоторыя частныя красоты у перваго и на искусную техническую сноровку у втораго, отнюдь не имѣютъ высшей поэтической цѣны.

Романтическая поэзія составляла только одну сторону революціонныхъ стремленій — уничтожить въ области литературы все старое и завѣщанное отъ предковъ, точно такъ же какъ это было сдѣлано въ государствѣ и общественномъ быту французскимъ національнымъ собраніемъ; другою стороною было оживленіе эллинской художественности, новопробужденный интересъ къ древнегреческой литературѣ, вкусу и образованію. У обоихъ этихъ направленій была сначала одна и та же цѣль — уничтоженіе перенятой у Римлянъ однообразной классичности, чего хотѣли достигнуть расширеніемъ содержанія, облагороженіемъ и уразноображеніемъ формъ. По этому, точно такъ же какъ ново-

романтики возвращались къ среднимъ вѣкамъ, новый эллинизмъ воротился къ первобытной эпохѣ южной Франціи, къ тому времени, когда господство греческаго образованія распространялось изъ Марсели по Провансу и Лангедоку; и какъ первые возобновляли христіанскія народныя баллады, такъ точно возрожденный греческій вкусъ привелъ къ болѣе глубокому изученію и къ филологическимъ изслѣдованіямъ разныхъ французскихъ нарѣчій. Этотъ эллинизмъ былъ впервые возбужденъ поэтомъ Андреемъ Шенье, далѣе — извѣстнымъ «Путешествіемъ молодаго Анахарсиса» Жанъ-Жака Бартеlemi (1716—1795), гениальнымъ эллинистомъ и переводчикомъ Геродота и другихъ греческихъ произведеній, Полемъ Луи Курье, особенно же господствовавшимъ во время революціи восторженнымъ одушевленіемъ къ простотѣ и естественности Грековъ, къ древне-республиканскому быту вообще, къ античной доблести и любви къ свободѣ, — одушевленіемъ, выразившимся въ то же время и въ картинахъ поклонника революціи, живописца Давида. Вскорѣ однакожь два эти направленія разошлись въ своихъ путяхъ: между тѣмъ какъ мѣлая реставраціей романтика сбилась на стезю церковной и политической реакціи и служила опорой превратно понимаемому началу «тронъ и алтарь», на почвѣ республиканскаго эллинизма возникла противъ этихъ реакціонныхъ стремленій сильная оппозиція. Тотъ же Поль Луи Курье (1773—1825), образовавшийся среди стана и ратной тревоги, вступилъ теперь, отрекшись отъ военной службы и посвятивъ себя сельской жизни вблизи Тура, на поприще политической сатиры. Своими памфлетами, отъ которыхъ вездѣ вѣетъ на васъ духомъ мужества и глубокаго нравственнаго убѣжденія, соединеннымъ съ блистательнымъ остроуміемъ, свѣтлою ироніей и самымъ выработаннымъ языкомъ, дѣйствовалъ онъ на свое время въ смыслѣ прогресса, свободы и просвѣщенія. Бѣдкій сатирикъ отъ природы, и вполне усвоивъ себѣ саркастику греческихъ писателей, могъ ли онъ не сдѣлать изъ своихъ политическихъ брошюръ настоящихъ княжаловъ? Недоступный тщеславію, не ослѣпленный ни блескомъ императорства, ни обаяніемъ «прирожденной» королевской власти, онъ былъ опаснымъ противникомъ реакціи до тѣхъ поръ, пока внезапное убіеніе Курье вблизи его дома не положило конца его блестящей дѣятельности.

Еще обширнѣйшимъ вліяніемъ пользовался вольномыслящій пѣвецъ Пьеръ Жанъ Беранже (1780—1857). Знакомый съ чувствами и настроеніями народа, изъ котораго онъ вышелъ самъ, кото-

рому оставался непоколебимо вѣренъ, котораго онъ былъ «независимымъ витіемъ и утѣшителемъ», Беранжэ умѣлъ въ своихъ стихахъ попасть на тотъ простой, естественный тонъ, который идетъ прямо къ сердцу, потому что онъ изъ сердца же и выходитъ. Безъ честолюбія, безъ большихъ потребностей и затѣй, онъ не давалъ увлечь себя съ пути ни приманкою почетныхъ мѣстъ, ни страхомъ судебныхъ преслѣдованій и наказаній. Беранжэ — полнѣйшее выраженіе національнаго характера Французовъ, въ благородномъ его проявленіи: веселый, довольный жизнью и легкомысленный, притомъ любезный, обходительный и одушевленный любовью къ свободѣ и родинѣ¹. Последнее это чувство волновалось въ немъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ былъ недоволенъ попятными шагами Бурбоновъ и оно то исторгало у него тѣ выраженія гнѣва и негодованія, тѣ насмѣшки и сатиры, тѣ жалобы и порицанія, которыя сдѣлали изъ его пѣсенъ такое страшное оружіе противъ реставраціи. Храбрый боецъ въ іюльскіе дни, онъ и при Людовикѣ Филиппѣ отказался отъ предлагаемой должности, чтобы вести независимую, хотя и бѣдную жизнь вольнаго поэта. Но муза его стала съ тѣхъ поръ молчаливѣе (находя менѣе предметовъ, вызывавшихъ ее на борьбу), и только необыкновенное участіе, оказавшееся при его похоронахъ, засвидѣтельствовало, что народная любовь не измѣнила ему до послѣдней минуты.

Национальная лира Беранжэ очень многострунна: эпикурейская философія 18 вѣка (*le Dieu des bonnes gens* и др.), одушевленіе къ революціонной свободѣ (*la déesse, le vieux sergent* и др.), воинственный энтузіазмъ къ Наполеону (*les deux grenadiers, les souvenirs du peuple*), либеральная насмѣшка надъ попытками возрожденія старины (*le marquis de Carabas, les missionnaires, Nabuchodonosor*, и др.), теплое участіе къ свободѣ и благоденствію народовъ (*la sainte alliance des peuples, hâtons nous!* и друг.), веселая бесѣда и застольная шутка (*ma république* и друг.), радость и скорбь любви («*Qu'elle est jolie!*» *la vertu de Lisette* и др.), юмористическое самодовольство и самобаюканье (*le roi d' Yvetot, Roger Bontemps*), насмѣшка вольнаго здравомыслящаго (*mon curé, le sénateur*), гримаса немощнаго сластолюбца (*le vieux célibataire*), наконецъ весь ужасъ крайней нужды, вся горечь неисходнаго рабства, тяго-

¹ Авторъ позабылъ еще одну замѣчательную черту Беранжэ, — его рѣдкую готовность помочь ближнему, хотя бы съ рискомъ не только для своего кредита у другихъ, но и для своихъ собственныхъ, всегда очень скромныхъ средствъ существованія.

тяющихъ надъ бѣднымъ и притѣсненнымъ (*Jeanne la Rousse, le vieux vagabond, la pauvre femme*) — все это говорить, ликуеть, подсмѣиваетъ, хохочетъ, тужить и плачетъ въ пѣсняхъ Беранжэ — съ такою задумчивостью и истинной, съ такою граціей и силой, которыя ясно даютъ чувствовать, что въ этой поэзіи бьется самое сердце народа¹.

Въ двадцатыхъ годахъ ненавистный правительству либерализмъ напелъ себѣ двухъ плодovitыхъ поборниковъ въ Огюстѣ Бартелеми (род. 1796 въ Марсели) и его школьномъ товарищѣ Мері (род. 1794), нападшихъ на господствующую систему во множествѣ сатирическихъ памфлетовъ и стихотвореній (*la Villégiade, la Corbièreide, la Censure* и мног. друг.). За эти, и нѣкоторыя другія пѣсы, прославлявшія Наполеона (*Napoléon en Egypte, le fils de l' homme*), подверглись они гоненію и заключенію въ тюрьму; потомъ, дождавшись кратковременнаго торжества въ іюльскую революцію, они въ слѣдующемъ же году выразили, въ пѣсѣ *La Dupinade ou la révolution durée*, свое негодованіе по поводу несбывшихся надеждъ. — Одинъ изъ самыхъ ѣдкихъ сатириковъ новой Франціи безспорно Огюстъ Барбье (род. 1808 въ Парижѣ); съ беспощадной строгостью бичуетъ онъ всѣ враждебныя народу и свободѣ поступки и стремленія знатныхъ и съ демократическимъ негодованіемъ изображаетъ бѣдствія и страды народовъ. Въ «Охотничьемъ правѣ» (*la curée*) онъ караетъ низкихъ проныръ, которые хотятъ извлечь себѣ выгоду изъ совершившейся помимо ихъ іюльской революціи и отнять у народа непосредственные плоды этой перемѣны; пѣса «Кумиръ» есть строгое порицаніе боготворимому императору Наполеону; въ «Popularité» изливаетъ онъ свой гнѣвъ на позорную развращенность высшихъ сословій. Изобразивъ въ этой и другихъ энергическихъ сатирахъ, изданныхъ имъ подъ древне-греческимъ заглавіемъ «Ямбовъ» (Архилоха), черты общественнаго быта своей родины, онъ сѣтуетъ въ своихъ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ II Pianto и Lazare о положеніи народа въ злополучной тогда Италіи и въ Англіи, но сѣтуетъ уже не съ прежнею силой.

Литературный либерализмъ, въ томъ видѣ, какъ онъ проявился въ сатирахъ Поля Луи Курье и въ популярныхъ пѣсняхъ Беранжэ раздѣлялъ съ политическимъ либерализмомъ его малоплодность; болѣе прекословя и отрицая, нежели производя, не могъ онъ надолго удовлетворить ду-

¹ Къ Беранжэ вполне прихвѣливо то, что самъ онъ сказалъ о Манюэль: «у него и рука, и сердце, и голова — все народъ».

ховнымъ потребностямъ народа; онъ былъ только новою закваской, брошенной въ коснѣющую массу романтизма, но закваской, которая не составляла здоровой и крѣпительной пищи сама по себѣ. Изъ слиянія обоихъ направлений искусства, но съ цѣлями по преимуществу отрицательными, преобразовательными и разлагающими, возникъ соци-ально-бытовой и тендеціозный романъ, имѣющій своей почвой великое разнообразіе семейной жизни и общественнаго быта во всѣхъ формахъ и проявленіяхъ, и затрогивающій коренные вопросы, основныя условія человѣческаго общежитія. Первый писатель, изслѣдовавшій семейную и общественную жизнь современности, заглянувшій во всѣ изгибы и тайники человѣческаго сердца, и изобразившій ихъ во множествѣ романовъ, однакожь безъ всякихъ стороннихъ замысловъ и цѣлей, равно какъ и безъ глубокаго познанія души, былъ Оноре Бальзакъ (1790—1850), родомъ изъ Тура; его картины провинціальной жизни обнаруживаютъ въ немъ большую наблюдательность и бывалость. Но настоящимъ, гениальнымъ творцомъ социально-тендеціознаго романа явилась маркиза Дюдеванъ (род. 1804 г. въ Берри), извѣстная подъ именемъ Жоржъ-Санда; мистицизмъ, чувствительность и задумчивость первыхъ романтиковъ слились у ней съ идеями свободы и демократизмомъ либеральной литературы и съ своевольнымъ стремленіемъ новаго социализма, избавиться отъ всѣхъ нравственныхъ узъ и искать удовлетворенія однихъ природныхъ побужденій; все это соединила она въ новый родъ романа, очень художественный, но вредный для чистоты нравовъ, который, поддерживаясь благороднымъ и сильнымъ языкомъ, ясностью представленія, вѣрностью и глубиной наблюдательности и живостью красокъ, нашелъ себѣ при фривольномъ направленіи того времени величайшее сочувствіе и затмилъ всѣ подобныя произведенія. Послѣ перваго значительнаго романа ея «Индіана», вскорѣ явились одинъ за другимъ «Валентина», «Симонъ», «Андрѣ», «Леоне-Леони», «Жакъ», «Лелія», которые всѣ клонились къ тому, чтобы представить все разнообразіе общественныхъ учрежденій неестественнымъ, отжившимъ и несправедливымъ, — особенно защитить женщину отъ законовъ брака, приличія и условной чистоты, выдвигая вездѣ на первый планъ силу любви, дающую на все безграничное право. Всѣ задачи любви и брака были не только затронуты г-жею Дюдеванъ, но и развиты въ самомъ рѣзкомъ, часто парадоксальномъ видѣ; самыя яркія картины страстной чувственности облакала она въ какое то эфирное вѣяніе идеальной жизни, которая неутолимой

жждою реформъ и полнымъ чаяніемъ внутреннимъ волненіемъ потрясала всю безконечную канитель современности. Изображеніе человѣческихъ страданій, имѣющихъ свой неизсякаемый родникъ въ превратныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, тѣмъ неодолимѣе дѣйствовало на недовольное, жаждущее новизны, сластолюбивое и чувственное племя, что дѣйствительныя язвы общества, въ которыхъ сомнѣваться было невозможно, повидимому доказывали истину выставляемыхъ картинъ, тогда какъ все дѣло было въ томъ, что посредствомъ очень лестной для себя любви уловки главная причина золъ переносилась на общественныя учрежденія, вмѣсто того, чтобы искать ее въ грѣшной природѣ самого чловѣка. Ученіе, что всѣ позывы и страсти человѣческаго сердца имѣютъ право на удовлетвореніе, — ученіе, развитое въ этихъ романахъ со всѣми чарами художественности, столько же содѣйствовало къ потрясенію государственныхъ, церковныхъ и общественныхъ установленій, основанныхъ на законѣ, преданіи и исконномъ соглашеніи между людьми, какъ и софистическія грезы новѣйшаго социализма. — Возбужденная религиознымъ демократизмомъ Ламеннѣ (§ 813). Жоржъ Сандъ въ своихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ обращалась болѣе къ политическимъ и религиознымъ идеямъ, наприм. въ «Спиридіонѣ», «Орасѣ», «Консуэло» и «Графинѣ Рудольштадтѣ». Въ *Comptoir du tour de France* (Странствующемъ ремесленникѣ), въ «Жаннѣ» и въ «Мельникѣ изъ Анжибъ» она старалась потомъ развить свои социалистическіе взгляды въ сферѣ народной жизни. Позднѣйшіе романы Жоржъ-Санда (*La mare au diable*, *Francois le champi*, *La petite Fadette*) увлекательно изображаютъ народный бытъ въ Беррійской провинціи безъ всякихъ противунравственныхъ тенденцій. — Аврора Дюпенъ, дочь побочнаго сына извѣстнаго маршала де Сакса, воспиталась въ монастырѣ и на 18-мъ году была выдана безъ всякой склонности за маркиза Дюдевана, отъ котораго имѣла двоихъ дѣтей. Свою тревожную судьбу, свои молодые годы, всю ихъ обстановку и ходъ своего образованія сама она повѣдала міру въ очень заманчивомъ разсказѣ. Соскучась этимъ брачнымъ союзомъ безъ симпатіи, покинула она своего мужа и, бѣдная, безпомощная явилась въ Парижъ (1831), гдѣ въ сообществѣ съ своимъ другомъ, Жюлемъ Сандо, стала заниматься литературными трудами. Первое сочиненіе ея *Rose et Blanche* произвело мало впечатлѣнія, зато тѣмъ болѣе понравилась въ слѣдующемъ году (1832) «Индіана», писанная подъ гнетомъ самыхъ горькихъ заботъ; всѣ страсти и розни, всѣ скорби и столкновенія, всѣ стремленія и бѣды, все, чѣмъ волнуетсяя

и движется новѣйшее общество, соединены здѣсь въ такую картину, которая достигаетъ чрезвычайно сильнаго эффекта помощію самыхъ простыхъ средствъ, которая страшно потрясаетъ своей правдивостію и при этомъ безукоризненна въ своей формѣ. Начатое ею потомъ дѣло о формальномъ разводѣ съ мужемъ, рѣшилось въ ея пользу: она получила обратно своихъ дѣтей и значительную часть своего имущества. Съ тѣхъ поръ проводила она время попеременно то въ Парижѣ, то въ деревнѣ, то въ путешествіяхъ. «Лѣто на югѣ Европы» — это воспоминанія и впечатлѣнія бытности ея на островѣ Миноркѣ; «Письма путешественника» даютъ заглянуть во внутреннюю жизнь автора, подобно исповѣди Руссо; въ «Семи струнахъ лиры» онъ владеетъ въ романтическую мистику и символику. Въ «Спиридіонѣ» видимъ мы потрясающую картину того, какъ высокій умъ и благородное сердце, путемъ всѣхъ возможныхъ страданій, путемъ самыхъ тяжелыхъ мукъ, неразлучныхъ съ жаждой знанія, съ сомнѣніемъ, невѣріемъ, отчаяніемъ и равнодушіемъ, достигаетъ наконецъ чистѣйшаго убѣжденія, радостной увѣренности, вмѣстѣ разумнаго и христіански-нравственнаго міросозерцанья.

Одобреніе, съ какимъ приняты были тенденціозные романы Жоржъ-Санда, вскорѣ навело на тотъ же путь и другихъ. Всѣхъ ближе къ ней славою, но не глубиною и богатствомъ мысли, стоитъ Евг. Сю (1804—1857), отрасль зажиточной, извѣстной во врачбномъ мірѣ провансальской фамиліи. Познакомясь, въ званіи военнаго врача, съ Испаніей, объѣхавъ потомъ Америку и Грецію, онъ посвятилъ себя роману и первый водворилъ во Франціи особый родъ его — морской романъ. Но ни этимъ, ни романомъ историческимъ, который занялъ его послѣ, не приобрѣлъ онъ такой извѣстности, какъ примѣненными къ ходячимъ идеямъ и проникнутыми социалистическою тенденціей нраво-описательными картинами ужасовъ бѣдности и порока. Въ числѣ такихъ картинъ «Парижскія тайны», «Семь смертныхъ грѣховъ», «Вѣчный Жидъ» и «Мартынъ найденный» распространились неслыханнымъ образомъ и не мало содѣйствовали къ социалистической революціи 1848 г. — Послѣ насильственнаго поворота въ 1852 году, бѣжалъ онъ изъ Парижа и умеръ 13 авг. 1857 въ Аннеси, тоскуя по разгульнотѣ житья въ столицѣ Франціи, къ которому онъ издавна пристрастился. — Эмиль Сувестръ (род. 1800), изображавшій въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ противоположности нищеты и богатства на социалистико-

романтическій ладъ, избралъ для новѣйшихъ своихъ «семейныхъ романовъ» матеріалъ менѣе горячаго свойства¹.

Та же бойкая подвижность, какую мы видимъ въ поэтической литературѣ Французовъ, обнаруживается и въ другихъ литературныхъ родахъ, особенно въ сильно-развитой журнальной дѣятельности. Бездна современныхъ изданій, которымъ придано еще болѣе заманчивости летучими прибавленіями (фѣльетономъ), занимаютъ собою значительнѣйшія авторскія силы и часто служатъ складомъ для помѣщенія новѣйшихъ романовъ, путеописаній (Мармьё), эстетической и критической беллетристики (Жюль Жаненъ, Тальяндьё и др.). Особенно почетнаго упоминанія въ числѣ журналовъ заслуживаютъ Revue des deux mondes и Magasin pittoresque. — Въ исторіографіи, Французы шли отчасти путемъ философскаго прагматизма, который проложили Вольтеръ и Монтескьё, при чемъ одни, какъ наприм. Фр. П. Гизо («Исторія цивилизаціи въ Европѣ», «Исторія цивилизаціи въ средневѣковой Франціи», «Исторія англійской революціи» и друг., род. 1787) пользовались исторически-собраннымъ матеріаломъ преимущественно для того, чтобъ извлекать изъ него философскіе выводы и идеи, другіе — болѣе заботились объ искусномъ распорядкѣ и живописномъ представленіи, какъ наприм. Барантъ (род. 1782), авторъ «Исторіи герцоговъ Бургундскихъ» и остроумной «Исторіи французской литературы 18 вѣка», и братья Тьерри (Августинъ, впоследствии ослѣпшій, сначала былъ Сенъ-Симонистъ (§ 809), написалъ «Исторію завоеванія Англіи Норманнами», «Письма объ исторіи Франціи», «Разказы изъ эпохи Меровинговъ» и проч., и Амедей, авторъ «Исторіи Галловъ» и друг. сочиненій), которыхъ генетическія или описательныя произведенія, основанныя на глубокомъ изслѣдованіи характера и особенностей различныхъ племенъ, водворили советамъ новыя воззрѣнія въ исторической наукѣ. Повѣствовательная, такъ-сказать лѣтописная исторіографія нашла себѣ

¹ Подъ вліяніемъ неизбежныхъ политическихъ и социальныхъ стѣсненій, французскій романъ пережилъ съ тѣхъ поръ еще одинъ новый фазисъ развитія, который довелъ его до крайнихъ предѣловъ дагерротипности, терпимой въ сферѣ искусства. Съ избыткомъ, да и менѣе доступной теперь, почвы такъ-называемой «физиологіи общества», онъ перешелъ на почву «физиологіи и патологіи отдѣльнаго лица», — почву, можетъ-быть, менѣе опасную въ социальномъ отношеніи, но гибельную для художественнаго творчества. Плодомъ этого направленія явились романы въ родѣ «Г-жи де-Боваря», которые даже и при неоспоримомъ талантѣ авторовъ производятъ вовсе не отрадное впечатлѣніе: вмѣсто ожидаемой художественной сцены, вась обступаетъ анатомическій театр, и чѣмъ удачнѣе онъ представленъ во всѣхъ подробностяхъ, тѣмъ тяжелее поражаемое имъ чувство.

скорѣ прилежныхъ, чѣмъ даровитыхъ дѣятелей въ лицѣ Анкетилля († 1808), Галлѣ и Женевца Сисмондѣ (1773—1850); послѣдній, кромѣ «Исторіи Франціи», написалъ еще «Исторію средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ» и «Исторію литературы юга.» Мишеле (род. 1798), авторъ весьма распространенной «Исторіи Франціи», — ставшій въ новѣйшее время ревностнымъ демократомъ и врагомъ иезуитовъ, тогда какъ прежде, въ сочиненіи о Лютерѣ, онъ строго осуждалъ реформацію, — старается соединить философскій прагматизмъ прежней школы съ новымъ, болѣе художественнымъ (описательнымъ) направлениемъ¹. Графъ Сентъ-Олеръ (1779—1858) написалъ очень дѣльную книгу о войнѣ фронды; а литературная исторія обогатилась основательными изслѣдованіями и цѣнными трудами Ренуара, Форіэля, Ампера, Сентъ-Бѣва и особенно Женгенѣ († 1816 «Литературная исторія Италіи»²). Всего охотнѣе обращалась французская исторіографія ко времени революціи и императорства. Въ сжатомъ изображеніи этой великой исторической эпохи, Ф. А. А. Миньѣ, руководясь логикой и фаталистическимъ взглядомъ, показала, какъ одно явленіе неизбѣжно наступало въ ней за другимъ, вытекающая прямымъ слѣдствіемъ изъ предшествовавшей причины; а Ад. Тьеръ (род. 1797) своей подробною «Исторіей революціи» проложилъ себѣ дорогу къ тому высокому положенію, какое онъ занялъ во Франціи съ 1830 года. Его позднѣйшая «Исторія консульства и имперіи», подобно Биньіоновой дипломатической исторіи той эпохи, не болѣе какъ обширный (и часто ловкій) риторскій памфлетъ, полный французскаго самохвальства. Изъ безчисленныхъ «Записокъ» знаменитыхъ женщинъ и мужчинъ, которыя составляютъ любимое чтеніе Французовъ и потому являются у нихъ въ удивительномъ изобиліи, только немногія имѣютъ истинно литературную цѣнность, сколько впрочемъ ни богаты нѣкоторыя изъ нихъ самыми интересными подробностями и яркими изображеніями событій. Обильный славою періодъ Наполеонова влательства представляетъ и по этой отрасли неисчерпаемый родникъ.

Г. Германія³. Если французская литература отличается своею

¹ Послѣдніе томы его «Исторіи Франціи» слишкомъ явно отзываются желаніемъ автора избѣгать всѣхъ прежде проложенныхъ путей и озадачивать новостью нескромныхъ задулсныхъ наблюденій.

² Которая, впрочемъ, многимъ обязана ученому и безпристрастному Трарбоски.

³ Авторъ, опуская въ своемъ курсѣ краткій обзоръ нѣмецкой литературы, излагаетъ ея исторію гораздо подробнѣе въ особомъ «Приложеніи.» До сихъ поръ мы вос-

непосредственной, тѣсною связью со всѣми переживаниями жизни французскаго общества, то напротивъ развитіе литературы въ Германіи представляетъ гораздо болѣе отрѣшенности отъ интересовъ текущаго дня и измѣняется въ своемъ послѣдовательномъ ходѣ гораздо медленнѣе, осмотрительнѣе и постепеннѣе. Это различіе обусловлено отчасти племеннымъ характеромъ, отчасти тою историческою особенностью, что разьединенный въ своихъ политическихъ и общественныхъ интересахъ германскій народъ живетъ между тѣмъ одною общею литературой.

Послѣ того какъ Лейбницъ и популярный ученикъ его, Вольфъ, а съ другой стороны Томазіусъ и Шпенеръ (сравни примѣчаніе къ § 635), начали снимать съ нѣмецкаго образованія тяжелую броню схоластики, которая, опираясь на варварскую латынь, мѣшала его развитію и дѣлала его недоступнымъ для массы германскаго народа, первыми отрадными явленіями возникавшей тогда ново-нѣмецкой литературы были, конечно, Альбрехтъ фонъ-Галлеръ (1708—77) и Гагедорнъ (1708—54). Первый, родомъ изъ Берна, профессоръ медицины въ Гёттингенѣ, а потомъ директоръ соляныхъ копей въ Бексѣ, будучи однимъ изъ величайшимъ ученыхъ всѣхъ временъ, прославился вмѣстѣ съ тѣмъ какъ дидактическій стихотворецъ (поэма Альпы), какъ романистъ и знатокъ исторіи. Въ своей поэтической дѣятельности онъ слѣдовалъ по стопамъ Англичанъ, точно такъ же, какъ болѣе легкой и граціозный Гагедорнъ (изъ Гамбурга) подражалъ въ своихъ Басняхъ, поэтическихъ Разказахъ и веселыхъ Пѣсняхъ Французамъ, а въ Посланіяхъ — Горацию. — Въ сѣверной Германіи господствовалъ въ это время Готшедъ (1700—66, род. изъ Пруссіи) съ своею многочисленною школой. Глава учрежденнаго въ 1728 г. Нѣмецкаго общества, основатель издаваемаго подъ разными названіями нѣмецкаго критическаго журнала, онъ ввелъ математическій методъ Вольфа въ свои учебники и въ свою книгу о критической поэзіи; бездарно переводилъ, вмѣстѣ съ женой, уважаемыхъ въ высшемъ обществѣ французскихъ стихотворцевъ, еще бездарнѣе подражалъ имъ (въ своей трагедіи «Умирающій Катонъ»), но умѣлъ такъ прихоравливаться ко вкусу тогдашней публики, что піеса его прослыла образцовымъ произведеніемъ и пережила въ короткое время десять изданій.

полняли эти пропуски небольшими выносками къ переводу текста, но всемірно-историческое значеніе нѣмецкой литературы новѣйшаго времени побуждаетъ насъ представить перечень ея главныхъ явленій въ самомъ текстѣ. Само собою разумѣется, что руководствомъ для этого перечня служить намъ вышепомянутое «Приложеніе» г. Вебера.

Отъявленный врагъ Гансвуршта (нѣмецкаго арлекина) и прежнихъ народно-сценическихъ представлений, онъ положилъ эту жалкою трагедіей основаніе новому нѣмецкому театру. — Въ противоположность Готшеду и его школъ, ловкій, остроумный, воспримчивый ко всему высшему писатель, Іоан. Як. Бодмеръ (1698—1783) въ Цюрихѣ, соединилъ вокругъ себя нѣсколько талантливыхъ людей, которые, какъ ревностные поклонники англійской литературы, вскорѣ пришли въ столкновеніе съ готшедянцами, и по поводу переведеннаго Бодмеромъ Мильтонова «Потеряннаго рая» между двумя лагерями запыхала страшная война. Къ Швейцарцамъ примкнулъ воспитанный на классикахъ и Англичанахъ, энергическій Хр. Л. Лисковъ (1701—60), изъ Шверина, и его крѣпкая, язвительная насмѣшка сильно поколебала авторитетъ Готшедова ученія. Наперекоръ Готшеду, отвергавшему всякій романтизмъ въ поэзіи, Бодмеръ издавалъ средневѣковыя пѣсни и стихотворенія; но жесточайшій ударъ нанесъ себѣ самъ Готшедъ тѣмъ, что возсталъ противъ восторженно-встрѣченной Мессіады Клопштока. Всѣ наконецъ отвернулись отъ прославленнаго учителя и готовы были забыть при этомъ даже и тѣ услуги, какія дѣйствительно оказалъ онъ языку. Изъ круга прежнихъ его поклонниковъ и учениковъ даровитѣйшими вышли сатирикъ Рабенеръ (1714—71), баснописецъ Геллертъ (1715—69) и математикъ-эпиграматистъ Кестнеръ (1719—1800). Сатиры перваго, по крайней тѣснотѣ тогдашнихъ общественныхъ отношеній, должны были вращаться въ заколдованномъ кружкѣ мелкой вседневности, а басни втораго были очень разжиженнымъ подражаніемъ Лафонтену. Подъ старость Геллертъ считалъ баснеписаніе за грѣхъ и посвятилъ себя преимущественно духовному гимну. Кестнеровы «*Sinngedichte*» исполнены остроумія и составляютъ одно изъ самыхъ значительныхъ явленій той скудной эпохи.

Во второй половинѣ 18 столѣтія литература, поэзія, искусство и вся духовная жизнь Германцевъ сильно двинулись впередъ. Даровитые люди разнообразнѣйшаго направленія пошли совершенно новыми путями и, отчасти рѣшительною борьбой съ укоренившимися заблужденіями, предразсудками и ложными взглядами, отчасти гениальными созданіями въ области поэзіи или науки, положили основаніе такой высокой образованности, которая едва ли имѣетъ себѣ что-нибудь подобное въ новѣйшей исторіи. — Особенно возвысились поэзія и художественный вкусъ, такъ что поэтическая сторона образованія опере-

дила всѣ другія; философія и религія невольно подчинились ея влиянію; фантазія и задушевное чувство — эта истинная почва поэзіи — переходили даже въ область строгой науки. Къ поэзіи обратились величайшіе умы націи съ своими разнообразными дарованіями. Клопштокъ (1724—1803) пробудилъ въ Нѣмцахъ воспримчивость и одушевленіе, переливъ достойнымъ, возвышеннымъ языкомъ свое христіанское вѣрованіе, свое теплое чувство и свой либеральный патріотизмъ въ сердца любознательной, полной стремленій молодежи; Лессингъ (1729—81) бичевалъ своею мѣткою критикою французскую драматическую литературу, своими собственными пѣсами указалъ тотъ путь, по которому можно достигнуть истиннаго драматизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ Лаокоономъ открылъ всѣмъ мыслящимъ глаза насчетъ сущности поэзіи и образовательнаго искусства, котораго уразумѣніе, инымъ, археологическимъ или наглядно-историческимъ путемъ, выяснено было въ тоже время Винкельманомъ. На плечахъ Лессинга стоятъ полный фантазіи, гениальный Гердеръ (1744—1803), который старался прослѣдить источникъ всякаго языка и всякой поэзіи, съ тонкимъ смысломъ раскрылъ красоты первобытной поэзіи Востока и глубокое содержаніе безыскусственной народной пѣсни разныхъ племенъ, а своими Идеями о философіи исторіи человѣческаго рода сильно побудилъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ на томъ же поприщѣ. — Веселый практическій философъ Виландъ (1733—1813), въ своихъ романахъ, представляющихъ по большей части древнегреческую жизнь съ очевидно повѣйшимъ колоритомъ, отстаивалъ взгляды и образъ мыслей высшаго общества, воспитаннаго на французскій ладъ и, легкомысленнымъ, нескромнымъ языкомъ, проповѣдывалъ мудрое наслажденіе благами жизни; это очень нравилось аристократическимъ классамъ Германіи и отворило нѣмецкой литературѣ двери даже въ тѣ высшіе круги, гдѣ дотоле читали только по французски. Три эти человѣка совершенно преобразили прозаическую рѣчь: Лессингъ придалъ ей силу, остроту и ясность, Гердеръ — паюсъ и богатство образовъ, Виландъ — легкость и грацію. На подготовленной ими почвѣ, величайшій гений своего вѣка, Гёте (1749—1832), воздвигалъ уже свои творенія, въ которыхъ отразился ходъ его собственнаго образованія и вмѣстѣ духовная жизнь цѣлаго народа. Въ эпоху бурной гениальности семидесятыхъ годовъ, когда кипучая литературная молодежь стала пренебрегать всѣ правила искусства и приличій, давала цѣну однимъ только созданіямъ гениа, хотя бы и неизящнымъ по формѣ, славила глубину первобытной поэзіи и естест-

веннаго вдохновенія, тѣшилась беззатѣйливою народною пѣней и съ восторженнымъ удивленіемъ смотрѣла на Оссіана и Шекспира, — тогда появленіе романа Страданія Вертера и драмы Гёцъ фонъ-Берлихингенъ, для которыхъ эти поэты служатъ первообразомъ, подняли цѣлую бурю одушевленія; лишь только Лессингъ и Винкельманъ пробудили интересъ къ античному искусству у Нѣмцевъ, какъ Гёте явился въ урочный часъ съ классическими драмами Тассо и Ифигенія, проникнутыми духомъ древности, облеченными въ ея свѣтлую, гармоническую форму и оживленными струею личныхъ впечатлѣній, которыя поэтъ вынесъ изъ Итали. Его идиллическій эпосъ Германъ и Доротея соприкасался великимъ политическимъ событіямъ той эпохи и страданіямъ бѣдныхъ выходцевъ; конецъ романа Вильгельмъ Мейстеръ и другой романъ Душевное сродство обличаютъ уже вліяніе на Гёте романтической поэзіи съ ея любовью къ чудесному, таинственному и сказочному; въ «Фантазіи и истинѣ» онъ изображаетъ ходъ своей собственной жизни и обстоятельства, содѣйствовавшія его развитію, а въ величавой драматической поэмѣ Фаустъ, надъ которою онъ трудился весь свой вѣкъ до самой смерти, оставилъ онъ потомству картину разнообразныхъ настроеній своей души въ моменты самыхъ глубокихъ ея переворотовъ. — Миръ политическій разросся между тѣмъ въ гигантскіе образы, и взоры народовъ невольно обратились на исторію и на характеръ государственнаго быта: — тутъ Шиллеръ (1759—1805), съ своими историческими драмами, которыя воспроизводили передъ германскимъ народомъ подобныя же бурныя эпохи отечественной и чужеземной исторіи, и съ своимъ пылкимъ одушевленіемъ къ свободѣ, родинѣ и благу человѣчества, поцалъ именно на ту струну, которая всего сильнѣе отозвалась въ народной массѣ. Чистотою своихъ чувствъ и правдивостью стремленія Шиллеръ приобрѣлъ себѣ дружбу Гёте, не смотря на всю разность ихъ натуръ, и дружная, совокупная ихъ дѣятельность ознаменовала собою высшую ступень нѣмецкой поэзіи: въ ихъ союзѣ мирно сочетались вѣчныя противоположности идеализма съ реализмомъ и субъективнаго взгляда съ объективнымъ.

Въ области религіозной литературы люди умѣреннаго образа мыслей, какъ Землеръ, Михаэлисъ, Эрнести, Мосгеймъ и Планкъ, старались сблизить богословіе съ изслѣдованіями философіи, критики и экзегезы (искусства толкованія текстовъ) безъ ущерба догмату откровенія, тогда какъ болѣе смѣлые берлинскіе богословы философы, съ журналистомъ Николаи во главѣ, слѣдуя по стопамъ англій-

скихъ деистовъ (§ 670), существеннымъ въ религіи считали одну практическую нравственность, которую и старались распространять въ обширнѣйшемъ кругу читателей пріятнымъ и общедоступнымъ языкомъ, избѣгая въ своемъ трезвомъ изложеніи всякаго взыва къ чувству и фантазіи. Однимъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей ихъ круга былъ Шпальдингъ. Рядомъ съ этими людьми, все еще стоявшими на почвѣ церкви и христіанской религіозности, являлись однакожь и такіе, которые, какъ Бардтъ († 1792), Диппель († 1734) и Эдельманъ, становились въ совершенную противоположность съ откровеніемъ. Крайности вольномыслія вызвали противъ себя оппозицію строгихъ ригористовъ—какъ Мельхоръ Гёце, мистиковъ—какъ Гаманъ, Фр. Г. Якоби и графъ Фр. Леоп. Штольбергъ, и наконецъ такихъ замѣчательныхъ супранатуралистовъ, какъ Лафатеръ (1741—1801) и Юнгъ Штиллингъ (1740—1817). Первый, своими назидательными сочиненіями, проповѣдями, духовными стихотвореніями и своею знаменитою физиономикой, приобрѣлъ себѣ величайшую славу и прослылъ въ извѣстныхъ кругахъ чуть не за пророка и святаго, а второй, раздѣляя супранатурализмъ Лафатера, являлся въ своихъ сочиненіяхъ гораздо болѣе естественнымъ и задушевнымъ. Лафатеръ нашелъ себѣ бойкаго и неутомимаго противника въ остроумномъ гёттингенскомъ математикѣ и физикѣ Лихтенбергъ (1752—99), тогда какъ, съ другой стороны, черствое воззрѣніе на вѣру рационалиста Шпальдинга вызвало противодѣйствіе даже со стороны такого свободномыслящаго челоуѣка какъ Гердеръ, который старался возратить христіанству его священное значеніе, а сану пастырей его древнюю высоту; но какъ христіанство переходило у него въ нѣчто чисто-человѣчное (гуманное), въ первобытную религіозную поэзію, далекую отъ всякаго догматизма, то, разумѣется, такой защитникъ христіанской религіи въ свою очередь не угодилъ строгимъ ригористамъ.

Это волненіе религіозныхъ мнѣній, ограничивавшееся кругомъ высшаго общества, имѣло впрочемъ гораздо менѣ вліянія на жизнь, чѣмъ происшедшій въ то же время переворотъ въ школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Подъ вліяніемъ «Эмиля» Руссо и при пособіи челоуѣколюбиваго Дессаускаго князя, вовсе не готовый къ дѣлу воспитанія, но ловкій І. Б. Базедовъ (1723—1790), учредилъ въ Дессау образцовую школу и учительскую семинарію (филантропинъ), которая, имѣя цѣлю облегченіе преподавательныхъ способовъ и распространеніе образованія въ низшихъ классахъ, нашла себѣ подражаніе со всѣхъ

сторонъ. Благодаря разнообразнымъ усиліямъ такихъ людей, какъ восторженный къ просвѣщенію народа Швейцарецъ І. Г. Песталоцци (1746—1827) и ревностные ученики Безедова — Кампе и Зальцманъ, дѣло новаго гуманитарнаго воспитанія одержало рѣшительную побѣду.

При такомъ общемъ движеніи идей не могла долѣе оставаться въ силѣ и оцѣпенѣвшая система Лейбницъ-Вольфовской философіи. Способнѣйшіе люди того времени (Мозесъ Мендельсонъ, Гарве, Федеръ) начали съ того, что старались облекать свои философскія мысли въ болѣе человѣческую, привлекательную форму; но заботливость о выработкѣ внѣшняго изложенія скоро перешла въ поверхностный эклектицизмъ¹, который не могъ устоять противъ зоркаго взгляда здравой критики и основательной провѣрки. Эта крика явилась въ лицѣ гениальнаго Канта (1724—1804) въ Кёнигсбергѣ, который сталъ творцомъ новой философской системы, то-есть открывателемъ такихъ соотношеній между мыслию и бытіемъ, въ силу которыхъ идеализмъ и реализмъ получили совѣмъ новыя опредѣленія. Въ своихъ сочиненіяхъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ его: Критика чистаго разума, Критика практическаго разума, и Критика судительной способности, опредѣлилъ онъ точно свойства и необходимые границы познавательности человѣческой, поставилъ безусловную потребность морали существеннымъ основаніемъ всякой разумной религіи и далъ простыя, надежныя основы правовѣдѣнію и эстетикѣ. Философія Канта, встрѣтивъ сначала холодный, недовѣрчивый пріемъ, проникла потомъ во все отрасли науки и литературы, въ поэзію и въ практическую жизнь; она проложила путь свободному богословскому направленію, которое съ тѣхъ поръ назвали рационализмомъ (мыслительнымъ вѣрованіемъ), и запальчивость, съ какою способные и неспособные поборники и противники новой мудрости вступали за нее въ бой, свидѣтельствовала о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ глубокими ея началами на всехъ образованныхъ. Одинъ изъ гениальнѣйшихъ учениковъ Канта, Фихте (1762—1814), увлекся соблазнительною мыслию, что предѣлы познанія, обнаруженныя критикой его наставника, суть не болѣе какъ порожденія самой же познавательной способности, и что въ сущности наше собственное я есть та безконечная и безусловная самодѣятельность, которая

¹ Выборъ мыслей и ученій различныхъ системъ безъ глубокаго изсажденія той почвы, которая произвела ихъ, и тѣхъ цѣлей, какими онѣ обуславливались.

сама противопоставляетъ себѣ свое *я*, или міръ внѣшнихъ предметовъ, какъ природу. Богъ, по его системѣ, является въ человѣческомъ разумѣ не только какъ вѣчный порядокъ вселенной. Обвиненный въ безбожіи, Фихте лишился профессуры философіи въ Іенскомъ университетѣ. Поработаніе Германіи Наполеономъ вызвало у его энергической души вдохновенныя «Рѣчи къ нѣмецкой націи», въ которыхъ онъ старался пробудить къ жизни самый народъ, настаивая на его нравственномъ перевоспитаніи. Благодаря Фихте, философія попала опять на обаятельный, но скользкій путь безусловнаго догматизма, по которому вели ее потомъ необычайно даровитые мыслители, Шеллингъ (1775—1854) и Гегель (1770—1830). Шеллингъ хотѣлъ сначала соединить идеализмъ (философію духа) и реализмъ (философію природы) ученіемъ о безусловномъ тождествѣ того и другаго въ сферѣ высшаго умственнаго созерцанія, потомъ увлекся въ мистику новоплатониковъ и еософію Беме, а наконецъ заключилъ свое поприще чтеніями о положительной философіи мистологіи и откровенія, въ которыхъ отразились и частыя колебанія этого великаго ума, и многія блистательныя его стороны. Философія Шеллинга не представляетъ готовой, замкнутой системы; это—рядъ пережитыхъ самимъ философомъ ступеней умственнаго развитія и духовныхъ переходовъ. Гораздо рѣшительнѣе поставилъ и систематичнѣе провелъ первоначальное ученіе Шеллинга прежній товарищъ его Гегель, у котораго Шеллингово безусловное созерцаніе превратилось уже въ безусловное понятіе, которое своимъ собственнымъ діалектическимъ развитіемъ предпоставляетъ себѣ все ступени бытія и мысли и возвращаетъ ихъ въ свои нѣдра процессомъ самосознанія, то-есть узнаетъ въ нихъ само себя, свои же собственные опредѣленія. При такъ-называемомъ собственномъ развитіи безусловнаго понятія не обошлось конечно безъ произвольныхъ предположеній, натяжекъ и случайныхъ недосмотровъ со стороны философа, и внѣшній видъ строгой послѣдовательности, сначала сильно увлекшій къ его системѣ даже многіе зрѣлые и тонкіе умы, не надолго закрылъ недостатки идеалистическаго догматизма Гегеля; однакожь примѣненіемъ его діалектическаго метода и отчасти добытыхъ или уясненныхъ имъ соображеній, система оказала могущественное вліяніе на все отрасли науки и литературы¹.

¹ Главныя черты развитія новѣйшей богословской и философской литературы введены авторомъ въ исторію внутренняго быта Германіи (см. § 847).

Общее движеніе второй половины 18 вѣка сильно отразилось и на исторіографіи. Юстъ Мёзеръ (1720—94) въ своей Оснабрюкской исторіи показалъ, какъ можно написать настоящую исторію народа и страны, при тщательномъ изслѣдованіи и добросовѣтной оцѣнкѣ бытовыхъ условій, нравовъ и учреждений края; Гердеровы идеи философской исторіи человѣчества положили начало къ болѣе свободному и широкому взгляду на всемірную исторію, поставивъ изслѣдователя на ту философскую высоту, съ которой взглядъ его озираетъ цѣлыя массы народовъ въ ихъ тысячелѣтнемъ шествіи, и хотя еще Шлёцеръ (1735—1809) возставалъ противъ такого поэтически-философскаго воззрѣнія, унижалъ классическихъ писателей и, какъ истый практикъ, занимался только существующими отношеніями и только объ ихъ улучшеніи заботился, однакожь высшая философская обработка исторіи все таки удержала за собой свое неотъемлемое мѣсто. Л. Т. фонъ-Шпитлеръ (1752—1810) первый отчетливо выдѣлилъ духъ и сущность исторіи изъ груды матеріаловъ церковнаго и государственнаго бытописанія, обратилъ вниманіе читателей на врожденную человѣку потребность свободы и на священныя права народовъ и придавъ историческому изложенію ясность, достоинство и благородство языка. Швейцарецъ Іоаннъ фонъ-Мюллеръ (1752—1809) стремился къ славы германскаго Оукидида, разсматривая величественныя событія всемірной исторіи въ объективной дали и облекая ихъ въ формы художественно-риторской рѣчи; восторженный провозвѣстникъ борьбы за свободу и республиканской доблести своихъ земляковъ въ Исторіи швейцарскаго союза, онъ лишенъ былъ мужества и твердости въ дѣйствительной жизни и кончилъ тѣмъ, что, въ качествѣ министра, служилъ орудіемъ Наполеонова военнаго деспотизма въ Касселѣ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенною противоположностью своего Майнцакаго товарища, Георга Форстера (1754—94), который, увлекшись природною энергіей, восторженной любовью къ свободѣ и космополитствомъ, погибъ въ сумятицѣ французской революціи. — Фридрихъ фонъ-Раумеръ (род. 1784) написалъ свою Исторію Гогенштауфеновъ и ихъ времени съ пристрастіемъ романтика къ отжившему блеску среднихъ вѣковъ; Леопольдъ Ранке (род. 1795) старался разъяснить тревожную жизнь Реформаціонной эпохи новыми изысканіями и наглядно воспроизвести ее передъ глазами читателя. Бартольдъ Георгъ Нибуръ (1776—1831) озарилъ свѣточемъ исторической критики исторію древняго Рима, и съ неутомимымъ прилежаніемъ, съ удивительною начитанностью собралъ

въ твореніяхъ древности разсѣянные намеки и замѣтки для своего бессмертнаго труда, ознаменовавшаго новую эру въ обработкѣ древней исторіи. Не довольствуясь указаніемъ противорѣчій въ основанной на преданіяхъ исторіи, Нибуръ старался въ то же время распознать и выяснить истину, скрытую подъ оболочкой поэтической саги, возстановить древнѣйшія черты быта въ ихъ исторической дѣйствительности и соорудить новое зданіе изъ всѣхъ годныхъ къ дѣлу обломковъ. Поклонникъ древнереспубликанскаго духа и энергіи римскихъ плебеевъ, онъ видѣлъ однакожь величайшую бѣду для новаго государственнаго строя во французской революціи и прямомъ потомкѣ ея, іюльскомъ переворотѣ. Фридр. Христофоръ Шлоссеръ (род. 1776) въ своей Всемірной исторіи обнимаетъ глубокимъ взглядомъ жизнедѣятельность народовъ древняго и новаго времени, указывая тѣсную связь литературы, нравовъ и образа мыслей съ явленіями политическаго быта, а въ Исторіи 18 и 19 вѣка изображаетъ событія и характеры, дѣла и мнѣнія недавно отжившихъ поколѣній съ глубиною мысли, отчетливостью, замѣчательною свободой взгляда и строгою провѣркой каждаго явленія мѣриломъ нравственности и права. Карль фонъ-Роттекъ (1775—1840), родомъ изъ Фрейбурга въ Брейсгау, поборникъ либеральныхъ началъ въ парламентскихъ рѣчахъ и въ печати, выбралъ Всемірную исторію орудіемъ для распространенія политическихъ идей и демократическихъ ученій въ народѣ, тогда какъ даровитый протестантскій историкъ, Генрихъ Лео въ Галле (род. 1789), ратовалъ въ то же время противъ внесеннаго реформаціею и революціею просвѣщенія со всею ревностью изувѣрнаго доминиканца. — А. Г. Л. Гееренъ (1760—1842) въ Гёттингенѣ высказалъ въ своихъ «Идеяхъ о политикѣ, связяхъ и торговлѣ древняго міра», равно какъ и въ другихъ историческихъ сочиненіяхъ, много новыхъ соображеній о разносторонней жизнедѣятельности древнихъ народовъ; Э. В. Вагсмутъ (род. 1784) въ Лейпцигѣ обработалъ съ глубокой ученостью и основательною критикою Эллинескую древность, Эпоху французской революціи и Исторію образованія различныхъ народовъ во все время; Фр. Христофоръ Дальманъ (1785—1859), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ теоретиковъ въ политикѣ, явился остроумнымъ и ученымъ бытописателемъ въ своей Исторіи Даніи и друг. сочин., а въ Исторіи англійской и французской революціи онъ соединилъ политику съ исторіею для того, чтобы изъ прошлаго извлечь нѣсколько вѣщихъ намековъ и предостереженій для правительствъ въ будущемъ. Другъ и

единомышленникъ Дальмана, Гервинусъ (род. 1805), создалъ въ своей Исторіи нѣмецкой поэзіи такой трудъ, который по глубинѣ изслѣдованія, свободной широтѣ взгляда и патриотическому стремленію, всегда останется красною нѣмецкой литературы; въ своемъ остроумномъ сочиненіи о Шекспирѣ онъ старался прояснить помутившійся взглядъ своего народа указаніемъ на гармоническое творчество этого великаго, свѣтлаго генія, а во Введеніи къ исторіи девятнадцатаго вѣка предпринялъ, слѣдуя аристотелевскимъ законамъ и опираясь на завершенные періоды древней и средневѣковой исторіи, опредѣлять ходъ политическаго развитія въ новѣйшее время и даже характеръ исторической будущности.

Въ началѣ достопамятныхъ семидесятыхъ годовъ нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей въ Гёттингенѣ заключили между собой союзъ дружбы, поэзіи и благородныхъ стремленій. Средоточіемъ этого «Гёттингенскаго союза» былъ мекленбургскій уроженецъ Юг. Генр. Фоссъ (1751—1826), а замѣчательнѣйшими изъ его членовъ — Гельти и два графа Штольберга; внѣ союза, но въ близкихъ сношеніяхъ съ нимъ, находились еще два даровитые народные поэта — Бюргеръ и Клаудиусъ. Всѣ они восторженно мечтали о вѣчной дружбѣ, о религіи, о любви къ отечеству, обо всемъ благородномъ и высокомъ, поклонялись Клопштоку, какъ царю поэтовъ, и порицали легкомысленныя, вредныя для нравовъ произведенія Виланда. Клопштокъ принялъ почетное званіе члена этого союза и возлагалъ большія надежды на даровитыхъ, благородныхъ юношей, у которыхъ уже ясно обнаруживались три главныя направленія: своенародное, античное и христіанское. Представителями перваго сдѣлались преимущественно лирики Бюргеръ (1748—94) и Клаудиусъ (1740—1815) въ своихъ балладахъ, романсахъ и пѣсняхъ. Особенно простотою, задушевностью и доступностью народу отличался послѣдній, который по жительству своему въ Вандебекѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ Вандебекскаго вѣстника. Оба Штольберга сначала успѣшно выступили на поприще лирики и драмы и занимались притомъ переводами греческихъ поэтовъ, но у младшаго (Фридриха Леопольда) религіозное направленіе одержало наконецъ такой перевѣсъ, что онъ принялъ католическую вѣру и, подъ вліяніемъ мистическаго кружка княгини Голицыной, началъ писать вещи, проникнутыя ограниченнымъ фанатизмомъ и явными признаками умопомраченія. Ниже его талантомъ, но гораздо выше твердостью убѣжденій былъ вѣрнѣйшій почитатель древно-

сти и замѣчательный переводчикъ классиковъ І. Г. Фоссъ. Его переводъ Гомера, уснащенный новыми, иногда весьма удачными выраженіями, а также и устарѣлыми словами, заимствованными изъ Лютерової библіи и у другихъ, навсегда будетъ памятникомъ нѣмецкаго, усидчиваго прилежанія; но важнѣе всего то, что появленіе этого перевода пробудило смыслъ и пониманіе древности гораздо болѣе, нежели всѣ прежніе труды филологовъ, а это сильно подѣйствовало на дальнѣйшій ходъ всего нѣмецкаго образованія. Изъ его собственныхъ стихотвореній особенно выдвигается впередъ только идиллія. Перенятая у Грековъ настоящая наивность, истина и здравая естественность сдѣлали его Луизу любимымъ чтеніемъ германскаго народа. Чѣмъ для сѣверной Германіи были идилліи Фосса, тѣмъ стали для южной Аллеманскія стихотворенія Шварцвальдда Петра Хебеля (1760—1828). Занимая церковную должность въ Карльсруэ, этотъ простодушный человекъ чувствовалъ невольное влеченіе къ сельской тишинѣ родины, и прекрасные стихи его, писанные на аллеманскомъ нарѣчьи, носятъ отпечатокъ грусти, проглядывающей даже изъ-за свѣтлыхъ картинъ.

Во второй половинѣ осьмнадцатаго вѣка новая жизнь проникла и въ романъ, къ которому лучшіе таланты обращались иногда какъ къ общедоступнѣйшему способу для передачи своихъ правилъ и воззрѣній, своихъ чувствъ, наблюденій и опытовъ. Но общедоступность эта привлекала къ нему также и великое множество бездарностей. Можно различить три главные вида романа: историческій, тенденціозный или учительный, и юмористическій. Первый родъ, особенно разившійся у Англичанъ, всего богаче ничтожными произведеніями у Нѣмцевъ; второй, выросшій на германской почвѣ, возникъ именно въ ту эпоху, когда рвавшаяся впередъ молодежь противопоставила прозѣ дѣйствительной жизни, съ которою упорно боролась, идеальный міръ поэзіи для того, чтобы послѣднимъ дѣйствовать на первую. Къ этому роду чисто-идеальныхъ романовъ принадлежитъ Вертеръ и цѣлая масса вызванныхъ имъ повѣстей сентиментальной любви, мрачные романы негодующаго Клингера, сладострастные — эпикурейца Гейнзе и философскіе — Фр. Г. Якоби. Въ противоположность «міровой скорби», рождающейся изъ этого сопоставленія отвлеченныхъ и часто произвольныхъ идеаловъ съ безпощадною дѣйствительностью, не замедлилъ явиться юморъ, или «міровая шутка»; юмористы вовсе не имѣли въ виду полного преобразованія дѣйствительности, а обращались только къ частнымъ ея недостаткамъ, указывали наприм. на то, какъ самыя высокія стремленія

нерѣдко зависятъ отъ самыхъ ничтожныхъ побужденій и обуславливаются самыми случайными средствами, находили много милаго въ слабыхъ сторонахъ чловѣка, выставляли трогательною его мелочность, и трагическое воззрѣнiе идеальныхъ геніевъ замѣняли въ своихъ романахъ веселымъ, свѣтлымъ, скромнымъ, часто даже ограниченнымъ взглядомъ на жизнь. Юмористическіе романисты примыкали отчасти къ произведеніямъ Стерна, Смоллета, Фильдинга и Гольдсмита (§ 560), отчасти къ Донъ Кихоту и Жильблазу (§ 555. 629) и всего охотнѣе изображали оригиналовъ и чудаковъ, у которыхъ сильно преобладаетъ какая-нибудь страсть, прихоть или слабость. Многочисленные переводы распространили вкусъ къ иностраннымъ юмористамъ въ Германіи, а вслѣдъ за тѣмъ Нѣмцы принялись подражать имъ на свой ладъ; отчасти тѣснота общественной жизни, отчасти свойственная Германцамъ внутренняя созерцательность навели ихъ и здѣсь на обсужденіе житейскихъ правилъ и миѣній, на вопросы учености и науки, особливо на религію и богословіе. Рядъ почти забытыхъ нынѣ именъ: Гермеса (1738—1821), Гиппеля (1741—96), Музеуса (1735—87), Мюллера (1744—1828), Авг. Лафонтена (1759—1831), Вецеля (1747—1819), фонъ-Тюмеля (1738—1817), обозначаютъ собою это направленіе въ разнообразныхъ его видахъ, но первое мѣсто между юмористическими романистами безспорно принадлежитъ геніальному Жанъ Полю Фридриху Рихтеру (1763—1825), этому самоучкѣ, выросшему въ сельскомъ уединеніи, среди бѣдной обстановки, безъ правильного образованія и безъ общества образованныхъ людей. Онъ читалъ много по собственному выбору, не имѣя ни руководителя, ни системы, съ раннихъ поръ привыкъ дѣлать бездну выписокъ и потомъ пользовался ими кстати и некстати въ своихъ сочиненіяхъ, представляющихъ удивительную смѣсь высокихъ, но отвлеченныхъ идеалистическихъ стремленій съ мѣткими выходками неподражаемаго юмора, мастерскихъ идилическихъ изображеній миниатюрной жизни какого-нибудь сельскаго прихода и вмѣстѣ—причудъ необузданной фантазіи, пересыпающей все это совершенно сторонними замѣтками и свѣдѣніями, темными сравненіями и намеками, которые вмѣсто того, чтобъ уяснять взглядъ автора, невольно заставляютъ васъ жалѣть о томъ, что его геніальная натура чуждалась великихъ образцовъ Греціи и такъ часто терялась въ лабиринтѣ безформности и прихотливаго произвола. Всего болѣе удавались ему картины природы, и онъ является истиннымъ художникомъ, какъ пейзажистъ; напротивъ, изображенія любви нерѣдко впадаютъ у него

въ чистую сентиментальность. Его сочиненія объ эстетикѣ (Vorschule der Aesthetik) и воспитаніи (Levana) не имѣютъ высокой научной цѣны, потому что онъ самъ былъ чуждъ научнаго образованія, но они богаты отрывочными замѣтками, обнаруживающими его природную геніальность.

Со времени Жанъ-Поля юмористическій романъ привлекалъ къ себѣ уже гораздо менѣе дѣятелей и читателей; особенное вниманіе возбуждалъ только даровитый Гофманъ, котораго юмористическіе рассказы вращаются впрочемъ въ области ужаснаго и чудеснаго и который поэтому столько же принадлежитъ къ романтикамъ, какъ и къ юмористамъ. Зато страшно разросся романъ историческій, особенно когда романтики (см. ниже) прославили средніе вѣка золотымъ вѣкомъ чловѣчества, когда Ла Моттъ Фуке и друг. облекли рыцарство и служеніе дамъ сердца въ самыя обольстительныя формы. Въ то время какъ учащаяся молодежь, восторгаясь идеей Нѣмецкаго императорства, тѣшилась переодѣваньемъ въ древнегерманское платье и отрицаніемъ длинныхъ волосъ, рыцарскій романъ сдѣлался любимымъ чтеніемъ народа и набилъ головы самыми странными фантазіями и взглядами. Рыцарскіе романы Шписа и ему подобныхъ, и въ добавокъ къ нимъ разбойничьи романы, которымъ начало положилъ шуринъ Гёте, Вульпіусъ (1762 — 1827), своимъ пресловутымъ Ринальдо Ринальдини, породили въ среднихъ классахъ такое же болѣзненное направленіе, какое въ высшемъ, преутонченномъ кругу распространила романтическая поэзія съ ея энтузіазмомъ къ художественности, изувѣрнымъ католицизмомъ и грезами о возстановленіи феодальнаго порядка. Вкусъ къ рыцарскимъ и разбойничьимъ романамъ, въ ряду которыхъ только «Сказанія старины» (Sagen der Vorzeit) Л. Вехтера (Фейтъ-Вебера, 1762 — 1837) представляютъ почетное исключеніе, разумѣется скоро прошелъ, и отрезвившееся чувство народа потребовало отъ историческаго романа болѣе вѣрнаго изображенія дѣйствительности, болѣе правды. Въ Германіи, какъ видимъ, повторилось то же, что было и въ Англии. На этомъ поприщѣ особеннаго вниманія удостоились Ванъ-дербъ-Фельде, Гауфъ, Стеффенсъ, Цшокке и друг. Романъ представляетъ каждому писателю такую удобную форму для проведенія своихъ идей по всѣмъ возможнымъ ступенямъ быта, по всему разнообразію общественныхъ и частныхъ отношеній, что рѣдкій изъ беллетристовъ новѣйшей Германіи не испыталъ себя въ этомъ родѣ, не говоря уже о болѣе даровитыхъ людяхъ, каковы наприм. Иммерманъ, Гуцковъ,

Штернбергъ, Вилдбальдъ Алексисъ (Херингъ) и мног. друг. Довольно долгое время любимцемъ нѣмецкой публики былъ необыкновенно плодовитый Шпидлеръ (1795 — 1855), послѣ того какъ отвернулись отъ сладко-сентиментальныхъ картинъ, доставившихъ нѣкогда обширную извѣстность плаксивому и натянутому Августу Лафонтену (1759 — 1831).

Въ концѣ осьмнадцатаго вѣка, благодаря Гёте, Шиллеру и собравшемуся около нихъ кругу писателей, Веймаръ и Йена были средоточіемъ такого образованія и такой литературной дѣятельности, какія никогда еще не соединялись на столь маломъ пространствѣ. Но когда смерть стала отзывать членовъ этого круга, одного за другимъ, когда черезъ годъ по кончинѣ Шиллера, Йенская битва и страшныя военныя передраги нанесли потрясающій ударъ литературнымъ сборищамъ того времени, этотъ уютный уголокъ Германіи пересталъ быть фокусомъ высшаго образованья, Веймаръ пересталъ быть столицею поэзій; различныя области и города заблестали съ тѣхъ поръ своимъ собственнымъ блескомъ, и съ изумленіемъ увидѣлъ тогда міръ, какіе гигантскіе шаги совершило образованіе въ цѣломъ краѣ и во всѣхъ классахъ германскаго общества. Взоры другихъ странъ невольно обратились на Германію, и тотъ самый народъ, который такъ часто удовлетворялъ свою духовную потребность по дачкою со стола другихъ, послужилъ теперь образцомъ для своихъ прежнихъ учителей, Французовъ, Англичанъ и Итальянцевъ. Хотя Наполеонъ не одобрялъ раждающейся склонности своихъ подданныхъ къ нѣмецкому образованію и даже выслалъ изъ предѣловъ Франціи г-жу Сталь (§ 800 б. В.) зато, что въ своей книгѣ О Германіи она дозволила себѣ хвалить Нѣмцевъ, однакожъ влияние ихъ литературы все-таки одержало верхъ; классическая спѣсь и вылощенность стараго времени уступили въ Парижѣ новоромантической школѣ, ринувшейся на литературное поприще съ юношескимъ пыломъ и поддерживаемой сочувствіемъ огромнаго большинства. Англія также не устояла передъ напоромъ нѣмецкаго образованія, сколько строгіе блюстители англиканской церковности ни ратовали противъ вольводумства и раціонализма Германцевъ. Даровитѣйшій изъ англійскихъ поэтовъ, лордъ Байронъ, соединилъ въ себѣ энергическій порывъ къ свободѣ, которымъ отличались герои такъ-называемаго «бурнаго періода», и философское пренебреженіе къ мелочнымъ церковнымъ разностямъ, свойственное великимъ поэтамъ Германіи, съ болѣзненнымъ раздраженіемъ духа и чувственности романтиковъ; но все эти свойства доходили у него до крайнихъ пре-

дѣловъ, и оттого онъ явился творцомъ той, перешедшей скоро и въ Германію, поэзій разочарованія и «мировой скорби», къ которой почувствовалъ особенное влеченіе высшій классъ, встрѣчая въ ней свое собственное настроеніе¹. Нѣмецкая литература проложила себѣ путь также въ Скандинавію, Польшу, Венгрію и Россію. Великая народная война противъ Наполеона, ополчившая, какъ нѣкогда крестовые походы, всю Европу, много способствовала взаимному обмѣну понятій между народами; съ тѣхъ поръ возникла какъ-бы всемірная литература, въ которой давалъ тонъ и властвовалъ уже не одинъ какой-нибудь извѣстный вкусъ, какъ наприм. нѣкогда французскій, а напротивъ принималось и цѣнилось все, что ни возникало великаго и прекраснаго у какого бы то ни было народа. — Средоточіемъ этой новой всемірной литературы явилась Германія: ея географическое положеніе, образованность и воспримчивый характеръ народа какъ-будто предназначали ее стать наконецъ хранителемъ и вождемъ умственныхъ стремленій. И кто же былъ способнѣе пріобрѣсти для нея этотъ почетный постъ, какъ не главы романтическихъ стихотворцевъ съ ихъ отличными талантами, съ ихъ живою, возбуждающею дѣятельностью, съ ихъ воспримчивостью къ красотамъ иноземныхъ литературъ, еслибъ только они продолжали идти впередъ путями Гёте и Шиллера, вмѣсто того, чтобъ стремиться къ новымъ правиламъ художественности и вкуса, и еслибъ двусмысленную честь быть основателями новой школы или секты они не предпочли болѣе-надежной и прочной славы остаться блюстителями и подвижниками пріобрѣтеннаго образованія, опиравагоса на гуманность и свободу. Конечно, Гёте былъ такъ многостороненъ и великъ, что романтики не могли не попытаться утвердить свою школу на этой твердой основѣ; они-было и подошли къ нему съ безпредѣльнымъ удивленіемъ, намѣреваясь сдѣлать его «кумиромъ своего служенія»; но когда онъ пренебрегъ воздаваемой ему почестью и не захотѣлъ отдаться имъ безусловно, они мало-по-малу охладѣли въ своихъ похвалахъ. Напротивъ того Шиллеръ былъ съ самаго начала безцеремонно отстраненъ романтиками, которымъ не нравились въ немъ ни смѣлая правдивость, ни широкій христіанскій взглядъ, ни его поэтическіе приемы, хотя впрочемъ ихъ собственные эстетическіе законы и воззрѣнія основывались на его же выводахъ: въ писъ-

¹ У людей высшаго класса это была весьма понятная, хотя часто и бессознательная тоска, въ виду ничѣмъ не отвратимаго наступленія демократическихъ идей и порядковъ.

махъ объ эстетическомъ воспитаніи и въ сочиненіи о наивной и сентиментальной поэзіи совмѣстилъ онъ все существенное по вопросамъ объ изящномъ, художественности и эстетикѣ, и первый выяснилъ сознаніе о разности классицизма съ романтизмомъ, указавъ новой поэзіи мѣсто на ряду съ античною. Отвернувшись отъ «вольномысленнаго просвѣщенія» (Aufklärung, или Abklärung, какъ называли его въ насмѣшку) и отъ основанныхъ на немъ революціонныхъ идей, романтики ударились въ средневѣковую эпоху, въ религіозную мистику, въ мифологию, и, совершенно не понимая духа времени и народныхъ стремленій, въ суевѣрїи скудоумной эпохи и въ бездѣйственной восточной созерцательности думали найдти лѣкарство отъ безвѣрія вольнодумцевъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ наприм. Фридрихъ Шлегель, Адамъ Мюллеръ, Захарія Вернеръ и мног. друг., дошли наконецъ до того, что въ лонѣ римско-католической церкви искали убѣжища отъ смѣлой пылкости человѣческаго разума, или, какъ Генцъ, Ярке и друг., служили реакціонной политикѣ Меттерниха въ Австріи. Въмѣсто того, чтобъ, подобно Шиллеру, искать матеріала для своихъ созданій въ бытѣ новаго времени, въ исторіи, идеализируя дѣйствительность, воспроизводя ее съ поэтическимъ одушевленіемъ, романтики сдѣлали поэзію средоточіемъ всей жизни, всѣхъ стремленій, въ которомъ сходятся будто бы всѣ разнообразныя стороны духовнаго бытія, всѣ моменты человѣческаго разумѣнія и міросозерцанья, и выдвигали впередъ только тѣ періоды челоувѣчества, гдѣ поэтическій колоритъ какъ бы непосредственно лежитъ на самой дѣйствительности, именно—рыцарство и католическое христіанство, средніе вѣка и Востокъ. Вездѣ отличительнымъ признакомъ романтики было стремленіе въ надземныя и подземныя области, убѣганіе въ царство грезъ и духовъ, въ глубокую даль временъ и народовъ, обновленіе поэтическихъ созданій этихъ отдаленныхъ эпохъ, отреченіе отъ всего современнаго, отъ прозы дѣйствительной жизни. Оттого ревнители романтизма старались прежде всего воротить забытыя произведенія романтической литературы, собирая и обрабатывая, по примѣру Гердера, легенды, саги и народныя пѣсни германской старины; потомъ обратили особенное вниманіе на тѣ литературы, которыя, какъ испанская и итальянская, всѣхъ вѣрнѣе отражали и всѣхъ долѣе сберегли въ себѣ рыцарскую и христіанскую романтику; сверхъ-того они вовлекли въ кругъ своей дѣятельности мифологию и основанную на ней поэзію Востока и скандинавскаго сѣвера. Между тѣмъ, какъ

братья Шлегели, не имѣвшіе ни гениальности, ни плодovitаго творчества, но обладавшіе острымъ, воспримчивымъ умомъ, обильными свѣдѣніями и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, содѣйствовали опознанію и распространенію этихъ сокровищъ литературы своими переводами и трактатами, критиками и характеристиками, эстетическими статьями и лекціями. Новалисъ и Тикъ старались развить пониманіе ихъ, свободно пересоздавая старину и облекая ее въ оригинальную форму. Этими отверзли они германскому народу необозримый міръ поэзіи и обогатили его умъ и сердце новыми идеями, новымъ неизвѣданнымъ рядомъ чувствъ. И сколько новая романтика ни достойна порицанія въ пѣломъ, какъ не естественное и болѣзненное явленіе,—эта пересадка чуждыхъ художественныхъ произведеній на туземную почву и пробужденная тѣмъ охота къ изслѣдованію и подражанію были безспорно великою заслугой. Подъ влияніемъ романтиковъ, глубокомысленный, пророчесственный Дантъ усвоился Германіи множествомъ переводовъ и толкованій; вскорѣ потомъ принялись за Петрарку, Аріоста, Тассо и мног. друг., весьма удачно переложенныхъ въ нѣмецкіе стихи даровитымъ І. Д. Грисомъ изъ Веймара. Сервантесовъ Донъ-Кихотъ, котораго тонкая иронія особенно нравилась романтикамъ, былъ переданъ Тикомъ съ необыкновеннымъ тактомъ и знаніемъ дѣла, а удивленіе къ Кальдерону и испанскимъ романсамъ, питаемое А. В. Шлегелемъ, обратило взоры друзей литературы на Пиренейскій полуостровъ и поощрило къ переводамъ поэтическихъ произведеній Испаніи. Предметомъ ихъ обожанія сталъ въ особенности Шекспиръ, этотъ образецъ «всеобъемлющей міровой поэзіи», соединявшій въ фокусъ своего генія всѣ стороны жизни, исторіи, различныхъ эпохъ, различныхъ племенъ и самой природы; поэтому они ревностно старались усвоить его Германіи и успѣли въ этомъ, такъ что усилія ихъ подѣйствовали даже на самой Англію. Пробужденный Гердеромъ интересъ къ восточной поэзіи былъ поддержанъ обоими Шлегелями, которые распространили его притомъ на индійскій языкъ и литературу. Возбужденный ими, ориенталистъ фонъ-Гаммеръ-Пургсталь (1774—1857) предпринялъ обработку «Исторіи Османовъ», переводъ арабскихъ и персидскихъ стихотворцевъ и громадный ученый сборникъ «Восточныя пріиски»; начатое имъ дѣло съ блистательнымъ успѣхомъ продолжалъ Фридр. Рюкертъ, извѣстный какъ поэтъ и превосходный переводчикъ. Съ другой стороны, переведены были также Эдда и другія скандинавскія поэмы, чѣмъ для нѣмецкой литературы и

лингвистики (языкознанія) открылись совѣмъ новые родники. Братья Гриммы (Яковъ род. 1785, Вильгельмъ 1786 — 1860), величайше знатоки древненѣмецкаго языка и литературы, романтиками же настроены были къ своимъ плодovitымъ изслѣдованіямъ и къ собиранію остатковъ древняго мнѣческаго міра, настоящихъ народныхъ и домашнихъ сказокъ: именно въ сказкѣ видѣлась романтизму послѣдняя, крайняя цѣль безконечныхъ стремленій всякой поэзіи! Даже греческая древность выставлена была Нѣмцамъ съ новой стороны романтикомъ Зольгеромъ, глубокоовѣдущимъ и эстетическимъ переводчикомъ Софокла, а въ лицѣ Фридр. Крейцера символика и мифологія древняго міра нашли себѣ полного фантазіи и ученаго истолкователя. — Романтики обогатили такимъ образомъ литературное достояніе націй сокровищами другихъ народовъ и новыми завоеваніями; не менѣе того расширили и усовершенствовали они и формальную сторону поэзіи введеніемъ новыхъ формъ искусства, заимствованныхъ у Востока и романтическаго юга, облагородили слогъ и языкъ и обратили заботливое вниманіе на стихосложеніе, благозвучіе и внѣшнюю изящность. Съ особенною любовью и искусствомъ употребляли они иронию и юморъ въ своихъ созданіяхъ; въ ироніи видѣлось имъ «откровеніе свободы», достойное выраженіе вольно-движущагося личнаго духа, исполненнаго чувства своей силы и самоопредѣленности. При этомъ подняли они поэзію и вообще всю литературу на высшій уровень, придали имъ болѣе достоинства и благородства, пробудили сочувствіе и смыслъ къ изящнымъ искусствамъ и установили болѣе живую связь между литературою и жизнью ¹, и сколь ни мало вожди этой

¹ Этотъ отзывъ о вліяніи романтиковъ, съ перваго взгляда, можетъ показаться противорѣчащимъ тому, что высказано было прежде объ ихъ отчужденіи отъ прозаической дѣйствительности, которое они въ самомъ дѣлѣ доводили до крайнихъ предѣловъ; но мы не найдемъ здѣсь противорѣчія, если сообразимъ, что, погружаясь въ мутный потокъ вседневной жизни, поэтическая литература невольно увлекается имъ сама и по необходимости становится мутною и прозаическою, а потому и теряетъ то живое, свободное и освѣжающее вліяніе на нравы народа, которое свойственно всякому доступному для него искусству, если только искусство не забудетъ своего призванія и не сдѣлается совершенно лишнимъ и ни къ чему не ведущимъ двойникомъ пошлой прозаической обстановки быта. Исторія поэтической литературы свидѣтельствуетъ не двусмысленнымъ образомъ, что усилія вполнѣ слить эту литературу въ одно русло съ потокомъ вседневной жизни всегда приводили къ ослабленію ея благотворныхъ вліяній на самую жизнь. Первобытное и безразличное сочетаніе цѣлаго народнаго быта съ поэзіей принадлежитъ доисторической эпохѣ, на которую только намекаютъ намъ разбросанные остатки ея въ языкахъ, мнѣческихъ преданіяхъ и древнѣйшихъ памятникахъ искусства; въ предѣлахъ

школы цѣнили и поощряли политическую свободу, ихъ слово и стремленія много содѣйствовали къ пробужденію національнаго духа и любви къ отечеству. Тонкою, остроумною критикой и ироніей отстраняли они литературную плоскость и дурной, испорченный вкусъ, а Фридр. Шлегель положилъ притомъ первое начало и художественной обработкѣ исторіи литературы, которая съ тѣхъ поръ воздѣлывалась съ величайшимъ успѣхомъ. Напротивъ, относительно общественной нравственности и степеннаго образа жизни, многіе изъ нихъ грѣшили и вредными примѣрами и лжеученіемъ. Неубузданная, распущенная, непосѣдная жизнь, проводимая этими людьми въ шатаніи и переѣздахъ, поощряла чувственныя наклонности и порочное сладострастіе. Смѣсь заоблачныхъ порываній и стремленій съ самыми земными пожеланіями грубымъ страстямъ составляетъ отличительную черту романтиковъ.

Романтическая поэзія, за исключеніемъ главныхъ вождей школы, вообще дѣйствовала болѣе примчиво и подражательно, нежели самобытно, она опиралась преимущественно на стародавніе образцы и главное вниманіе обращала на совершенство формы, языка и стихосложенія. Въ лирикѣ господствовалъ мрачный, меланхолическій тонъ, мягкое, чувствительное настроеніе, неутолимое влеченіе куда-то въ безвѣстную даль: таковы Тидге, Баггесенъ, Маттисонъ и Шамиссо; въ драмѣ, ужасныя, проникнутыя религіозной мистикой пьесы восторженнаго и не владѣющаго собою Зах. Вернера (1768—1823) нашли себѣ гораздо болѣе подражанія чѣмъ живыя сцены даровитаго, рано кончившаго самоубійствомъ Генр. фонъ-Клейста (1776—1811), сколько талантливый, остроумный Платенъ ни старался противодѣйствовать уродливому Вернеровскому направленію. Но величайшую непорочность находимъ мы въ самой свободной изъ литературныхъ отраслей, въ романѣ, который отъ мечтательной восторженности Ар-

исторіи явленіе это не повторимо никогда и нигдѣ. Необходимая, естественная рознь между прозою вседневности и поэтической литературою, полагаемая неизбежными условиями искусства, разумѣется, далека отъ того, чтобъ отрѣзать эту литературу отъ духа современности, если только сама современность не въ вопіющемъ разладѣ съ поэзіей, какъ это было на примѣръ въ Германіи 18 вѣка; но иное дѣло поэтизировать современные идеи, характеры, типическія отношенія, и совѣмъ иное—представлять болѣе или менѣе вѣрные снимки разныхъ случайностей, мелочей, капризовъ и дразговъ вседневной жизни. Приведеніе поэтическаго идеала къ такому низкому уровню дѣйствительности почти совпадаетъ съ совершеннымъ отсутствіемъ идеальныхъ стремленій и обыкновенно наступаетъ лишь въ тѣ эпохи, когда общество, даже въ лицѣ лучшихъ своихъ умовъ, само не вѣдаетъ, что начать и къ чему именно стремиться.

нима и Клеменса Брентано дошелъ наконецъ до крайней вычурности де ла Моттъ-Фуке (1777—1843) и до фантастическихъ созданий Амед. Гофмана (1776—1822). При такомъ общемъ направленіи тщетны были усилія немногихъ голосовъ, раздававшихся въ пользу болѣе свободнаго взгляда на искусство. Либеральный патриотъ Зейме (1763—1811) не находилъ отзыва на свои суровые, полные горечи, звуки; Генр. Цшюкке, съ своей правдивостью и своимъ трезвымъ рационализмомъ, принужденъ былъ удалиться въ Швейцарію, а другъ его, драматикъ фонъ-Клейстъ, съ отчаянія, самъ наложилъ на себя руку. Безуспѣшны же остались противъ романтизма и усилія очень популярнаго одно время писателя, чрезвычайно плодовитаго драматурга Августа фонъ-Коцебу (§ 792), который въ своемъ «Гиперборейскомъ Ослѣ» вывелъ на сцену злую, хоть и безсовѣстную сатиру на романтиковъ вообще и на Фридр. Шлегеля въ особенности.

Борьба за независимость Германіи лишь на короткое время озарила эту сумрачную, туманную поэзію проблескомъ живыхъ попытокъ энергической лиры Теодора Кёрнера, Людвигъ Уланда, извѣстнаго патриота Э. Морица Арндта и Фридр. Рюкертта. По окончаніи войны вялая тишь, воцарившаяся на время во всей Европѣ, гораздо болѣе благопріятствовала романтической поэзіи, нежели воспламеняющимъ пѣснямъ свободы. Самъ Гёте, въ преклонныхъ лѣтахъ, не устоялъ передъ всеобъемлющимъ вліяніемъ романтики и, съ своей стороны заплатилъ ей дань въ превосходномъ по плану и исполненію романѣ «Душевное Сродство», въ собраніи мелкихъ рассказовъ, изданныхъ подъ названіемъ *Wilhelm Meister's Wanderjahre*, гдѣ имѣлась въ виду гармоническая организація общества, и въ своемъ *Westöstlicher Divan* (Сборникъ западно-восточныхъ стихотвореній). Гёте дожилъ еще и до водворенной Байрономъ «поэзіи отчаянія»; въ его старческихъ эпиграммахъ, *Zahme Xenien*, находимъ мы много вѣрныхъ замѣтокъ объ этомъ, также какъ и о другихъ заблужденіяхъ нѣмецкой литературы. Незадолго передъ тѣмъ, что сойдти осьмидесятилѣтнимъ старцемъ въ могилу, онъ издалъ еще вторую часть Фауста — аллегорическій взглядъ на всю пройденную имъ жизнь съ тѣхъ самыхъ поръ какъ онъ выступилъ изъ мрачной энергіи первобытно-естественнаго періода, который отразился у него такъ ярко въ первой части.

Литература и, въ особенности, поэзія не могутъ избѣжать вліянія идей, проникающихъ и направляющихъ данное время, и тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ онѣ на современниковъ, чѣмъ рѣшительнѣе и явнѣ примы-

каютъ къ господствующимъ идеямъ. Всякая литература, а лирическая поэзія по преимуществу, носить на себѣ печать своей эпохи и можетъ быть понята вполне только съ выясненіемъ ея историческаго положенія. Такъ средневѣковая поэзія имѣла предметомъ рыцарство и служеніе дамъ сердца; такъ въ реформаціонный вѣкъ и ближайшій за тѣмъ періодъ литература и поэзія находились подъ религіозными и церковными вліяніями, и если классическая пора нѣмецкой литературы не можетъ указать подобнаго средоточія, то главною тому причиной было отсутствіе великихъ, міровыхъ событій и идей, — отсутствіе, которое пробудившійся къ самостоятельности духъ Германцевъ стремился восполнить величавыми и разнообразными созданіями въ области фантазіи, мышленія и науки. — Положеніе измѣнилось, когда французская революція и военный деспотизмъ Наполеона наступили смѣлыми и кровавыми путями, беспощадно попирая старину съ ея пріютнымъ на взглядъ затишьемъ и съ ея арсеналомъ отжилыхъ, прогнившихъ формъ. Европейское человѣчество, и въ особенности германскій народъ были тревожно пробуждены отъ своего спокойствія и привычнаго образа жизни, — пробуждены для того, чтобы волей или неволей принять участіе въ ходѣ всемірно-историческихъ событій. Свобода и политика выдвинулись тогда на первый планъ, и борьба, ведомая сначала съ внѣшнимъ непріятелемъ, обратилась послѣ побѣды въ борьбу мнѣній съ противникомъ внутри края. Эпоха священнаго союза, которая, вмѣстѣ съ миромъ, хотѣла возратить европею къ старому порядку и прежніе порядки въ церкви, въ государствѣ, въ цѣломъ быту, не водворила и въ нѣмецкой литературѣ желаннаго примиренія; и здѣсь, какъ въ сферѣ политики и общественнаго быта, умы разошлись по самымъ разнообразнымъ направленіямъ, и невиданное прежде распаденье на партіи обнаружилось повсюду, и въ поэзіи, и въ литературѣ вообще. Здѣсь также выступили на свѣтъ аристократически-консервативное и либерально-преобразовательное убѣжденія. Романтики, сначала увлекшись стариной, какъ поэтическимъ противодѣйствіемъ пошлой прозѣ дѣйствительности, заключили теперь союзъ съ аристократами и властями, смотрѣли на литературу какъ на удѣлъ знати и тонко образованнаго класса и, обновленіемъ средневѣковой религіозности, поэзіи, искусства и міросозерцанія, старались побороть демократическій духъ, порожденный революціей. Поэзія въ ихъ рукахъ получила исключительный, аристократическій отпечатокъ, и если съ одной стороны это спасло ее отъ возрастающаго опошленія,

то съ другой и оттолкнуло отъ нея большинство народа, обратившееся преимущественно къ тѣмъ стихотворцамъ, которые опирались на дѣйствительную и дѣятельную жизнь и сочувствовали стремленіямъ и потребностямъ массы. Конечно, матеріальное положеніе послѣднихъ было незавидное: романтики пользовались благосклонностью властей и знати, глотали полную чашей всѣ жизненные наслажденія и восхищались средневѣковымъ бытомъ и Италіей, волшебною страной всякой художественности, совершенно забывали о родной Германіи съ ея борьбами и страданіями; между-тѣмъ какъ пѣвцы свободы, стоявшіе за народъ и за исполненіе обѣтовъ, данныхъ ему въ часы опасности, испытывали обидное пренебреженіе и терпѣли даже гоненія. Не удивительно, что многіе изъ нихъ, бывъ сначала поборниками свободы и преобразованій, потомъ спохватились и, подобно Гёрресу и друг., перешли къ той сторонѣ, которая сулила болѣе обильную награду. Рѣдкій устоялъ противъ соблазна и нарушалъ иногда либеральными диссонансами или какимъ-нибудь мужественнымъ призывомъ стройный хоръ похвалъ и славословій консервативной партіи. Въ числѣ этихъ рѣдкихъ раздавались чистые голоса Лудвига Уланда и Морица Арндта; послѣдній сохранилъ вѣру въ будущее единство Германіи, даже лишаась мѣста и подвергнувшись суду. Сторонникомъ политическаго либерализма явился также графъ фонъ-Платенъ-Галлермюнде (1796—1825), очень искусный лирикъ (авторъ газелей, пѣсень, одъ и сонетовъ) и сатирическій комикъ, котораго «міровая скорбь» и внутреннее распадѣніе выгнали изъ отечества. Они-то, вмѣстѣ съ Шиллеромъ и Кёрнеромъ, составляли любимое чтеніе германскаго народа, и безуспѣшны оставались всѣ усилія оттѣнить этихъ пѣвцовъ свободы, сколько ни старались о томъ романтики и ихъ послѣдователи, въ числѣ которыхъ поэтическаго лавра искали даже многія царственныя особы, король Лудвигъ Баварскій и Саксонскій принцъ (потомъ король) Іоаннъ, не говоря уже о значительныхъ государственныхъ лицахъ, какъ наприм. баварскій министръ фонъ-Шенкъ (лирикъ и драматикъ) и австрійскій баронъ фонъ-Мюнхъ-Беллингаузенъ (Фридр. Гальмъ, особенно извѣстный драмами: Гризельда, Сынъ пустыни, и трагедіей Равеннскій гладіаторъ) и друг. Чѣмъ болѣе, въ своей аристократической чопорности, романтики унижали достоинство и заслуги Шиллера, тѣмъ болѣе льнулъ къ нему и близкимъ ему по духу германскій народъ; идеи свободы, патриотизма и человѣческаго достоинства, высказанныя съ такимъ горячимъ оду-

шевленіемъ въ Шиллеровыхъ созданіяхъ, возвышали и укрѣпляли духъ народа, тогда какъ онъ безучастно смотрѣлъ на романтическое прославленіе отжившихъ эпохъ, исчезнувшаго рыцарства и невозвратимой художественной религіи; передъ либеральною, задумшею поэзіей Шиллера для него отступало на второй планъ даже художественное совершенство великаго Гёте.

Іюльская революція нанесла чувствительный ударъ аристократизму и въ государствѣ и въ литературѣ, и хотя политикѣ удалось еще сохранить или возстановить прежнія формы общественности, въ литературѣ вполнѣ восторжествовало либеральное направленіе, проявляясь все смѣлѣе и рѣзче съ каждымъ днемъ. Романтика стала вскорѣ только историческимъ воспоминаніемъ, а либерализмъ встрѣтилъ себѣ такое живое сочувствіе въ массахъ, что вскорѣ, увлеченный состязаніемъ самихъ своихъ ревнителей, онъ вдался въ радикализмъ, и не довольствуясь политической оппозиціей, мало-по-малу сталъ раговать противъ всего существующаго въ церкви и въ государствѣ и грозилъ разложеніемъ всему обществу. Передовыми бойцами этой разлагающей литературы явилось нѣсколько даровитыхъ людей, еврейскаго происхожденія, которые, помня обиды и гоненія, такъ долго претерпѣваемые Евреями въ Германіи, старались теперь отомстить за нихъ тѣмъ, что подрывали весь существующій порядокъ насмѣшкою, сатирой и дерзкими нападками. Чуждые своей родинѣ столько же по собственной винѣ, какъ и по винѣ другихъ, они были совершенно лишены чувства любви къ отечеству; къ религіи и церкви не могли они питать ни уваженія, ни пріязни, а тѣмъ еще менѣе къ общественнымъ учрежденіямъ и правамъ, которыя никогда не признавали ихъ равноправности. Въ сердцѣ ихъ, гдѣ холодный философскій деизмъ смѣнилъ религіозное суевѣріе, не говорило въ пользу существующаго ни одно изъ юношескихъ воспоминаній. Поэтому было очень естественно, что писатели-Евреи, руководимые сроднымъ ихъ племени инстинктомъ выгоды и соображаясь только съ большимъ спросомъ на товаръ, вскорѣ заняли первое мѣсто въ этомъ зловредномъ родѣ литературы. Лудвигъ Бёрне (1784—1837) является и въ своихъ журналахъ и въ своихъ Письмахъ изъ Парижа поборникомъ либерализма, болѣе отличающимся ловкостью рѣчи, стилистикой и критическимъ талантомъ, нежели глубиной; онъ былъ чистымъ воплощеніемъ общественнаго прогресса и политическое убѣжденіе стало у него религіей. Генрихъ Гейне (1799—1836), своей фривольностью и безпощадною сатирой, послѣ

польской революціи растратилъ ту славу и общее одобреніе, какія снискалъ себѣ передъ этимъ своими Путевыми очерками, Книгою пѣсенъ и другими сочиненіями, полными поэзіи и души. Самоувѣренно и нагло отзывается онъ съ язвительною насмѣшкой обо всемъ на свѣтѣ, глумится надъ всякою религіей, не ставитъ ни во что дружбу и вѣрность (какъ доказываетъ книга его о Бѣрне) и бичуетъ своимъ неразборчивымъ, нахальнымъ остроуміемъ святое и высокое наряду съ самымъ низкимъ и самымъ пошлымъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій позднѣйшаго его періода извѣстнѣе всѣхъ «Салонъ», «Черты французскаго быта» и его «Новыя стихотворенія». Въ остроумной поэмѣ «Германія, зимняя сказка» видимъ мы рядъ сатирическихъ картинъ нѣмецкой современности, связанный съ путешествіемъ изъ Парижа въ Гамбургъ. Сокрушенный тѣлесными страданіями, Гейне подъ конецъ обратился опять къ религіи и, въ послѣсловіи къ своему Романсеро, изобразилъ возвращеніе «блуднаго сына, пасшаго свиней у гегелианцевъ» и свой собственный возвратъ къ вѣрѣ въ личнаго Бога, «у котораго есть руки для помощи». Но въ устахъ Гейне самая молитва превращается въ кощунство. Онъ можетъ служить доказательствомъ того, что безъ нравственной глубины и безъ чистоты сердца не лзя создать никакого обширнаго поэтическаго произведенія, которое отличалось бы совершенствомъ въ полномъ смыслѣ слова,—что величіе художника, если онъ хочетъ достигнуть чего-нибудь высшаго, необходимо должно опираться на величіе человѣка.

Къ Гейне примыкаетъ такъ называемая юная Германія (§ 815). Подъ этимъ именемъ разумѣютъ рядъ ловкихъ писателей, избравшихъ себѣ ремесломъ вольную авторскую жизнь и основавшихъ все свое существованіе на одномъ доходѣ отъ многостороннихъ литературныхъ произведеній; эти люди ставили легкій художественный талантъ гораздо выше всякой учености и глубокомыслія и потому все вниманіе свое обратили на гладкую стилистику, живое, задорное или затрогивающее изложеніе, и на заманчивость внѣшнихъ формъ. Хозяева или сотрудники политическихъ и литературныхъ журналовъ, которыхъ власть надъ общественнымъ мнѣніемъ и надъ скороспѣлымъ сужденіемъ поверхностныхъ читателей возрастала со дня на день, умѣли они постоянно обращать вниманіе публики на себя и на свои труды и приучить взусъ ея къ тому, чтобы ей нравились эти легкія, съ плеча набросанныя издѣлія, въ которыхъ весьма часто посредственность и плоскость мысли прикрывается остроуміемъ и бойкостью пера. Громадное расхищеніе книжной

торговли и возрастающее число читателей облегчали имъ начатое дѣло. Главою этой юно-германской школы можно считать Карла Гуцкова, человѣка съ живымъ умомъ и большимъ даромъ усвоенія, зоркою наблюдательностью и многостороннимъ талантомъ; жаль только, что созданіямъ плодотворной юношеской фантазіи онъ не всегда давалъ время вызрѣвать. Снискавъ нѣкоторую извѣстность въ качествѣ журнальнаго сотрудника критическими, сатирическими и литературными статьями, онъ подвергся кратковременному аресту за неважную въ художественномъ отношеніи повѣсть «Валли», въ которой нападалъ на религію, на христіанскіе нравы и на бракъ. Это, разумѣется, надѣлало много шума и еще болѣе сосредоточило на Гуцковѣ общее вниманіе. Такъ какъ судебный приговоръ навлекли ему главнымъ образомъ предательскія выходки бывшаго пріятеля его Вольфганга Менцеля, долготѣнаго редактора Штутгардскаго художественнаго и литературнаго листка, то изъ этого возникла между прежними друзьями страшная, непримиримая вражда. Утвердивъ за собой славу одного изъ передовыхъ писателей Германіи нѣсколькими романами и разными другими литературными трудами, Гуцковъ обратился съ успѣхомъ къ драматическому поприщу, сколько ни вредятъ ему иногда и здѣсь явныя натяжки ради эффектовъ. Сценическія произведенія, потомъ «Письма изъ Парижа», большіе современные романы «Рыцари духа» и «Римскій колдунъ», наконецъ его еженедѣльный журналъ «Бесѣды у домашняго очага»,—все это свидѣтельствуетъ о необыкновенной живости, неутомимой дѣятельности, талантѣ и умѣни Гуцкова, хотя обличаетъ въ немъ и большую долю самонадѣянности. Служа вездѣ поверхностному духу времени, онъ создавалъ только героевъ текущаго дня, безъ силы характера, безъ естественности и всякаго нравственнаго величія: всѣ они явно страдаютъ блѣдностью мысли. Рядомъ съ Гуцковымъ извѣстнѣйшіе члены этого союза—Теодоръ Мундтъ, Густ. Кюне, Генр. Лаубе, Лудольфъ Винбаргъ и друг. Стремленія къ политическимъ и социальнымъ реформамъ безъ всякой опредѣленной цѣли, въ угоду распростираніемъ духу недовольства, разнузданіе плоти и удовлетвореніе всѣхъ пожеланій, въ угоду сладострастному и чувственному поколѣнію, борьба противъ христіанства и христіанской нравственности съ помощью неясныхъ философскихъ представленій и какой-то вялой, убаюкивающей гуманности, въ угоду нетерпѣливой молодежи,—вотъ тѣ общіе признаки, та «красная нить», которые проходятъ по литературнымъ произведеніямъ этихъ болѣе или менѣе даровитыхъ писателей.

Литераторы, причисляемые обыкновенно къ «юной Германіи», не смотря на свой выказной либерализмъ и свое стремленіе къ реформамъ, все таки имѣли преимущественно въ виду одни высшіе классы общества, его «цвѣтъ», почему и обращали такое вниманіе на художественную обдѣлку своихъ сочиненій; но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ появилось нѣсколько молодыхъ поэтовъ, которые не ограничивались борьбою противъ однѣхъ властей, но поблажая страстямъ и вождельніямъ простаго народа, старались уронить въ глазахъ его все, что носить на себѣ какой-нибудь оттѣнокъ аристократизма. Имѣя въ виду не эстетическое услажденіе, а достиженіе политическихъ и социальныхъ цѣлей, они не столько заботились о художественности формъ и благородствѣ выраженій, сколько о задорномъ содержаніи, энергическомъ представленіи и страстномъ, раздраженномъ тонѣ. Ихъ большею частію лирическія стихотворенія пропитаны такимъ пыломъ демократизма, что они ударяютъ неопытному читателю прямо въ голову и неотразимо увлекаютъ его за собой. Въ ихъ картинахъ бѣдствій пролетарія, въ ихъ насмѣлкѣ надъ раздольной жизнью знати и богачей, въ ихъ гнѣвныхъ жалобахъ на превратность всѣхъ общественныхъ отношеній, было столько страсти, столько дикой, разрушительной силы, столько беспощаднаго глумленія, что они производили страшное впечатлѣніе и должны были казаться предвѣстниками громаднаго переворота во всемъ общественномъ быту. Такими качествами отличаются болѣе или менѣе рѣзко произведенія Георга Гервега («Стихотворенія живаго»), обновителя настоящей народной пѣсни у Нѣмцевъ — Гофмана фонъ-Фаллерслебена, Р. Э. Прутца, Франца Дингельштедта, Фердинанда Фрейлиграта и друг. Обвиненія, процессы, потери мѣсть придали этимъ даровитымъ людямъ еще болѣе значенія и много содѣйствовали распространенію ихъ сочиненій. Дингельштедтъ вскорѣ предпочелъ благосклонность двора расположенію народа, и сначала пріютился въ Штутгартѣ, а потомъ сталъ директоромъ придворныхъ театровъ въ Мюнхенѣ и Веймарѣ; Гервегъ въ 1848 г. доказалъ, что между пѣвцомъ и героемъ свободы — безвѣчное разстояніе: его походъ съ нѣмецкими рабочими изъ Парижа на помощь баденскому возстанію кончился очень жалкимъ образомъ; а поприще Фрейлиграта, то спускавшася въ купеческую контору, то восходившаго на Геликонъ, снова засвидѣтельствовало міру, что недостатокъ въ классическомъ образованіи и знакомствѣ съ исторіей ведетъ литератора къ удивительнымъ заблужденіямъ. — Даровитый Еврей Бертхольдъ Ауэрбахъ, пере-

водчикъ Свинозы и превосходный живописецъ однообразнаго загишья, въ какомъ живетъ иногда простой народъ («Шварцвальдскіе сельскіе разсказы»), въ своемъ народномъ календарѣ («Куманѣкъ») обнаружилъ тоже демократическое и антицерковное направленіе. Напротивъ талантливый лирикъ, эпикъ и изслѣдователь исторіи христіанскаго искусства, Готфридъ Кинкель, увлекся демократическимъ водворотомъ только въ 1848 г., и заплативъ за это тюремнымъ заключеніемъ, бѣжалъ наконецъ въ Англию, гдѣ и остался. — Одинъ изъ лучшихъ драматическихъ писателей нашего времени, Фридр. Хеббель изъ Дитмарсена (род. 1813), хотя и консерваторъ въ политическомъ отношеніи, строилъ однакожь свои драмы («Юдишь», «Геновеа», «Марія Магдалина», «Юлія», «Иродъ и Маріамъ», «Трагедія въ Сициліи» и друг.) также на болѣзненныхъ направленіяхъ эпохи и на ея превратномъ міросозерцаніи. Не идеальная сторона человѣка, не благородныя побужденія и не величавые характеры въ борьбѣ съ суровою судьбой составляютъ основу его произведеній, а напротивъ — дикая сила болѣзненно-раздраженныхъ страстей, демоническая мощь зла, безвыходно заключившагося въ себѣ самомъ, и колобродства натуръ поврежденныхъ или извращенныхъ. Міръ его «покинуть Богомъ», лишень всякой радости, вѣры и любви. — Всѣ эти поэты, равно какъ и менѣе извѣстные ихъ подражатели и единомышленники, какъ наприм. провозвѣстникъ женской эманципации, Рудольфъ Готшалъ, стоятъ на одной почвѣ и стремятся къ одной цѣли съ тѣми все отрицающими философами, (§ 817), которые органомъ своей рѣзкой полемики сдѣлали одно время «Галльскія лѣтописи», критическій журналъ, основанный Арнольдомъ Руге. — Противоположное направленіе, отставившее любовь въ отечеству, согласіе народовъ съ властями и необходимость твердой церковной почвы, выставило гораздо менѣе защитниковъ, и притомъ далеко не столь даровитыхъ. Въ числѣ ихъ можно указать на лирика Эмануила Гейбеля, отличающагося глубокимъ чувствомъ, замѣчательнымъ совершенствомъ формы и благозвучіемъ, да еще на Оскара фонъ-Редвица, котораго католико-романтическій эпосъ «Амарантъ» удостоился очень лестнаго пріема и доставилъ благочестивому автору и деньги и отличіе. — Средину между этими двумя направленіями занимаютъ даровитые австрійскіе поэты Цедлицъ, авторъ «Вѣнцовъ умершимъ» и «Ночнаго смотра», Анастасій Грюнь (графъ фонъ-Ауэршпергъ), который въ своихъ «Прогулкахъ вѣнскаго поэта» и въ «Щебнѣ» (Schutt) даетъ намъ глубоко заглянуть въ безотрадную эпоху

Меттернихова управления, однакожь не теряетъ вѣры въ лучшую будущность, и Николай Ленау (Нимбшъ фонъ-Штреленау), котораго полный фантазиумъ подь конецъ омрачился помѣшательствомъ. У нихъ нѣтъ той разрушительной демократической страсти, которая на развалинахъ настоящаго мечтаетъ построить какой-то будущій рай, но зато здѣсь вѣетъ тихая грусть подавленныхъ порывовъ, здѣсь есть достойная борьба противъ притѣснительной политической системы и благородное стремленіе избавить человѣчество отъ мертвящаго застоя и пробудить въ немъ живое участіе къ высшимъ интересамъ.

Образованіе, которое, благодаря продолжительному миру, распространилось даже на низшіе классы народа, и важность, какую приобрѣли литературныя явленія за отсутствіемъ великихъ дѣлъ и событій, втянули въ сферу науки, искусства, литературы и авторства бездну такихъ лицъ, которыя въ другихъ странахъ и при другихъ, болѣе естественныхъ, обстоятельствахъ скорѣе обратились бы къ какой нибудь практической дѣятельности. Женщины не отстали въ этомъ отъ другихъ. Въ письмахъ, стихотвореніяхъ, романахъ, путеописаніяхъ, переводахъ и проч. выступили онѣ на поприще гласности и отстранили почтенный давностью обычай, налагавшій на нихъ молчаніе среди церковныхъ соборіищъ и на міру. При этомъ немногія, подобно лирической стихотворицѣ, Анеттѣ фонъ-Дросте-Гюльсгофъ (1798—1850), сохранили свойственную женской натурѣ задушевную поэтичность, нѣжность чувства и стыдливость; онѣ болѣею частію забывали существенное назначеніе женщины, хватаясь со всей живостью и пыломъ вышедшей изъ себя натуры обыкновенно за самыя крайнія мнѣнія и не мало содѣйствовали къ водворенію тѣхъ болѣзненныхъ, извращенныхъ взглядовъ на многія соціальныя и политическія несообразности, которые составляютъ главный недугъ падкой на реформы молодежи. Еврейка родомъ, принявшая потомъ христіанство и вышедшая замужъ за извѣстнаго біографиста и автора мемуаровъ Фаригагена фонъ-Энсе, даровитая и оригинальная Рахель (1774—1833), возбудила изданными по смерти ея Письмами много шума въ велико-свѣтскихъ кругахъ, гдѣ пикантныя, иногда геніальныя замѣтки, сужденія и изреченія цѣнятся гораздо болѣе, чѣмъ дѣльные взгляды на жизнь, основанные на глубокомъ размысленіи и опытѣ, и гдѣ нападки на самыя естественныя отношенія нерѣдко считаются признакомъ высшей, необыкновенной натуры. Рахель была средоточіемъ одного изъ блистательнѣйшихъ берлинскихъ кружковъ и нерѣдко пользовалась своимъ

положеніемъ въ видахъ истинной благотворительности. Беттина фонъ-Арнимъ (1785—1859), эксцентрическая сестра фантаста Кл. Brentano и жена романтика Ахима фонъ-Арнима, мало-по-малу перешла отъ безпредѣльнаго обожанія Гёте, которое изображено ею въ замѣчательной «Перепискѣ одного ребенка», къ крайнему демократизму, совсѣмъ противоположному съ Гётевскимъ воззрѣніемъ. Ея чрезмѣрная наивность, оригинальничанье и необузданная рѣзвость, которыми она старалась сохранить характеръ дѣтства даже и позднѣйшимъ своимъ произведеніямъ, доказываютъ нездоровое направленіе и слишкомъ напряженную фантазію¹, которыя необходимо должны вести къ заблужденіямъ. Но надо отдать ей справедливость: теплое чувство къ страждущему человечеству сохранила она до конца. Крещеная Еврейка, Фанни Левальдъ, вышедшая потомъ за извѣстнаго писателя Адольфа Штара, въ молодости отличалась тою же воспримчивостью и даровитостью, какъ и соплеменники ея Рахель, Берне и Гейне, но раздѣляла съ ними въ своихъ романахъ и тотъ тревожный скептицизмъ, который во всѣхъ опредѣленіяхъ церкви, гоеударства и общества видитъ только ненужныя помѣхи для личной свободы, тяжкіе узы для ума. Не говоримъ о многіхъ другихъ романисткахъ, менѣе замѣчательныхъ по таланту и направленію.

Выше мы упомянули о блистательныхъ литературныхъ кружкахъ Берлина. Въ самомъ дѣлѣ, особенно первая четверть текущаго столѣтія была въ этомъ отношеніи настоящимъ золотымъ вѣкомъ для Берлина и подняла его на степень метрополи германскаго просвѣщенія. Недавно еще скатилась съ горизонта одна изъ первыхъ звѣздъ той эпохи — неутомимый изслѣдователь земли и вселенной Александръ Гумбольдтъ. Возбужденный имъ Карлъ Риттеръ, своей географіею Азіи совершенно пересоздалъ науку о землѣ. Подобно тому какъ Риттеръ развиваетъ исторію человечества изъ естественныхъ условій земной жизни, возводитъ ее такъ-сказать изъ первобытныхъ основъ землестроенія, такъ точно «Космосъ» Гумбольдта впервые утвердилъ въ обширнѣйшемъ кругу убѣжденіе о тѣсной взаимной связи

¹ О болѣзненномъ и напряженномъ состояніи образованныхъ классовъ въ Германіи тридцатыхъ годовъ даетъ понятіе добровольная смерть даровитой Шарлотты Софій Штиглицъ († 1834), жены поэта Генриха Штиглица, которая наложила на себя руку для того, чтобы какимъ-нибудь глубокимъ потрясеніемъ расшевелить ослабѣвшій талантъ мужа къ болѣе энергической дѣятельности. Разумѣется, это героническое лѣкарство нисколько не обновило бѣднаго Штиглица.

всѣхъ естественныхъ и историческихъ явленій съ жизнію вселенной. Старшій изъ Гумбольдтовъ, Вильгельмъ, замѣчательный политикъ, эстетикъ, и языковѣдъ, скончался еще 1835 г. Изъ множества славныхъ именъ, украшающихъ или украшавшихъ столицу Пруссіи въ послѣднее время, особенно должно назвать братьевъ Гриммовъ, историковъ Раумера, Ранке, Перца и благочестиваго церковнаго бытописателя Неандера. Одинъ изъ первыхъ нѣмецкихъ филологовъ и германистовъ Лахманнъ († 1851) нашель себѣ по смерти достойнаго преемника въ лицѣ Морица Гаупта. По училищной части благотворно дѣйствовалъ, въ духѣ Песталоцци, почтенный Дистервегъ, которому такъ много обязаны всѣ преподаватели въ Германіи.

СОДЕРЖАНІЕ ІХ-го ВЫПУСКА.

	Стр.
II. Французская имперія (1804—1814)	197
§ 745. Императорство	—
1 Третья коалиціонная война	199
§ 746. Новая коалиція, стр. 199.—§ 747. Аустерлицъ. Пресбургскій миръ, стр. 203.—§ 748. Рейнскій союзъ, стр. 214.	
2. Прусская война (1806)	217
§ 749. а) Поводы, стр. 216.—§ 750. б) Йена, стр. 219.—§ 751. в) Эйлау. Фриландъ. Тильзитъ, стр. 224.—§ 752. г) Франція. Россія. Англія, стр. 232.—§ 753. Скандинавскія событія, стр. 233.	
3. Событія на Пиренейскомъ полуостровѣ	236
§ 754. Португалія, стр. 236.—§ 755. Козни въ Байонѣ, стр. 237.—§ 756. Испанская война, стр. 239.—§ 757. Конституція 1812 года, стр. 241.—§ 758. Исходъ войны на Пиренейскомъ полуостровѣ, стр. 243.—§ 759. Плъненіе папы, стр. 244.	
4. Вторая война Наполеона противъ Австріи	246
§ 760. Аспернъ, Ваграмъ, стр. 246.—§ 761. Народная война въ Тироля, стр. 251.—§ 762. Предвѣстія сѣверно-германской народной войны, стр. 257.	
5. Французская имперія на вершинѣ своей силы	263
§ 763.	
6. Война противъ Россіи (1812)	267
§ 764. Поводы къ войнѣ, стр. 267.—§ 765. Походъ Наполеона на Москву, стр. 267.—§ 766. Отступленіе великой арміи, стр. 270.	

Г. ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ И УСТАНОВЛЕНИЕ ИНАГО ПОРЯДКА.	
1. Свержение Наполеона	273
§ 767. Восстание Германии, стр. 274.—§ 768. Война за свободу Германии, стр. 276.—§ 769. Последняя борьба Наполеона (1814), стр. 284.	
2. Учреждение нового порядка	288
§ 770. Торжество легитимизма, стр. 288.—§ 771. Отречение Наполеона, стр. 289.—§ 772. Вѣнский конгрессъ, стр. 291.—§ 773. Созданіа Вѣнскаго конгресса, стр. 292.—§ 774. Первая пора Реставраціи, стр. 298.	
3. Стодневное владычество Бонапарта	300
§ 775. Возвращение Наполеона, стр. 300.—§ 776. Конецъ Мюрата, стр. 302.—§ 777. Ватерло. стр. 303.—§ 778. Конецъ Наполеона, стр. 305.	
4. Реставрація	306
§ 709.	
Д. ЕВРОПЕЙСКІЕ НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА, СЪ УЧРЕЖДЕНІА СВЯЩЕННАГО СОЮЗА ДО ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.	
§ 780. Священный союзъ, стр. 309.—§ 781. Конституція и партіи, стр. 313.—§ 789. Нѣмецкій либерализмъ, стр. 314.	
1. Франція	316
§ 783. Людовикъ XVIII, стр. 316.—§ 784. Карлъ X, стр. 318.—§ 785. Іюльская революція, стр. 319.	
2. Борьбы за конституцію на Пиренейскомъ полуостровѣ .	324
§ 786. Абсолютизмъ и камарилья въ Испаніи, стр. 321.—§ 787. Владычество кортесовъ, стр. 322.—§ 788. Народныя движенія въ Португаліи, Неаполѣ, Сардиніи, стр. 323.—§ 789. Възшательство священнаго союза, стр. 324.—§ 790. Борьба за конституцію въ Португаліи, стр. 326.—§ 791. Исторія южно-американскихъ республикъ, стр. 327.	
3. Германия.	335
§ 792. Противоборство мнѣній въ Германіи, стр. 335.—§ 793. Конституціонное устройство въ Германіи, стр. 340.	
4. Великобританія.	343
§ 794. Англійскія дѣла, стр. 343.—§ 795. Основаніе Англійскаго господства въ Остѣ-Индіи, стр. 347.	
5. Борьба Греціи за свободу	350
§ 796. Священная дружина Ипсиланти, стр. 350.—§ 797. Борьба Греціи до паденія Миссолонги, стр. 352.—§ 798. Исходъ Греческаго возстанія, стр. 353.	

6. Бельгійская революція и возстаніе Польши	355
§ 799. Нидерланды, стр. 355.—§ 800. Польша, стр. 357.	
7. Новая и новѣйшая литература западно-европейскихъ народовъ	364
§ 800. А. Италия, стр. 364.—Б. Англія, стр. 373.—В. Франція, стр. 395.—Г. Германія, стр. 422.	

ВАЖНѢЙШЕ НЕДОСМОТРЫ ВЪ IV ТОМѢ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
32 . . .	13 снизу	Фридрихъ VI	Фридрихъ IV
60 . . .	5 —	Шгальбергъ	Шгольбергъ
77 . . .	20 —	и одобрялъ	одобряла
80 . . .	3 —	было противники . .	противники
273 . . .	20 —	Д.	Г.